

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра прикладной социологии

На правах рукописи

Левченко Илья Евгеньевич

**ГЕНЕЗИС ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ТАНАТОСОЦИОЛОГИИ:
ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

специальность – 5.4.1. Теория, методология и история социологии

Диссертация на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Научный консультант:
профессор, доктор философских наук
Грунт Елена Викторовна

Екатеринбург – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения истории социологии смерти	17
1.1. Танатосоциология как отрасль научного знания.....	17
1.2. Методология и источниковедение истории танатосоциологии.....	52
Глава 2. Истоки танатосоциологии	80
2.1. Зарождение социологии смерти в философии и теологии Античности и Средневековья	80
2.2. Предпосылки социологии смерти в социальной философии Нового времени	107
Глава 3. Становление танатосоциологии во Франции	140
3.1. Возникновение социологии смерти	142
3.2. Психолого-социологический и органицистский анализ смерти.....	167
3.3. Социология смерти в Дюркгеймовской школе.....	192
Глава 4. Формирование социологии смерти в Великобритании и Германии.....	223
4.1. Проблема смерти в ранней британской социологии	223
4.2. Феномен смерти в немецкой классической социологии.....	254
Заключение	286
Библиографический список.....	292
Приложение.....	336

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется вечной проблемой – люди живут от рождения до смерти, рано или поздно покидая этот мир. Личностное измерение неизбежного ухода отягощено бесконечной чередой сообщений в огромном информационном поле о жертвах пандемии, производственных травм, аварий, дорожно-транспортных происшествий, подростковых «групп смерти», тяжких преступлений, трагических межэтнических и межконфессиональных конфликтов, жестоких войн.

Мы все являемся участниками взаимопересекающихся, противоречивых процессов глобализации и локализации. Повседневная гонка на выживание нацелена на обретение достойного места среди сильнейших, наиболее преуспевших. Иллюзия грядущих богатств «заслоняет» вечность и не позволяет усвоить опыт чужих ошибок. Россия стремительно «исчезает», ежегодно теряя свой бесценный человеческий ресурс. Изгнание смерти из жизни влечёт за собой дегуманизацию континуума, свидетельством тому – неподобающее отношение к ушедшим (рост числа невостробованных трупов, усеченные церемонии прощаний, мародёрство и вандализм на кладбищах и т. п.).

В российском социуме сложился ряд противоречий:

во-первых, между высокими показателями преждевременной смертности соотечественников и слабой сформированностью у них установок на самосохранительное поведение;

во-вторых, между убылью населения и неэффективностью демографической политики;

в-третьих, между степенями развитости социологии смерти за рубежом и в отечественной науке;

в-четвертых, между возросшим интересом учащейся молодежи к танатологическим проблемам и отсутствием специализированных курсов по данной тематике в учебных программах учреждений среднего профессионального и высшего образования;

в-пятых, между общественной потребностью в обеспечении отрасли ритуальных услуг квалифицированными кадрами и отсутствием многоуровневой системы подготовки сотрудников для муниципальных, государственных и частных похоронных организаций;

в-шестых, между низким уровнем мемориальной культуры россиян и стремлением государства воспитывать граждан как патриотов своей страны.

Исследуемая проблематика постоянно находится в центре дискуссий на международных и всероссийских конгрессах социологов, что также подтверждает ее актуальность. Изучение феномена смерти в социологии обусловлено желанием специалистов понять сущность процессов, происходящих в социуме. Результативный социологический поиск невозможен без соотнесения рассматриваемых вопросов с проблемой жизни и смерти.

В широком плане анализ феномена смерти может способствовать развитию мировой социологии, показать комплиментарность существующих в ней парадигм и помочь разработке новых интегративных концепций. Определение роли социально-демографических характеристик в процессах социальных взаимодействий имеет и практическую значимость, поскольку формирование адекватных представлений о социокультурном континууме может оказывать терапевтическое воздействие на социальное самочувствие субъектов, на реалистичное оценивание ими своих жизненных шансов и разработку прагматичных стратегий, что, безусловно, создает препятствия на поприще социального манипулирования со стороны популистски настроенных политических сил.

В истории мировой социологии создана плодотворная база идей и концепций по изучению различных аспектов смерти, проведены эмпирические исследования, ориентированные на выявление конкретных причин, характеристик, функций и последствий смерти. В связи с этим, становятся актуальными историко-социологические исследования основных подходов к становлению и развитию социологии смерти в зарубежной и российской науке.

Анализ проблемы смерти в различных школах западноевропейской и российской социологии позволит расширить понимание и актуализацию идей исследователей на (пост)современном этапе развития общества с учетом специфики нынешнего состояния социологического знания.

Степень научной разработанности проблемы определяется ее «вечным» характером и многоаспектностью. В последние десятилетия получили развитие Death Studies как междисциплинарное направление исследований смерти.

В танатологических работах (М. Ф. К. Биша, Р. Л. К. Вирхов, А. В. Демичев, С. А. Корсаков, Р. Л. Красильников, А. П. Лаврин, И. И. Мечников, С. В. Рязанцев, Г. В. Шор и др.) раскрываются причины и закономерности умирания людей, посмертные изменения их организмов, богатство общекультурного опыта осмысления смерти.

В зарубежной (С. Гроф, Э. Кюблер-Росс, В. Э. Франкл, З. Фрейд и др.) и отечественной (Ю. Р. Вагин, Ф. Е. Василюк, А. А. Налчаджян, А. П. Поногребский и др.) психологии смерти исследуются отношение людей к умиранию и смерти, страх смерти, стадии психической смерти личности.

В криминологии (Ю. М. Антонян, Я. И. Гишинский, В. Н. Кудрявцев, Д. А. Шестаков и др.) объясняются причины и условия совершения особо тяжких преступлений, характеризуется личность преступника.

В демографии (А. Блум, В. А. Борисов, А. Г. Вишневский, В. М. Медков, Б. Ц. Урланис и др.) рассматриваются эндогенные, экзогенные и квазиэндогенные причины смертности, ее исторические (архаичный, традиционный и современный) типы, особое внимание уделяется младенческой и женской смертности.

Антропологи (А. К. Байбурин, А. ван Геннеп, Б. К. Малиновский, С. В. Мохов, М. И. Мосс, В. С. Невелева, А. Юбер и др.) подчеркивают, что смерть не является одномоментным актом, она предстает как протяженный во времени процесс.

История смерти (Ф. Арьес, Ю. Л. Бессмертный, Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич, В. А. Исупов, Б. Н. Миронов и др.) отслеживает, как в различные эпохи менялось восприятие смерти и связанные с ней практики.

Благодаря зарубежной (Л. Бинфорд, А. Сакс, Дж. Тэйнтер, Г. Чайлд и др.) и отечественной (Н. И. Бармина, Н. А. Берсенёва, А. Г. Герцен, Л. С. Клейн, О. Н. Корочкова, Ю. А. Смирнов, В. И. Стефанов и др.) археологии смерти можно понять особенности погребальных обрядов прошлого и определить социальный статус умерших.

В иностранных (А. Ассман, М. Блэк, И. Паперно, И. Рейфман, К. Л. Харт Ниббриг, Н. Тумаркин, А. Эткинд и др.) и российских (Вяч. Вс. Иванов, Ю. М. Лотман, О. А. Седакова, М. М. Фёдорова, Т. В. Чередниченко, Г. Ш. Чхартишвили и др.) культурологических исследованиях отражена многоликость феномена смерти и своеобразие танатологической культуры.

Чрезвычайно широк круг танатофилософских работ. К осмыслению социальных аспектов смерти в античной философии обращались Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Тит Лукреций Кар, Марк Туллий Цицерон и Луций Анней Сенека, в философии Возрождения — Н. Макиавелли и Т. Мор, в социальной философии Нового времени — Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк, А. Смит, Ш.-Л. де Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, А. де Сен-Симон и др.

Комплексный анализ вопросов (включая танатофилософские) по истории философии осуществили зарубежные (Д. Антисери, Х. Арндт, Ж. Батай, М. Бур, Ж.-П. Вернан, Г. Ирриц, А. Кожев, М. Ласки, Б. Рассел, Дж. Реале, К. Поппер и др.), отечественные (В. Ф. Асмус, Л. М. Баткин, А. С. Богомолов, В. В. Бычков, А. В. Гулыга, А. Ф. Лосев, М. К. Мамардашвили, Б. В. Мееровский, И. С. Нарский, Т. И. Ойзерман, В. И. Рутенбург, В. В. Сапов, В. В. Соколов, М. А. Юсим и др.) и уральские (С. Е. Вершинин, А. С. Гагарин, Е. В. Грунт, В. Т. Звиревич, А. Г. Кутлуниин, К. Н. Любутин, В. С. Невелева и др.) ученые.

В христианской теологии штудии, посвященные смерти, провели Аврелий Августин, Бертольд Регенсбургский, Фома Аквинский, М. Лютер, Ж. Кальвин и др.

Феномен смерти в истории богословской мысли глубоко рассматривался зарубежными (Г. Брендлер, Г. Кюнг, Э. Жильсон, А. Макграт, П. Тиллих, Э. Трельч и др.) и отечественными (В. А. Бачинин, С. А. Исаев, В. В. Лазарев, Г. Г. Майоров, Н. В. Ревуненкова, Э. Ю. Соловьев и др.) исследователями.

В религиоведении имеется множество работ (С. А. Токарев, Дж. Фрэзер, А. А. Хисматулин, М. Элиаде, И. Н. Яблоков и др.), посвященных анализу репрезентации феномена смерти в различных религиях.

Проблематику социологии смерти можно обнаружить в трудах классиков французской (Р. Вормс, Р. В. Герц, Ж. А. де Гобино, Д. Э. Дюркгейм, И. М. О. Ф. К. Конт, Ш.-М. Г. Лебон, Ф. Ле Пле, Ш. Ж. М. Летурно, Ж. В. де Ляпуж, Ж.-Г. де Тард, М. Хальбвакс и др.), британской (Г. Мартино, Д. С. Милль, Г. Спенсер, Х. С. Чемберлен и др.) и немецкой (О. Г. Аммон, М. К. Э. Вебер, Л. Вольтман, Г. Зиммель, К. Г. Маркс, Ф. Тённис, Ф. Энгельс и др.) социологии.

Плодотворные историко-социологические изыскания провели иностранные (Р. Арон, Э. Гидденс, А. У. Гоулднер, Р. Дарендорф, Л. Козер, Д. Ла Капра, Ю. Каубе, С. Люкс, Р. К. Мертон, М. Пиккеринг, Дж. Ритцер, П.-А. Тагиефф, Е. Шацкий и др.), дореволюционные отечественные (С. Н. Булгаков, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, Н. К. Михайловский, Е. В. Де Роберти, В. С. Соловьев, П. А. Сорокин и др.), современные российские (Г. С. Батыгин, В. А. Бачинин, А. Б. Гофман, Ю. Н. Давыдов, Б. З. Докторов, Л. Г. Ионин, А. И. Кравченко, Е. В. Осипова, Д. Г. Подвойский, Н. Л. Полякова, А. Ф. Филиппов, В. Ф. Чеснокова и др.) и уральские (Е. С. Баразгова, С. Ю. Вишневский, В. А. Глазырин, Г. Е. Зборовский, Е. В. Прямикова и др.) ученые.

За рубежом весомый вклад в разработку социологии смерти внесли представители неоклассической (Т. Л. В. Адорно, Г. Маркузе, Я. Л. Морено, У. Л. Уорнер, М. Хоркхаймер и др.), постклассической (З. Бауман, М. Керл, М. Малкей, О. Паттерсон, Н. Элиас и др.) и неклассической (П. Л. Бергер, Ж. Бодрийяр, Б. Глезер, Т. Лукман, А. Стросс, Т. Уорнер и др.) парадигм.

Значительный интерес представляют публикации современных отечественных исследователей по социологии смерти (М. Э. Елютина, Л. Г.

Ионин, Л. Н. Коган, Д. М. Рогозин, С. В. Филиппова и др.), а также по социологии медицины и здравоохранения (Н. Л. Антонова, М. В. Клеймёнов, А. В. Меренков и др.), социологии социальной работы (Е. Б. Архипова, А. В. Старшинова, Н. Г. Чевтаева и др.).

Вместе с тем изучение историко-философской, историко-богословской, историко-социологической и критико-аналитической литературы показало, что в России не публиковались монографические и диссертационные исследования исторического и теоретико-методологического характера по социологии смерти. Это обуславливает теоретическую актуальность историко-социологического анализа генезиса социологии смерти. Это предопределило выбор темы, объектно-предметную область исследования, его цель и задачи.

Объект исследования – предыстория и история западноевропейской классической социологии.

Предмет исследования: генезис западноевропейской танатосоциологии.

Целью диссертационной работы является историко-социологический анализ истоков и становления западноевропейской танатосоциологии.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- 1) охарактеризовать танатосоциологию как отрасль научного знания;
- 2) структурировать танатосоциологию;
- 3) определить сущность и виды социальной смерти;
- 4) осуществить танатосоциологическую классификацию похорон, погребений и кладбищ;
- 5) разработать методологию и источниковедение изучения истории танатосоциологии;
- 6) рассмотреть философские истоки социологии смерти;
- 7) выявить теологические корни социологии смерти;
- 8) исследовать предпосылки социологии смерти в социальной философии Нового времени;
- 9) раскрыть содержание контизма как первоисточника танатосоциологии;

- 10) показать особенности формирования социологии смерти во Франции;
- 11) проанализировать становление танатосоциологии в Великобритании и Германии.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования является сочетание нескольких подходов: проблемного, антропологического, феноменологического, танатосоциологического, структурно-функционального, историко-философского, историко-богословского, историко-социологического, институционального и неинституционального. При этом история танатосоциологии рассматривается в общем контексте социально-исторического и социокультурного процесса в качестве его неотъемлемой части.

В диссертации применялись следующие **методы исследования**: генетический, периодизации, биографический, компаративистский, реконструктивный, источниковедческий и традиционный анализ документов.

Источниковую базу диссертационного исследования составило творческое наследие классиков западноевропейской философии, теологии и социологии.

Научная новизна диссертационной работы заключается в выявлении генезиса танатосоциологии в рамках философии и теологии Античности, Средневековья, Возрождения и Реформации, социальной философии Нового времени и западноевропейской классической социологии.

Основные научные результаты, полученные автором и содержащие новизну, состоят в следующем:

1. Предложена авторская трактовка сущности танатосоциологии как отрасли социологического знания с учетом ее места в системе Death Studies и социологической науки.
2. Впервые в науке осуществлено структурирование танатосоциологии и выделен ряд ее субдисциплин.
3. Обоснована авторская интерпретация феномена социальной смерти и ее видов.

4. Впервые в танатосоциологии выстроена классификация похорон, погребений и кладбищ.

5. Разработана авторская методология исследования и источниковедения истории западноевропейской танатосоциологии, которая может быть применена в историко-социологических исследованиях другой направленности.

6. Исследовано зарождение социологии смерти в философии Античности и Возрождения.

7. Установлены истоки социологии смерти в христианской теологии Античности, Средневековья и Реформации.

8. Охарактеризованы предпосылки социологии смерти, содержащиеся в социальной философии Нового времени.

9. Раскрыто содержание контизма как первоисточника танатосоциологии.

10. Выявлена специфика становления танатосоциологии в рамках развития социологической мысли во Франции.

11. Определены особенности философско-социологического анализа смерти в Великобритании и Германии.

В соответствии с обозначенными выше пунктами научной новизны **на защиту** выносятся следующие **положения**:

1. Танатосоциология — это отрасль социологического знания, изучающая место и роль феномена смерти в жизни общества, взаимодействие социальных субъектов в системе отношений к нему, формы организации похорон, духовные и социальные связи с умершими, обусловленные объективными и субъективными факторами.

Главное отличие социологического анализа феномена смерти заключается в рассмотрении: а) взаимодействия социальных субъектов при столкновении со смертью, отношения и подготовки к ней; б) ожиданий того, что происходит после смерти; в) возможностей отдаления смерти с помощью особого образа жизни, самосохранения и воскрешения; г) связей с умершими в формах прощания, погребения, сбережения памяти о них; д) влияния мертвых на живых,

2. Танатосоциология включает следующие субдисциплины – моросоциологию, социологию социальной смерти, социологию ненасильственной смерти, социологию насильственной смерти, социологию похорон и некросоциологию.

3. Социальная смерть выступает как процесс и результат самоустранения и/или исключения социального субъекта из жизни социума, в значительной степени детерминируемые состоянием социокультурного континуума. Ее инвариантами являются гражданская, политическая, экономическая и духовная смерть.

4. Целесообразно классифицировать социологическое исследование смерти как социокультурного явления по ряду критериев: а) похороны — количество усопших, пол, возраст, семейное положение умершего, брачный и социальный статусы покойного, причины и обстоятельства смерти, законность, открытость, организация, технологии, церемониал, характер, условия, присутствие, способы, перемещение, территория, продолжительность, время суток, сезон года, уровень затрат, численность участников мероприятия; б) погребения — период, способ, расположение, размещение, место, устройство, конструкция, форма, благоустройство, сохранность, количество погребенных, пол, возраст, брачно-семейный, трупоположение, ориентация, заполнение, обстоятельства, структура, порядок захоронения, конфессиональный; в) кладбища — период, организация, состояние, принадлежность, статус, ландшафт, расположение, состав, тип погребений, благоустройство, историко-культурное назначение, состояние.

5. Эвристичность при изучении истории западноевропейской танатосоциологии обеспечивается применением методологии, сочетающей историко-философский, историко-богословский, историко-социологический, институциональный и неинституциональный подходы, использованием результатов анализа письменных, фонографических, визуальных, вещественных и антропологических источников.

6. Установлено, что в античной философии впервые были теоретически осмыслены и обоснованы основные формы рационального отношения к смерти:

а) «синтетическое», соединявшее сожаление о завершении жизни и осознание смерти как естественного итога развития болезней и старости и/или закономерного/случайного результата войн, чрезвычайных обстоятельств и т. п. (платонизм, аристотелизм, цицеронизм); б) безразличие к смерти перед лицом всеобщей смертности (эпикуреизм); в) принятие смерти как избавления от страданий (стоицизм).

7. Выяснено, что в античном и средневековом христианском богословии доминировали представления: а) о духовной смерти как богооставленности; б) о физической смерти как зле и благе: у человека как творения Божьего при смерти в воздаяние за грехи душа расстается с телом и он неизбежно переходит из мира посюстороннего (состояния пред-жизни) в потусторонний (жизнь вечную). Теологи детально регламентировали порядок похорон, безусловно осуждали суицид, оправдывали жестокие меры наказания преступников и ведение войн против еретиков и неверных. В теологии Реформации акцентируется способность людей вести добродетельный деятельный образ жизни, избавляться от страха смерти, размышляя о ней, и достойно встретить последний час (надежда на помощь Господа), в иных случаях смерть – справедливое возмездие за содеянное.

8. Утверждается, что в социальной философии Нового времени наблюдается обогащение идей предшествующих мыслителей о границах допустимого и порицаемого – суициде и эвтаназии, смертной казни и войне. Произошел поворот к естественнонаучному объяснению смерти, наряду с которым сохранялись идеалистические трактовки феномена, значительное внимание уделялось анализу этико-правовых, социально-медицинских и психолого-педагогических аспектов проблемы смерти. На танатологические взгляды философов значительное влияние оказали обстоятельства их жизненных судеб и религиозные воззрения. Благодаря успехам, достигнутым в точных и естественных науках, присущие им методология (антителеологизм, рационализм, материализм) и исследовательские методы (наблюдение, эксперимент) стали активно применяться и в социально-гуманитарном знании.

9. Доказано, что О. Конт сформировал позитивизм как синтез науки, Религии Человечества и социальной политики, посредством которого общество преодолеет кризисное состояние, встанет на путь прогресса, «соединит» живых и умерших. Ученый определил контуры социологического исследования феномена смерти, где сочетались спекулятивно-философский и социолого-реалистический подходы. По сути, он заложил основы новой науки как социологии жизни и смерти.

10. Показано, что важнейшую роль в становлении танатосоциологии в рамках развития социологической мысли во Франции сыграли представители позитивистски ориентированных (расово-антропологическое, органицистское, психологическое) и католического направлений, Дюркгеймовской школы. Этому способствовал ряд факторов: преподавание специальных курсов в университетах, открытие специализированных журналов, создание профессиональных сообществ, проведение конгрессов, что расширило возможности исследователей для обсуждения танатосоциологических проблем. Им принадлежит заслуга в углублении социологического познания феноменов «физиологическая смерть», «естественная смерть» и «социальная смерть», насильственной смерти (суицид, жертвоприношение, террор), погребальных практик, траура и коллективной памяти. Становление танатосоциологии протекало в условиях дифференциации и вычленения новых дисциплин (девиантологии, криминологии, суицидологии) и отраслевых социологий — религии, морали, права, войн и др.

11. Определено, что изначально британская социология смерти ориентировалась преимущественно на нерелигиозный позитивизм, благодаря этому возникло несколько плодотворных методологических подходов (Г. Мартино, Г. Спенсер) к анализу смерти, развивалась прикладная танатосоциология. С одной стороны, ряд ученых внес существенный вклад в общественно-политическую борьбу против рабства и дискриминации, с другой стороны, отдельным исследователям был присущ расизм, антисемитизм и антигуманизм. Танатосоциологические изыскания и распространение информации о них в обществе стимулировали социальное служение и

социальную работу как формы оказания помощи людям в случае социальной смерти.

12. Раскрыто, что в объединенной Германии начались полевые исследования организации взаимодействия социальных субъектов при реализации некрологических практик, возникли профессиональные объединения, участники которых изучали феномены ненасильственной и насильственной смерти. Здесь впервые вне позитивистской традиции были разработаны оригинальные теории смерти (марксистская, формально-социологическая и веберовская).

Теоретическая значимость исследования. Разработанные автором концептуальные положения социологического анализа феномена смерти, методология и источниковедение исследования истории западноевропейской социологии смерти конституируют танатосоциологию как новую отрасль в системе российского научного знания, что стимулирует развитие Death Studies в нашей стране.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть применены для совершенствования деятельности по формированию и развитию самосохранительного поведения населения и систем профилактики социальной смерти в медицинских учреждениях, институтах социального служения и социальной работы, для повышения качества деятельности ритуальных организаций.

Материалы исследования также могут быть использованы при разработке учебных курсов «История социологии», «Методология социологического исследования», «Танатосоциология» и «Теория социальной работы» для студентов высших учебных заведений.

Достоверность результатов, полученных в ходе диссертационного исследования, обеспечивается методологической обоснованностью исходных теоретических положений, использованием методов и процедур сбора, обработки и анализа данных, релевантных поставленным цели и задачам.

Соответствие темы диссертации требованиям Паспорта специальности ВАК. Исследование выполнено в рамках специальности – 5.4.1. Теория,

методология и история социологии и соответствует формуле Паспорта специальности в следующих пунктах: 1. Предыстория теоретической социологии в социально-философских концепциях, начиная с античности; 4. История зарубежной социологической мысли, включая западноевропейские, американские, восточные социологические школы; 6. Теоретические подходы классиков в их современном «прочтении», то есть их применение к исследованиям современности; 7. Критический анализ, развитие и/или разработка современных теоретико-методологических подходов в общей и отраслевой социологии (общетеоретические исследования) и в новых направлениях социологических исследований; 13. Использование приемов и техник анализа, заимствуемых из других дисциплин, в применении к социальным данным; 14. Обнаружение путем социологического исследования новых социальных явлений, процессов, тенденций, для которых отсутствуют соответствующие теоретические и методологические подходы и объяснения; 15. Разработка категориального аппарата для исследования социальных явлений и процессов в современном российском обществе.

Апробация и внедрение результатов исследования. Концепция и основное содержание диссертации отражены в разделах двух коллективных монографий, статьях в периодических изданиях и сборниках. Всего публикаций 56, общий объем – 21,2 п. л., в том числе, 18 научных статей опубликовано в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ, из них 3 статьи в международных базах Web of Science и Scopus.

Основные положения и выводы диссертации докладывались на конференциях, научных симпозиумах, семинарах и конгрессах, в том числе, 22 международного уровня: «Коллизии свободы в постиндустриальном обществе» (Екатеринбург, 2003), «Информационная эпоха: Мир-Россия-Урал» (Екатеринбург, 2004), «Между прошлым и будущим» (Екатеринбург, 2005), «Власть и властные отношения в современном мире» (Екатеринбург, 2006), «Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и

практиках» (Екатеринбург, 2007), «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (К 100-летию Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского)» (Санкт-Петербург, 2016), «Социально-демографические процессы в глобальном мире: современная стратегия Российского государства и основные направления ее реализации в Сибири и на Дальнем Востоке» (Иркутск, 2017), «Социальные науки и информатизация» (Москва, 2017), «Культура и образование: социальная трансформация и мультикультурная коммуникация» (Москва, 2019), «Пространства социальной напряженности, глобальные и региональные вызовы и акторы устойчивого развития в современную эпоху: стратегические консенсусные взаимодействия и новые прорывы» (Иркутск, 2020), «Цивилизационные сдвиги в пространстве города: традиции и проектирование будущего» (Иркутск, 2021), «Взаимосвязь глобальных и региональных воздействий в системе современных обществ: трансформации социальных пространств, социально-демографические изменения и пандемические процессы» (Иркутск, 2021), «Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура в условиях мирового кризиса» (Иркутск, 2022), VIII и XVIII-XXV конференциях «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» памяти профессора Л. Н. Когана (Екатеринбург, 2005, 2015-2022); 4 всероссийского: «Современная Россия: путь к миру – путь к себе» (Екатеринбург, 2008), IX-XI Ковалевские чтения (Санкт-Петербург, 2014, 2015, 2017).

Структура работы определена логикой исследования и последовательностью решаемых задач. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих 9 параграфов, заключения, библиографического списка и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ СМЕРТИ

1.1 Танатосоциология как отрасль научного знания

Обращение к танатосоциологическим изысканиям предполагает, прежде всего, выявление содержания понятия «смерть». По мнению этимологов, слово «смерть» имеет общеславянское происхождение («мърть») и образовано с помощью приставки «съ», которую следует связывать с древнеиндийским словом «su» – «хороший, благой». Древнерусское слово «съмърть» первоначально означало «своя, хорошая смерть» (в смысле – умереть своей смертью)¹.

Толковый словарь В. И. Даля дает следующее определение смерти: «Конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом, умирание, состояние отжившего. Смерть человека, конец плотской жизни, воскресение, переход к вечной, к духовной жизни»². Таким образом, в XIX столетии интерпретация смерти производилась, в первую очередь, с религиозных позиций.

В XX веке была произведена «атеизация» термина, его содержание оскудело за счет «изъятия» религиозной составляющей и приоритетным стало естественнонаучное объяснение. Так, согласно словарю С. И. Ожегова, смерть – это «прекращение жизнедеятельности организма»³. В современных словарях романо-германских языков также доминируют «натуралистические» истолкования термина, например, в английских – «конец жизни человека или организма»⁴; «полное и постоянное завершение всех жизненно важных функций организма»⁵. Итак, в дискурсе естественнонаучного характера акцент сделан на финализме индивидуального существования, на фиксируемости прекращения жизни тела.

¹ См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 (Муза - Сят) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. С. 685.

² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Том 4: Р-Я. М.: РИПОЛ классик, 2006. С. 132.

³ *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 27-е изд., испр. М.: Изд-во АСТ : Мир и Образование, 2018. С. 1016.

⁴ Death [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/death> (дата обращения: 12.08.2017).

⁵ Death [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionary.com/browse/death?s=t> (дата обращения: 12.08.2017).

Но такой же подход присущ обществоведам и гуманитариям. Например, в «Стэнфордской философской энциклопедии» смерть интерпретируется как «окончание жизненных процессов, посредством которых организм поддерживает себя». Однако «окончание жизни» может рассматриваться неоднозначно: 1) как процесс, при котором наши жизни постепенно угасают, пока, наконец, они не исчезнут; 2) как кратковременное событие: а) окончание процесса умирания – «развязка смерти»; б) точка в процессе умирания, когда уход гарантирован, независимо от того, что делается, чтобы остановить его – «порог смерти»; в) жизнь заканчивается тогда, когда физиологические системы организма необратимо перестают функционировать как единое целое – «интегрированная смерть»¹.

В «Большом социологическом словаре “Collins”» «смерть и умирание» означают «прекращение жизни, которое на сегодняшний день определяется медициной как “смерть мозга”»².

Т. Лоусон и Д. Гэррод отмечают, что «развитие медицинских технологий делает вопрос о дефинициях более сложным», потому что «существование аппаратов искусственного поддержания жизнедеятельности организма ставит перед приверженцами других определений ряд эмоционально-психологических проблем»³.

Российский «Социологический энциклопедический словарь» содержит следующее определение: «Смерть – необратимое прекращение жизнедеятельности организма, неизбежная заключительная стадия его существования»⁴.

Чаще всего смерть рассматривается сквозь призму ее стадийности и через ее соотнесение и противопоставление жизни. Многогранность, противоречивость и неоднозначность человеческого существования ведет к тому, что невозможно

¹ Death [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/death/> (дата обращения: 12.08.2017).

² Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь. Collins. Т. 2, П-Я / пер. с англ. М.: Вече : АСТ, 2001. С. 208-209.

³ Лоусон Т., Гэррод Д. Социология. А-Я: Словарь-справочник / пер. с англ. М.: ФАИР-Пресс, 2000. С. 423.

⁴ Социологический энциклопедический словарь : На рус., англ., нем., фр. и чеш. яз. / Ред.-координатор Г. В. Осипов. М.: ИНФРА-М : НОРМА, 1998. С. 324.

дать одного единственно верного определения смерти. Поэтому отчасти согласимся с мнением Н. В. Миньковой: «Категория “смерти”, как не имеющая реальной объективации, является полем для языковых игр и симулякрот смерти»¹.

Очевидно, что любые рассуждения и изыскания о смерти являются «внешними», так как с «той стороны» никто и никогда не возвращался. Поэтому информацию и выводы об этом феномене следует заведомо отнести к разряду неполных и не вполне достоверных. Задача специалистов заключается в максимально возможном раскрытии вечной тайны — смерти — при строгом соблюдении этических норм исследований.

С известной долей уверенности можно утверждать, что смерть выполняет ряд важных социальных функций: 1) регулятивную — определяет численность членов социума; 2) «формообразующую» (Г. Зиммель) — задает смыслы существования социальных субъектов; 3) исключения — выведения личности (социальной группы) за пределы общества; 4) наказания — мера воздействия, обеспечивающая безопасность общества и государства; 5) уничтожения — сокращение количества истинных и мнимых врагов; 6) утилизации — устранение больных и нежизнеспособных; 7) устрашения — средство воздействия на общественное сознание; 8) выбора — избавление от страданий или самопожертвование; 9) индивидуализации — утверждение собственной субъектности и уникальности; 10) социализации — приобщение и сопричастность социальной целостности; 11) эгалитарную — учреждение «финального равенства» между членами общества; 12) коммуникативную — «восстановление» связи с близкими и/или Абсолютом; 13) экономическую — оптимизация расходов и потребления, стимулирование соответствующих отраслей производства и услуг; 14) политическую — консолидация/дезинтеграция сторонников некой политической силы.

¹ Минькова Н. В. Репрезентация смерти и коды позднесредневековой «макабрической культуры» в социокультурной реальности рубежа XX-XXI веков. Автореферат диссертации ...к.ф.н. М., 2010. С. 6.

Основываясь на проведенных изысканиях, можно классифицировать смерть по ряду оснований (табл. 1.1.1):

Таблица 1.1.1

Классификация смерти

<i>№</i>	<i>Критерий</i>	<i>Типы</i>
1	Природа	социальная, психическая, физическая (физиологическая)
2	Стадия	клиническая, смерть мозга, биологическая (истинная)
3	Количество	индивидуальная, групповая, массовая, тотальная
4	Время	внезапная, скоропостижная, преждевременная, естественная
5	Характер	насильственная, ненасильственная
6	Причина	от повреждений, от заболеваний
7	Этический	достойная, позорная

В последние десятилетия в зарубежной науке сформировались Death Studies, которые «включают в себя огромное количество самых разнообразных направлений и тем – от классической антропологии с акцентом на ритуальных практиках до исследований репрезентации смерти и умирания в медиа»¹.

Ядром Death Studies является танатология, в литературе сложились две трактовки этой науки:

1) представители «узкого» подхода (М. Ф. К. Биша, Р. Вирхов, С. А. Корсаков, И. И. Мечников, Г. В. Шор и др.) полагают, что это «раздел теоретической и практической медицины, изучающий состояние организма в конечной стадии патологического процесса, динамику и механизмы умирания, непосредственные причины смерти, клинические, биохимические и морфологические проявления постепенного прекращения жизнедеятельности организма»²;

2) сторонники «широкого» подхода (А. В. Демичев, Р. Кастенбаум, А. П. Лаврин, С. В. Рязанцев и др.) отстаивают мультидисциплинарность танатологии, включая в ее состав биологию, медицину, психологию, социологию, экономику и др. При этом ряд специалистов считает, что танатология состоит из двух частей – гуманитарной и естественнонаучной. Например, по мнению Р. Л.

¹ Мохов С. В. Ситуация с «death studies» в современной науке // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 229. DOI: 10.18522/2500-3224-2016-4-229-236.

² Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. Б. В. Петровский. Т. 24. Сосудистый шов – Тениоз. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 323.

Красильникова, гуманитарная танатология – это «междисциплинарная область научных исследований», «связанная с осмыслением сущности смерти, ее причин и механизмов, изучением исторических и современных стратегий ее понимания»¹.

Дискуссии по этому вопросу отражают не только многогранность феномена смерти, но и продолжающийся процесс институализации научного знания о нем.

Многовековой опыт раздумий о смерти воплощен в богословских трудах. Теология делает акцент на бессмертии души, чаще всего, согласно религиозным представлениям, смерть есть переход к новой жизни. По сути, в богословской традиции смерть – это расплата за грехи, а воскресение – милость Божья. Теологические новации, переосмысливающие последствия «смерти Бога»², способствуют углублению танатотеологических дискуссий, но не отменяют главного – сотериологического аспекта богословского знания.

Философская рефлексия обосновала фундаментальное различие между органической жизнью и человеческим существованием, выявила особенности определения смысла жизни и смерти.

Мы разделяем точку зрения А. С. Гагарина, который утверждает: «Смерть как экзистенциал постигается как тотальный предел (витальный, чувственный, духовный), который требует личностного отношения, преодоления, творческого самосозидания. Выделяются основные интерпретации экзистенциала смерти в контексте взаимосвязи смерти и бессмертия: во-первых, смерть как небытие, во-вторых, смерть как инобытие Я, с его модификациями – биологическим, творческим, теологическим»³.

Танатофилософия XX-XXI веков, онтологизировавшая и индивидуализировавшая смерть, объясняет механизмы возможного изменения отношения личности к смерти – отказ от страха и ужаса и готовность к сопротивлению. Это позволяет использовать ее в качестве «фундамента» для

¹ Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию). М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 37.

² См.: Альтицер Т. Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма / Пер. с англ. М.: Канон+, 2010.

³ Гагарин А. С. Экзистенциалы человеческого бытия: Одиночество, смерть, страх: От Античности до Нового времени. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.

реализации разнообразных исследовательских проектов танатологической направленности.

Первые танатопсихологические представления формулируются уже в Античности¹ и к XX веку новая отрасль науки обрела свое «лицо». С точки зрения основателя психоанализа, в человеке проявляется два стремления – «тяга к жизни» (*libido*) и «тяга к смерти» (*mortido*) – присущие индивиду бессознательные тенденции, направленные либо к саморазрушению, либо против объектов вне его².

А. А. Баканова определила пять ведущих направлений танатопсихологических исследований: «1) содержательный – изучение отношения к смерти, представлений о смерти и ее восприятия, установок, различных аспектов переживаний; 2) генетический – анализ динамики психических явлений и состояний, связанных с репрезентацией феномена смерти в психике человека, в контексте возрастных особенностей; 3) сравнительный – изучение танатопсихологической проблематики во взаимосвязи с индивидуально-личностными, психологическими и социокультурными особенностями; 4) деятельностный – рассмотрение особенностей психических явлений и состояний в контексте профессиональной деятельности, предполагающей опыт столкновения со смертью; 5) ситуационный – выявление особенностей репрезентации феномена смерти в зависимости от различных жизненных ситуаций, предполагающих столкновение со смертью»³.

Современные антропологи смерти сосредоточились на изучении следующих тем: 1) смерть и умирание; 2) скорбь, горе и траур; 3) погребальные обряды⁴.

Безусловно, к числу дисциплин *Death Studies* относится демография. Смертность определяется демографами как «массовый процесс, складывающийся

¹ Левченко И. Е., Богачев А. Н. Генезис танатопсихологии // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2018. № 4. С. 155-163.

² Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / пер. с нем. М.: Наука, 1989.

³ Баканова А. А. Танатопсихология – перспективное направление научных исследований [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 4526–4530. URL: <http://e-concept.ru/2014/55170.htm> (дата обращения: 12.08.2017).

⁴ Роббен А. Антропология смерти в XXI веке: обзор литературы // Археология русской смерти. 2016. № 2. С. 233-247.

из множества единичных смертей, наступающих в разных возрастах и определяющих в своей совокупности порядок вымирания реального или гипотетического поколения»¹.

Смерть, как правило, не бывает «безликой». В геронтологии старение рассматривается как интегральный процесс, создаваемый онтогенетическими и аккумуляционными механизмами, на которые в свою очередь влияют генетические и экологические факторы. Различают вероятностные (стохастические) теории и теории программированного старения. Выделяют четыре общих типа старения: 1) недостаточность проточности системы («загрязнение» организма); 2) недостаточность действия отбора для сохранения только нужных структур в пределах данной системы; 3) недостаточность самокопирования элементов системы (гибель необновляющихся элементов организма); 4) ухудшение функции регуляторных систем².

Геронтологические исследования способствуют адекватному пониманию не только физиологических процессов, «направляющих» организмы пожилых и старых людей к смерти, но и драм одинокого и беспомощного существования представителей старшего поколения, трагедий их ухода в мир иной.

Гендерология смерти объясняет социальные причины разницы продолжительности жизни и преждевременной смертности у прекрасной и сильной «половин» человечества: если в прошлом преимущество было у мужчин, то в настоящем – у женщин.

Изучение смертности невозможно без данных статистики. При анализе смертности в социальной статистике основное внимание уделяется следующим вопросам: «1) выявление основных закономерностей ее снижения; 2) анализ динамики ее показателей; 3) особенности влияния половозрастной структуры на показатели смертности; 4) исследование специфики смертности городского и сельского населения; 5) изменение структуры смертности от отдельных причин смерти; 6) определение действия различных факторов на снижение смертности;

¹ Народонаселение: Энциклопедический словарь / гл. ред. Г. Г. Меликьян. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 448.

² См.: Анисимов В. Н. Молекулярные и физиологические механизмы старения. В 2-х т. СПб.: Наука, 2008.

7) изучение младенческой смертности; 8) характеристика сезонности смертности; 9) региональные различия в уровне и структуре смертности и др.»¹.

Важное место в пространстве рационального знания о смерти занимает суицидология – наука, изучающая суицидальное поведение и способы предотвращения самоубийств. Существуют несколько базовых концепций, объясняющих суицидальное поведение: 1) психопатологическая; 2) социально-психологическая; 3) социологическая; 4) социокультурная.

Убийство как насильственное лишение жизни кого-либо традиционно рассматривается в криминологии. Отметим, что Д. Гроссман попытался обосновать существование киллологии – науки об убийстве (1996). Обобщив свой опыт подготовки солдат, офицер армии США предложил выделить в качестве самостоятельного поля изучения воздействие психологических и физиологических факторов участия в бою на психику бойца, убивающего противников².

Закономерно, что в круг Death Studies входит и правовая танатология. Это обусловлено не только применением институтов эвтаназии и смертной казни, но и тем, что необходимо, во-1, зафиксировать смерть гражданина, во-2, определить юридические последствия его смерти в соответствии с нормами уголовного и наследственного права. Совершенствование нормативно-правового регулирования трансплантации органов, захоронения умерших и другие вопросы такого рода актуальны всегда³.

Представитель исторической школы «Анналов» Ф. Арьес установил четыре параметра, детерминирующие отношение людей к смерти: а) самосознание; б) защита общества от дикой природы; в) вера в загробное существование; г) вера в существование зла. По его мнению, развитие массовых представлений о смерти включает пять этапов: 1) «прирученная смерть» (Архаика – XI в.); 2) «смерть

¹ Статистика населения с основами демографии: учебник. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 158-159.

² См.: *Ефремов О. Ю., Зверев С. Э.* «Killology» - наука об убийстве в психолого-педагогической подготовке силовых структур США // *Современные исследования социальных проблем.* 2015. № 10. С. 268-282.

³ См., например: *Антонова А. С., Сюткин Г. Н.* Региональные проблемы нормативно-правового обеспечения ритуально-похоронного дела // *Вестник академии (Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы).* 2012. № 1. С. 73-76; *Миллеров Е. В.* О некоторых аспектах оптимизации административной ответственности за незаконное захоронение тел умерших // *Проблемы права.* 2011. № 4 (30) и др.

своя» (XII-XVII вв.); 3) «смерть далёкая и близкая» (Век Просвещения); 4) «смерть твоя» (период романтизма); 5) «смерть перевёрнутая» (XX в.). Хотя данная периодизация неоднократно подвергалась справедливой критике за схематизм и неполноту источниковой базы, она интересна с методологической точки зрения. Поэтому трудно согласиться с медиевистом А. Я. Гуревичем, заявившим, что «самодовлеющей “истории смерти” не существует, а потому ее невозможно и написать»¹.

Со второй половины XX века в археологии активно разрабатывается социальный (Н. А. Берсенёва, В. М. Массон, Г. Чайлд и др.), формализованный (И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер и др.) и «синтетический» (Н. И. Бармина, В. Г. Генинг, А. Г. Герцен, Л. С. Клейн, О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов и др.) подходы к анализу обнаруженных материалов, в том числе, погребальных. Проведенные дискуссии нацеливают на всестороннее рассмотрение результатов раскопок.

Так, специалисты сделали ряд обоснованных выводов: 1) «появление обряда погребения имело универсальный характер, а повсеместное распространение этой практики в целом приходится на периоды резкого увеличения плотности населения, вызванного становлением стабильной системы жизнеобеспечения»; 2) «погребальный культ выполнял функции, направленные на консолидацию коллективов»; 3) «усложнение мифоритуальной практики» обусловлено «коренными изменениями в культуре» общин².

Оригинальный подход к анализу элементов научного знания о смерти предложил археолог Ю. А. Смирнов³. Он выделил четыре отрасли: 1) морология – исследует представления о феномене смерти; 2) птоматология – это совокупность традиционных знаний о формах и способах обращения с телом умершего до его окончательного погребения; 3) тафология изучает представления о правилах

¹ Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии // Одиссей. Человек в истории. 1989. М.: Наука, 1989. С. 133.

² Корочкова О. Н., Мосунова А. В. Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 12, 13.

³ Смирнов Ю. А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М.: Восточная литература, 1997.

захоронения умершего; 4) некрология исследует представления об умершем и его посмертной ипостаси. Укажем, что к исторически ориентированной некрологии относится некрополистика – вспомогательная историческая дисциплина, предметом изучения которой являются кладбища. Полагаем, что предложение ученого заслуживает внимания.

Осмысление феномена смерти с экономических позиций обусловлено тем, что дифференциация структуры социума и развитие культуры способствовали детализации погребальных процедур и, в конечном счёте, институализации похоронного дела. Оно представляет собой «отрасль хозяйства, включающую в себя деятельность по оказанию ритуальных, производственных, юридических и иных сопутствующих услуг, связанных с организацией и проведением похорон, а также созданием и эксплуатацией объектов похоронного назначения»¹.

Войны и эпидемии Нового и Новейшего времени привели к массовой смертности, что также придало дополнительный импульс индустриализации и коммерциализации предприятий, оказывающих погребальные услуги. Считаем, что экономика смерти – одно из перспективных направлений *Death Studies*.

Роль государства в применении насилия, приводящего к гибели людей, – «обязательный» предмет для политолого-танатологических исследований. Не менее важно для профессионального сообщества своевременно осуществлять научную экспертизу демографической политики, реализуемой органами власти, корректировать, когда необходимо, принимаемые решения в этой сфере.

Сущность и структура танатосоциологии будет подробно рассмотрена ниже.

Архитектура смерти представляет собой искусство и науку проектирования и строительства зданий и сооружений погребального и траурного назначения², предназначенных для увековечивания памяти умерших или погибших и создающих особую мемориальную среду, в ней взаимосвязаны функциональные

¹ Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации. МДК 11-01.2002. Рекомендованы НТС Госстроя России протоколом № 01-НС-22/1 от 25 декабря 2001 г.

² См.: Бармина Н. И., Левченко И. Е. Базилика как социокультурный феномен // Урбанистика. 2016. № 4. С. 43-56; Блинова А. В., Ахтямова Р. Х., Ахтямов И. И. Эволюция крематория как объекта инфернальной архитектуры в странах Европы периода XX-XXI вв. // Известия КазГАСУ. 2020. № 4 (54). С. 183-193; Таировский А. Л., Лимонад М. Ю., Беньямовский Д. К. Здания и сооружения траурной и гражданской обрядности. М.: Стройиздат, 1985; Etlin R. A. The architecture of death. The Massachusetts Institute of Technology, 1984 и др.

(назначение, польза), технические (прочность, долговечность) и эстетические (красота) свойства объектов.

Эстетика смерти выявляет художественно ценные феномены смерти, представленные в искусстве (например, образцы плясок смерти, барокко смерти и т. п.). В связи с этим швейцарский исследователь К. Л. Харт Ниббриг указывает на парадокс: «невозможно изобразить конец жизни» – это «мощный вызов, брошенный эстетическому сознанию», «постоянное искушение очень искусно и с необычайной ловкостью повторить невероятный фокус умирания»¹.

В отечественной культурологии (Вяч. Вс. Иванов, Ю. М. Лотман, Л. З. Трегубов, М. М. Фёдорова, Т. В. Чередниченко и др.) смерть трактуется как феномен культуры. Например, отношение к смерти рассматривается «как один из типологических факторов культурной идентичности, позволяющий выявить приоритетные жизненные установки и модели поведения, характерные для каждой культуры»².

По мнению Р. Л. Красильникова, «объектно-предметную сферу литературоведческой танатологии составляют любые танатологические текстовые элементы, связанные с изображением смерти в литературном произведении (тема, проблема, идея, образ и др.)»³.

Педагогика смерти призвана исследовать основные направления экзистенциального воспитания и обучения подрастающих поколений в области танатологии, раскрыть возможности профессионального консультирования людей, находящихся в состоянии горя в связи с утратой своих близких⁴.

С 1970-х годов оформляется новое направление научных изысканий – иммортология – наука о бессмертии. Лишь немногие оптимисты убеждены в

¹ Харт Ниббриг К. Л. Эстетика смерти / Пер. с нем. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 10.

² Клемина Е. А., Песков А. Е. Отношение к смерти как условие формирования различных типов культуры // Вестник АГТУ. 2015. № 1 (59). С. 75.

³ Красильников Р. Л. Указ. соч. С. 403.

⁴ См.: Немчикова Л. А., Немчикова О. Н. Педагогика танатологии как ответ на социальный запрос современного общества // Социально-антропологические проблемы современного образования. Мат-лы Международной научно-метод. конференции, посвящённой памяти профессора Л. М. Лузиной. СПб.: РГПУ, 2020. С. 101-109; Хоменко И. А. К вопросу об экзистенциальном развитии ребенка как субъекта жизнедеятельности // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 3. С.376-380; Doughty E. A., Hoskins W. J. Death education: An internationally relevant approach to grief counseling // Journal for International Counselor Education. 2011, 3, p. 25-38 и др.

достижении «живой» вечности¹. Полагаем, что концепция практического бессмертия, выдвинутая И. В. Вишевым, нуждается в большей фундированности. Пока «налицо» умножение сущностей: к философии бессмертия присоединяется ювенология как «ее естественнонаучная составляющая», при этом «предмет иммортологии постоянно расширяет свою сферу» и этот процесс, «несомненно, будет нарастать»². Разумеется, научный поиск бессмертия следует вести, он должен быть поддержан обществом и государством, соответствуя при этом общепринятым научным критериям.

С нашей точки зрения, Death Studies представляют собой развивающееся направление междисциплинарных штудий, анализирующих феномен смерти, преимуществом которого является «стирание» (или, по крайней мере, «сокращение») границ между отраслями научного знания (рис. 1.1.1).

<i>Death Studies</i>				
⇕		⇕		⇕
Танатология	⇔	Суицидология	⇔	Экономика смерти
⇕		⇕		⇕
Теология смерти	⇔	Киллология	⇔	Политология смерти
⇕		⇕		⇕
Танатофилософия	⇔	Правовая танатология	⇔	Танатосоциология
⇕		⇕		⇕
Танатопсихология	⇔	История смерти	⇔	Архитектура смерти
⇕		⇕		⇕
Антропология смерти	⇔	Археология смерти	⇔	Эстетика смерти
⇕		⇕		⇕
Геронтология смерти	⇔	Морология	⇔	Культурология смерти
⇕		⇕		⇕
Гендерология смерти	⇔	Птоматология	⇔	Литературная танатология
⇕		⇕		⇕
Демография смертности	⇔	Тафология	⇔	Педагогика смерти
⇕		⇕		⇕
Статистика смертности	⇔	Некрология	⇔	Иммортология

Рис. 1.1.1. Death Studies

С учетом вышеизложенного вряд ли справедливо утверждение С. А. Еремеевой и С. В. Мохова о том, что в России Death Studies как

¹ См.: Вишев И. В. Проблема личного бессмертия. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990; Курцмен Дж., Гордон Ф. Да сгинет смерть! / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Мир, 1987.

² Вишев И. В. На пути к практическому бессмертию. М.: МЗ-Пресс, 2002. С. 84, 86.

исследовательская область еще не заполнена и характеризуется лишь разрозненными изысканиями¹.

Укрепление междисциплинарных связей при изучении феномена смерти сочетается с дифференциацией научного знания, поэтому социология смерти выступает закономерным результатом этого процесса.

Термин **танатосоциология** (Thanatosozologie) получил определенное распространение в современной немецкой социологии. Правда, отдельным ученым данное понятие «все еще кажется чрезмерным» и «говорить о такой специальной социологической дисциплине преждевременно», но даже они признают, что у «социологической танатологии» есть самостоятельное поле для исследований².

Как правило, под танатосоциологией понимается специальная социология, которая в узком смысле занимается социальными действиями вокруг умирающего и умершего³, в более широком смысле — социальным значением смерти⁴.

По мнению Дж. Райли, социология смерти направлена на изучение трех областей: 1) феномен исключения индивида из сообществ; 2) утрата значимых близких; 3) социальные нормы умирания⁵.

М. Керл, автор фундаментальной монографии «Окончания. Социология смерти и умирания» (1989), выделил в ней ряд разделов⁶: 1) смерть с кросс-культурной и исторической точек зрения; 2) влияние смерти на общество; 3) социальная стратификация смерти; 4) взаимосвязь смерти, религии и секуляризации; 5) смерть и трудовая деятельность; 6) политика смерти; 7) смерть

¹ См.: *Еремеева С.* То, о чем молчим... Почему death studies не популярны в современной России? // Археология русской смерти. 2016. № 1. С. 32-51; *Мохов С. В.* Ситуация с «death studies»... С. 230.

² *Knoblauch H., Zingerle A.* Thanatosozologie: Tod, Hospiz und die Institutionalisierung des Sterbens: Einleitung // Thanatosozologie: Tagungen der Sektion für Soziologie der GörresGesellschaft / H. Knoblauch & A. Zingerle (Hrsg.). Berlin: Duncker & Humblot, 2005. S. 11-30.

³ См.: *Sterbeprozesse - Annäherungen an den Tod* / M. Rosentreter, D. Groß, S. Kaiser (Hrsg.). Kassel University Press, 2010; *Zur Soziologie des Sterbens: Aktuelle theoretische und empirische Beiträge* / N. Jakoby, M. Thönnies (Hrsg.). Springer VS, 2017 и др.

⁴ См.: *Thieme F.* Sterben und Tod in Deutschland. Eine Einführung in die Thanatosozologie. Wiesbaden: Springer VS 2019; *Wissenssoziologie des Todes* / T. Benkel und M. Meitzler (Hrsg.). Beltz Juventa, 2021 и др.

⁵ *Riley J. W.* Dying and the meanings of death: Sociological inquiries // *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9. P. 191-216.

⁶ *Kearl M. C.* Endings. A Sociology of Death and Dying. New York, Oxford: Oxford University Press, 1989.

и военный опыт; 8) смерть в поп-культуре; 9) смерть и медицина; 10) индивид и смерть.

Т. Уорнер включает в социологию смерти анализ роли социальных сетей в конце жизни личности, умирания, скорби, публичного траура, похорон, верований в загробную жизнь, изображения смерти в СМИ, человеческих останков, коллективной памяти, посредничества между живыми и мертвыми и т. п.¹

В целом, за рубежом и в России социология смерти в предметном плане чаще всего трактуется широко. Г. Клавандье объясняет такой подход тем, что в связи с происходящими изменениями и недальновидной государственной политикой смерть стала центральной социологической проблемой в наших «стареющих обществах»².

Социология смерти развивается, взаимодействуя с другими «близкими» по профилю отраслевыми социологиями (рис. 1.1.2):

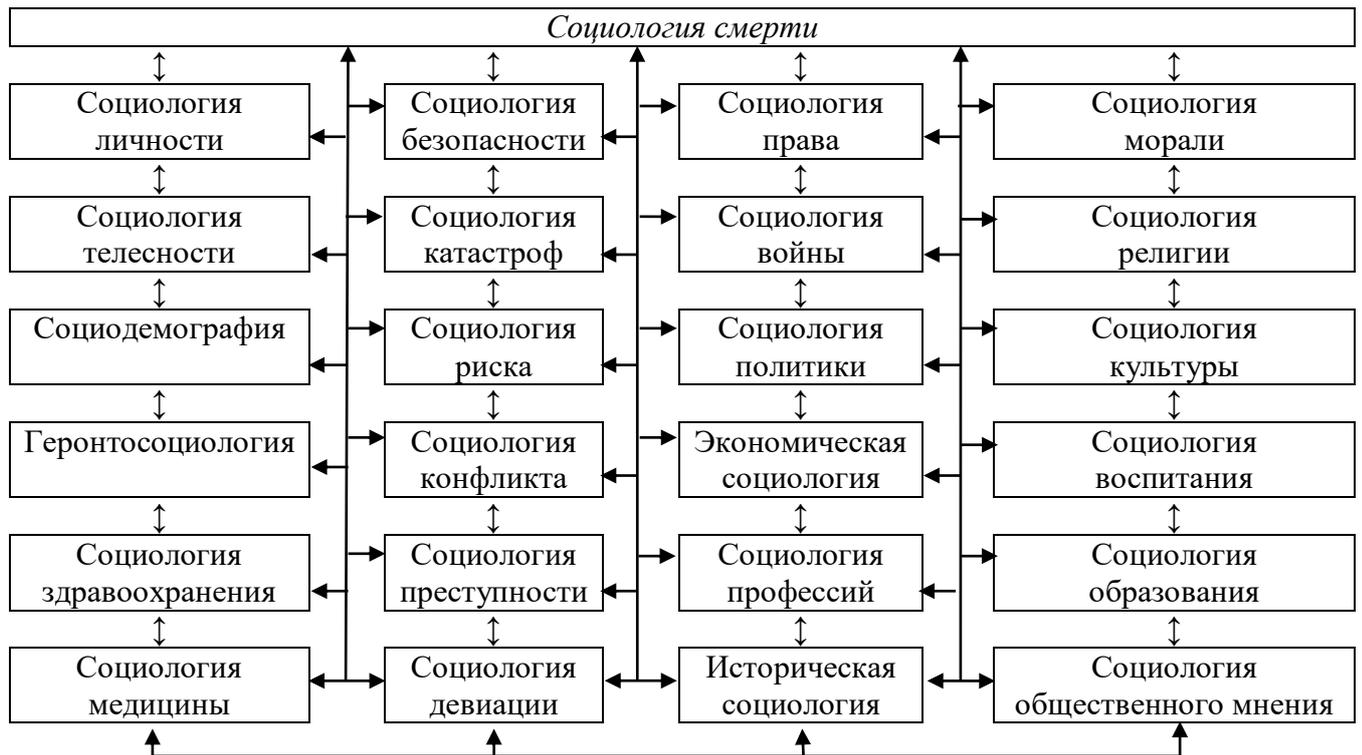

Рис. 1.1.2 – Социология смерти в структуре социологического знания

¹ Walter T. Modern grief, postmodern grief // International Review of Sociology. 2007. 17 (1). P. 123-134; Walter T. The Sociology of Death // Sociology Compass. 2008. № 2/1. P. 317-336; Walter T. Three ways to arrange a funeral: Mortuary variation in the modern West // Mortality. 2005. № 10 (3). P. 173-192; Walter T. Why different countries manage death differently: a comparative analysis of modern urban societies // The British Journal of Sociology. 2012. Vol. 63. Is. 1. P. 123-145 и др.

² Clavandier G. Sociologie de la mort, Vivre et mourir dans la société contemporaine. Paris, Armand Colin, coll. «U», 2009.

Полагаем, что наряду с термином «социология смерти» целесообразно, по примеру немецких социологов, употреблять термин «танатосоциология» — это в большей степени соответствует научным традициям, а исследователи сами со временем определяют, какой вариант предпочтителен.

По нашему мнению, **танатосоциология** — это отрасль социологического знания, изучающая место и роль феномена смерти в жизни общества, взаимодействие социальных субъектов в системе отношений к нему, формы организации похорон, духовные и социальные связи с умершими, обусловленные объективными и субъективными факторами.

Взаимосвязь и противостояние жизни и смерти пронизывает всю историю человечества. Тип культуры социума, уровень его конфликтности, состояние гуманитарной среды обитания людей, продолжительность их жизни — всё это и многое другое даёт возможность объективно судить о качестве жизни в том или ином обществе. Рациональное осознание «переплетённости» жизни и смерти нацеливает социологов на углублённый анализ социальных процессов, объективных и субъективных факторов, влияющих на их протекание.

Поэтому, на наш взгляд, в системе науки танатосоциология выступает «оборотной стороной» социологии жизни — относительно нового направления социальной науки, складывающегося на стыке социологии, философии и социальной психологии, которое ставит человека и его реальные заботы, тревоги, переживания и действия в центр анализа всей социальной жизни¹.

Анализ основных видов социальных взаимодействий, связанных со смертью, позволяет представить структуру танатосоциологии следующим образом (рис. 1.1.3):

Рис. 1.1.3. – Структура танатосоциологии

¹ Тоценко Ж. Т. Социология жизни. М.: Юнити-Дана, 2016.

Моросоциология призвана изучать социокультурные особенности восприятия и отношения к смерти социальных субъектов, отличающихся по полу, возрасту, семейному положению, наличию детей, конфессиональной и этнической принадлежности, специфике образования и трудовой деятельности, уровню дохода и т. п.

Кратко рассмотрим результаты ряда отечественных эмпирических исследований, посвященных данной тематике. Так, М. Э. Елютина выяснила, что «если для молодого человека отношение к смерти представляет собой недискретный поток рассуждений», то для пожилого человека «вопрос об отношении к смерти переводится из подтекста в контекст самой жизни, наступает время, когда осознается трагизм временности»¹.

С. В. Дюкова типологизировала реакции тяжелобольных в связи с актуализацией чувства смертности: 1) активное и некритичное «цепляние» за жизнь; 2) принятие ситуации смерти, как вероятной: максимальное духовное обогащение, чтобы не дать болезни взять над собой верх; 3) принятие ситуации как неизбежной: апатия, уход в болезнь, тяжелые переживания любых ее проявлений².

Военные специалисты установили, что в боевой обстановке «основными аспектами, характеризующими особенное в восприятии воином смерти и бессмертия, являются: [...] адаптация сознания воина к несущей смерть реальности, характеризующейся постоянным наличием фактов смерти [...]; фаталистическое отношение к индивидуальному бытию [...]; [...] отношение к смерти и бессмертию тяготеет к своей архетипической форме, при которой смерть воспринимается как обычное явление, не вызывающее паники и ужаса»³.

Е. Н. Зуева на основе глубинных интервью, взятых у нижегородских пожарных, спасателей и военнослужащих как представителей опасных профессий, условно выделила следующие группы по отношению к смерти: 1)

¹ Елютина М. Э. Пожилые люди: отношение к смерти и танатические тревоги // Социс. 2015. С. 118-119.

² Дюкова С. В. Духовные ценности субкультуры тяжелобольных. Автореф. дис. ...к.с.н. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т имени Г. Р. Державина, 2011. С. 20.

³ Данильченко С. А., Кадыров Р. В., Кулешов В. Е. Отношение к смерти и бессмертию на войне: Монография. Владивосток: ТОВМИ им. С. О. Макарова, 2007. С. 51-52.

«Смерть как часть жизни»; 2) «Смерть как переход в иное бытие»; 3) «Смерть как конец человеческого существования»; 4) «Смерть как “хозяин”, господствующий над человеком»; 5) «Смерть как “несчастный случай”, который с развитием науки, медицины должен быть преодолен»; 6) «Смерть неизбежна, поэтому к ней стоит относиться без сожаления»; 7) «Смерть как трагедия»; 8) «Отрицание смерти – “социальное бессмертие”»¹.

По результатам анализа иностранных (З. Бауман, П. Бергер, Ч. О. Джексон, Т. Лукман, Н. Элиас и др.) и отечественных (С. А. Вангородская, Е. Ю. Забелина, И. Н. Лаврикова, В. Г. Немировский, Д. М. Рогозин и др.) публикаций моросоциологической направленности можно констатировать, что в обществе превалирует секуляризированное отношение к смерти, эта экзистенциальная проблема «оттеснена» на периферию массового сознания.

Интересным представляется опыт зарубежных ученых, восполняющих лакуны «незнания» соотечественников о смерти посредством чтения специализированных курсов в университетах. «Они выстроены с учетом специфики обучаемой аудитории и носят междисциплинарный характер (в них заметно пересечение социологии с социальной психологией, антропологией, культурологией и другими социально-гуманитарными дисциплинами) – в этом состоят их главные достоинства и преимущества².

На наш взгляд, российским преподавателям высшей школы следует активнее осваивать разработки западных коллег и переходить к созданию авторских учебных курсов по Death Studies. Особое внимание при организации учебно-воспитательного и научно-исследовательского процесса следует уделять танатологической подготовке студентов (курсантов) в вузах педагогического, медицинского, социального, религиозного, военного и юридического профилей. Это обусловлено тем, что будущие учителя, психологи, врачи, социальные работники, специалисты ритуальных служб, священнослужители, защитники Отечества, пожарники и сотрудники органов внутренних дел по роду своей

¹ Зуева Е. Н. Отношение к смерти и жизненные стратегии представителей опасных профессий // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 2. С. 29.

² Левченко И. Е. Танатосоциологическая подготовка учащейся молодежи // Человеческий капитал. 2010. № 7. С. 94.

деятельности неизбежно оказываются перед необходимостью решать проблемы, связанные со смертью людей».

Социология социальной смерти (Б. Глезер, М. Малкей, О. Паттерсон, А. Стросс и др.) может помочь разобраться в круговоротах жизни социальных субъектов, претерпевающих не одно, а множество «умираний» и «возрождений».

«Придерживаясь веберовской логики построения «идеальных типов» и опираясь на установки «метафорического» подхода, **социальную смерть** можно определить как *процесс и результат самоустранения и/или исключения социального субъекта из жизни социума, в значительной степени детерминируемые состоянием социокультурного континуума*¹.

С нашей точки зрения, к числу главных признаков социальной смерти относятся следующие: 1) *потеря свободы*. В данном случае свобода рассматривается как полнота самореализации человека. Отметим, что Р. Парк предлагал различать свободу: а) фундаментальную – возможность беспрепятственного передвижения, позволяющую осваивать окружающий мир; б) политическую – конкуренция за место и статус в социальной иерархии; в) самовыражения²; 2) *личная зависимость* в условиях сословно-корпоративных структур рабовладельческого и феодального обществ; 3) *утрата социальной идентичности*, ведущая к невозможности самоопределения индивида в социальном пространстве и выработке им поведенческих стратегий, необходимых для того, чтобы занять желаемую позицию (В. А. Ядов); 4) *отвержение субъектом норм, идеалов, ценностей* (базовых, витальных, интеракционистских, социализационных, смысложизненных и др.); 5) *лишение или отказ от субъектности* как возможности самостоятельно действовать в различных сферах общественной жизни; 6) *забвение* как «перевод» («переход») имени и образа субъекта из актуальной части культуры в потенциальную.

Социальная смерть как относительно кратковременное состояние или стабильное положение может проявляться на разных уровнях социальной жизни.

¹ Левченко И. Е. Феномен социальной смерти // Социс. 2001. № 6. С. 22-31.

² См.: Баньковская С. П. Ведущие теоретики Чикагской школы. Идеи и подходы // История теоретической социологии: в 4 т. М.: Канон+ : Реабилитация, 1997. Т. 3. С. 128-129.

Так, на *микроуровне* этот феномен возникает в малых социальных группах как следствие обрыва социальных связей между людьми, включенными в референтные группы (семью, трудовой коллектив и т. п.).

На *мезоуровне* феномен социальной смерти указывает на отказ (или недопущение) социального субъекта от участия в функционировании социальных институтов (государственных, муниципальных, общественных, политических и др.) или его «выход» из состава социальных общностей (демографических, этнических, религиозных, профессиональных и др.).

На *макроуровне* социальная смерть выражается в неучастии социального субъекта в общественной жизни социума, в *эскапизме* – стремлении индивида или части социальной группы уйти от реальной действительности общепринятых стандартов и норм в мир социальных иллюзий или сферу псевдодеятельности.

На *мегауровне* социальная смерть проявляется достаточно редко в виде исключительных случаев, когда социальные связи между субъектами практически разрушены. Это может быть вызвано добровольным отшельничеством или вынужденной «робинзонадой».

Следует подчеркнуть, что одновременно индивид (или группа) может благополучно здравствовать на любом из уровней (микро-, мезо- и макро-) социальной реальности и пребывать в состоянии социальной смерти на другом – в этом и заключается парадоксальность рассматриваемого феномена, обусловленная противоречивостью самой человеческой жизни.

«Внешними» по отношению к социальному субъекту, выступает ряд факторов, оказывающих решающее влияние на возникновение и распространение феномена социальной смерти на разных уровнях: 1) *власть*, предстающая как поле возможностей, создаваемое спонтанными соотношениями сил, и ведущая к расширению круга применения дисциплинарных практик (М. Фуко); 2) *деятельность репрессивного политического режима*; 3) *экстремальные ситуации* (природные катаклизмы, катастрофы, войны, восстания, революции и т. п.); 4) *система социальной стратификации социума*, закрепляющая и расширяющая круг людей, расположенных у подножия социальной пирамиды; 5)

экстенсификация и интенсификация нисходящей социальной мобильности в обществе, маргинализирующая и люмпенизирующая индивидов и социальные общности; б) *социальная депривация* – лишение, ограничение или недостаточность социальных условий, материальных и духовных ресурсов, необходимых для жизни и развития социального субъекта; 7) *неудовлетворительное состояние гуманитарной среды* – совокупности личностных и вещественных элементов, окружающих социальный субъект и непосредственно влияющих на процесс его социализации и индивидуализации; 8) *аномия* – состояние общества, характеризующееся разложением системы ценностей, которое обусловлено кризисом социума, противоречиями между провозглашенными целями (свобода, богатство, власть и др.) и невозможностью их достижения законными способами; 9) *нетерпимость общественного мнения*, проявляющаяся в стигматизации индивидов или социальных групп различными позорными ярлыками и способная привести к изоляции субъекта.

Вместе с тем важно учитывать и моменты, связанные с сущностными характеристиками самого социального субъекта, способными инициировать его социальную смерть. Наиболее значимыми среди них являются: 1) *плохое социальное самочувствие* – состояние, возникающее в результате восприятия, оценки и сравнения социальным субъектом своего положения с другими, низкая степень удовлетворенности этим положением; 2) *недостаток или истощение «капиталов»* (П. Бурдьё) (здоровье, объем и качество знаний, профессиональная подготовка, доход, власть, репутация и т. д.); 3) *статусная рассогласованность* как расхождения, несоответствия, диспропорции между социальным и личным, аскриптивным и достигнутым статусами субъекта; 4) *внутриролевые и межролевые конфликты*, порождающие острые кризисы во взаимодействиях между личностями, общностями и институтами.

Социальная смерть на микроуровне иногда бывает следствием глубокого *одиночества* индивида. Достижения постиндустриальной цивилизации также могут вести к возникновению феномена социальной смерти. Так, из-за чрезмерного увлечения виртуальным миром индивид становится замкнутым и

постепенно «уходит» из социума, так как у него есть персональный компьютер и нет потребности в живом общении.

Социологи, стремясь объяснить специфику уединенного типа поведения людей, придерживаются различных теоретических концепций. Например, Р. Мертон, рассматривая способы индивидуальной адаптации к структурной аномии, выделил особый тип – *ретризм*. По его мнению, психотики, аутисты, парии, бездомные, лица без определенного рода занятий, праздношатающиеся, бродяги, хронические алкоголики и наркоманы уходят от реального мира во внутренний мир болезненных переживаний¹.

Эти люди отвергают общественно признанные цели и средства, используемые для их достижения, они вступают на путь асоциализации, приспособляясь к негативному, социально неприемлемому опыту, и десоциализации, утрачивая навыки социального поведения. Многие из них становятся жертвами социальной смерти.

Какие-либо поступки, совершаемые человеком, оцениваются социумом с точки зрения их соответствия социальным нормам, являющимися средствами социальной регуляции жизнедеятельности социальных субъектов. Поэтому особенно остро общественное мнение реагирует на девиантность – поведение, считающееся отклонением от социальных норм и которое влечет за собой применение социальных санкций – изоляцию, лечение, исправление или наказание нарушителя.

Следует учитывать, что социальные нормы могут нарушаться индивидом: а) целенаправленно (вплоть до преступного (делинквентного) поведения); б) непреднамеренно, когда «выход» за пределы конкретных социальных норм обусловлен его «инаковостью» – принадлежностью к другому типу культуры. Он играет не «по правилам», принятым в данном социуме и лишь частично включается в его жизнь.

Социальное исключение индивидов и групп на макро-, мезо- и микроуровнях нередко выступает следствием негативного отношения со стороны

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. [пер. с англ.]. М. : АСТ : Хранитель, 2006. С. 272.

окружающих людей. Отрицательное отношение к конкретным людям и отдельным группам зачастую реализуется в практиках эксклюзии, которые способствуют распространению различных видов социальной смерти, в том числе, *гражданской* (например, рабство, крепостничество, апартеид и т. п.). Необходимо учитывать тесную взаимосвязь между гражданской и *политической смертью*. Участие граждан в политической жизни происходит в разных формах (осуществление властных полномочий, обсуждение законопроектов, политического курса и т. п.)¹, следовательно, устранение (самоустранение) личностей или групп от такого участия может рассматриваться как их политическая смерть. Парадоксальность последней заключается в том, что она – неотъемлемый элемент развития социально-политических процессов.

Экономическая жизнь общества включает в себя производство, обмен, распределение и потребление товаров и услуг. Соответственно, *экономическая смерть* означает, что социальный субъект не участвует в этих процессах.

Духовная смерть социального субъекта как отстраненность от духовной жизни общества представляет собой чрезвычайно сложное социокультурное явление. Для индивида такая «смерть-в-жизни» может отражать внутренний разлад личности с самой собой, утрату надежд и разочарование в индивидуальной и/или общественной перспективе. Причинами этого могут быть как специфика характера индивида, так обстоятельства его бытия.

В человеческой жизни все взаимосвязано, поэтому виды социальной смерти взаимообуславливают и инициируют появление друг друга. Это требует от гражданского общества и государства создания необходимых религиозных (социальное служение) и светских (социальная работа) институтов, которые помогли бы выйти личности из состояния болезни, духовного кризиса и беспомощности».

Социальное служение – это исторически сложившаяся совокупность организованных форм социальной деятельности религиозных организаций,

¹ Основы политической социологии / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. Н. Новгород: Волго-Вятская академия государственной службы, 1998. С. 40, 69.

являющаяся неотъемлемой частью практической реализации вероучения, и заключающаяся в актах милосердия и благотворительности в отношении конкретных лиц как носителей образа и подобия Божия. Основу социального служения составляет добролюбие, понимаемое как проявление христианской любви, когда человек оказывает благодеяние и поддержку нуждающемуся в этом, независимо от того, является ли эта нужда духовной или материальной. Важно то, что добролюбие обращено не только к единоверцам, а к любому нуждающемуся человеку¹.

В обыденном сознании социальная работа предстаёт как любая помощь, основанная на принципах здравого смысла или благих намерений. Однако не всякую помощь следует отождествлять с собственно социальной работой». А. В. Старшинова сделала аргументированный вывод, что потребность в *социальной работе* как системной деятельности по оказанию помощи и поддержке формируется в условиях, когда процессы, вызванные социальным неравенством, порождают массовые явления (бедность, дискриминация, социальные исключения, несправедливость и т. п.), которые угрожают функционированию общественной системы как целостности и равновесной динамике её развития².

Так, прикладное исследование (n = 4500), проведенное под руководством автора по заказу Министерства социальной защиты населения Свердловской области (2011), показало, что «пожилые люди и инвалиды среди основных причин, препятствующих повышению степени их удовлетворенности социальными услугами, указали следующие: недостаточная оснащённость материально-технической базы социальных учреждений, высокий уровень загруженности сотрудников и отсутствие необходимого числа специалистов. При этом женщины в большей степени, чем мужчины, нуждаются в социальных услугах, как и сельские жители, в большей степени, нежели горожане»³.

¹ Grunt E., Levchenko I. Work with Youth in the Russian Orthodox Church in the Contemporary Period // Religions. 2021. 12: 499-517. <https://doi.org/10.3390/rel12070499>.

² Старшинова А. В. Становление идеологии социальной работы в России: анализ актуальных противоречий: Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 72.

³ Левченко И. Е. Качество социальных услуг: мнение пожилых жителей Среднего Урала // Социальная политика и социология. 2013. № 3-1 (94). С. 120-126.

Согласно данным отечественных социологов, в последние годы существенный вклад в оказание социальных услуг нуждающимся, социальную реабилитацию и абилитацию людей с особыми потребностями вносят социальные предприниматели, волонтеры и представители НКО¹.

Специалисты по работе с молодежью предлагают использовать инновационные практики предупреждения антинаркотического поведения – методики «Равный обучает равного», «Форум – театр» и «Мультитерапия». Они справедливо полагают, что «активизация общественного участия в антинаркотической пропаганде, «соучастие» самих школьников и молодых людей в социально значимой деятельности по предотвращению пагубной зависимости способствует формированию устойчивой гражданской позиции подрастающего поколения на неприятие наркотиков»².

В рамках **социологии ненасильственной смерти** исследуются социально-танатологические аспекты самосохранительного поведения, смертности, медицинского обслуживания и здравоохранения.

Под первым подразумевается «система действий и отношений, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление сроков жизни в пределах этого цикла»³. «Деформации» самосохранительного поведения наших современников – это результат глобальных социокультурных изменений, в том числе, широкое распространение в обществе потребительских установок и внерелигиозных ценностных ориентаций.

¹ См.: *Архипова Е. Б., Старшинова А. В.* От проблемы к решению: риторика дискурса социальных предпринимателей // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 1. С. 41-54; *Старшинова А. В.* Противоречия мотивации учащейся молодежи к деятельности в волонтерских организациях // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 10. С. 143-166; *Старшинова А. В., Бородкина О. И.* Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 3. С. 411-428 и др.

² *Чевтаева Н. Г., Никитина А. С., Скаво К., Усова О. В.* Трансформация употребления наркотиков в России и США: инновационные формы профилактической работы среди молодежи // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2019. № 5 (62). С. 210-223.

³ *Игошев М. В., Игошев Г. М., Верещагин И. В.* Самосохранительное поведение как объект социологической науки // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. С. 187.

Используя подход, разработанный П. Штомпой¹, можно следующим образом охарактеризовать смертность как социально-демографический процесс: 1) по форме – это необратимый, нелинейный процесс; 2) по конечным результатам – это гомеостатический процесс; 3) субъективный фактор оказывает значительное влияние на его динамику; 4) он имеет сложную эндо-экзогенную природу; 5) разворачивается на макро-, мезо- и микроуровнях; 6) его временной параметр – вечность.

Известно, что значительный прирост смертности обеспечивают «незавершенные самоубийства» – формы аутоагрессивного поведения: алкоголизм, токсикомания, наркотическая зависимость, несоблюдение врачебных рекомендаций и др.

Здравоохранение представляет собой систему государственных, социально-экономических, общественных, медико-санитарных мероприятий, направленных на повышение уровня здоровья, обеспечение трудоспособности и активного долголетия населения².

Мы разделяем мнение Н. Л. Антоновой о том, что изучение системы медицинского обслуживания включает широкий спектр актуальных вопросов: взаимодействие врачей и пациентов, имеющих разные заболевания, качество медицинских услуг, удовлетворенность ими населения, менеджмент в системе оказания медицинской помощи³.

При этом необходимо учитывать, что эмпирические исследования выявили тесную взаимосвязь между смертью, болезнями и социальным неравенством⁴.

Ученые фиксируют недовольство населения состоянием отечественного здравоохранения⁵ и недоверие к врачам⁶, побуждающие людей в кризисных ситуациях обращаться к целителям, что зачастую чревато смертельным риском⁷.

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 31-44.

² Ваганов Н. Н. Здравоохранение // Социальная энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 113.

³ Антонова Н. Л., Левченко И. Е., Клейменов М. В. Институциональные аспекты функционирования системы медицинского обслуживания : [монография]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 7.

⁴ См.: Меренков А. В., Антонова Н. Л., Клейменов М. В. Социальное неравенство в системе медицинского обслуживания на селе // Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Т. 19. № 10. С. 397-399; Штайнгамп Г. Смерть, болезнь и социальное неравенство // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том II. № 1. С. 109-152 и др.

Социология насильственной смерти исследует социальную составляющую суицидов, убийств и гибели людей в результате несчастных случаев. Так, по мнению специалистов, существует ряд факторов, повышающих вероятность суицида (табл. 1.1.4)¹.

Неблагоприятная наследственность	⇒	Суицид	⇐	Неуравновешенное поведение
Алкоголизм	⇒		⇐	Личные утраты
Наркомания	⇒		⇐	Тяжёлая депрессия
Токсикомания	⇒		⇐	Одиночество
Хронические болезни	⇒		⇐	Необоснованные обвинения
Нарушение половой функции	⇒		⇐	Потеря работы
Попытки суицида в прошлом	⇒		⇐	Финансовые трудности

Рис. 1.1.4. - Факторы, повышающие вероятность суицида

К группам риска относятся: тяжело больные, пожилые и престарелые люди, подростки и молодежь, секс-меньшинства, заключенные в тюрьмах, военнослужащие и ветераны боевых действий, писатели, врачи и больные шизофренией.

Распространение тяжелых заболеваний и высокий уровень травматизма способствовал распространению практики эвтаназии в активной и пассивной формах. В большинстве государств предусмотрено наказание за оказание помощи при эвтаназии, но социологи выяснили, что общественное мнение по этому вопросу оказалось расколотым².

⁵ См.: Антонова Н. Л. Качество медицинского обслуживания в оценках пациентов // Социология медицины. 2007. № 1 (10). С. 39-41; Левченко И. Е., Новгородцева А. Н. Мнение горожан Среднего Урала о медицинском обслуживании // Урбанистика. 2018. № 1. С. 30-39 и др.

⁶ Камалиева И.Р., Невелева В.С. Доверие как основа отношения «врач-пациент» в современной медицине: философско-антропологическая интерпретация // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2019. № 4. С. 504-514.

⁷ Антонова Н. Л., Левченко И. Е. Народное целительство: pro et contra // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 317-319; Антонова Н. Л., Левченко И. Е., Клейменов М. В. Указ. соч. С. 73-95; Antonova N., Levchenko I., Purgina E. & Merenkov A. Healing Magic as an Alternative Medicine Practice // 2nd SSR International Conference on Social Sciences and Information (SSR-SSI 2017). Singapore Management and Sports Science Institute, 2017. Vol. 17. P. 91-95 и др.

¹ См.: Меренков А. В., Сивкова Н. А., Новгородцева А. Н. Причины самоубийств подростков в зеркале мнений учащейся молодежи // Дискуссия. 2017. № 5 (79). С. 74-79; Мяжков А. Ю. Темпоральные характеристики самоубийств: Опыт эмпирического изучения // Социс. 2004. № 3. С. 83-93; Merenkov A., Levchenko I., Grunt E. Teacher in the system of adolescents' suicidal behaviour prevention // Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication. Proceedings of the Middle-Term Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA). М.: Российский университет дружбы народов, 2019. С. 158-164; Wray M., Colen C., Pescosolido B. The Sociology of Suicide // Annual Review of Sociology. 2011. Vol. 37. P. 505-528 и др.

² См.: Богомякова Е. С., Рогожина Е. П. Отношение к эвтаназии в России и Германии: опыт сравнительного анализа // Социс. 2017. № 3. С. 88-96; Verbakel E., Jaspers E. A Comparative Study on Permissiveness toward Euthanasia religiosity, slippery slope, autonomy, and death with dignity // Public Opinion Quarterly. Vol. 74, No. 1, Spring 2010, pp. 109-139 и др.

Не менее дискуссионной является проблема аборт – религиозные, нравственные, психологические, правовые, медицинские, демографические, социальные, экономические и политические вопросы, связанные с прекращением беременности, активно обсуждаются в обществе¹.

В фокусе социологии убийств находятся особо тяжкие преступления, экстремизм, терроризм, смертная казнь, война и геноцид².

Перейдем к рассмотрению следующего раздела танатосоциологии – социологии похорон.

Расставание навеки с близкими людьми приводит личность в состояние горя. Специалисты различают следующие его типы: предвосхищающее, нормальное, бесправное, сложное, хроническое, запоздалое, подавленное, непредвиденное и замаскированное³. По мнению Т. Парсонса, функционально обряд похорон призван «противодействовать мотивационным нарушениям, вызванным тяжёлой утратой, и благоприятствовать сохранению дееспособности социальных единиц, потерявших ценимого ими человека»⁴.

Учитывая характер (многосоставность, линейность, «разновременность» – от прошлой жизни – через настоящее – к будущей загробной) похоронного процесса, в нем выделяют четыре основные стадии.

Первая стадия сопряжена с решением комплекса ритуальных, организационных, юридических, экономических и других вопросов. Безусловно, организация похорон в значительной степени зависит от статуса покойного и его родственников (коллег, друзей), размера их доходов. При подготовке и проведении

¹ См.: Кочергина Е. Как общество отвечает на неотрадиционалистскую политику государства (на примере отношения к аборт) // Вестник общественного мнения. 2017, январь – июнь. № 1-2 (124). С. 141-151; Солодников В. В. Аборт: правовое регулирование и общественное мнение россиян // Мониторинг. 2008. № 4 (88). С. 77-93; Wilcox C. Race, religion, region and abortion attitudes // Sociological Analysis. 1992. № 53. Vol. 1. P. 97-105 и др.

² См.: Бауман З. Актуальность холокоста / пер. с англ. М.: Европа, 2010; Корнильцева Е. Г., Кузнецов А. Ю., Левченко И. Е. Концепция экстремизма С. М. Липсета // Дискуссия. 2016. № 9 (72). С. 56-60; Серебрянников В. В. Социология войны. М.: Научный мир, 1997; Jacobs D., Carmichael J. T. The Political Sociology of the Death Penalty: A Pooled Time-Series Analysis // American Sociological Review. 2002, Feb. Vol. 67, No. 1, pp. 109-131; Malešević S. The Sociology of War and Violence. Cambridge University Press, 2010; Papachristos A. V. Murder by Structure: Dominance Relations and the Social Structure of Gang Homicide // American Journal of Sociology. July 2009. Vol. 115. No. 1, pp. 74-128; Turk A. T. Sociology of Terrorism // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30, pp. 271-286 и др.

³ Singg S. Types of Grief // Encyclopedia of death and the human experience / ed. by C. D. Bryant [and] D. L. Peck. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 2009. P. 538-542.

⁴ Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1972. С. 372.

похорон взаимодействуют различные акторы. Чаще всего они исполняют соответствующие роли, придерживаясь (не)писанных норм поведения в данной ситуации. Вместе с тем происходят межинституциональные взаимодействия: заказчик, организатор и исполнитель выступают в качестве представителей институтов, задействованных в этом процессе (рис. 1.1.5).

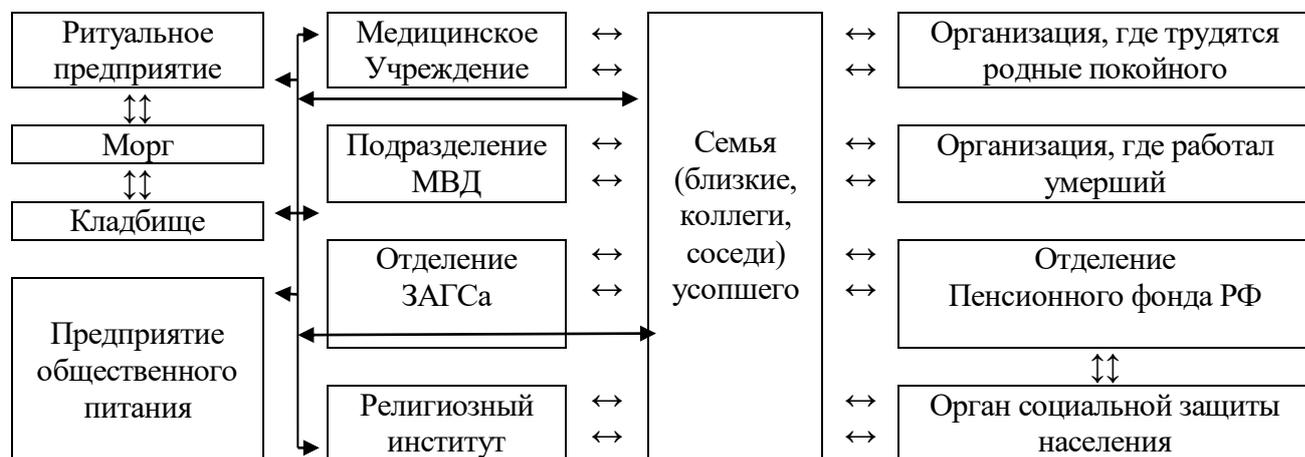

Рис. 1.1.5. - Похоронный процесс (институциональное измерение)

Подробно эти взаимодействия рассмотрены в работах Н. О. Бурловой, М. Э. Елютиной, И. С. Максимова, Е. Н. Моисеевой, С. В. Филипповой и др.

С социологической точки зрения особый интерес представляет коммуникационный аспект подготовки процесса прощания. Извещения о смерти оказывают прямое влияние на количество и состав участников похорон – именно они привлекают внимание сочувствующих и «наблюдательных» современников к кончине той или иной личности.

Отрадно, что за последние годы видные зарубежные и отечественные социологи, отдавая дань уважения умершим коллегам, опубликовали ряд содержательных некрологов в профильных печатных и Интернет-изданиях (например, Э. Гидденс на смерть У. Бека, Б. З. Докторов – В. Э. Шляпентоха, С. А. Кравченко – З. Баумана и др.). Полагаем, что можно выделить три основные функции некролога: информационную, имиджевую и мемориальную.

Если некрологов удостоиваются далеко не все усопшие, то траур является обязательной частью этикета. По мнению Л. С. Лихачёвой, этикет выступает своего рода «копилкой» отточенных историй форм ситуационного человеческого

взаимодействия, то есть тех способов коммуникации, которые могут связать между собой индивидов разного пола и возраста, своих и чужих и т. д., сохраняя их автономность и личное достоинство¹.

На наш взгляд, траур трансформирует статус его участников, маргинализирует их: усопший из члена социума становится телом, близкие превращаются в сирот, вдовцов и вдов, остальные выступают в ролях плакальщиков, соболезнующих и др. В конечном счете, траур способствует самоидентификации участников обряда перехода, готовит их к новому этапу собственной жизни в других условиях – без усопшего.

Вторая стадия включает ритуалы прощания с усопшим. Несмотря на историко-культурные и этноконфессиональные различия в них можно обнаружить общий алгоритм и сходные черты. Хотя переход от традиционного к модернизированному обществу в определенной степени модифицировал прощание, остались неизменными их фундаментальные черты – демонстрация любви и уважения к покойному, обряды выноса тела и траурное шествие к месту его последнего пристанища.

Третья стадия включает погребение – «обрядовые действия по захоронению тела, останков, праха умершего или погибшего в соответствии с обычаями и традициями, не противоречащими этическим требованиям, путем предания земле, огню или воде (останков) человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, не противоречащими санитарным и иным требованиям»². Следовательно, именно на этой стадии решается санитарно-гигиеническая проблема избавления от трупа, безусловно, эту проблему отличают ряд важных аспектов – этический, правовой, экономический и др.³

Для науки остается весьма актуальной проблема историко-социологической интерпретации археологического материала, обнаруженного в погребениях. С

¹ Лихачёва Л. С. Этикет в социальном взаимодействии: полипарадигмальный подход. Екатеринбург: Урал. изд-во, 2000.

² Услуги бытовые. Услуги ритуальные: Термины и определения. ГОСТ 32609-2014. М.: Стандартинформ, 2014. С. 9.

³ Левченко И. Е. Погребальные практики (историко-социологический экскурс) // Известия Урал. гос. ун-та. 2009. Серия 3: Общественные науки. № 4 (70). С. 158-165.

учётом высказанных мнений по проблеме, не претендуя на её окончательное решение, нами разработан рабочий вариант классификации захоронений, способствующий развитию танатосоциологических изысканий. Данная классификация выстроена на основе ряда критериев: период, способ совершения, место расположения, конструктивные особенности, социально-демографические характеристики останков покойных и др. Безусловно, на погребальные практики влияет статус усопшего, уровень экономико-политического развития, специфика культуры общества и др. (приложение, табл. 1).

Четвертая стадия знаменует завершение проводов покойного. В зависимости от конфессиональных, этнических и других социокультурных традиций продолжительность и содержание стадии варьируется. Как правило, после похорон по религиозному обряду участники должны пройти через ритуальное очищение (например, в буддизме - вымыть руки и лицо, применить благовония и т. п.).

Базовые поминальные модели сводятся к следующим: 1) тризна - обряд поминовения усопшего, состоящий из пиршества, песен, плясок и военных состязаний (например, у древних славян); 2) поминки – коллективная трапеза, участники которой вспоминают о покойном; 3) богослужение, в ходе которого возносятся молитвы об усопшем; 4) траурное заседание – официальное светское собрание, включающее выступления авторитетных лиц о вкладе покойного в развитие общества (государства); 5) вечер памяти – неофициальное мероприятие, включающее различные формы поминовения (например, памятный ужин, воспоминания об усопшем, демонстрация его творческого наследия и т. п.).

Согласно обычаям, на отдельных стадиях или в определенных ритуалах похорон ограничивается или запрещается участие детей, женщин (особенно – беременных), тяжелобольных, престарелых людей и т. п.

Проведенный нами анализ исследований позволяет классифицировать похороны по ряду оснований (приложение, табл. 2).

Методологию исследования похорон целесообразно выстраивать с учётом следующих аспектов: 1) похороны в контексте антинормы жизнь – смерть (аксиологический аспект); 2) похороны как социальный процесс (процессуальный

аспект); 3) похороны как социальный институт (институциональный аспект); 4) похороны как спектакль (семиотический аспект).

По своей «природе» похороны полифункциональны – они выполняют санитарно-гигиеническую, ритуальную, психотерапевтическую, консолидирующую, идентификационную, мемориальную и другие функции. Полагаем, что похороны можно рассматривать как «цепь» оппозиций: завершение – начало, разрыв – соединение, прощание – встреча и т. п.»¹.

Переходя к заключительному разделу танатосоциологии – некросоциологии, укажем, что Л. Г. Ионин полагает, что она должна изучать типы и формы взаимоотношений живых и мертвых². С нашей точки зрения, ее предмет также включает представления о посмертном существовании людей, пространство упокоения усопших, мемориальные и коммеморативные практики.

Нормативно кладбище определяется как «объект похоронного назначения, предназначенный для погребения останков и праха умерших или погибших»³. Кладбища можно классифицировать по ряду критериев (табл. 1.1.2).

Таблица 1.1.2

Классификация кладбищ

№	Критерий	Типы
1	Период	древнее (могильник), античное (некрополь), средневековое, Нового времени, современное
2	Организация	стихийное, организованное
3	Состояние	заброшенное, закрытое, действующее
4	Принадлежность	государственное, муниципальное, конфессиональное, родовое, семейное, бесхозное
5	Статус	рядовое, элитарное
6	Ландшафт	горное, степное, равнинное, прибрежное
7	Расположение	домашнее, деревенское, сельское, поселковое, загородное, внутригородское, храмовое
8	Состав	общественное, вероисповедальное, воинское
9	Тип погребений	традиционное, с захоронениями после кремации, смешанных способов погребения, многэтажное здание-кладбище
10	Благоустройство	обычное, газонное, парковое, садовое
11	Историко-культурное назначение	историко-мемориальное, некрополь

¹ Левченко И. Е. Прощальная встреча (социология похорон) // Koinon. 2021. Т. 2. № 4. С. 101-115. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.042.

² Ионин Л. Г. Свобода в СССР. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 361-368.

³ Услуги бытовые... С. 5.

Современное кладбище, как правило, состоит из следующих функционально-территориальных зон: входная, административно-хозяйственная, ритуальная, захоронений, санитарно-защитная, моральной защиты.

Кладбища можно отнести к «местам памяти», где «*места* находятся в настоящем, а *память* отсылает к прошлому»¹. Для социологов изучение эпитафий, размещенных на памятниках, помогает «воссоздать» картину мира, свойственную людям определённой эпохи, систему господствующих отношений, доминирующие социальные установки и стереотипы, социальный статус погребённых.

О трансформации представлений членов социума о кладбище убедительно свидетельствует «всемирная паутина» – в ней появляются виртуальные «места успокоения». Например, с 1996 г. в интернете действует сайт «The Political Graveyard», посвящённый 138150 живым и мёртвым американским политическим деятелям². В рамках этого непрерывно продолжающегося проекта происходит постоянное пополнение базы данных.

Классификация персоналий на сайте осуществляется по множеству оснований: места рождения, жизни, смерти и захоронения; даты рождения и смерти; рождение в рабстве; этническое и расовое происхождение; продолжительность жизни; семейное положение; сексуальная ориентация; наличие физических недостатков; конфессиональная принадлежность; попытки убийства; участие в дуэлях; профессия; партийность; членство в политических и общественных организациях; награждения; изображения на американских монетах или валюте; служебная карьера; успехи в спортивных состязаниях; причины или обстоятельства смерти; характер погребальных практик и др.

Отношение к кладбищам можно рассматривать как своеобразный показатель уровня культуры общества и личности. Понимание и принятие всего того, что связано с трагедией смерти и облегчением страданий людей, побуждает

¹ Веселкова Н. В., Прямикова Е. В., Вандышев М. Н. Места памяти в молодых городах: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 34.

² The Political Graveyard.htm [Электронный ресурс]. URL: <http://politicalgraveyard.com/index.html#PE> (дата обращения: 08.08.2017).

быть более внимательным к местам скорбной памяти, обустраивать их, чтить ушедших подобающим образом.

По-разному складываются обстоятельства после погребения покойного. Иногда возникает необходимость извлечь труп из места его захоронения, то есть совершить эксгумацию (табл. 1.1.3)¹.

Таблица 1.1.3

Эксгумация

<i>№</i>	<i>Критерий</i>	<i>Тип</i>
1	Цель	исследовательская, религиозная, перезахоронение, криминалистическая, уничтожение, ограбление
2	Законность	законная, «полузаконная», незаконная
3	(Не)преднамеренность	целенаправленная, случайная
4	Характер	научная, конфессиональная, семейно-родственная, политическая, юридическая, преступная

Эксгумация, как специфический вид социальной мобильности, с одной стороны, «заполняет» лакуны в религиозной жизни конфессий, родственных отношениях, научных исследованиях и следственных делах, с другой стороны, иногда она осуществляется в корыстных и преступных целях. Поэтому обеспечение покоя погребённых является обязанностью потомков.

Поминальные обычаи имеют фундаментальное значение для духовной жизни народов, они отражают их представления о жизни и смерти, о пребывании души человека в загробном мире. Решающее влияние на формирование и развитие ритуальных практик оказала религия.

Сравнительный анализ поминальной обрядности разных этноконфессиональных общностей показал, что она выполняет ряд важных социокультурных функций: социализирующую, психотерапевтическую, идентификационную и консолидирующую. При всех очевидных различиях, обусловленных культурно-историческими особенностями, поминальные традиции едины в утверждении уважения к памяти предков.

¹ Levchenko I. E., Merenkov A. V. Exhumation: past and present // Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research. XXIII International Conference named after professor L. N. Kogan. Yekaterinburg: Ural Federal University, 2020. С. 102-110.

Дни поминовения можно разделить, исходя из их масштаба: частные (личные, семейные), коммунные (общинные), региональные, конфессиональные, общенациональные.

Вместе с тем исследователи (Ф. Аръес, Ж. Бодрийяр, М. М. Фёдорова, Т. В. Чередниченко и др.) сделали обоснованный вывод о том, что произошло вытеснение понятия смерти из сферы обыденного сознания. Например, в рекламе упоминание смерти запрещено.

«С нашей точки зрения, цензуру можно рассматривать в широком смысле как социокультурную систему контроля над производством, распространением, хранением и потреблением социальной информации, действующую в соответствии с потребностями и интересами организующей и направляющей инстанции, наделенной властью¹. Такой подход позволяет отказаться от однозначно негативной трактовки цензуры, при этом, разумеется, необходимо учитывать разницу между конструкцией «должного» и реальным функционированием цензуры».

С одной стороны, цензура смерти может быть обусловлена страхом: «В СССР память старших поколений, которая могла быть разделена с молодыми людьми, тщательно дозировалась, о многом просто не говорили, опасаясь плачевных последствий»².

С другой стороны, ныне цензура смерти чаще всего обусловлена её банализацией: она перестала принадлежать естественному порядку вещей, и воспринимается как агрессия «извне». Прервалась коммуникация между умирающим или уже умершим и сообществом живых. Кроме того, процесс секуляризации обусловил деритуализацию, десимволизацию и жёсткую профессионализацию всего, что связано со смертью и погребальными практиками.

Изменение культуры социума всегда влечёт за собою корректировку режима цензуры смерти. Однако далеко не всегда это свидетельствует о

¹ Левченко И. Е. Цензура как социокультурный феномен // Социс. 1996. № 8. С. 87-89.

² Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Индустриальная память: масштабы и множественность : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 20.

дегуманизации общественных отношений. В отдельных случаях очевидна необходимость функционирования цензуры, ограниченной рамками закона и нравственности. Эта специфическая социокультурная система – гарант сохранения военной и врачебной тайн, защита от преждевременного разглашения завещания, инструмент недопущения распространения в СМИ и Интернете сведений о методах суицида и террора и т. п.

Итак, смерть знаменует завершение жизни, она многофункциональна и поливариантна.

Танатосоциология сформировалась на стыке танатологии и социологии и изучает духовные и социальные связи с умершими. Духовные связи выражаются в памяти индивидов и социальных групп, в освоении результатов жизни ушедших — их идей, теорий, художественных произведений и т. п. Социальные связи находят свое «материальное» воплощение: возвеличивание или низложение мертвых, ритуалы возложения цветов, отмечания дат смерти, создания памятников, наименования улиц, кораблей, городов и др. Тем самым создаются особые формы «использования» покойных для оправдания деятельности живых.

Танатосоциология является частью *Death Studies*, представляя собой отраслевую социологию, включающую шесть субдисциплин – моросоциологию, социологию социальной смерти, социологию ненасильственной смерти, социологию насильственной смерти, социологию похорон и некросоциологию.

Она способствует лучшему пониманию поведения представителей традиционных, модернизированных и постсовременных социумов. Она нацелена на проведение социологического диагноза процессов, протекающих в разновозрастных, многорасовых, полиэтничных сообществах, помогая находить оптимальный выход из трагически сложных ситуаций.

Социальная смерть – это своеобразный период бытия социального субъекта, во время которого он (само)устраняется от участия в жизни общества и/или социальной общности. Это состояние может быть обусловлено влиянием объективных и субъективных факторов.

В следующем параграфе мы рассмотрим методологию исследования истории танатосоциологии.

1.2. Методология исследования и источниковедение истории танатосоциологии

При изучении генезиса западноевропейской танатосоциологии целесообразно опираться на фундаментальные исследовательские принципы, реализованные в современных историко-научных (Дж. Д. Бернал, В. И. Вернадский, А. В. Койре, А. Н. Уайтхед и др.), историко-философских (В. Ф. Асмус, Е. В. Грунт, З. А. Каменский, Ф. Коплстон, Т. И. Ойзерман и др.) и историко-социологических (Р. Арон, А. Б. Гофман, Ю. Н. Давыдов, Г. Е. Зборовский, Н. В. Романовский и др.) изысканиях:

1) принцип объективности предполагает «признание объективно-реального существования объекта познания и возможности его адекватного отражения в сознании человека»¹. При этом выделяют четыре типа объективности: а) абсолютная (знание, отражающее действительность без предвзятости и искажений); б) дисциплинарная (консенсус в конкретном исследовательском сообществе); в) диалектическая (признание субъективности познающего); г) процедурная (ориентирована на практику имперсонального метода исследования)²;

2) принцип историзма «дает возможность анализировать социальные явления и процессы как развивающиеся, изменяющиеся во времени»³. Он нацеливает на выявление реальной ситуации при различении ее прошлого, настоящего и возможного будущего;

3) творческое наследие мыслителей складывалось, как правило, на протяжении длительного времени и включает множество компонентов,

¹ Кориунов А. М., Мантатов В. В. Диалектика социального познания. М.: Политиздат, 1988. С. 116.

² Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. с англ. М.: Канон +, 2009. С. 369-391.

³ Копалов В. И. Историзм как принцип социально-философского исследования. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 26.

образующих систему. Принцип системности ориентирует на раскрытие целостности объекта и типов связей, обеспечивающих эту целостность¹;

4) разнообразие циркуляции интеллектуальных идей задано их содержанием и востребованностью в социуме, согласно принципу взаимовлияния философской и научной мысли²;

5) принцип взаимодействия науки и общества указывает на многогранный характер обмена между ними³, свидетельствует о динамике их взаимозависимости;

6) принцип преемственности и прерывности в социологической теории отражает специфику нелинейности процесса развития научного знания⁴;

7) принцип опоры на источники утверждает, что информацию об истории философии, науки и социологии исследователь должен непосредственно извлекать из первоисточников – текстов мыслителей;

8) принцип личной сопричастности: при проведении исследований, связанных со смертью, невозможно сохранить «критическое расстояние», потому что ученый – «всегда часть универсальной области смерти»⁵.

Подчеркнем, что в историко-теологических штудиях приоритет отдается фундаментальному принципу «отнесенности всего к Царству Божьему как откровению и содержанию христианства»⁶.

Кроме того, богословская методология включает еще пять принципов (некоторые из них реализуются и в светски ориентированных исследованиях): 1) конфессиональность: а) соответствие между верой и теологическим знанием; б) принадлежность к какой-либо христианской конфессии; 2) историчность – событие Боговоплощения произошло в определенное время и в определенном месте; 3) двойная контекстуальность – богословы обязаны непременно учитывать

¹ Савельева И. М., Полетаев А. В. Социология знания о прошлом. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005. С. 8.

² Койре А. Очерки истории философской мысли : О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / пер. с франц. М.: Прогресс, 1985. С. 12.

³ Бернал Дж. Д. Наука в истории общества / пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956.

⁴ Мертон Р. Социальная теория... С. 27-50.

⁵ Woodthorpe K. Researching death: methodological reflections on the management of critical distance // International Journal of Social Research Methodology. 2011. № 14 (2). P. 99-109.

⁶ Шмеман А., прот. Дневники. 1973-1983. М.: Русский путь, 2005. С. 372.

контекст своего предмета и контекст собственных изысканий; 4) верификация теологического поиска имеет опору в фундаментальных источниках божественного Откровения (Писание – Предание – Литургия); 5) системность — возможность применения данных принципов в структуре богословских дисциплин¹.

В связи с этим укажем, что мы согласны со следующим выводом Ю. М. Беспаловой: «Современная социологическая наука не имеет необходимого набора познавательных средств для изучения иррациональной компоненты религиозной жизни»². И с этим обстоятельством светским ученым приходится считаться.

Исходя из рассмотренных ранее принципов, полагаем возможным выделить ряд предпосылок возникновения и развития социологии смерти (рис. 1.2.1).

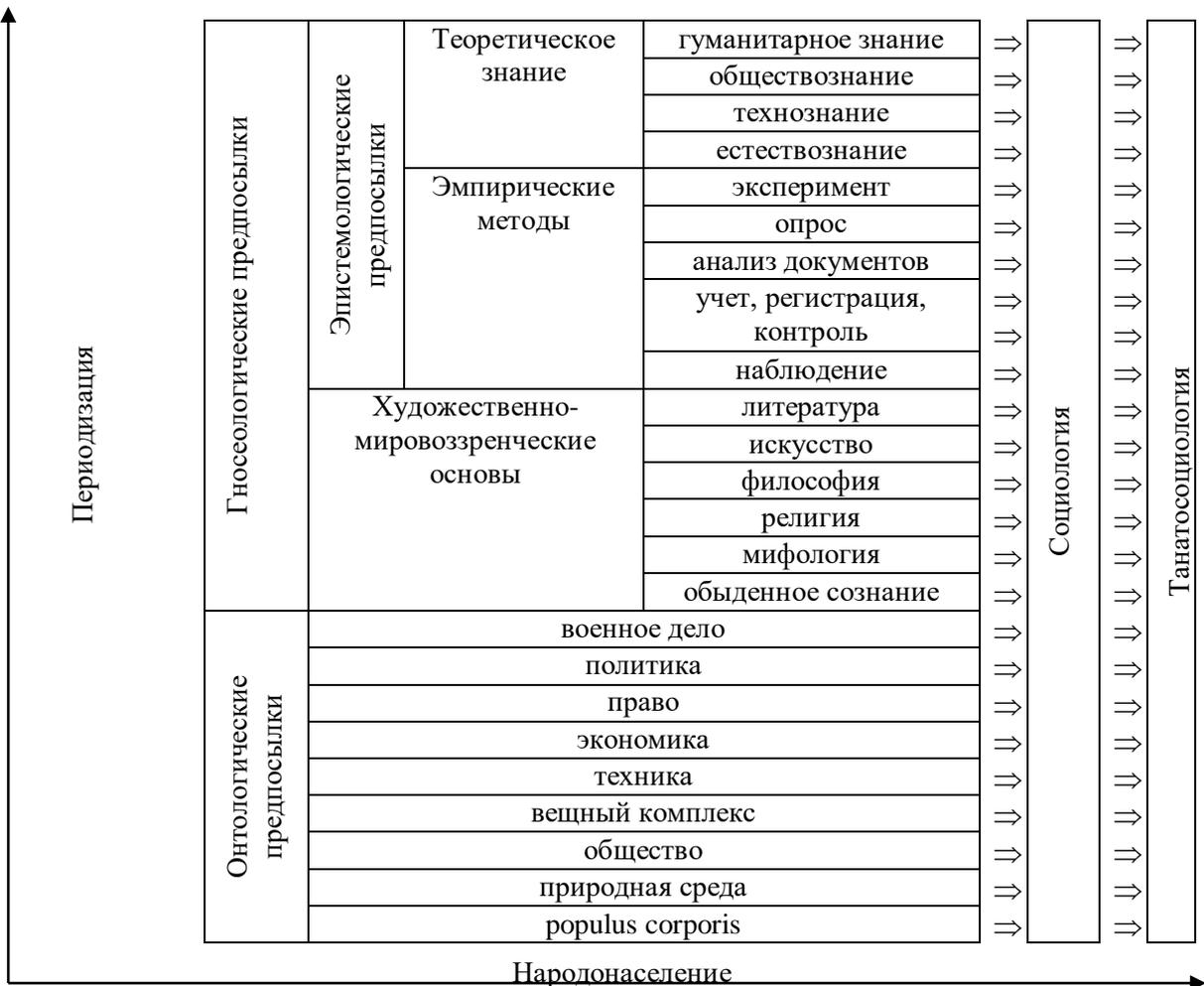

Рис. 1.2.1. - Генезис и развитие танатосоциологии

¹ Михайлов П. Б. Богословские науки: методология исследований // Религиоведческие исследования. 2014. № 9-10. С. 7-85.

² Беспалова Ю. М. «В социологии я оказалась и случайно и неслучайно» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 1. С. 11.

К числу онтологических предпосылок относятся:

1) народонаселение – динамика его изменений (ось абсцисс) в конкретный исторический период (ось ординат): численность людей, живущих в том или ином регионе, стране, в целом, на планете, во многом детерминирует эффективность взаимодействий между ними;

2) *populus corporis* (люди телесные) – это собственно люди – питающиеся, работающие, любящие, рожаящие, болеющие, умирающие и др.;

3) природная среда – благоприятная/неблагоприятная для бытия человека;

4) общество – тип (аграрное, индустриальное и постиндустриальное), социальная структура и другие его характеристики влияют на формулирование, артикулирование и распространение интеллектуальных идей;

5) вещный комплекс – определяет континуум повседневного существования и ухода в иной мир;

6) технические средства и технологии – их изобретение и использование влечет за собою преобразования в мышлении и во всех сферах жизни людей;

7) экономическая система обеспечивает материальные условия функционирования социума;

8) правовая система общества задает нормативные рамки поведения социальных субъектов;

9) политическая система социума стимулирует социальные изменения или препятствует им;

10) военное дело демонстрирует возможности мобилизации и организации людских и технических ресурсов для сохранения мира, совершения агрессий, ведения войн, увеличения или сокращения динамики потерь.

В гносеологическом плане исходным для формулирования суждений о природе смерти и ее роли в жизни социума является обыденное сознание.

Выявление топологических и хронологических свойств социальной реальности важно для социально-гуманитарного знания, так как именно пространственно-временной континуум образует поле, в котором происходят все социальные взаимодействия. Начиная с Древности и до сего дня, оно служит объектом

«символической борьбы за власть производить и навязывать легитимное видение мира» (П. Бурдьё)¹. Суть конфликтов заключается в том, чтобы «заставить» смотреть на понесенные утраты, окружающие реалии и перспективы будущего под определенным углом зрения и оценивать их соответствующим образом, поэтому субъекты власти пытаются изменить «набор» элементов когнитивных и аксиологических структур «населения/народа», «рисующих» облики смерти и горизонты жизни. Особенно ярко это проявляется в эпоху модерна и постмодерна.

Усложнение представлений о смерти связано с эволюцией основных типов мировоззрения (мифологического, религиозного и философского) и изменением типов научной рациональности. Так, Б. Малиновский на основе социально-антропологических наблюдений установил, что «бытовая мифология выстраивается вокруг какой-либо значимой схематической конструкции. Общая вера в то, что заболевания и смерть вызываются сверхъестественными причинами, какие-то конкретные повествования о событиях, постоянно случающихся в жизни туземцев, — все это сплетается в органическое единство»². Эти механизмы действенны и в наше время — в период пандемии COVID-19, что наглядно подтверждают мифы, распространяемые «антиваксерами» и сторонниками теории «мирового заговора».

Абсолютное большинство создателей социологии смерти являлись верующими людьми. По мнению А. Уайтхеда, «религия является видением того, что находится по ту сторону, вне и внутри мимолетного потока непосредственно данных вещей; [...] того, что представляется окончательным благом и в то же время находится вне пределов досягаемости»³. Вполне очевидно, что синтез веры и знания в мировоззрении ученых находит отражение в их текстах.

Особое значение для возникновения и становления танатосоциологии имел опыт философского осмысления экзистенциальных проблем. Но при этом «философия, в отличие от науки, “смотрит” не на мир, а на знание о мире, поэтому

¹ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 78.

² Малиновский Б. Магия, наука и религия // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М.: Республика, 1994. С. 103.

³ Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии / пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. С. 253-254.

“видит” в мире не объекты, а смыслы их отношений», и она всегда оказывается больше сомневающейся, чем утверждающей¹.

Согласно К. Марксу, «история философии должна выделить в каждой системе определяющие мотивы, подлинные кристаллизации, проходящие через всю систему. [...] Она должна отделить бесшумно продвигающегося вперед крота подлинного философского знания от многословного, экзотерического, принимающего разнообразный вид, феноменологического сознания субъекта»².

Современные методологические (аналитический и герменевтический) подходы к истории философии не столько противостоят, сколько дополняют друг друга³.

Благодаря историко-философским штудиям, можно «вычленил» в интеллектуальном наследии работы, которые представляют для нас интерес, и исследовать их.

Искусство как «предметное бытие художественной деятельности», как «совокупность произведений, связывающих творчество и восприятие создаваемых ею произведений»⁴, в течение веков представляет множество образов смерти, влияющих на чувства и сознание зрителей.

Следует согласиться с Р. Л. Красильниковым в том, что «художественная литература позволяет услышать отголоски танатологического опыта прошлых поколений, примерить на себя различные модели отношения к смерти»⁵.

Использование эмпирических методов (наблюдение, учет, регистрация, контроль, анализ документов, опрос, эксперимент) в различных отраслях (естествознание, технознание, обществознание, гуманитаристика) теоретического знания – от установления медицинского диагноза и разработки механизма гильотины до создания таблиц смертности населения и объяснения целей человеческого

¹ Грунт Е. В. Проблема смысла жизни в истории западноевропейской философии (от Античности до конца XIX века). Челябинск: ЧИРПО, 1996. С. 9.

² Маркс К. Тетради по эпикурейской философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1975. Т. 40. С. 136.

³ Кротов А. А. Методология современных историко-философских исследований во Франции // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 52-62.

⁴ Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание : Избр. ст. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 168.

⁵ Красильников Р. Л. Указ. соч. С. 9.

существования – «подпитывало» общенаучную «почву», на которой и была возвращена танатосоциология.

Принимая во внимание «родовую» связь социологии с социальной философией, история социологии делает акцент на выявлении составляющих общей теории (доказательность построений, обоснованность утверждений и их верификация), специфики методологии и эмпирической фундированности науки на различных этапах ее развития¹.

Подытоживая результаты анализа историко-социологических работ зарубежных (Р. Арон, А. У. Гоулднер, Л. Козер, Р. Коллинз, Дж. Ритцер, Е. Шацкий и др.) и российских (А. Б. Гофман, Ю. Н. Давыдов, Б. З. Докторов, Г. Е. Зборовский, С. А. Кравченко, Н. Г. Осипова и др.) авторов, полагаем возможным выделить ориентиры плодотворного исследования истории западноевропейской танатосоциологии.

Во-первых, изучение истории социологии смерти следует осуществлять в рамках социально-исторического контекста. Раскрытию последнего способствует историческая социология. Как полагает П. Штомпка, ее фундамент составляют шесть онтологических положений: 1) социальная реальность – это не статическое состояние, а динамический процесс; 2) социальные изменения представляют собой слияние множественных процессов с различными векторами; 3) общество, подвергающееся изменениям, представляет собой сеть отношений, пронизанную напряжением и гармонией, конфликтами и сплочённостью; 4) последовательность событий в пределах каждого социального процесса имеет кумулятивный характер; 5) социальный процесс является конструированным, созданным действиями людей; 6) существует диалектика действий и структур: последующие структуры формируются благодаря предыдущим действиям².

Во-вторых, необходимо максимально полно определить вехи личной и профессиональной биографии ученого. Л. Н. Коган справедливо указывает, что «внутренняя жизнь человека, отражая факты и события действительности, “питаясь”

¹ См.: Давыдов Ю. Н. Введение. Исторический горизонт теоретической социологии // История теоретической социологии : В 4 т. / Отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. М. : Канон, 1997. Т. 1. С. 9-10.

² Штомпка П. Социология социальных изменений... С. 266-267.

ими, обладает относительной самостоятельностью, а ее “бури” и “циклоны” могут не совпадать по времени с самими событиями общественной и личной жизни, вызвавшими их»¹.

В-третьих, на основе выявленных личных связей (беседы, переписка, командировки и т. д.) между мыслителями вычерчиваются сетевые схемы коммуникаций: вертикальные – учителя и ученики, горизонтальные – кружки единомышленников².

В-четвертых, рассматриваются институционально-организационные формы (научные общества, учебные подразделения, конференции, издания и т. д.)³. Для нас особый интерес представляют научные школы. К числу их существенных характеристик в социологии науки относят «общность объекта исследования, единую парадигму научной деятельности; способность к продуцированию знания [...]; собственные технологии создания, передачи и применения знания; проявление эффекта саморазвития, базирующегося на обмене результатами и идеями как внутри одного поколения, так и между учителями и учениками; признание со стороны других научных направлений»⁴.

В-пятых, надо учитывать, что «история социологии – это, конечно же, сумма историй “национальных” социологий, которые развивались крайне неравномерно и были подвержены сильному влиянию локальных условий и традиций»⁵.

В-шестых, устанавливается степень верности исследователей этосу науки – императивам универсализма, всеобщности, бескорыстности и организованного скептицизма⁶.

В-седьмых, осуществляются историко-эпистемологические изыскания, потому что «брать классические понятия в их современном “снятом виде” – это значит

¹ Коган Л. Н. Человек и его судьба. М.: Мысль, 1988. С. 76.

² Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 33-40.

³ Гофман А. Б. Классическое и современное: этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003. С. 25.

⁴ См.: Устюжанина Е. В., Евсюков С. Г., Петров А. Г. и др. Научная школа как структурная единица научной деятельности. М.: ЦЭМИ РАН, 2011. С. 3.

⁵ Шацкий Е. История социологической мысли: в 2 т. / пер. с польск. М.: Новое литературное обозрение, 2018. Т. 1. С. 25.

⁶ Мертон Р. Социальная теория... С. 770-781.

терять в них множество сторон и смыслов, проработавших в свое время на их создание и оставивших на них свои следы»¹.

Кроме того, нужно считаться с тем обстоятельством, что в условиях формирования социологического языка метафора приобрела эпистемологический статус и стала рассматриваться в социологии знания в качестве: а) инструмента познания; б) разновидности научного знания; в) средства описания действительности; г) объяснительной схемы².

В-восьмых, в заключении, оценивается вклад конкретного ученого в генезис социологии смерти и влияние его идей на дальнейшее развитие танатосоциологии.

Считаем, что для достижения заданных ориентиров оптимально использовать совокупность историко-социологических методов (генетический, периодизации, биографический, компаративистский, реконструктивный, источниковедческий и традиционный анализ документов). Рассмотрим последовательно каждый из них.

М. М. Ковалевский, основоположник отечественной генетической социологии, относил к ней «ту часть науки об обществе, его организации и поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественной жизни и общественных институтов»³. По его мнению, генетический метод отличают следующие специфические черты: а) «достаточная доза скептицизма»; б) полипричинное объяснение социальных явлений; в) опора на фактические данные социально-гуманитарных наук – этнографии, статистики, права и др.; г) приверженность конкретно-историческому анализу⁴.

Советский историк И. Д. Ковальченко видел суть метода «в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения»⁵. Он также отмечал, что историко-генетический метод тяготеет к описательности, фактографизму и эмпиризму.

¹ Чеснокова В. Ф. Язык социологии: курс лекций. М.: ОГИ, 2010. С. 538.

² Рассохина М. В. Метафора в языке социологической теории. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2001. С. 73.

³ Ковалевский М. М. Социология: в 2 т. Т. 2. Генетическая социология. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. С. 1.

⁴ Там же. С. 1-19.

⁵ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. С. 184-185.

Посредством генетического метода осуществляется причинно-следственный анализ. Д. С. Милль обосновал применение четырех методов такого анализа: 1) метод совпадения; 2) метод разницы; 3) метод остатков; 4) метод сопутствующих изменений¹.

Полагаем, что, с учетом указанных учеными особенностей генетического метода и при известных ограничениях, он вполне подходит для проведения историко-социологического исследования.

Периодизация истории социологии представляет собой систематизацию, заключающуюся в условном делении процесса возникновения и развития социологии на определенные хронологические отрезки. Среди специалистов нет единой точки зрения по этой проблеме. Мы разделяем мнение Н. В. Романовского о том, что содержание периодов истории социологии включает: 1) развертывание всех составных элементов социологической науки и социологической практики; 2) формирование социологии как части института образования (науки) и наиболее тесно соприкасавшихся с социологией дисциплин; 3) развитие социологии как части общества; технические революции в овладении знаниями и доступом к ним и т. п.; 4) личности в истории социологии².

Следуя этой логике и соотнося историю танатосоциологии с историей социологии в целом, можно выделить ее главные вехи: 1) предыстория (IV в. до н. э. – начало XIX в.); 2) период становления (1830-е – 1930-е); 3) период институализации (1930-е – 1990-е); 4) современный период (2000-е – настоящее время). При этом предыстория и период становления хронологически охватывают процесс генезиса танатосоциологии. Подтверждением обоснованности предложенной нами периодизации служат данные о динамике накопления и разнообразии научного знания, его оформлении в виде специализированных изданий, создании профессиональных сообществ, дискутирующих внутри себя и между собой, признании в академической среде и со стороны социума.

¹ Милль Д. С. Система логики. Т. 1. Изд-е 2. СПб.: Типография М. О. Вольфа, 1878. С. 442-465.

² Романовский Н. В. Историческая социология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 184.

Исходя из парадигмального подхода Т. Куна, полагаем возможным различать четыре ведущие парадигмы в социологии смерти. В связи с тем, что анализу творчества представителей классической парадигмы посвящены третья и четвертая главы нашей работы, мы лишь кратко охарактеризуем методологические особенности, присущие другим парадигмам, в научном пространстве которых были переосмыслены и развиты положения, выдвинутые основоположниками социологии смерти.

Американские ученые справедливо указывают: «Неоклассическая социология утверждает, что предоставляет инструменты для анализа, которые полезны для социальных субъектов, либо потому, что они развеивают мистификации, либо потому, что они позволяют социальным акторам измерить, рассчитать и объяснить свою жизнь и социальные миры»¹.

Придерживаясь данного подхода, их соотечественник У. Л. Уорнер в книге «Живые и мертвые» (1959)² «впервые в мировой социологии осуществил анализ похоронного дела. Он рассмотрел специфику социальных ролей бальзамирщика, гробовщика, владельца похоронного бюро, плакальщиц и других технических исполнителей похоронных обрядов. Основываясь на данных полевых исследований, Уорнер сделал важные теоретически фундированные выводы: 1) символы смерти говорят, что такое жизнь, а символы жизни определяют, чем должна быть смерть; 2) нестабильность социальной системы находит отражение в неуважении людей к кладбищу как коллективной репрезентации, предназначенной для выражения их чувств по отношению к мертвым»³. Методология Уорнера оказала позитивное влияние на последующие изыскания не только в области танатосоциологии, но и социальной стратификации, социальной мобильности и социальной антропологии.

Сторонники постклассической парадигмы тонко почувствовали характер происходящих в мире перемен. И. Валлерстайн грустно-иронично предположил:

¹ Eyal G., Széleányi I., Townsley E. On Irony: An Invitation to Neoclassical Sociology // Thesis Eleven. Number 73, May 2003. P. 31.

² Уорнер У. Л. Живые и мертвые: Пер. с англ. М.- СПб.: Университетская книга, 2000.

³ Левченко И. Е. Социологическое творчество У. Л. Уорнера // Дискуссия. 2012. № 9. С. 104-105.

«Мы переживаем конец модерна, [...] современный мир находится в заключительной фазе кризиса и вскоре социальная реальность станет похожей, вероятнее всего на реальность XIV в.»¹.

Справедливость суждения американского социолога подтверждается множеством исторических параллелей, укажем лишь некоторые из них: борьба Фландрии за независимость (1302) – борьба республик Донбасса за независимость, Великий голод (1315-1317) – голод в странах «третьего» мира, Столетняя война (1317-1453) – противостояние СССР и России странам НАТО и Европейского Союза, Чёрная смерть (1347-1351) – пандемия COVID-19, Великий западный раскол (1378-1417) – раскол в мировом православии и Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) и др. Всё это нацеливает на активизацию поиска путей духовного и физического народосбережения.

«Деформация» самосохранительного поведения наших современников – это результат глобальных социокультурных изменений, в том числе, секуляризации общества. По словам, З. Баумана, «бессмертие лишилось своих самых главных и наиболее привлекательных черт – гарантий необратимости и неоспоримости. Всё изменилось: теперь смерти, и только ей, придан статус конечного результата. Смерть больше не является прологом к чему-то ещё. Она не открывает дорогу в вечность»². В социуме господствует «смертническая парадигма» – установка сознания, исключающая возможность реального личного бессмертия, лишь немногие «оптимисты» убеждены в достижении «живой» вечности.

С иных методологических позиций анализируют проблему приверженцы неклассической социологии. Здесь знаменателен поворот от макро- к микроподходам и к гуманитаризации социологического знания.

Так, феноменологи П. Бергер и Т. Лукман полагают, что центральное место, которое занимает в сознании современного человека его Я (или самоидентичность), делает невыносимыми мысли о смерти или физическое соприкосновение с нею. Поэтому «непреложность конца» требует от всякого

¹ Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социс. 1997. № 1. С. 9.

² Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. М.: Логос, 2002. С. 312

общества «легитимизации социальной реальности перед лицом смерти». Ученые подчеркивают: «Любая легитимизация смерти решает одну и ту же основную задачу – она должна дать индивиду возможность продолжать жить в обществе после смерти значимых других и если не снять, то по крайней мере смягчить ужас от ожидания собственной смерти, чтобы он не парализовал привычный порядок повседневной жизни»¹.

На наш взгляд, за последние почти сто лет институализация способствовала развитию танатосоциологического знания, оно приобрело академическую и общественную респектабельность, его отличает полипарадигмальность и многоуровневый подход.

Историко-социологический анализ также ориентирует на выяснение того, в какой период творчества исследователь обратился к вечной проблеме и какие обстоятельства биографии индивида и социальной действительности мотивировали его исследование трагизма бытия. Е. Ю. Рождественская определяет биографию «как интерпретативный жанр тематического описания личности, позволяющий организовать жизнь во временном аспекте, а также в плане участия в различных социальных институтах и мероприятиях»².

Биографический метод в качественной социологии «охватывает способы измерения и оценки жизненно-исторических свидетельств, рассказанных или сообщенных сведениях о жизни с точки зрения тех, кто эту жизнь прожил. Наряду с этим в исследование включаются другие виды данных (результаты опросов, данные наблюдений, акты, семейно-исторические документы и пр.)»³.

Интеллектуальные биографии, написанные зарубежными социологами (например, О. Конта – М. Пиккеринг (1993-2009), Д. С. Милля – У. Л. Кортни (1889), Э. Дюркгейма – Д. Ла Капра (1972) и С. Люксом (1972)), и биосоциокультурный подход российско-американского ученого Б. З. Докторова

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Московский философский фонд, 1995. С. 166.

² Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: ИД Высшая школа экономики, 2012. С. 43.

³ Фукс-Хайнриц В. Биографический метод // Биографический метод в социологии: история, методология и практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 12.

убедительно доказали, что благодаря биографическому методу можно результативно реализовать принцип историзма на микроуровне исследования.

Многоликость западноевропейской классической социологии побуждает нас обратиться к компаративистике – сравнительно-историческому и сравнительно-типологическому методам. Если первый «дает возможность вскрывать сущность изучаемых явлений и по сходству и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в пространстве и времени, т. е. по горизонтали и вертикали»¹, то второй предполагает «исследование сходств и различий между явлениями или их классами с целью установления классификаций и типологий социальных явлений»².

Для сравнения национальных социологических школ А. Г. Здравомыслов разработал методологическую конструкцию: «национальная культура – структуры национального мышления – национальные характеры – менталитеты и ментальности – варианты социального действия»³. Кроме того, он выделил культурные коды сравниваемых стран (табл. 1.2.1) и персоналии ведущих социологов стран в соответствии с хронологией их жизненного пути⁴. Отчасти данный подход используется в наших изысканиях при определении общего и особенного в генезисе танатосоциологии в различных странах.

Таблица 1.2.1

Культурные коды сравниваемых стран (по А. Г. Здравомыслову)

<i>Франция</i>	<i>Великобритания</i>	<i>Германия</i>
Приоритет политического мышления	Неприкосновенность личности	Порядок Приоритет философии
Ясность и логика	Самоуправление	«Конституционный патриотизм»
Просвещение	Эмпиризм	
Элитарность	Понимание границ власти	Упорство
Разнообразие	Терпимость	Вытеснение прошлого

Метод реконструкции как «восстановление» интеллектуального наследия ученых по сохранившимся трудам, свидетельствам и описаниям с учетом

¹ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 187-188.

² Джери Д., Джери Д. Указ. соч. С. 280.

³ Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. М.: Логос, 2010. С. 48.

⁴ Там же. С. 49, 55-59.

социокультурных детерминант является одним из ведущих в историко-социологическом познании. П. Бурдьё точно подметил его особенности: «Самыми типичными стратегиями конструирования являются те, которые нацелены на ретроспективное реконструирование прошлого, применяясь к потребностям настоящего»¹. Таким образом, задача исследователя заключается в раскрытии авторского замысла и его воплощения в конкретном сочинении, в выявлении роли и места этого произведения и его создателя в истории социологии смерти.

Полнота и достоверность реконструкции зависит от состояния источниковой базы. Этому вопросу в современной отечественной социологии, на наш взгляд, еще не уделялось должного внимания, поэтому рассмотрим его подробнее.

Начиная с XIX века, вопросы источниковедения успешно разрабатываются историками, в том числе, российскими. Так, В. О. Ключевский, придерживавшийся позитивистской ориентации, утверждал: «Исторические источники – это или письменные, или вещественные памятники, в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ. Вещественными памятниками называются самые предметы, бывшие в употреблении людей, служившие их потребностям и, следовательно, наглядно представлявшие их быт, обстановку, вкусы, стремления и страдания»².

Иную – неокантианскую – трактовку выдвинул А. С. Лаппо-Данилевский: «...в понятие об историческом источнике входят, во-первых, понятие о психическом его значении и, во-вторых, понятие о материальном его образе, в котором такой продукт реализуется»³.

Продолжив данную традицию, сторонница феноменологического подхода О. М. Медушевская справедливо полагала, что для получения необходимой социальной информации следует обращаться «ко всему объему произведений культуры (в широком смысле), созданных в процессе человеческой деятельности и отразивших в себе социальные, психологические, эколого-географические,

¹ Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 199.

² Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. VII. Специальные курсы (продолжение). М.: Мысль, 1989. С. 7.

³ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М.: Академический проект, 2013. С. 226.

коммуникационно-информационные, управленческие и другие аспекты развития общества и личности, власти и права, нравственности, мотивов и стереотипов человеческого поведения»¹.

Ныне в исторической науке принято различать основные группы источников: 1) по носителю информации – вещественные, устные, письменные и иконографические; 2) по новизне информации – первичные и вторичные; 3) по доступности – неопубликованные и опубликованные; 4) по степени распространенности – массовые и уникальные; 5) по статусу – официальные и неофициальные.

Социологическая информация (данные, с которыми работает специалист в ходе исследования) классифицируется примерно в той же логике (табл. 1.2.2)².

Таблица 1.2.2

Классификация социологической информации

<i>№</i>	<i>Критерий</i>	<i>Виды</i>
1	генезис	первичная, вторичная
2	источники получения	данные анализа документов, статистики, опроса, наблюдения, эксперимента
3	способ получения	открытая, скрытая
4	время	синхронная, диахронная
5	структурирование	структурированная, полуструктурированная, неструктурированная
6	статус	официальная, неофициальная

При работе с источниками по истории классической танатосоциологии представляется целесообразным использовать достижения современного отечественного источниковедения (Н. Г. Георгиева, Б. В. Емельянов, И. Д. Ковальченко, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева, Ю. А. Русинова, А. И. Филюшкин, О. И. Хоруженко и др.).

Источниковедческое исследование включает в себя ряд этапов: 1) эвристический; 2) внешняя критика (атрибуция, датировка, описание, условия возникновения и др.); 3) внутренняя критика (изучение содержания, верификация

¹ Медушевская О. М. Теория источниковедения // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. С. 26-27.

² Рыбакова Л. Н. Информация социологическая // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. С. 391.

сведений, определение их оригинальности, сравнение с другими данными и др.);
 4) синтез (оценка источника с точки зрения научно-познавательной ценности).
 По носителю информации источники по истории классической танатосоциологии могут быть классифицированы следующим образом (табл. 1.2.3):

Таблица 1.2.3

Классификация источников по истории классической танатосоциологии

№	Тип	Род
1	Письменные	а) нарративные; б) документальные; в) статистические; г) периодические печатные издания; д) нормативные правовые акты
2	Фонографические	а) данные языка; б) фольклор; в) слухи; г) музыка; д) аудио
3	Визуальные	а) иконографические; б) фотографические; в) кинематографические
4	Вещественные	а) питание; б) одежда и обувь; в) предметы быта и гигиены; г) орудия труда; д) средства передвижения; е) сооружения и здания; ж) художественные и религиозные артефакты; з) эпиграфика и печати
5	Антропологические	а) антропологические данные; б) поведенческие акты; в) захоронения

Избранная нами методология позволяет также выявить особенности социокультурного контекста генезиса европейской танатосоциологии через анализ естественнонаучных, демографических, статистических, исторических, юридических, военных, психологических, философских, религиозных, политических и художественных сочинений 1830-х – 1930-х годов, в которых исследуются различные аспекты феномена смерти.

Ценным источником информации о жизнедеятельности ученых являются автобиографии (например, Г. Мартино, Дж. С. Милля, Г. Спенсера и др.), которые включают также нарративы об уходе в мир иной родных и близких, об отношении к этим утратам.

Среди биографических произведений выделяется книга вдовы М. Вебера Марианны (1870-1954) «Жизнь и творчество Макса Вебера», содержащая ее воспоминания и размышления, жизнеописание и письма ученого. Вот как она описывает выступление мужа перед ранеными в лазарете в первое военное Рождество (1914): «Он говорит о величии смерти в бою. В

повседневности смерть приходит ко всем нам, как непонятная, противоречащая разуму судьба, смысл которой нельзя понять. Ее приходится просто принимать. Однако каждый из вас знает, почему и за что он умирает, если жребий падет на него. Тот, кто остается в стороне, является посевным зерном для будущего. Героическая смерть за свободу и честь нашего народа — высшая доля, о которой помнят дети и дети детей. Нет более высокой чести, более достойного завершения, чем так умереть»¹.

Для формирования целостного понимания процесса генезиса танатосоциологии полезно обращаться к хроникам развития научных школ, профессиональных объединений социологов, учебных заведений и печатных изданий.

Высокой степенью информативности отличаются собственно документальные источники. Так, документы личного происхождения — это документы, образовавшиеся в процессе деятельности отдельных лиц. Они возникают по инициативе и замыслу частного лица и являются его личной собственностью. Как правило, закономерности размещения информации в текстах документов личного происхождения отсутствуют, их наполнение произвольно, показательно само содержание, имеющее глубоко личностный характер. Например, К. Маркс в своей «Исповеди» (1865) на вопрос «Ваше представление о счастье?» кратко и серьезно ответил: «Борьба»², Ф. Энгельс (1868) — иронично: «Шато-Марго 1848 г.»³.

Специфика коммуникаций, характерных для исследуемого периода, побуждает особо выделить эпистолярные источники — в письмах социологов и их корреспондентов зачастую содержится не только важная биографическая, но и научная информация. Как верно отмечает А. Б. Гофман, «в письмах как разновидности аксиальной и частной коммуникации автор изначально ориентирует свои сообщения на определенные цели и определенных адресатов,

¹ Вебер М. Жизнь и творчество Макса Вебера. М.: РОССПЭН, 2007. С. 440.

² Маркс К. Исповедь // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 31. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1963. С. 492.

³ Энгельс Ф. Исповедь // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 32. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1964. С. 581.

адаптируется к ним; эти цели и адресаты оказывают определяющее воздействие на отправляемые тексты»¹.

Подчеркнем, что значительным эвристическим потенциалом обладают архивы ученых (например, К. Маркса и Ф. Энгельса²). В качестве документообразователей могут также выступать государственные учреждения, образовательные, научные и общественные организации. В связи с этим весьма ценными для изучения нашей темы являются отчеты Международного института социологии (далее – МИС), содержащие регламенты деятельности, списки членов этой организации, выступления ее руководителей на конгрессах и другие материалы³.

Так, в своем обращении к первому съезду (1903) британский энциклопедист и политик сэр Джон Леббок (1834-1913), возглавивший МИС, заявил: «<...> сейчас у нас никогда не бывает мира, а на самом деле мы живем в состоянии войны; к счастью, без сражений и без пролития крови, но вместе с тем не без страшных страданий»⁴. Он выразил надежду на то, что новое объединение исследователей будет способствовать обмену мнениями и поможет предотвратить конфликты между нациями.

Безусловно, весьма информативны протоколы заседаний научных объединений, инструкции, отчеты о проведенных социологических исследованиях, включающие приложения в виде анкет, таблиц и т. п.

Третья группа письменных источников включает статистические документы. Известно, что во многом проблема суицида была изучена Э. Дюркгеймом посредством метода вторичного анализа данных официальных статистических изданий: «Compte-rendu général de l'administration de la justice

¹ Гофман А. Б. Письма классиков: значение эпистолярного жанра в истории социологии // Вторые Давыдовские чтения. Сб. научных докладов симпозиума 9-10 октября 2014 г. / под ред. И. Ф. Девятко и Н. К. Орловой. М.: Ин-т социологии РАН, 2014. С. 222.

² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса [Электронный ресурс] / Публичная библиотека: [сайт]. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MARKS_Karl,_ENGEL%27S_Fridrih/_Marks_K.,_Engel's_F._Arhiv_.html (дата обращения: 25.09.2020).

³ Annales de l'Institut international de sociologie [Электронный ресурс] / Gallica: [сайт]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k55936332#> (дата обращения: 25.09.2020).

⁴ Discours du Président, Sir John Lubbock // Annales de l'Institut international de sociologie. October, 1894. № 1. Paris, 1895. P. 3-4.

criminelle en France»¹ («Общий отчет об отправлении уголовного правосудия во Франции»), «Oesterreichische Statistik (Statistik des Sanitätswesens)»² («Австрийская статистика (Санитарная статистика)»), «Württembergische Jahrbücher für Statistik und Landeskunde»³ («Вюртембергский ежегодник статистики и краеведения»), «Statistisches Jahrbuch der Stadt Berlin»⁴ («Статистический ежегодник города Берлина») и др.

Четвертая группа источников является результатом совершенствования полиграфической базы и средств массовой коммуникации, которые придали импульс распространению периодической печати. Например, К. Маркс и Ф. Энгельс активно печатали свои обзорные и аналитические статьи в европейских («Rheinische Zeitung», «Neue Rheinische Zeitung», «Stuttgarter Morgenzeitung», «Augsburger Allgemeine Zeitung» и др.) и американской («New York Tribune») газетах.

Приметой времени стали профильные журналы (например, «Revue Internationale de Sociologie»⁵ («Международный социологический журнал»), «American Journal of Sociology»⁶ («Американский журнал социологии»), «L'Année Sociologique»⁷ («Социологический ежегодник»)), «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik»⁸ («Архив социальных наук и общественного благосостояния»). Во всех этих изданиях публиковались статьи и рецензии по танатосоциологической тематике.

¹ Compte-rendu général de l'administration de la justice criminelle en France [Электронный ресурс] / Gallica: [сайт]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb412790415/date> (дата обращения: 25.09.2020).

² Oesterreichische Statistik (Statistik des Sanitätswesens) [Электронный ресурс] / Österreichische Nationalbibliothek: [сайт]. URL: <https://anno.onb.ac.at/ors.htm> (дата обращения: 25.09.2020).

³ Württembergische Jahrbücher für Statistik und Landeskunde [Электронный ресурс] / Bayerische Staatsbibliothek: [сайт]. URL: https://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10019778_00005.html (дата обращения: 25.09.2020).

⁴ Statistisches Jahrbuch der Stadt Berlin [Электронный ресурс] / Zentral und Landesbibliothek Berlin: [сайт]. URL: <https://digital.zlb.de/viewer/metadata/16308258/2/> (дата обращения: 25.09.2020).

⁵ Revue Internationale de Sociologie [Электронный ресурс] / Archive.org: [сайт]. URL: <https://ia800305.us.archive.org/15/items/revueinternatio04statgoog/revueinternatio04statgoog.pdf> (дата обращения: 25.09.2020).

⁶ American Journal of Sociology [Электронный ресурс] / The University of Chicago Press Journals: [сайт]. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/loi/ajs> (дата обращения: 25.09.2020).

⁷ L'Année Sociologique [Электронный ресурс] / Gallica: [сайт]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb34404872n/date> (дата обращения: 25.09.2020).

⁸ Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik [Электронный ресурс] / Archive.org: [сайт]. URL: https://ia902606.us.archive.org/17/items/bub_gb_Mw8aAAAAYAAJ/bub_gb_Mw8aAAAAYAAJ.pdf (дата обращения: 25.09.2020).

Фактически, во второй половине XIX века, благодаря публикациям исследователей в газетах и журналах, адресованных широкой аудитории, социология постепенно становится публичной наукой, стремясь воздействовать на общественное мнение для решения социально значимых проблем, включая, проблему смерти.

Но в этот же период в «жёлтой» прессе часто стала появляться недостоверная информация о тяжких преступлениях и суицидах. Определенная часть читателей привыкла «смаковать» подробности об уходе из жизни известных персонажей. Все это указывало на «падение нравов», на неуважение права на неприкосновенность частной жизни других людей. Эти и другие обстоятельства стимулировали интерес социологов к анализу прессы.

Укажем, что использование газеты (журнала) в качестве источника информации предполагает «выстраивание» его развернутой характеристики. Для этого необходимо установить: 1) периодичность издания; 2) учредителя и издателя; 3) место издания; 4) тираж и каналы распространения; 5) себестоимость и цену экземпляра; 6) кадровый состав редакции, включая наиболее известных авторов; 7) специфику функционального предназначения; 8) социально-культурный «облик» целевой читательской аудитории; 9) полиграфические особенности издания (способ печати и набора, формат, верстка, иллюстрации и др.); 10) основные рубрики.

Фундаментальное значение для осуществления анализа генезиса западноевропейской танатосоциологии имеет группа нормативных правовых источников XIX – начала XX вв. Современные юристы определяют нормативный правовой акт как «письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм»¹.

Помимо уголовного законодательства, регламентировавшего применение смертной казни за различные виды тяжких преступлений во всех странах,

¹ См.: Уманская В. П. Современные подходы к понятию правовых актов в науке и практике // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 3. С. 147.

нормативные правовые акты изучаемого периода достаточно разнообразны: Кодекс Наполеона, Конституции Второй и Третьей республик, законы о секуляризации и др. — во Франции, избирательное и фабричное законодательство и др. — в Великобритании, рабочее и конституционное законодательство, Гражданский кодекс и др. — в Германии. За некоторыми исключениями, вновь введенные нормы гарантировали гражданские, политические, экономические и социальные права подданных государства, обеспечивали им свободу совести, определяли меру наказаний за преступления. Происходила гуманизация уголовного законодательства, расширялись возможности получения образования, медицинской и социальной помощи, участия в общественно-политической жизни. Достаточно информативны уставы социологических обществ и университетов, положения о научных премиях и т. п.

Посредством изучения группы фонографических источников можно проанализировать авторский язык и стиль ученого, отследить специфику формирования и распространения этнических, конфессиональных, возрастных и гендерных стереотипов по отношению феномену смерти и т. д.

Например, в фольклоре всегда метко отражаются национальные особенности отношения к смерти. В качестве примеров приведем французские поговорки: «à la guerre comme à la guerre» («на войне, как на войне»), «guerre et pitié ne s'accordent pas» («война жалости не знает»), «demandez à un malade s'il veut la santé» («спросите больного, хочет ли он быть здоровым»), «de mauvaise vie mauvaise fin» («плохой жизни – плохой конец») и др.; английские: «a man can die but once» («человек может умереть только единожды»), «death is the great leveler» («смерть – великий уравниватель»), «call no man happy till he is dead» («никого не зови счастливым, пока он не умер»), «cowards die many times before their deaths» («трусы умирают многократно перед своей смертью»); немецкие: «Der Tod hat noch keinen vergessen» («смерть еще ни про кого не забыла»), «Der Tod lauert überall, er kommt zu Fest und Ball» («смерть шныряет везде: она приходит и на праздник, и на бал»), «Einen Tod kann der Mensch nur sterben» («человек может

умереть лишь единожды»), «Tanz vor dem Tode ist nicht in der Mode» («танцы перед смертью не модны»).

Анализ слухов как формы самовыражения массовых настроений и общественного мнения и как одного из эффективных каналов воздействия на массовое поведение показывает, что иногда аудитория искренне заблуждается в мотивации поступков отдельных личностей (например, убийц и их жертв) или в чем-либо (например, слухи о грядущих войнах, катастрофах, эпидемиях, «конце света» и т. п.).

Специального упоминания заслуживает траурная музыка, которая стала звучать в Европе и Северной Америке во время церемоний прощания с усопшими – Траурный марш Ф. Шопена – третья часть Сонаты для фортепиано № 2 си-бемоль минор, ор. 35.

Технические новшества, созданные на рубеже Нового и Новейшего времени, трансформировали аудиовизуальную среду. Грамзаписи и радиовещание постепенно увеличивали свою долю в общем объеме информации, циркулировавшей в ту эпоху.

Использование социологических методов позволяет плодотворно изучить широкий пласт визуальных источников. Так, раскрыть характер и личность социолога прошлого помогают иконографические источники. Например, прижизненные портреты Ч. Бута, Г. Спенсера и Дж. С. Милля выставлены в Национальной портретной галерее в Лондоне¹. Опубликованы фотоальбомы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса², а также издания, отражающие крупнейшие события (например, Первую мировую войну³), повлиявшие на жизнь и творчество ряда классиков социологии. Несколько документальных фильмов

¹ Charles Booth [Электронный ресурс] / The National Portrait Gallery: [сайт]. URL: <https://www.npg.org.uk/collections/search/person/mp00484/charles-booth?search=sas&sText=Charles+booth> (дата обращения: 25.09.2020); Herbert Spenser [Электронный ресурс] / The National Portrait Gallery: [сайт]. URL: <https://www.npg.org.uk/collections/search/person/mp04224/herbert-spencer> (дата обращения: 25.09.2020); John Stuart Mill [Электронный ресурс] / The National Portrait Gallery: [сайт]. URL: <https://www.npg.org.uk/collections/search/portrait/mw04403/John-Stuart-Mill> (дата обращения: 25.09.2020).

² Карл Маркс: жизнь и деятельность: документы и фотографии / авт. вступ. ст. Д. И. Антонюк, Н. Н. Иванов. М.: Прогресс, 1983; Карл Маркс, Фридрих Энгельс: Собрание фотографий. М.: Плакат, 1983.

³ The First World War in Photographs. Carlton Publishing Group, 2002; World War I Photograph Albums and Postcards [Электронный ресурс] / The New York public library: [сайт]. URL: <https://digitalcollections.nypl.org/collections/world-war-i-photograph-albums-and-postcards#/?tab=navigation> (дата обращения: 25.09.2020);

посвящено Т. Масарику, в них использованы кинохроникальные кадры и подробно рассказывается не только о его государственной деятельности, но и о нем как человеке и ученом¹.

Изыскания в области визуальной социологии получают все большее распространение, так как они раскрывают особенности личного облика основателей танатосоциологии, способствуют лучшему пониманию того, как средствами живописи, фотографии и кинематографа конструируется образ смерти, создается ее значение и смысл для миллионов людей и каждого человека в отдельности.

Развитие социологии повседневности обусловило интерес к исследованию вещей как источников социологической информации. Результатом их анализа служат данные о повседневной жизни корифеев науки и их современников – питании, одежде, быте, жилье, средствах передвижения и т. п. В свете этого целесообразно изучение фондов и выставочных залов мемориальных музеев социологов (например, О. Конта², К. Маркса³ и Т. Г. Масарика⁴), так как размещенные в них экспонаты дают достаточно полное представление о личностях ученых, их привычках и приватной стороне бытия. Орудия труда, сооружения и здания непосредственно свидетельствуют о стиле, образе и качестве жизни исследователей и их информантов.

Известно, что ряду социологов (например, Р. Герцу, Г. Лебону, М. Моссу, Ф. Энгельсу и др.) довелось не только служить в армии, но и участвовать в боевых действиях, что нашло отражение в их научных изысканиях. Поэтому можно рассматривать в качестве специфических вещественных источников,

¹ Философ на троне. Томаш Масарик [Электронный ресурс] / YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eIOR7Um69zw> (дата обращения: 25.09.2020); Ano, Masaryk I [Электронный ресурс] / YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XaJhoLyeqD0> (дата обращения: 25.09.2020); Tomas Masaryk. First President Of Czechoslovakia [Электронный ресурс] / YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EYMzDIPyUEE> (дата обращения: 25.09.2020); Tomáš Masaryk: The Father of Czechoslovakia [Электронный ресурс] / YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JJK-A0Hkos> (дата обращения: 25.09.2020) и др.

² La Maison d'Auguste Comte [Электронный ресурс] / Augustecomte.org: [сайт]. URL: <http://augustecomte.org> (дата обращения: 25.09.2020);

³ Museum Karl-Marx-Haus in Trier [Электронный ресурс] / Friedrich-Ebert-Stiftung: [сайт]. URL: <https://www.fes.de/museum-karl-marx-haus/> (дата обращения: 25.09.2020);

⁴ Tomáš Garrigue Masaryk muzeum [Электронный ресурс] / Artsandculture.google: [сайт]. URL: <https://artsandculture.google.com/partner/museum-t-g-masaryk-lany> (дата обращения: 25.09.2020);

отражающих биографии классиков танатосоциологии, вооружение и военную технику 1830-х — 1930-х годов.

Дополнительную историко-социологическую информацию несут в себе украшения, произведения искусства и предметы культа, эпиграфика и печати — дело исследователя выявить ее и правильно интерпретировать.

Антропологические источники включают разнородные подгруппы: а) антропологические данные (например, антропометрия, полученная в ходе полевых экспедиций); б) поведенческие акты информантов, зафиксированные в процессе наблюдений; в) захоронения ученых.

Очевидно, что большинство источников содержат уникальную информацию, способную существенно углубить понимание процесса генезиса танатосоциологии. Чем богаче будет источниковая база историко-социологического исследования, тем полнее и достовернее будут его результаты.

С помощью традиционного анализа документов можно извлечь значительный объем интересующих нас данных, содержащихся в письменных источниках. Порядок анализа документа следующий: 1) установление социально-исторических условий его возникновения; 2) создание социокультурного портрета автора; 3) характеристика конкретных обстоятельств создания источника; 4) рассмотрение (если это возможно) особенностей текста источника (авторская и другие редакции); 5) изучение специфики функционирования источника в социально-историческом контексте (в том числе, история его публикаций); 6) выявление смысла, который вкладывал в нарратив автор, учитывая его ментальность; 7) понимание (рис. 1.2.2) и деконструкция текста, интерпретация содержания источника с точки зрения современного исследователя.

Исходя из предложенных установок, в последующих главах нами подробно будут рассмотрены сочинения корифеев танатосоциологии. При этом мы будем придерживаться формулы Б. Латура «лучший способ обращаться с мертвыми

авторами — это воскрешать их, вести себя так, как если бы они были живы, чтобы помогать нам думать»¹.

Аспекты понимания текста			
⇕	⇕	⇕	
Восприятие	Воссоздание	Воспроизведение	
⇕	⇕	⇕	
Уровни понимания			
⇕	⇕	⇕	
Уровень значения (предметное содержание, связи, обобщения)			
⇕	⇕	⇕	
Уровень смысла (понимание идеи, главной мысли)			
⇕	⇕	⇕	
Параметры понимания			
⇕	⇕	⇕	
глубина	полнота	точность	продуктивность

Рис. 1.2.2. - Процесс понимания текста

В целом, избранная нами методология исследования истории танатосоциологии соответствует рекомендациям и предостережениям Ч. Р. Миллса: «1) пусть каждый будет сам себе методолог и сам себе теоретик»; 2) «требуйте от себя и других простых и ясных определений»; 3) «не пренебрегайте конкретно-историческими деталями»; 4) «изучайте социальные структуры, в которые встроены формы повседневной жизнедеятельности»; 5) «цель заключается в наиболее полном сравнительном изучении социальных структур как существовавших в мировой истории, так и имеющих место ныне»; 6) «обращайте внимание на то, какое понимание человеческой природы явно или неявно следует из вашей работы»; 7) «помните, что вы являетесь наследниками классической традиции в социологии»; 8) «значение социальных проблем определяется только их соотношением с заботами конкретных людей в их частной жизни»².

Для нас очевидно, что исследование социологии смерти способствует развитию социологического воображения.

Итак, историко-танатосоциологическое исследование базируется на ряде принципов, в нем используется совокупность методов — генетический, периодизации, биографический, компаративистский, реконструктивный,

¹ Латур Б. Габриель Тард и конец социального // Социология власти. 2019. № Т. 31. № 2. С. 219 прим.

² Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. Пер. с англ. М.: Стратегия, 1998. С. 253-256.

источниковедческий и традиционный анализ документов, оно опирается на данные разнообразных источников.

Подводя итоги первой главы, можно сделать следующие выводы:

1) Танатосоциология — это отрасль социологического знания, изучающая место и роль феномена смерти в жизни общества, взаимодействие социальных субъектов в системе отношений к нему, формы организации похорон, социальные и духовные связи с умершими, обусловленные объективными и субъективными факторами.

2) Главное отличие социологического анализа феномена смерти заключается в рассмотрении: а) взаимодействия социальных субъектов при столкновении с ней, отношения и подготовкой к ней; б) ожиданий того, что происходит после нее; в) возможностей отдаления смерти с помощью особого образа жизни, самосохранения и воскрешения; г) связей с умершими в формах прощания, погребения, сбережения памяти о них; д) «влияния» мертвых на живых.

3) Структура танатосоциологии включает моросоциологию, социологию социальной смерти, социологию ненасильственной смерти, социологию насильственной смерти, социологию похорон и некросоциологию.

4) Социальная смерть выступает как процесс и результат самоустранения и/или исключения социального субъекта из жизни социума, в значительной степени детерминируемые состоянием социокультурного континуума.

5) К принципам историко-танатосоциологического исследования относятся следующие: объективности, историзма, системности, взаимовлияния философской и научной мысли, взаимодействия науки и общества, преемственности и прерывности в социологической теории, опоры на источники и личной сопричастности.

б) Выделяется ряд онтологических («люди телесные», природная среда, общество, вещный комплекс, технические средства и технологии, экономическая, правовая и политическая системы, военное дело) и гносеологических (художественно-мировоззренческие основы, эмпирические методы и

теоретическое знание) предпосылок возникновения и развития социологии смерти.

7) Стратегические ориентиры исследования истории танатосоциологии: а) социально-исторический контекст; б) личные и профессиональные биографии ученых; в) сетевые схемы научных коммуникаций; г) институционально-организационные формы научно-исследовательских практик; д) «национальные» социологии; е) этос науки; ж) историко-эпистемологические изыскания понятия «смерть»; з) вклад конкретного ученого в генезис социологии смерти и влияние его идей на дальнейшее развитие танатосоциологии.

8) Изучение истории западноевропейской танатосоциологии востребует комплекс методов (генетический, периодизации, биографический, компаративистский, реконструктивный, источниковедческий и традиционный анализ документов) и данные письменных, фонографических, визуальных, вещественных и антропологических источников.

В последующих главах будут реализованы программные установки нашего исследования.

ГЛАВА 2. ИСТОКИ ТАНАТОСОЦИОЛОГИИ

2.1. Зарождение социологии смерти в философии и теологии

Античности и Средневековья

Ю. В. Андреев выделил ряд особенностей древнегреческой цивилизации: 1) исключительный динамизм; 2) универсализм; 3) гуманизм и антропоцентризм; 4) открытость к контактам с внешним миром¹. Эти черты, характерные для организации жизни большинства полисов, нашли свое отражение в трудах античных авторов, «совместившись» с перипетиями их биографий.

Так, Платон (428/427-348/347 до н. э.), аристократ по происхождению, прошел через суровые испытания (изгнание, продажа в рабство), которые отразились на его мировоззрении.

В. С. Соловьев в статье «Жизненная драма Платона» (1898) подчеркивал, что «под влиянием смерти Сократа, открывшей перед глазами его ученика всю бездну мирского зла, сложился у него [...] дуалистический идеализм, прямо по существу противопоставляющий всю нашу живую действительность тому, что истинно есть и должно быть»².

Как идеалист, Платон исходил из того, что душа бессмертна, и старость для него – «убыль одушевленности, совершающаяся с течением времени. Душа – то, что само себя движет, причина жизненного движения существ»³. Старость подступает незаметно, «к ее времени в нашем естестве скапливается все тленное и неизлечимое», человек же «надломлен, изнурен, изувечен»⁴.

В диалоге «Тимей» (ок. 360 до н. э.) философ сделал следующий вывод: «Смерть тягостна и насильственна лишь тогда, когда приходит от недугов и ран, когда же она в согласии с природой замыкает течение старости, это самая

¹ Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетейя, 1999. С. 8-11.

² Соловьев В. С. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 610.

³ Платон. Диалоги / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1986. С. 427.

⁴ Там же. С. 417.

безболезненная из всех смертей, которая совершается скорее с удовольствием, нежели с мукой»¹.

В диалоге «Федон» (360-е до н. э.) смерть трактуется как освобождение души из тела. Устами Сократа мыслитель утверждал, что смерть к живым никак не относится, а умершие уже не существуют². Специалисты указывают, что Платон употреблял понятие «вера» в значении «веских доказательств и обстоятельных разъяснений» по поводу существования души после смерти³. Вместе с тем, в этическом плане, с его точки зрения, «кто печется о гробницах – тот вне сомнений справедлив перед усопшими»⁴. В зрелый период Платон признавал, что войны – это неизбежное зло («виновник войн, мятежей и битв» – «тело и его страсти»⁵), но призывал всячески их избегать.

В сочинении «Государство» (360 до н. э.) он обосновал необходимость цензуры поэзии, в которой воспроизводятся традиционные взгляды на загробную жизнь, способные поселить в воинах идеального государства страх смерти. В его идеальном государстве должен действовать принцип «кто не способен жить, того <...> не нужно и лечить»⁶.

Утопический проект Платона обосновано критиковался зарубежными (Ж.-П. Вернан, А. У. Гоулднер, Р. Дарендорф, К. Поппер, Е. Шацкий и др.) и отечественными (В. Ф. Асмус, А. С. Богомолов, Ю. Н. Давыдов, А. Ф. Лосев и др.) исследователями за его «тираническую» и «тоталитарную» сущность. Например, К. Поппер указывал, что мыслитель обосновывает ритуал убийства физически слабых младенцев расистскими аргументами необходимости селекции сословий⁷. В свою очередь, А. Ф. Лосев подчеркивал, что философия Платона «преисполнена стремлениями <...> к такой социальной жизни, которая бы во всех своих моментах оказывалась чем-то нерушимо единым и согласным. <...> цель

¹ Платон. Собр. соч.: в 4-х т. / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 488.

² Там же. С. 419.

³ Гоголюк Ю. Е. Концепт «вера» в античной философии и библейском дискурсе // Научные ведомости Белгородского госуниверситета. Серия Философия. Социология. Право. 2010. № 20. Вып. 14. С. 117.

⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 174.

⁵ Платон. Собр. соч.: в 4-х т. / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 17.

⁶ Он же. Собр. соч... Т. 3. С. 175-176.

⁷ Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона / Пер. с англ. М.: Феникс, 1992. С. 85.

Платонова государства – насаждение “справедливости”»¹. Именно поэтому женщина, забеременевшая после 40 лет, должна сделать аборт, а если она все-таки родит, то, согласно платонизму, она должна убить младенца².

В поздний период творчества в книге «Законы» (354 до н. э.) философ утверждал, что не следует заботиться о бедных, попавших в трудную ситуацию, подчеркивая, что «бедность заключается не в уменьшении принадлежащего им имущества, а в увеличении ненасытности»³.

Платон в «Законах» также детально рассматривает тяжкие преступления и наказания за них. Классификация всех деликтов производится с позиций свободнорожденного человека, при этом мыслитель рассматривал и случаи убийств рабами граждан полиса (приложение, табл. 3)⁴.

Полагаем, что свою классификацию он выстраивал с учетом реалий своего времени (продолжительность жизни, уровень смертности и количество свободного и рабского населения)⁵. Универсализация системы наказаний, как указывает Ж.-П. Вернан, была обусловлена религиозным настроением эллинов, «уверенностью в том, что любое злодеяние требует искупления, очищающего от зла»⁶.

В танатосоциологическом плане важно то, что на основе тщательного анализа делинквентного поведения философ, принимая во внимание все обстоятельства и общественную опасность преступлений, представил систему санкций (от изгнания до смертной казни), призванную наказать виновных, и, по возможности, возместить ущерб пострадавшим.

Современные юристы считают, что предложенная Платоном классификация убийств и дифференциация уголовной ответственности за их совершение и поныне сохраняет значение для правоохранительной практики⁷.

¹ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 808.

² Там же. С. 852.

³ Платон. Собр. соч.: в 4-х т. / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1994. Т. 4. С. 188.

⁴ Там же. С. 320-331.

⁵ Левченко И. Е. Генезис танатосоциологии // Дискуссия. 2017. № 6. С. 70-74.

⁶ Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1988. С. 96.

⁷ Лезьер В., Сумачев А. В. Идеи Платона и их рецепция в правоохранительной практике // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1. С. 8-15.

Отметим, что в «Законах» подробно описываются наказания (смертная казнь, пожизненное заключение и т. д.) для атеистов, уклоняющихся от воинской службы, дезертиров и т. п.

Танатосоциологический аспект творчества мыслителя проявляется также в том, что в этом труде Платон предложил законодательно регламентировать процедуру похорон, обустройства захоронений и организацию мемориальных мероприятий¹. Так, он выдвинул следующее положение: «Нельзя насыпать могильный холм выше, чем это могут сделать пять человек в течение пяти дней. Каменные могильные плиты надо делать такой величины, чтобы там уместилась похвала жизни покойного, выраженная не более чем в четырех героических стихах»².

С одной стороны, Платон не боялся смерти, а, с другой, необходимым условием спасения считал правильную жизнь, включающую занятия философией и стремление к благу³. Танатология, онтология и философия памяти Платона обусловлены его «экзистенциальной захваченностью ситуацией гибели полисной организации жизнедеятельности античного человека»⁴.

В отличие от Платона его ученик **Аристотель Стагирит (384–322 до н. э.)** утверждал, что душа смертна, объясняя это с «естественнонаучных» позиций. По его мнению, пища питает «огонь» жизни, поэтому «есть два вида гибели огня – угасание и затухание. Угасание – когда огонь гибнет сам, затухание – когда он погибает от противоположного, и первое это смерть от старости, а второе – насильственная. Но получается, что в обоих случаях он гибнет из-за одного и того же: лишенный пищи, не получая питания для тепла, огонь погибает»⁵.

Судьба этого философа также была нелегкой: значительную часть жизни он провел в Афинах в качестве метека – неполноправного члена полиса. Вероятно,

¹ Платон. Собр. соч... Т. 4. С. 412, 424-426.

² Там же. С. 425.

³ Розин В. М. Отношение к смерти Платона и современного человека // Идеи и идеалы. 2012. № 4 (14). Т. 1. С. 84-96.

⁴ Макаров А. И. Смерть и истина в философии Платона // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 1 (9). С. 6-10.

⁵ Цит. по: Солопова М. А. Трактат Аристотеля «О юности и старости, жизни и смерти» как часть сборника *Parva naturalia* // Историко-философский ежегодник. 2020. Т. 35. С. 49.

поэтому Аристотель проявлял особый интерес к социально-политической проблематике¹.

Под свободой тогда понимались статус, свобода занятий, неприкосновенность личности и свобода передвижения, соответственно рабство состояло в отсутствии этих четырех атрибутов².

С точки зрения Стагирита, «кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом все-таки человек, тот по своей природе раб»³ и «раб – одушевленное орудие»⁴. Он полагал, что «одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо»⁵. На основе подобных утверждений Аристотель выдвинул теорию о «естественном» превосходстве эллинов («свободных по природе») над «варварами» («рабами по природе»). В соответствии с диалектикой жизни, «естественное» неравенство неизбежно распространялось и на другие сферы: «На вопрос, какая разница между человеком образованным и необразованным, он ответил: “Как между живым и мертвым”»⁶.

Философ не мыслил отдельного гражданина вне общества. Однако последнее в его сочинениях практически тождественно государству. Для него «человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, - либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; <...> сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске»⁷.

Исследователи (Х. Арндт, А. Б. Гофман, Д. Кола, А. И. Кравченко, Р. С. Платонов, Ч. А. Эллууд и др.) указывают, что по принципиальным соображениям Аристотель выступал за обязательность участия граждан в жизни полиса, считая, что (само)устранение от него – признак аномальности.

¹ Левченко И. Е. Истоки танатосоциологии // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Мат-лы XX Международной конференции. Екатеринбург, 2017. С. 101-112.

² См.: Арндт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. СПб.: Алетейя, 2000. С. 21 прим.

³ Аристотель. Соч.: В 4 т. / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 382.

⁴ Там же. С. 236.

⁵ Там же. С. 384.

⁶ Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 211.

⁷ Аристотель. Соч... Т. 4. С. 378-379.

В пятой книге «Политики» (335-322 до н. э.) Стагирит выявил социально-психологические причины и характер политических потрясений в полисах с различными режимами. По его мнению, государственные перевороты производятся путем либо насилия, либо обмана (табл. 2.1.1). Он полагал, что совершают мятежи «те, кого не допускают к государственным должностям, кого обижают и оскорбляют»¹ - люди, исключенные из общественно-политической жизни и превращаемые силой обстоятельств в «политические трупы».

Таблица 2.1.1

Анализ возмущений и государственных переворотов (по Аристотелю)

№	Параметр	Содержание
1	Настроение мятежников	стремление к равноправию или неравенству, превосходству
2	Притязания мятежников	справедливые/несправедливые желания получить прибыль и почет
3	Причины и поводы распрей	наглость, страх, превосходство, презрение, чрезмерное повышение происки, пренебрежительное отношение, мелкие унижения, несходство характеров

В «Афинской политике» (329/328-325/324 или 324/323 до н. э.) философ исследовал внутриволисные конфликты. Например, о суде над участниками Килоновой смуты он сообщает: «Когда осуждено было кощунство, преступники были выброшены из могил, а род их изгнан в вечное изгнание»². Аристотель также проанализировал функции должностных лиц и институтов города-государства. Так, архонту было вменено в обязанность защищать интересы сирот, наследниц и вдов, именно он должен был направлять в суд дела об умопомешательстве и против опекунов. Полемарх же совершает жертвоприношения и поминки, устраивает надгробные состязания в честь павших на войне и др.³

Продолжая платоновскую традицию, Аристотель изучил судебную систему, установив, что в ареопаге разбираются дела об умышленных убийствах, отравлениях и поджогах, дела же о непредумышленных убийствах, убийствах раба, метека или иностранца решают судьи, заседающие при Палладии, в

¹ Аристотель. Соч... Т. 4. С. 568.

² Он же. Афинская политика / Пер. с древнегреч. М.: Соцэкономгиз, 1937. С. 9.

³ Там же. С. 80, 82.

Дельфинии судят тех, кто сам сознался в убийстве. Философ утверждал, что «из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие – вследствие подлости»¹. «Среди людей, говорил он, одни копят, словно должны жить вечно, а другие тратят, словно тотчас умрут»².

Подчеркнем, что благодаря Аристотелю разрабатывался понятийный аппарат социальных исследований. Среди других категорий он определял «страдание» как «изменения и движения пагубные, в особенности причиняющие боль. <...> большие несчастья и горести», лишением же «называется насильственное отнятие чего-то»³.

Проведенный нами анализ «Никомаховой этики» (334-322 до н. э.) выявил отношение Стагирита к проблеме суицида: «Умирать, чтобы избавиться от бедности, влюбленности или какого-нибудь страдания, свойственно не мужественному, а, скорее, трусу, ведь это – изнеженность – избегать тягот, и изнеженный принимает [смерть] не потому, что это хорошо, а потому, что это избавляет от зла»⁴. Негативно оценивая малодушие, мыслитель полагал, что жизнью можно пожертвовать лишь ради сохранения чести и достоинства.

С танатосоциологической точки зрения показательно, что Аристотель занимал типичную для своего времени позицию по ключевым вопросам социально-демографической политики полиса. Так, он декларировал: «...пусть будет закон: ни одного калеку выращивать не следует»⁵.

На наш взгляд, труды Аристотеля способствовали углублению категориального анализа феномена смерти, он диалектически (в диапазоне жизнь – смерть) оценивал рабовладение как общественное явление, ему принадлежат приоритет в исследовании практик исключения граждан из жизни полиса, в проведении социально-этического анализа суицида и др.

Материалистическая антропологическая концепция развивалась в античной философии **Эпикуром (341-270 до н. э.)**, который отстаивал земное, свободное от

¹ Аристотель. Соч... Т. 4. С. 507.

² Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 211.

³ Аристотель. Соч.: В 4 т. / Пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 171-172.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Аристотель. Соч... Т. 4. С. 623.

спиритуализма видение человека. Эпикур считал «худшей душевную боль, потому что тело мучится лишь бурями настоящего, а душа – и прошлого, и настоящего, и будущего»¹. По его мнению, надо освободить индивида от чувства страха смерти, ведь она – не зло, а переход в небытие, отсутствие ощущений (в том числе, страданий): «[...] смерть не имеет отношения ни к живущим, ни к умершим, так как для одних она не существует, а другие уже не существуют. Люди толпы то избегают смерти, как величайшего из зол, то жаждут ее, как отдохновения от зол жизни»².

Философ указывал также на однократность и неповторимость человеческой жизни, а отсюда приходил к выводу о возрастании ценности того отрезка времени, который отпущен индивиду природой, о необходимости наполнить этот отрезок настоящим содержанием. Люди должны стремиться к счастью в пределах земной жизни, счастье состоит в удовольствии. Под удовольствием понимаются отсутствие страданий, здоровье, занятие любимым делом, а не чувственные удовольствия. Общество представляет собою сумму индивидов, каждый из которых, руководствуясь стремлением к удовольствиям, действует таким образом, чтобы не мешать другим людям.

Таким образом, древнегреческие философы заложили теоретический фундамент для изучения социально-антропологических аспектов смерти, их изыскания оказали существенное влияние на воззрения древнеримских мыслителей.

Российский ученый Г. С. Кнабе установил, что наиболее заметные черты образа античного Рима – это консерватизм, экспансия, право, коллегиальность и микромножественная структура общества³. Все эти черты в той или иной степени проявились в творчестве древнеримских авторов.

Последователь Эпикура поэт и философ **Тит Лукреций Кар (ок. 99–55 до н. э.)**, выступая с позиций атомистического материализма, стремился доказать,

¹ Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 437.

² Эпикур приветствует Менекея // Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / Сост. П. С. Гуревич. М.: Политиздат, 1991. С. 126.

³ Кнабе Г. С. Европа с Римским наследием и без него. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 24-38.

что материя вечна, Вселенная безгранична, она постоянно движется и изменяется. В книге третьей поэмы «О природе вещей» (до 54 до н. э.) мыслитель утверждал, что душа не живет ни до рождения, ни после смерти, с его точки зрения, страх смерти и загробных страданий является нелепым, жизнь и смерть следует принимать как неизбежность¹. Следует отметить, что произведение Лукреция Кара отличается несколькими особенностями: 1) полемичностью; 2) просветительской направленностью; 3) убежденностью автора в своей правоте.

С Эпикуром и его сторонниками дискутировал ревнитель римских традиций, выдающийся государственный деятель, оратор и философ **Марк Туллий Цицерон (106-43 до н. э.)**. Его трагически оборвавшаяся жизнь включает карьерные взлеты и падения, личные утраты, давшие дополнительные импульсы к осмыслению проблемы смерти. Социально-философские сочинения Цицерона оцениваются неоднозначно², на наш взгляд, зачастую гиперкритика обусловлена предвзятостью исследователей.

Различая естественное (как богоданное) право и позитивный закон (как человеческое право), мыслитель выступал за равенство всех граждан перед законом. Вместе с тем он отвергал идею имущественного равенства, считая справедливым социальное расслоение и неравенство в общественно-политических отношениях. С его точки зрения, рабство обусловлено самой природой, которая дарует «лучшим» людям владычество над слабыми для их же пользы. Отметим, что «позитивная» трактовка Цицероном института рабства, лишившего человека его неотъемлемых прав и порой самой жизни, характерна для многих античных философов.

Разделяя позицию Платона, в трактате «О законах» (кон. 50-х гг. до н. э.) в историко-правовом ключе мыслитель рассмотрел вопросы регламентации похорон и поминовения в Древнем Риме, продемонстрировав возможности нормативного подхода при анализе смертной проблематики³.

¹ *Тит Лукреций Кар. О природе вещей.* М.: Худож. лит., 1983.

² См.: *Утченко С. Л. Цицерон и его время.* М.: Мысль, 1973. С. 363-388.

³ *Цицерон Марк Туллий. Диалоги: О государстве. О законах.* [Пер. с лат.]. М.: Наука, 1966. С. 117, 126-132.

Потеряв дочь, философ обратился к жанру утешений, отыскивая соответствующие доводы, «чтобы успокоить и себя и любого другого человека, оказавшегося в подобном положении»¹. Он высоко оценивал свои «Тускуланские беседы» (45 до н. э.): «...в первой из этих книг говорится о презрении к смерти, во второй – об успокоении в горе, в третьей – об облегчении боли, в четвертой – других душевных волнениях. [...] в пятой обсуждается вопрос, который бросает яркий свет на всю философию»². Цицерон подчеркивал: «...если рассудок недостаточно учит нас пренебрежению к смерти, то сама прожитая жизнь учит, что прожили мы уже достаточно, и даже больше. И хотя мертвые ничего не чувствуют, все равно, и не чувствуя, окружены они почетом и славой за себя и за свои дела»³.

В трактате «О природе богов» (45-44 до н. э.) он отмечал, что «во многих государствах воздали божеские почести памяти тех, кто прославился своей доблестью, [...] чтобы воспитать граждан еще более доблестными»⁴.

Взаимосвязь между преклонным возрастом и смертью стала одной из главных тем его книги «О старости»⁵ (45-44 гг. до н. э.) (табл. 2.1.2).

Таблица 2.1.2

Мнения о старости (по Цицерону)

№	«Причины, почему старость может показаться жалкой»	Контраргументы Цицерона
1	«она препятствует деятельности»	«старость не только не пребывает в бездеятельности и праздности, но даже трудоспособна и всегда что-нибудь совершает и чем-то занята»
2	«она ослабляет тело»	«не силой мышц, не проворностью и не ловкостью тела вершатся великие дела, а мудростью, авторитетом, решениями»
3	«она лишает нас чуть ли не всех наслаждений»	старость «совсем не ищет наслаждений. Она обходится без пиршеств, без столов, уставленных яствами, и без многочисленных кубков; поэтому она не знает и опьянения, несварения и бессонницы»
4	«она приближает нас к смерти»	«смерть — общий удел всякого возраста»

¹ Звиревич В. Т. Жанр утешений в античной философской литературе: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 12.

² Цицерон Марк Туллий. Философские трактаты / Пер. с лат. М.: Наука, 1985. С. 242.

³ Он же. Избранные сочинения / Пер. с лат. М.: Худож. лит., 1975. С. 244.

⁴ Он же. Философские трактаты... С. 173.

⁵ Он же. Избранные сочинения... С. 358-385.

Танатосоциологический интерес также представляют речи Цицерона в защиту ложно обвиненного в отцеубийстве (80 до н. э.), против коррупционера, позволившего мятежным рабам избежать казни (ок. 70 до н. э.), против «зачинщиков преступнейшей и опаснейшей войны» (63-60 до н. э.), с благодарностями за возвращение из изгнания (57 до н. э.) и др.

Противоречивость личности философа (активность и бездеятельность, мужество и трусость, прозорливость и недальновидность и др.) убедительно отражает его переписка, содержащая сетования по поводу смерти родных и близких, размышления о государственных делах, информацию, уничтожающую репутацию его политических оппонентов и др.

В центре философии стоицизма (против взглядов его приверженцев выступал Цицерон) находилась проблема человеческого счастья и свободы, достигнуть которых можно путем разумного поведения.

Так, римский мыслитель **Луций Анней Сенека (4 до н. э. – 65)**, покончивший жизнь самоубийством по приказу своего ученика императора Нерона, чтобы избежать смертной казни, отстаивал идею духовной свободы всех людей независимо от их общественного положения.

В трактате «О благодеяниях» (63) философ писал: «Заблуждается, кто полагает, что порабощение простирается на всего человека: лучшая часть его изъята. Тела принадлежат господам и присуждены им по закону, дух же независим»¹. Таким образом, объектом (и сферой) рабства может быть, согласно его представлениям, лишь телесная и чувственная, но не духовная и разумная части личности.

Согласно Сенеке, человек – хозяин над своей смертью и это делает его свободным, к смерти же надо идти без ненависти к жизни². В «Нравственных письмах к Луцилию» (64) им были сформулированы основные положения философской танатологии стоицизма: 1) «Уже потому, что ты родился, ты должен умереть»; 2) «Сколь многие колеблются между страхом смерти и мучением

¹ *Луций Анней Сенека. О благодеяниях // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Терра-Кн. клуб : Республика, 1998. С. 63.*

² *См.: Шенкао М. А. Смерть как социокультурный феномен. Киев: Ника-центр, 2003. С. 143-152.*

жизни: и жить не хотят, и умереть не умеют»; 3) «В смерти нет страдания: ведь необходимо, чтобы был субъект, испытывающий его»; 4) «Мы боимся не смерти, но мысли о смерти, потому-то от смерти мы всегда одинаково далеки»; 5) «Смерть, которой мы так боимся и ненавидим, только видоизменяет жизнь, а не отнимает ее»; 6) «Надо заботиться не о том, чтобы долго жить, но чтобы жить достаточно»¹. Сходные танатологические идеи развивали и другие римские стоики. Они полагали, что люди должны преодолевать страх и скорбь как нежелательные страсти.

Следует учитывать, что социально-философские штудии античных авторов производились одновременно с созданием исторических сочинений. Труды Геродота, Фукидида, Полибия, Тита Ливия, Гая Саллюстия Криспа, Тацита и других историков являются результатами целенаправленного сбора и проверки сведений о драматических событиях, случившихся в общественно-политической жизни, вольных и невольных искажений, ошибок и открытий в социально-гуманитарном познании феномена смерти.

Огромную роль в развитии общественной мысли сыграло новое вероучение, возникшее в первой половине I в. В нем различались смерть духовная и телесная. М. Вебер подчеркивал: «...решающим для судьбы раннего христианства было то, что оно по своему происхождению, по своей социальной основе и по содержанию своего образа жизни было религией спасения»².

Аврелий Августин (354-430) пришел к христианской вере через искушения молодости и увлечения манихейством, скептицизмом и неоплатонизмом. В знаменитой «Исповеди» (ок. 397-398) он признавался: «...как ни тяжела была мне жизнь, как ни тягостна, но еще более страшила меня смерть» и «меня постигла тяжелая болезнь. Я находился уже на пути к праотцам, неся с собою все зло, которое совершил»³. Но приобщение к христианству перевернуло его жизнь, наставило на «истинный» путь.

¹ *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии / пер. с лат. М.: Худож. лит., 1986. С. 33-264.

² *Вебер М.* Избранное. Образ общества / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. С. 176.

³ *Блаженный Августин*. Творения: В 4 т. Т. 1: Об истинной религии. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 517, 536.

С точки зрения Августина, «под смертью, в прямом смысле слова, и следует понимать то, что нечто, бывшее чем-либо, становится ничем»¹.

Подробный анализ социальных аспектов смерти осуществлен богословом в труде «О граде Божьем» (413-427). Не сомневаясь, что «смерть произошла от греха Адамова», он утверждал: «... время этой жизни есть вообще не что иное, как путь к смерти, на котором никому не разрешается остановиться на некоторое время или идти несколько медленнее»².

По мнению Августина Блаженного, есть два града – Град земной и Град Небесный (рис. 2.1.1). К первому граду относятся все, связанные с грехом, бесчестными делами, плотскими и суетными влечениями, идущие путями заблуждений и т. п. Ко второму - все верные Богу существа, добрые ангелы, истинные христиане и добродетельные люди³.

Обречены «подвергаться вечному наказанию с дьяволом»		Предназначены «вечно царствовать с Богом»	
↓		↓	
Град земной		Град Божий	
<i>на небе</i>	<i>на земле</i>	<i>на земле</i>	<i>на небе</i>
ангелы, восставшие против Бога	потомки Каина	потомки Авеля	ангелы, сохранившие верность Богу
	повелители и господа мира	странники и пилигримы	
	подвергнуты вечному проклятию	определены к спасению	

Рис. 2.1.1 - Два града (по Августину Блаженному)

Различая идеальное и реальное общество, Аврелий Августин указывал, что в последнем сама основа его – общение – является нестабильной и постоянно находится под угрозой. Это относится ко всем трем видам земного сообщества, выделяемым теологом: к семье, городу (гражданскому обществу) и государству⁴. Раздираемые эгоизмом и враждой, они все имеют тенденцию к дезинтеграции. Высшим идеалом всякого социального объединения является мир, но в реальных

¹ Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 1... С. 382.

² Он же. Творения: В 4 т. Т. 3: О граде Божием. Кн. I-XIII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. С. 564.

³ Бычков В. В. Эстетика Аврелия Августина. М.: Искусство, 1984. С. 33.

⁴ См.: Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии: Латинская патристика. М.: Мысль, 1979. С. 335-336.

земных обществах мир может сохраняться лишь недолго, а прочный мир просто недостижим.

Мыслитель воспринимал бедствия как нечто неизбежное: «Ибо кого голод умертвил, того он освободил от зол этой жизни, как освобождает телесная болезнь; а кого не умертвил, того научил жить умереннее и подольше поститься»¹.

Августин Блаженный категорически отвергал суицид, так как никакие причины не могут оправдать этот грех: «...убивающий самого себя, несомненно, человекоубийца; и когда убивает себя, бывает тем преступнее, чем он невиннее в том деле, из-за которого считает нужным убить себя – из опасения наказания или бесчестия»².

Будучи современником вторжений варваров и крушения Римской империи, теолог специально обращается к изучению войн, диалектически переосмысливая проблему убийства во время боя и применения смертной казни. Он утверждал обоснованность осуществления этих актов: «...заповеди “не убивай” отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию или, будучи в силу Его законов, то есть в силу самого разумного и справедливого распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью»³. Следовательно, солдаты и палачи убивают не по собственной воле, а по необходимости выполнить свой служебный долг.

Вместе с тем для Августина очевидны трагические последствия военных действий: «...опустошения, убийства, грабежи, пожары, страдания, совершившиеся во время последнего римского поражения, – все это породил обычай войны»⁴.

Аврелий Августин, осознавая, что в отдельных случаях невозможно произвести захоронения погибших в результате битвы, сделал следующее богословское заключение: «Итак, земле не были преданы многие тела христиан,

¹ *Блаженный Августин*. Творения: В 4 т. Т. 3: О граде Божием... С. 20.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 11-12.

но из-за этого никто не отлучит их от неба и земли, которые наполняет своим присутствием Тот, Кто знает, откуда воскресить сотворенное Им»¹.

С его точки зрения, «омытие и наряжение тела, обряд похорон, пышность проводов, – все это скорее утешение живых, чем помощь умершим. Если бы дорогостоящее погребение могло принести пользу нечестивому при жизни покойнику, то бедное или вообще никакое погребение могло бы повредить праведнику»².

В целом, принцип предопределения и принцип возмездия играют у Августина Блаженного роль «индикатора» и роль «рулевого управления» божественного провиденциализма в движении человеческой истории: кара Божья за грех имеет как экзистенциально-личностный, так и общечеловеческий, общесоциальный статус³.

По нашему мнению, теология Августина Аврелия послужила основой для последующего анализа христианскими мыслителями онтологического, гносеологического, антропологического и этического аспектов проблемы смерти. В результате, это продуктивно повлияло на становление социологии смерти, расширило поле исследовательского поиска⁴.

Падение Рима знаменовало «начало Средневековья, эпохи презрения к миру и отречения от всего земного»⁵. В социологическом отношении особый интерес представляют проповеди немецкого монаха-францисканца **Бертольда Регенсбургского (Простеца) (ок. 1210-1272)**⁶.

В проповеди «О пяти фунтах» он определил пять даров, которыми Господь наделил человека: 1) его личность, обладающая свободой воли выбрать путь

¹ *Блаженный Августин*. Творения: В 4 т. Т. 3: О граде Божиим... С. 21-22.

² Там же. С. 22.

³ *Пилецкий С. Г.* Аврелий Августин о мести и возмездии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 4. С. 118.

⁴ *Левченко И. Е.* Теологические и философские истоки танатосоциологии // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования / Под общ. ред. Е. В. Грунт и А. В. Меренкова. Екатеринбург, 2017. С. 16-29.

⁵ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 50.

⁶ См.: *Гуревич А. Я.* Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. С. 178-263; *Кисилева Е. А.* Социальная дидактика в церковной поучительной литературе XIII века на примере немецких проповедей Бертольда Регенсбургского // Вестник ВГУ. Сер. История, социология, политология. 2007. № 1. С. 141-146; *Шишков А. М.* На плечах гигантов. Очерки интеллектуальной культуры западноевропейского Средневековья (V-XIV вв.). М.; СПб.: Университетская книга, 2016. С. 253-259.

добра или зла; 2) его сословное и профессиональное призвание; 3) время, отпущенное ему для жизни; 4) земное имущество; 5) любовь к ближнему¹. Бертольд Регенсбургский декларировал, что все люди должны служить социальному целому и, следовательно, Творцу. Отступив от общепринятой трехсоставной (молящиеся, сражающиеся, работающие) трактовки структуры средневекового общества, в проповеди «О десяти хорах ангелов и христианского мира» он выделил в нем десять социальных разрядов². Очевидно, что в структурно-функциональном подходе Бертольда Регенсбургского учтены профессиональный и должностной критерии, а также степень возможной греховности членов разряда.

Простец был уверен, что после смерти душа попадает в ад (францисканец сравнивал его с военным лагерем), чистилище или рай в зависимости от ее обремененности грехами, тело же подвергается тлению в могиле, но в Судный день произойдет восстановление души в теле, и окончательно осужденная или оправданная личность войдет навеки в ту часть загробного мира, который будет ей указан высшим Судией. Бертольд Регенсбургский возвещал, что шансы быть осужденными на вечные муки имеют 100 тысяч человек против одного спасенного, а соотношение этих избранных и проклятых обычно изображалось как маленький отряд Ноя и его спутников в сравнении со всем остальным человечеством, уничтоженным Потопом³ (приложение, табл. 4).

Таким образом, проповедник рассматривал смерть души в контексте греховности социального поведения представителей различных слоев традиционного общества. Его подход способствовал развитию структурно-функционального анализа различных видов смерти – телесной и духовной, выделению этической составляющей при оценке профессиональной и повседневной жизнедеятельности людей.

Современник Бертольда Простеца **Фома Аквинский (1225-1274)**, представитель поздней схоластики, синтезируя учение Аристотеля и

¹ *Berthold von Regensburg*. Vollständige Ausgabe seiner Predigten / hg. Fr. Pfeiffer. Bd. 1. Wien, 1862. S. 11-28.

² *Ibid.* S. 140-156.

³ См.: *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 393.

христианские истины, создал свою всеобъемлющую танатотеологию, где много внимания уделено социальным аспектам смерти.

В «Сумме теологии» (1265-1274) он писал: «Смерть можно рассматривать двояко. Во-первых, как зло человеческой природы, и в этом смысле она не исходит от Бога и является изъяном, возникшем в человеке вследствие его грехопадения. Во-вторых, как обладающую аспектом блага, а именно как являющуюся праведным наказанием, и в этом смысле она – от Бога»¹.

По его мнению, суицид является незаконным по трем причинам: 1) «самоубийство, будучи противно естественному закону и любви к горнему, всегда является смертным грехом»; 2) «любой человек является частью общества», поэтому «убивающий себя человек совершает неправомерный поступок» по отношению к нему; 3) «одному только Богу дано решать, кому умереть, а кому – жить»². Таким образом, в Средневековье феномен самоубийства вычленяется из общей проблематики, направленной на осмысление сущности Бога и его творения (мир – общество – человек)³.

Стоя на страже католического вероучения, он призывал к тому, чтобы «еретики по осуждении их ереси должны быть не только отлучены, но и преданы смерти»⁴. По Аквинату, «грех – это не чистая лишенность, а действие, лишенное должного порядка, и потому грехи различаются по виду согласно объектам своих действий, а не согласно своим противоположностям»⁵. Поэтому «если сравнивать убийство и богохульство с точки зрения объектов этих грехов, то ясно, что богохульство, которое является грехом, совершенным непосредственно против Бога, тяжче убийства, которое является грехом, совершенным против ближнего»⁶.

Для него зло — это, прежде всего, метафизическое зло, коренящееся в неправильном образе бытия человека, недостаточной природе его благо-бытия⁷.

¹ *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. II-II. Вопросы 123-189. Киев: Ника-центр, 2014. С. 385.

² *Он же*. Сумма теологии. Ч. II-II. Вопросы 47-122. Киев: Ника-центр, 2013. С. 213-214.

³ *Лященко М. Н.* Суицид «глазами» Сократа и Августина Блаженного // Суцидология. 2013. № 4. С. 64-65.

⁴ *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. II-II. Вопросы 1-46. Киев: Ника-центр, 2011. С. 149.

⁵ *Он же*. Сумма теологии. Ч. II-I. Вопросы 49-89. Киев: Ника-центр, 2008. С. 289.

⁶ *Он же*. Сумма теологии. Ч. II-II. Вопросы 1-46... С. 162-163.

⁷ *Бобков В. Н., Артамонов Г. Н.* Духовные и социокультурные проблемы современности в диалоге с наследием св. Фомы Аквинского // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3 (193). С. 130.

Отсюда следует вывод: «Если человек становится опасным и заразным для общества по причине некоторого греха, то с точки зрения сохранности общественного блага его убийство будет похвальным и полезным»¹. Уничтожить злодея «надлежит только тому, кому поручено оберегать благополучие общества» – земным князьям и духовным лицам (!). Это означает, что последние тоже могут выступать в качестве «карающей десницы», наряду со светскими лицами.

Признавая, что «война греховна всегда» и «все войны незаконны», Аквинат утверждал: «...для того чтобы война было справедливой, необходимы три вещи. Во-первых, полномочность правителя, по приказу которого ведется война. Во-вторых, необходимо наличие справедливой причины, а именно чтобы атакованные были атакованы потому, что заслужили это некоторым своим проступком. В-третьих, необходимо, чтобы воюющая сторона имела справедливое намерение, то есть, чтобы ее намерением было утверждение добра или предотвращение зла»².

Согласно теологу, государство невозможно без правовых норм, которые власть должна поддерживать и защищать, ради достижения общего блага, мира и благополучия. Конечная же цель жизни человека – достижение блаженства, обретаемого в созерцании Бога в загробном мире³.

Таким образом, эсхатология и сотериология средневекового католицизма оказались чрезвычайно плодотворными в танатофилософском отношении, придав импульс дальнейшим изысканиям в этом направлении.

Эпоха Ренессанса ознаменовала «интеллектуальный поворот» от трансцендентного к насущному, от Бога к человеку, стимулировала интерес к наследию Античности и распространение идей гуманизма. Многие философы этого периода выступали за свободу личности и против религиозного аскетизма, за право индивида на удовлетворение земных потребностей, наслаждение и счастье.

¹ Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-II. Вопросы 47-122... С. 208.

² Он же. Сумма теологии. Ч. II-II. Вопросы 1-46... С. 498.

³ См.: Боргош Ю. Фома Аквинский. 2-е изд. М.: Мысль, 1973.

Среди социально-политических мыслителей Возрождения видное место занимает **Никколо Макиавелли (1469-1527)**, государственный деятель, дипломат, историк, карьера которого знала взлеты и падения - от битья плетью до тюремного заключения и ссылки. В его взглядах противоречиво сочетались республиканизм и антиклерикализм, цинизм и патриотизм. Отвергнув однобокие оценки творчества «ославленного» флорентийца, современные зарубежные (Х. Арндт, Д. Антисери, Дж. Реале и др.) и отечественные (Л. М. Баткин, В. И. Рутенбург, В. В. Соколов, М. А. Юсим и др.) ученые высоко оценивают вклад Н. Макиавелли в развитие политических, философских, антропологических, исторических, социологических и психологических исследований.

Знаменитый трактат «Государь» (ок. 1513) содержит яркие примеры анализа танатосоциологической проблематики и, наряду с этим, практические рекомендации правителю действовать предельно жестоко.

Исходя из специфики человеческой природы, Макиавелли утверждал: «Князю нельзя основываться на том, что он видит во времена мирные, когда граждане нуждаются в государстве; тогда каждый суется, обещает и хочет за него умереть, пока смерть далека; но в минуту неудачи, когда государство нуждается в гражданах, на помощь ему приходят только немногие»¹.

Мыслитель справедливо считал, что успех на войне зависит от надежности воинов, поэтому он резко негативно отзывался о наемниках: «... в них нет ни преданности, ни другого побуждения, удерживающего их в строю, кроме ничтожного жалованья, которого недостаточно, чтобы они были готовы за тебя умереть. Они охотно согласны быть твоими солдатами, пока ты не воюешь, но едва наступает война, они бегут или уходят»². В трактате «О военном искусстве» (1519-1520) он также обличал наемников-иностранцев: «...подонки страны: буйны, ленивые, разнузданные, безбожники, убежавшие из дому, богохульники, игроки»³.

¹ Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 1996. С. 66.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 417.

Макиавелли полагал, что «людей следует или ласкать, или истреблять, так как они мстят за легкие обиды, а за тяжелые мстить не могут»¹.

В свете этого вполне «обоснованным» выглядит его следующее предостережение правителю: «Недостаточно будет тебе истребить род Князя: ведь уцелеет та родовая знать, которая будет во главе новых переворотов, и, не имея возможности ни удовлетворить ее, ни уничтожить, ты потеряешь это государство, как только представится случай»².

В своих рассуждениях мыслитель учитывал взаимосвязь политического режима и памяти о прошлом: «... в республиках больше жизни, больше ненависти, острее жажда мщения; память о древней свободе не позволяет и не может позволить им успокоиться; так что самое верное средство – это уничтожить их вовсе или самому там поселиться»³.

Автор «Государя» убедительно показывает преимущества «силового» воздействия на общественное сознание: «...герцог велел однажды утром выставить на площади Чезены тело Рамиро, разрубленное пополам около плахи с окровавленным ножом. Это зрелище одновременно и удовлетворило народ и привело его в оцепенение»⁴.

«Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1513-1517) Н. Макиавелли содержат две знаменательные философские сентенции: «жизнь государей коротка» и «люди рождаются, живут и умирают всегда сообразно одним и тем же законам»⁵.

Богатством наблюдений танатосоциологического характера отличается «История Флоренции» (1520-1525, опубликована посмертно (1532)). Уже в начале своего сочинения мыслитель отмечал: «Люди, живя среди стольких бедствий, во взоре своем отражали смертную тоску своих душ, ибо, помимо всех горестей, которые им приходилось переносить, очень и очень многие не имели

¹ Макиавелли Н. Государь... С. 44.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Там же. С. 143.

возможности прибегнуть к помощи божией, надеждой на которую живут все несчастные»¹.

Одна из центральных тем его штудий – «никчемные правители и их постыднейшие войны». Макиавелли был уверен в меркантильности интересов инициаторов войн: «Цель всех тех, кто когда-либо начинал войну, всегда состояла в том, - и это вполне разумно, - чтобы обогатиться самим и сделать врага беднее. [...] Война обогащает того государя или ту республику, которые разбивают врага наголову, забирают себе в добычу все, чего хотят, и получают выкуп за пленных»².

Макиавелли выделял в социальной структуре общества элиту и массы. Обе эти группы, как правило, находятся в состоянии антагонизма. Описывая экономические притязания обеих общностей и их влияние на политику и право, он подчеркивал, что по причине того, что одна часть граждан жаждет иметь еще больше, а другая боится утратить приобретенное, люди доходят до вражды и мятежей³.

Философ указывал на «изворотливость» вождей восставших ремесленных цехов, которые убеждали своих последователей: «А о совести нам тоже нечего беспокоиться: там, где, как у вас, существует страх голода и тюрьмы, нет и не должно быть места страху перед адскими муками»⁴.

В итоге, «вертикальная объяснительная схема (“человек – небо”) сменилась горизонтальной объяснительной схемой (“мотивы человека – мотивы человека”)⁵. Труды Макиавелли позволили по-новому взглянуть на проблему взаимоотношений морали, религии и политики, способствовали формированию социологического подхода к рассмотрению смерти.

Период Ренессанса связан с распространением жанра социальных утопий. Так, «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем

¹ Макиавелли Н. История Флоренции. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. С. 17.

² Там же. С. 218.

³ Горяинов Р. В. Политическая социология Н. Макиавелли [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibci.ru/pages/Goryainov.htm> (дата обращения: 20.04.2017).

⁴ Макиавелли Н. История Флоренции... С. 115.

⁵ Барг М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. С. 290.

устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516) английского государственного деятеля и мыслителя **Томаса Мора (1478-1535)**, погибшего на плахе за свои религиозные убеждения, отражает специфику взглядов автора на базовые танатосоциологические вопросы.

Примечательно, что Т. Мор одним из первых в истории общественно-политической мысли указал на необходимость: 1) социальной реабилитации «тех, кто часто возвращается домой калеками с войн внешних или гражданских», так как «лишаются частей своего тела ради государства или ради короля; немощь не позволяет им заниматься прежними делами, а возраст — изучить новые»; 2) социального обеспечения «земледельцев, угольщиков, поденщиков, ломовых извозчиков и рабочих», «когда на них обрушатся старость, болезни и тяжкая нужда»¹.

Зарубежные (М. Ласки, А. Л. Мортон, Е. Шацкий и др.) и отечественные (И. Н. Осинский, Э. С. Рахматуллин, В. В. Сапов и др.) ученые отмечают, что характеристика модели образцового государства у Мора выстроена «от противного» – резкой социальной критики реалий тюдоровской Англии.

Мор продолжил традицию, заложенную Платоном. Его сочинение представляет собой противоречивый «сплав» гуманизма и клерикализма: он бичует «кровавое» законодательство о работниках, выступает против смертной казни, страстно обличает политику огораживания («овцы поели людей»), но при этом в Утопии «все особо тяжкие преступления караются обычно осуждением на рабство», действует всеобщая трудовая повинность, фундамент идеального государства составляет антииндивидуализм (приложение, табл. 5)².

«Утопия» значима еще и тем, что она «была тренировкой социологического воображения»³, послужив «прологом» подхода, разработанного позднее Ч. Р. Миллсом. Хотя социология возникла именно как опровержение утопии⁴.

¹ Мор Т. Утопия : Эпиграммы; История Ричарда III. 2. изд., испр. и доп. М.: Ладомир : Наука, 1998. С. 31, 104.

² Там же. С. 83.

³ Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польск. М.: Прогресс, 1990. С. 19.

⁴ Сапов В. В. Европейский утопизм XVI-XVII вв. // История теоретической социологии: В 5 т. М.: Наука, 1995. Т. 1. С. 110.

Нужно принять во внимание, что протестантизм, противником которого был Т. Мор, сформировался на основе возвращения к апостольскому христианству, переосмысления идей прошлого (например, было отвергнуто учение Аристотеля о смертности души и вечности мира), отказа от почитания мощей и др.

Инициатор Реформации **Мартин Лютер (1483-1546)** – человек, остро переживший «тревогу смерти и вины» (П. Тиллих): безвременную кончину от чумы младших братьев, конфликты с отцом, монашеский постриг и расстрижение, отлучение из-за обвинений в ереси, угрозу пожизненного заключения и казни на костре, искушение властью и др.

В его трактовке вера как бы освобождает человека от состояния подчиненности природе и обществу. Она гарантирует индивиду преодоление какой-либо обусловленности, и, следовательно, смерти. Осуждая учение Аристотеля о душе и следуя традиции апостола Павла, богослов полагал, что знание Христа означает совершение «счастливого обмена смерти на жизнь»¹.

Вступив на путь противостояния Римско-Католической церкви, Лютер доказал теолого-юридическую несообразность индульгенций: 1) антицерковные прегрешения (убийство священника, святотатство, колдовство) оценивались выше остальных; 2) происхождение денег (например, добытых преступным путем), затрачиваемых на приобретение отпущения грехов, было совершенно безразлично для церкви; 3) они могли приобретаться впрок под грядущие проступки; 4) они придавали имущественному и сословному неравенству мирообъемлющий смысл – оно выступало как неравенство в перспективе оправдания и спасения². В результате, индульгенции оказывались дискриминационной мерой, отдалявшей от Бога бедных и немощных.

Анализируя концепцию призвания Лютера, М. Вебер подчеркивал, что, с точки зрения реформатора, «монашеский образ жизни не только бессмыслен для

¹ См.: *Исаев С. А.* Теология смерти: очерки протестантского модернизма. М.: Политиздат, 1991. С. 55, 65.

² См.: *Соловьев Э. Ю.* Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 94-95.

оправдания перед Богом, но и являет собой лишь порождение эгоизма и холодного равнодушия, пренебрегающего мирскими обязанностями человека»¹.

Однако подход теолога к решению социальных проблем отличался противоречивостью: его гуманистическая максима («христианин живет не в себе самом, но в Христе и в ближнем своем: в Христе через веру, а в ближнем через любовь»²) сочеталась со «смертельным приговором» крестьянам-мятежникам («поскольку они своевольно и злостно ломают повиновение, к тому же восстают против своих господ, то заслуживают телесной и духовной казни, как неверные, клятвopеступные, лживые, непокорные негодяи и злодеи»³).

Также весьма показательна разница между памфлетами реформатора «Иисус Христос родился евреем» (1523) и «О евреях и их лжи» (1543). Если первое сочинение нацелено побудить некоторых иудеев приобщиться к христианской вере, то второе проникнуто духом антисемитизма («нужно разорить и разрушить их дома, тогда им негде будет укрыться, они будут изгнаны»⁴).

Несомненный интерес в танатосоциологическом плане вызывает проповедь Лютера «О подготовке к смерти» (1519), где теолог различает два вида действий личности: телесное (внешнее) расставание с миром, нацеленное на упорядочение имущественных дел, и умственное – просьба о прощении у тех, кому было причинено страдание. Помочь индивиду преодолеть страх перед уходом из жизни помогает приобщение к Таинству Причащения, именно оно противостоит трем наваждениям дьявола: «ужасающему образу смерти, многообразному греху, невыносимому и неотвратимому образу ада и вечного проклятия»⁵.

Мыслитель подчеркивает психологический аспект танатофобии: «Чем глубже смерть рассматривается и познается, тем тяжелее и тревожнее смерть». Священник предостерегает свою паству: «Чем больше человек следует за

¹ Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 97-98.

² Лютер М. 95 тезисов. СПб.: Роза мира, 2002. С. 107.

³ Он же. Против разбойных и кровожадных шаек крестьян. 1525 г. // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2007. № 7. С. 187.

⁴ Он же. О евреях и их лжи (1543) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/asion/martin2.html> (дата обращения: 20.04.2017).

⁵ Martin Luther. Bereitung zum Sterben (1519) [Электронный ресурс]. URL: https://www.glaubensstimme.de/doku.php?id=autoren:l:luther:s:sermon_von_der_bereitung_zum_sterben (дата обращения: 04.04.2020).

дьяволом и терпит такие мысли, тем более уязвим он и <...> впадает в ненависть и богохульство против Бога»¹. Гарантией против искушения и страха служат: вера в Христа, послушание Его воле и любовь к Нему.

Другой лидер Реформации **Жан Кальвин (1509-1564)** также прошел через тяжелые испытания – смерть жены и единственного сына, многолетние болезни, изнурительную борьбу за свободу консистории от государственной опеки.

В труде «Наставления в христианской вере» (1536-1560) он исходит из того, что смертью Христа «уничтожен грех и устранена смерть», «Его воскресением установлена праведность и воскрешена жизнь»².

При этом теолог задает сущностные для христианина вопросы: «Если уход из этого мира есть вхождение в жизнь, то что такое этот мир, как не могила, и что значит существование в нём, означает не погружение в смерть?». Его ответ ясен и прост: «...жить значит стоять на посту, на который нас поставил Господь и на котором мы обязаны оставаться до тех пор, пока Он не призовет нас к Себе»³.

Выдвинутая Ж. Кальвином концепция предопределения привлекла особое внимание М. Вебера. Придерживаясь августинианской традиции, реформатор утверждал, что всемогущий Бог предназначил одних людей к спасению и вечной жизни, а других к гибели. Однако, как указывал немецкий социолог, по их поведению невозможно «определить, избраны они или осуждены на вечные муки»⁴. Предопределение совершается на путях Промысла Божия вне зависимости от волеизъявления человека, его образа мыслей и жизни.

Анализ сочинений Лютера⁵ и Кальвина⁶ свидетельствует о близости их танатологических представлений (табл. 2.1.3).

¹ *Martin Luther*. Bereitung zum Sterben...

² *Кальвин Ж.* Наставление в христианской вере ; Пер. с фр. М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1997. Т. 1, Кн. 1, 2. С. 523.

³ *Он же.* Наставления в христианской вере ; Пер. с фр. М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1998. Т. 2, Кн. 3. С. 179, 180.

⁴ *Вебер М.* Избранные произведения... С. 147.

⁵ *Лютер М.* Избранные произведения. СПб.: Андреев и согласие, 1994. С. 32; *Он же.* Проповедь об отлучении (1520) [Электронный ресурс]. URL: https://filosoff.org/martinluther/wp-content/uploads/sites/80/2015/11/martin-ljuter-propoved-ob-otluchanii-filosoff.org_.pdf (дата обращения: 20.04.2017); *Он же.* Могут ли войны обрести Царство Небесное (1526) [Электронный ресурс]. URL: <https://bara.okis.ru/mlvocn1.html> (дата обращения: 20.04.2017); *Он же.* 95 тезисов... С. 16.

⁶ *Кальвин Ж.* Наставление в христианской вере ; Пер. с фр. М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1997. Т. 3, Кн. 4. С. 477-479; *Он же.* Наставления в христианской вере... Т. 2. С. 175.

Танатологические взгляды основателей протестантизма

№	Вопросы	Лютер	Кальвин
1	Душа человека	«полна грехом, смертью и проклятием»	человек таит в душе целую вселенную пороков
2	Отлучение	«если его правильно применять, целебно и безвредно, а не губительно для души»	право отлучения принадлежит церковной общине, а не государственным властям
3	Война	«войны и муки, и все порождаемое войной и военным правом, учреждено Богом»	правители и народы вынуждены вести законные войны, чтобы охранять спокойствие и отмщения, но их следует избегать и помнить, что целью войны должен быть поиск мира
4	Отношение к смерти	«Христианам следует напомнить, чтобы они проявили усердие в следовании за своею Главой, Христом, через Крест, Смерть и Ад»	«какие бы несчастья не обрушивались на нас, всегда нужно помнить о нашей кончине, чтобы научиться презирать нынешнюю жизнь и благодаря этому полюбить размышлять о будущей жизни»

Иностранные (Ф. В. Кантценбах, Х. Р. Нибур, П. Тиллих, И. Штедтке и др.) и российские (В. А. Бачинин, С. Ю. Вишневецкий, С. А. Исаев, В. В. Лазарев, Н. В. Ревуненкова и др.) исследователи подчеркивают антропологическую направленность социального учения протестантизма. Вместе с тем, Э. Ю. Соловьев квалифицирует «персонализм ранней Реформации» как «мученический, страдательный, порой даже мизантропически мрачный»¹.

На наш взгляд, более обоснован вывод А. С. Гагарина о том, что отличительной чертой нового – протестантского – подхода оказывается дистанцирование от смертного часа, от агонии, и, в конечном счете, от физической смерти со всеми ее страхами². Главное – это медитация, размышление о смерти, но человеку нельзя обольщаться иллюзией вечного земного бытия и надо быть всегда готовым к уходу.

Протестантизм инициировал не только изменение взглядов и образа жизни многих людей, но и выступил в качестве источника оригинальных социологических концепций о тесной взаимосвязи религиозно-этического и

¹ Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С. 80.

² Гагарин А. С. Указ. соч. С. 339-345.

социального начал бытия, о специфике влияния религиозных установок на отношение к смерти.

Подводя итоги изучения философско-социологических истоков социологии смерти, укажем, что уже в Античности был сформулирован ряд фундаментальных трактовок причин и сущности смерти. Согласно первой из них, смерти не следует бояться – это естественное явление, итог развития болезней и старости. С позиций второго подхода, телесная смерть человека «преодолевается» памятью о нем, которую хранят его близкие и общество в целом. Согласно третьей точке зрения, смерть имеет место в жизни – это особое состояние индивида (рабство, заключение, изгнание и т. п.). Наконец, в соответствии с четвертым подходом, смерть «выводится» за пределы наличного бытия: живым не дано ее понять, либо, благодаря бессмертию души, нивелируется специфика смертности.

В творчестве практически каждого из рассмотренных нами мыслителей можно обнаружить элементы всех четырех интерпретаций смерти – в определенной смысле, они не противоречат друг другу, а дополняют, это объясняется уникальностью феномена смерти и характером его интеллектуального постижения.

Средневековая христианская философия смерти сочетала в себе «реализм» осознания трагедии ухода личности из жизни в контексте эсхатологии и светлую надежду на вечную жизнь, благодаря искупительной жертве Господа. Теологи оправдывали смертную казнь как средство наказания преступников и ведение войн против еретиков и неверных.

Необходимо учитывать, что христианские ортодоксы рассматривали философию как «служанку богословия», гуманисты – теологию как составную часть научного знания, реформаторы делали акцент на принципиальных различиях исходных начал познания – веры и разума.

Гуманизм и свободомыслие Ренессанса позволили мыслителям раскрыть особенности множества моделей поведения человека – страдающего, убивающего, погибающего и др. Теология смерти отцов Реформации в центр дискуссий поставила вопросы греха, спасения и бессмертия, ответы на них

предлагалось искать не столько в «умственных фантазиях», сколько в практической деятельности людей, так как каждый из членов социума получает в «конце мира» то, что заслужил. Ведь церковная регламентация повседневного существования не освобождала христианина от ответственности за свои поступки.

По нашему мнению, хотя в период Античности – Средневековья – Возрождения – Реформации лишь происходило формирование обществознания как такового, еще недифференцированного в соответствии с дисциплинарной спецификой, социально-танатологическая проблематика занимала в творчестве многих мыслителей заметное место.

2.2 Предпосылки возникновения социологии смерти в социальной философии Нового времени

«Новое время на Западе ознаменовалось серией острых социальных конфликтов, экономических преобразований, войн и революций. На подмостках мировой сцены появилось огромное число деятельных людей, ищущих своего места под солнцем и борющихся за него. Они готовы были отбросить и уничтожить устаревшие формы жизни. Все это послужило «пищей» для размышлений философов – свидетелей и участников социально-исторических событий эпохи.

Нидерландская, Английская, Американская и Великая Французская революции по-своему продолжили линию противостояния Реформация – Контрреформация. Это были столкновения между «братьями во Христе» ради «будущего-из-для прошлого» либо «будущего-из-настоящего-без-прошлого» – за что бы не боролись противники, они аргументировали свои позиции ссылками на библейские авторитеты (французское «исключение» лишь подтверждает правило). Каждая из сторон отстаивала свое право на единственно верное понимание воли Господа и свой вариант ее утверждения в мире, тем самым происходила сакрализация «взаимоуничтожения» старого и нового. Религиозная вера воодушевляла подавляющее большинство консерваторов и часть

революционеров, в итоге, традиционное общество отступило перед «бурей и натиском» общества модерна.

При всех очевидных различиях (время и пространство, причины и следствия) эти революции объединяет ряд общих черт: 1) они были нацелены на устранение отживших феодальных институтов; 2) дали толчок укреплению основ новой социально-экономической системы – капитализма; 3) способствовали демократизации механизмов общественного и государственного управления, ликвидировав абсолютизм и введя гарантии гражданских прав и свобод; 4) ускорили ритм модернизационных процессов во всех сферах жизни социума»¹.

Как отмечал Р. К. Мертон, протестантская этика прямо санкционировала занятия естественной наукой, исходя из того, что «изучение природы позволяет полнее оценить величие трудов Господних, а тем самым ведет нас к восхищению Могуществом, Мудростью и Благостью Божьими, явленными в Его творении»². В результате, научная революция XVII века оказала благоприятное влияние на проведение изысканий танатосоциологической направленности.

Френсис Бэкон (1561-1626) родился в семье «новой знати», обучался в Кембридже, после чего занимался юридической практикой, стал членом парламента, позднее он достиг поста лорда-канцлера Англии (1618-1621) и получил титул барона Веруламского. Его взлет закончился крахом: он был осужден за взяточничество, и хотя король помиловал Бэкона, вельможу отстранили от государственных дел (1621) и в последние годы жизни он сосредоточился на занятиях наукой.

В его сочинениях («О достоинстве и приумножении наук», «О мудрости древних» (1609), «Новый Органон» (1620) и др.) предложена оригинальная версия классификации научного знания, базирующаяся на различении главных способностей человеческой души (рис. 2.2.1).

¹ Прохоренко Ю. И., Левченко И. Е. Хронология социальной реальности // Социосфера: Сб. науч. тр. Вып. 1. Екатеринбург: Урал. ин-т социального образования, 2005. С. 148-168.

² Мертон Р. К. Социальная теория... С. 805.

Способности человеческой души					
Память		Воображение		Разум	
↓↓↓		↓↓↓		↓↓↓	
История		Поэзия		Философия	
Естественная	Гражданская			Учение о Боге	Учение о природе
				Учение о человеке	

Рис. 2.2.1. Классификация наук (по Ф. Бэкону)

Сочетание фундаментальных и прикладных изысканий позволили Ф. Бэкону всесторонне рассмотреть феномен смерти. Так, в труде «Опыты, или наставления нравственные и политические» (1597-1625), отвергая «чрезмерность внимания» к смерти стоиков, Бэкон утверждал: «Умереть столь же естественно, как и родиться»¹. Он полагал, что смерть можно преодолеть посредством страстей: «Мечь торжествует над смертью; любовь ее презирает; честь призывает ее; горе ищет в ней прибежища; страх предвосхищает ее»². Танатофобия, по его мнению, обусловлена психологическими и эстетическими источниками: «Стоны, судороги, мертвенный лик, слезы друзей, траур, погребение и прочее – вот отчего смерть предстает ужасной»³.

В трактате «О достоинстве и приумножении наук» (1605) мыслитель исследовал феномен войн в древнегреческих мифах. Он установил, что «всегда должна существовать справедливая, благочестивая, вызывающая уважение и расположение людей причина»⁴ вооруженного конфликта. Бэкон выделил типичные способы ведения войн («умение скрывать свои планы», «быстрота действий», «всевозможные хитрости, обманы» и т. п.) и ошибки («неумение закрепить достигнутый успех и развивать наступление и преследование противника»)⁵. На примере поведения богов ученый продемонстрировал сущность предательства («низко и омерзительно»), которое ведет к разрыву отношений между людьми⁶.

Бэкон был пионером в постановке вопроса о «переструктурировании» медицины: «Первая обязанность медицины – сохранение здоровья, вторая –

¹ Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 357.

² Там же. С. 356.

³ Там же.

⁴ Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 1. С. 191-192.

⁵ Там же. С. 193.

⁶ Там же. С. 194.

лечение болезней, третья – продление жизни¹ (“эта наука, которая ещё нова и по существу только должна быть создана, представляется нам самой важной частью медицины”²)).

Как и Т. Мор, Бэкон аргументировано защищал эвтаназию (именно он ввел термин, обозначающий «легкую смерть»): «...долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями, <...> даже и в том случае, когда уже нет совершенно никакой надежды на спасение и можно лишь сделать самую смерть более легкой и спокойной, потому что эта эвтанасия <...> уже сама по себе является немалым счастьем»³. Вместе с тем философ указывал, что «желать смерти может не только мужественный, или несчастный, или мудрый человек, но и тот, кто просто пресытился жизнью»⁴.

Ветхозаветные притчи Соломона послужили основанием для его рассуждений «о различной славе, выпадающей обычно на долю хороших и дурных людей после смерти», первым – «вечная и неувядающая», вторым – бесславие⁵.

Уже после смерти Бэкона был опубликовано его последнее незавершенное сочинение «Новая Атлантида» (1627). Описывая прибытие мореплавателей на неизвестный доселе остров Бенсалем, автор подчеркивал, что его жители отказались общаться с ними напрямую, опасаясь заразиться от больных, находившихся на корабле. Путешественников поселили в Доме чужестранцев, продержав их на карантине несколько дней.

После этого на встрече с мудрецом Соломонова дома (своеобразного ордена, изучающего творения Господни) автор книги узнал, что целью общества «Новой Атлантиды» «является познание причин и скрытых сил всех вещей; и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него

¹ Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 1. С. 251.

² Там же. С. 259.

³ Там же. С. 255-256.

⁴ Там же. С. 361.

⁵ Там же. С. 428.

возможным»¹. Для излечения недугов, наблюдения за жизнью отшельников-долгожителей и сохранностью тел умерших бенсалемцы используют подземные рудники и высокие башни.

Кроме того, на острове существует обычай оглашать полезные открытия и предсказывать, «сопровождая это естественными объяснениями, повальные болезни, моровую язву, нашествия саранчи, недороды, грозы, землетрясения, наводнения, кометы, погоду», давать «жителям советы, как предупредить стихийные бедствия и бороться с ними»².

Таким образом, с точки зрения Ф. Бэкона, прикладные научные исследования призваны способствовать продлению жизни всех граждан государства.

Полагаем, что мыслитель, являясь основоположником эмпиризма, индуктивного метода, материалистической традиции и жанра «научной фантастики», заложил в английский социальной философии предпосылки для формирования социологии смерти.

Бэконовскую линию номинализма продолжил его соотечественник **Томас Гоббс (1588-1679)**. За свою долгую жизнь Гоббсу довелось провести многие годы в эмиграции, пересмотреть свои роялистские взгляды и вернуться в кромвелевскую Англию. Опыт осмысления революции нашел отражение в его знаменитом произведении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651).

В этом произведении Гоббс различает смерть физическую и вторую – «вечную», которая должна быть «для каждого осужденного в день Суда, после чего он уже больше не будет умирать»³.

Соединяя рационализм и сенсуализм (рис. 2.2.2), он поставил «на первое место <...> общую склонность всего человеческого рода вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью»⁴.

¹ Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 509.

² Там же. С. 518.

³ Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 352.

⁴ Там же. С. 74.

<i>Объект философского изучения</i>					
Природа и человек					
<i>Онтология</i>					
Мир материален, никакой иной реальности нет. Материя вечна, меняются только тела, которые возникают и исчезают, но материя остается					
<i>Гносеология</i>					
		↑ → →	Чувственный опыт	→ → → → → →	Познание
		↑	↓		↑
		Образ	↓ → → →	Мышление	→ → → ↑
		↑	↓ → → →	Язык	→ → → ↑
		↑	↓ → → →	Теоретические утверждения	→ → → ↑
Причины ощущений	→	↑	↓ → → →	Наука	→ → → ↑
		Внешние тела	↓ → → →		→ → → ↑

Рис. 2.2.2. Философские взгляды Т. Гоббса

Только взаимный страх удерживает людей от безудержной погони за господством. Страх Гоббс трактует с социально-психологических позиций – как «ожидание будущего зла». Поэтому причина возникновения стабильного, длительно существующего общества – взаимный страх, а не любовь и расположение. Страх не разъединяет, а наоборот, объединяет, вынуждает заботиться о взаимной безопасности. Следовательно, государство – наилучший способ удовлетворения такой потребности¹.

Родоначальник теории общественного договора объяснял его возникновение тем, что люди равны от природы. «Более слабый имеет достаточно силы, чтобы путем тайных махинаций или союза с другими, кому грозит та же опасность, убить более сильного»². Из-за равенства проистекает взаимное недоверие.

Отечественные ученые (Б. В. Мееровский, В. В. Соколов, А. Ф. Филиппов и др.) указывают, что Гоббс нашел решение проблемы в «лице» Левиафана: лишь государство, в пользу которого граждане отказываются от части своих прав, держит их в страхе и тем умиротворяет «войну всех против всех и каждого против каждого».

¹ Левченко И. Е. Предыстория социологии революции // Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции). Материалы научной конференции «XI Ковалевские чтения». Отв. ред. Ю.В. Асочаков. СПб., 2017. С. 107-108.

² Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 93.

По мнению этактиста, гражданское повиновение проистекает «из-за любви к покою, из-за боязни смерти или увечья». Как и Н. Макиавелли, он считал, что «бедные и смелые люди, недовольные своим положением, точно так же, как все, добивающиеся военного командования, склонны создавать поводы к войне и возбуждать смуту и мятеж»¹. Суть социально-философских воззрений Гоббса выражена в формуле: «гражданский мир – здоровье, смута – болезнь, и гражданская война – смерть»². В его взглядах со всей очевидностью прослеживается механицизм: вначале взаимное отталкивание, затем – притяжение³.

Исследователь справедливо настаивал на необходимости «изучения и большего понимания» различий в действиях толпы, группы и индивида при совершении убийств, приводя в пример гибель Катилины и Цезаря.

На наш взгляд, Гоббсу удалось раскрыть содержание мотивации деяний честолюбцев: «И хотя после смерти нет ощущения хвалы, воздаваемой нам на земле, ибо эти радости или поглощаются неизреченными радостями рая, или гаснут в страшных муках ада, тем не менее такая слава не тщетна, ибо люди испытывают удовольствие в настоящем от предвидения этой славы и от ее благодетельных последствий для их потомства»⁴.

Мыслитель одним из первых проанализировал феномен дуэлей: «...наступит время, когда честь воздаваться будет тем, кто отказывается от дуэлей, и бесчестье – тем, кто делает вызов. Ибо дуэли также нередко представляют собой проявление мужества, а основанием мужества всегда является сила и ловкость, т. е. могущество. Однако в большинстве случаев дуэли есть результат необдуманной речи и боязни бесчестья у одного или у обоих дуэлянтов. Впутавшись необдуманно в конфликт, они вынуждены вступить в борьбу, чтобы избежать бесчестья»⁵.

¹ Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 75.

² Там же. С. 6.

³ Левченко И. Е. Предыстория социологии революций...

⁴ Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 76.

⁵ Там же. С. 71.

Обратим внимание также на то, что философ рассматривал психологическую обусловленность страха смерти: «...даже совершенно бодрствующие люди, если они робки и суеверны, начинены всякими страшными сказками и, находясь одни в темноте, подвержены подобного рода иллюзиям. Они верят, что видят бродящих по кладбищу духов и привидения умерших людей, между тем как это лишь их фантазия или же проделка некоторых лиц, пользующихся подобным суеверным страхом, чтобы пройти ночью переодетыми в такие места»¹.

С нашей точки зрения, ценность изысканий Гоббса для танатосоциологии заключается в том, что он осуществил проблематизацию смертельно опасных конфликтов разного уровня (война и дуэль), попытался выявить социально-психологическую мотивацию поведения людей в условиях политической нестабильности.

Революционные потрясения побуждали многих мыслителей уповать на умиротворение страстей, благодаря вмешательству Провидения. Можно согласиться с точкой зрения американского социолога Р. Нисбета, считающего, что следует «воспринимать XVII век как Век Веры, религиозной веры»².

Но одно не мешало другому: в XVI-XVII веках активно развивалось государствоведение – описательная статистика, которая собирала и группировала факты: 1) материальные – территория и население; 2) целевые – основные цели государства и средства их достижения; 3) формальные – описание государственных форм управления; 4) действия – армия, флот, денежная система, способы администрирования.

Позднее получила распространение политическая арифметика — наука, стремившаяся изучать количественные закономерности общественных явлений и процессов. К социально-статистическим аспектам жизни социума проявляли интерес различные исследователи: экономисты, политики, математики, биологи, медики, священнослужители и др. Постепенно необходимость отслеживания

¹ Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 15.

² Нисбет Р. Прогресс: История идеи / пер. с англ. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 206.

миграции населения, учета актов гражданского состояния, смертности и рождаемости привели к возникновению демографии.

Родоначальником демографической науки по праву считается английский купец **Джон Граунт (1620-1674)**, который опубликовал книгу «Естественные и политические наблюдения над бюллетенями о смертности» (1662), написанную на основе списков родившихся и умерших в Лондоне, составлявшихся с 1603 г. в связи с эпидемиями чумы¹. Несмотря на несовершенство его источниковой базы и подсчетов, несомненной заслугой исследователя является систематизация имеющихся данных, создание таблицы смертности, введение понятий среднего и вероятного сроков жизни. По мнению ученых, изыскания Граунта о причинах и половозрастных различиях смертности способствовали развитию научных исследований его современников (Э. Галлей, У. Петти) и потомков (А. Депарсьё, И. П. Зюсмилх, А. Кетле, Т. Р. Мальтус и др.)².

Кроме того, становление патологической анатомии привело к тому, что «без всяких моральных или религиозных споров труп становится частью медицинской области», в результате, «познание живой и неопределенной болезни смогло приспособиться к ясной видимости смерти», к превращению ее в великого аналитика, показывающего связи и разворачивающего их³. Так успехи естественнонаучного изучения физической смерти внесли коррективы в гуманитарное знание.

Возвращаясь к анализу социально-философских истоков социологии смерти, укажем, что жизненный опыт **Джона Локка (1632-1704)** был также разнообразен, как и у Т. Гоббса, – активное участие в политике, правительственная служба, годы эмиграции, репатриация, плодотворная исследовательская деятельность и др. Но в отличие от своего старшего

¹ *Граунт Дж., Галлей Э.* Начала статистики населения, медицинской статистики и математики страхового дела / пер. с англ. Берлин: NG Verl., 2005.

² См.: *Greenwood M.* Medical statistics from Graunt to Farr // *Biometrika*. Vol. 32, No. 2 (Oct., 1941), pp. 101-127; *Kargon R.* John Graunt, Francis Bacon, and the Royal Society: The Reception of Statistics // *Journal of the History of Medicine*. October, 1963, pp. 337-348; *Pelling M.* John Graunt, the Hartlib circle and child mortality in Mid-Seventeenth-Century London // *Continuity and Change*. 31 (3), 2016, pp. 335–359; *Sutherland I.* John Graunt: A Tercentenary Tribute // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General)*, Vol. 126, No. 4 (1963), pp. 537-556 и др.

³ *Фуко М.* Рождение клиники / пер с франц. М.: Смысл, 1998. С. 193, 194, 221.

современника, он, будучи представителем эмпиризма и либерализма, считал нормальным состоянием общества свободу и равенство людей, живущих своим трудом.

В «Послании о веротерпимости» (1667) он декларировал: «Гражданскими благами я называю жизнь, свободу, телесное здоровье и отсутствие физических страданий, владение внешними вещами, такими, как земли, деньги, утварь и т. д.»¹.

Д. Локк последовательно отстаивал принципы веротерпимости и свободы совести, обличая тех кто, «из человеколюбия и заботы о спасении души лишают людей их имущества, истязают их тела, гноят в тюрьмах, заковывают в цепи, отнимают, наконец, самое жизнь и все это — чтобы обратить их в правую веру»².

Исходя из того, что «любая церковь для себя ортодоксальная, для других — заблуждающаяся, или еретическая, <...> в споре об истинности догматов, о верности обрядов обе церкви имеют равные основания»³, он утверждал: «Отлучение не лишает и не может лишить отлученного ни одного из гражданских благ»⁴.

С его точки зрения, «люди становятся мятежными оттого, что с ними плохо обращаются. Уничтожь несправедливые правовые различия, исправь законы, отмени смертную казнь, и все станет спокойным, <...> когда не станет никакой дискриминации граждан по религиозным причинам»⁵.

Для правового государства обязательным является защита своих граждан. В связи с этим Д. Локк указывает: «Мятежники, бандиты, убийцы, разбойники, грабители, развратники, клеветники, негодяи и им подобные должны подвергаться осуждению и наказанию, к какой бы церкви, придворной или нет, они ни принадлежали»⁶.

¹ Локк Д. Соч.: В 3 т.: Пер. с англ. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 94.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 101.

⁴ Там же. С. 101.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ Там же. С. 129.

Развивая данный подход, Локк в сочинении «Два трактата о правлении» (1689) приходит к прямо противоположному выводу, чем Гоббс: «...поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого»¹.

Отдавая приоритет либеральным ценностям, Локк подчеркивал: «...человек, не обладая властью над собственной жизнью, не может посредством договора или собственного согласия отдать себя в рабство кому-либо или поставить себя под абсолютную, деспотичную власть другого, чтобы тот лишил его жизни, когда ему это будет угодно»².

В конце жизни, рассуждая с протестантских позиций о смерти, философ утверждал следующее: 1) «мертвые в могилах всего лишь останки тленных плоти и крови. Но плоть и кровь не могут наследовать Царства Божия, и точно так же тление не может наследовать нетления, т. е. бессмертия»; 2) «нечестивые умрут и, в конце концов, будут уничтожены»; 3) «только дети Божии достойны обрести воскресение, т. е. воскресение прежде других, <...> они подобны ангелам и уже не могут умереть»³.

Своей теорией договорного происхождения государства и естественного права, теологией, антиклерикализмом и либерализмом Локк оказал значительное влияние на развитие рационализированных представлений о смерти европейскими просветителями и классиками немецкой философии.

Особое место в ряду предтеч социологии смерти занимает представитель шотландского Просвещения, экономист и философ **Адам Смит (1723-1790)**. Когда он был еще младенцем, умер его отец, воспитанный матерью и дядей, Адам рано проявил интерес к книгам. Получив образование в университетах Глазго и Оксфорда, он вернулся на родину и сделал успешную карьеру преподавателя. Изыскания Смита в области моральной философии, включавшей тогда сферу экономики, способствовали его знакомства с выдающимися современниками –

¹ Локк Д. Соч.: В 3 т.: Пер. с англ. Т. 3... С. 265.

² Там же. С. 275.

³ *Он же*. Эскизы о воскресении // История философии. 2020. Т. 25. № 1. С. 113-117.

Э. Бёрком, Вольтером, Э. Гиббоном, Ф. Кенэ, Дж. Уаттом, Ф. Хатчесоном, Д. Юмом и др.¹

В связи с нашим исследованием наибольший интерес вызывает сочинение А. Смита «Теория нравственных чувств, или Опыт исследования законов, управляющих суждениями, естественно составляемыми нами сначала о поступках прочих людей, а затем и о своих собственных» (1759), в котором этика соединилась с психологией.

Мыслитель исходил из того, что «источник нашей чувствительности к страданиям посторонних людей лежит в нашей способности переноситься воображением на их место, в способности, которая доставляет нам возможность представлять себе то, что они чувствуют, и испытывать те же ощущения»².

Далее он утверждал: «Мы проникаемся сочувствием даже к мертвым и при этом не обращаем внимания на действительно важную сторону их положения: на страшную вечность, ожидающую их. <...> Все ужасное, вытекающее из нашего предвидения собственного разрушения, создается таким же точно образом химерами нашего воображения: мы томимся всю нашу жизнь несчастьем, которое обратится в ничто, когда нас не станет. Отсюда рождается одна из самых сильных страстей человеческих — страх смерти, <...> охраняющий и оберегающий общество»³.

Смит детально анализирует трагические ситуации утраты близких и последних поступков приговоренных к смертной казни, которые вызывают противоречивые реакции окружающих – от сопереживания до отсутствия сострадания. Так, он обосновано указывает, что на готовности «сочувствовать страстям знатных и богатых людей основывается различие сословий и весь порядок общества»: «Злодей, посягнувший на жизнь государя, представляется нам большим чудовищем, чем всякий другой убийца»⁴.

¹ См.: *Абрамов М. А.* Два Адама: Классики политической мысли. М.: ИФ РАН, 2008; *О'Рурк П.* Адам Смит «О богатстве народов». М.: АСТ, 2010; *Ortmann A., Walraevens B.* Adam Smith, Philosopher and Man of the World // *History of Economic Ideas.* 2012, 20 (1), pp.185-191 и др.

² *Смит А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 32.

³ Там же. С. 35.

⁴ Там же. С. 71.

Обращаясь к проблеме воздаяния за преступление («смерть есть величайшее несчастье, какое только один человек может доставить другому человеку; она же вызывает и сильнейшее чувство мести у родственников и у друзей убитого человека»), ученый приходит к закономерному выводу: «Самые священные законы справедливости, законы, нарушение которых заслуживает мести и самого жестокого наказания, суть, стало быть, законы, охраняющие жизнь и личность человека»¹. При этом он выделяет «различные воззрения» на кару – с позиций потерпевшего, убийцы и судьи.

В целом, индивидуально-психолого-этический подход к анализу проблем смерти, представленный в книге Смита, оказался достаточно плодотворным.

В другом его сочинении «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776) приоритет был отдан экономическим проблемам. Вместе с тем и в нем есть ряд рассуждений, которые позволяют полнее раскрыть специфику танатологических взглядов мыслителя.

Например, А. Смит подчеркивал, что именно нужда побуждает «дикие народы» «прямо убивать своих детей, стариков и страдающих хроническими болезнями или же покидать их на голодную смерть и на съедение диким зверям»².

Он вполне «социологически» объясняет высокий уровень детской смертности, характерный для современной ему эпохи: «В некоторых местах половина рождающихся детей умирает, не достигнув четырехлетнего возраста, во многих местах семилетнего и почти повсюду, не дожив до девяти или десяти лет. Однако такая смертность повсеместно встречается главным образом среди детей простонародья, которое не может окружить их таким уходом, каким пользуются дети более обеспеченных родителей»³.

В то же время Смит указывает на «утилитаристские источники» формирования первоначального капитала отдельных предпринимателей:

¹ Смит А. Теория нравственных чувств... С. 99.

² Он же. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 17.

³ Там же. С. 73.

«Владельцы предприятий по устройству похоронных процессий сдают на дни и на недели погребальные принадлежности»¹.

На страницах книги автор тщательно отслеживает взаимосвязь социального положения зависимых групп населения и степенью опасности для их жизней в период Средневековья: 1) «Если господин наносил увечье или убивал кого-нибудь из своих крестьян, он подлежал некоторому наказанию, хотя обычно совсем незначительному»²; 2) «Феодалы презирали горожан, которых они рассматривали не только как другой класс людей, но и как толпу освобожденных рабов, почти как людей иной породы, чем они сами. <...> они грабили их беспощадно и без угрызений совести»³; 3) «После установления феодальной иерархии король оказывался столь же неспособным обуздать произвол и насилия крупных владетелей, как и прежде. <...> деревня по-прежнему оставалась ареной насилий, грабежей и беспорядков»⁴.

По нашему мнению, произведения шотландского философа убедительно продемонстрировали эвристичность сочетания этического, социально-психологического и историко-экономического подходов к изучению смерти.

Отметим, что одной из интеллектуальных предпосылок возникновения социологии как науки было представление о социальном детерминизме, то есть о том, что в обществе господствуют пространственная и временная упорядоченность, причинно-следственные связи, обусловленность одних явлений и процессов другими. Естественнаучное понимание социального закона как неизменного и всеобщего противостояло провиденциалистскому, согласно которому, развитие общества определяется извне замыслом и волей божественного провидения⁵.

Французский философ, правовед и писатель **Шарль-Луи де Монтескье (1689-1755)** был одним из тех, кто разрабатывал данную концепцию. В детстве он

¹ Смит А. Исследование о природе... С. 207.

² Там же. С. 286.

³ Там же. С. 294.

⁴ Там же. С. 303.

⁵ Кузнецов В. Н., Мееровский Б. В., Грязнов А. Ф. Западноевропейская философия XVIII века. М.: Высш. шк., 1986. С. 178-388.

потерял мать, когда ему было 24 года погиб его отец, значительный опыт познания жизни он получил, выполняя функции судьи в Бордо, и позднее, путешествуя по странам Европы.

Мыслитель утверждал, что «многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа»¹. Им была выдвинута идея «разделения властей» на законодательную, исполнительную и судебную для более эффективного функционирования государства и предотвращения деспотизма.

В трактатах «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734) и «О духе законов» (1748) Ш. Монтескьё с позиций детерминизма детально проанализировал социальные аспекты проблемы смерти (приложение, табл. 6).

Полемизируя с Аристотелем, Монтескьё полагал, что деспотизм приводит все население в рабское состояние, при этом он предлагал различать политическое и гражданское рабство («политическое рабство в известном смысле уничтожило гражданскую свободу»²), реальное («то, которое прикрепляет раба к земле поместья») и личное («связано с домашним хозяйством и имеет большее отношение к личности господина») рабство³.

Показательно, что философ рассуждал о рабстве негров как расист: «Невозможно допустить, чтобы эти существа были людьми <...>. Недальновидные умы слишком преувеличивают несправедливость, причиняемую африканцам»⁴.

С танатосоциологической точки зрения весьма ценными представляются замечания Монтескьё о практиках «умерщвления» субъектов права, принятых в европейских странах: 1) «прокаженный, изгнанный из своего дома и удаленный в особое место, был лишен права распоряжаться своим имуществом, так как с того момента, как его выбросили из его дома, он уже считался умершим. Чтобы

¹ Монтескьё Ш. Л. де. О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 260.

² Там же. С. 213.

³ Там же. С. 215.

⁴ Там же. С. 213.

устранить всякое общение с прокаженными, их лишали гражданских прав»¹; 2) «если государь попал в плен, он считается умершим и на престол вступает другой»².

Рассматривая римлян как «нацию, которая все время ведет войну»³, мыслитель усматривал корни их жестокости в гладиаторских боях – они приучают к виду ран и крови.

В качестве основных причин распространения суицида в Древнем Риме Монтескье выделил следующие: 1) «успехи стоической школы, поощрявшей к этому»; 2) «установление триумфов и рабства, которые привели некоторых великих людей к мысли о том, что не следует переживать своего поражения»; 3) «выгоды, которые получал обвиняемый, кончая собой, ибо благодаря этому он избегал приговора, осуждавшего его память и подвергавшего его имуществу конфискации»; 4) «своеобразное понимание чести»; 5) «удобный повод для проявления героизма»; 6) «душа, всецело занятая действием, которое она собирается совершить, <...> совсем не замечает смерти, потому что страсть заставляет чувствовать, но вовсе не видеть»⁴.

Следуя Платоновской традиции, с юридической (но не антиклерикальной) точки зрения Монтескье определил четыре рода преступлений: против религии, нравов, общественного спокойствия и безопасности граждан. Он полагал, что наказание за святотатство «должно заключаться в лишении всех доставляемых религией преимуществ: в изгнании из храмов, в отлучении от общества верных на время или навсегда, в том, чтобы избегать присутствия преступника, выражать по отношению к нему чувства омерзения, отвращения, отчуждения»⁵. На наш взгляд, данная санкция была разработана им по аналогии с остракизмом.

¹ См.: Монтескье Ш. Л. де. О духе законов... С. 205.

² См.: Там же. С. 59.

³ Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / Пер. с фр. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. С. 264.

⁴ Там же. С. 323.

⁵ Он же. О духе законов... С. 166.

Философ справедливо порицал широкое применение смертной казни: «У нас очень дурно делают, что назначают равное наказание за грабеж на большой дороге и за грабеж, сопровождающийся убийством»¹.

Несмотря на преувеличение фактора влияния климата на жизнь людей, творчество Монтескьё способствовало выработке предпосылок танатосоциологического исследования проблем бесправия населения, суицида, войны, применения смертной казни и др.

Подчеркнем, что в век Просвещения происходило разложение феодальных отношений и развитие капитализма, потребности которого стимулировали развитие науки, техники, культуры и образования. Согласно рационализму, человек, будучи равным другому индивиду, свободен в выборе своих действий, может управлять собой и миром.

Жизнь и суждения философа и писателя **Жан-Жака Руссо (1712-1778)** служат одновременно подтверждением и опровержением просветительских максим – иногда у него чувство предшествует разуму. Согласно «Исповеди» (1765-1770) мыслителя, начало его судьбы ознаменовалось смертью матери при родах. Дальнейший путь Руссо был полон парадоксов: переход из кальвинизма в католицизм и обратно («католик должен подчиняться решениям, которые ему сообщают, протестант должен научиться решать сам»²), занятия музыкой и служба лакеем, длительные скитания и бескорыстная помощь со стороны друзей, многократные влюбленности и мизантропия («страсти мои поддерживали во мне жизнь, и они же убивали меня»³), общение и разрыв с энциклопедистами, написание популярных сочинений и публичное их сожжение по приговору суда, идеализация природы и гиперкритика общества, морализаторство и безнравственность.

Его танатофилософские воззрения нашли отражение в ряде работ. Так, в сочинении «О политической экономии» (1754) он открыто выражает свою позицию по вопросу защиты жизни граждан: «Правительству дозволено принести

¹ Монтескьё Ш. Л. де. О духе законов... С. 86.

² Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 3. С. 62.

³ Там же. С. 195.

в жертву невинного ради безопасности многих, то я нахожу, что этот принцип — один из самых отвратительных, какие когда-либо изобретала тирания»¹.

В наброске «Об общественном договоре, или опыт о форме республики» (1754-1760) Руссо анализирует взаимоотношения между победителем и побежденными в исторической ретроспективе: «Поскольку эти пленники более полезны для него живые, чем мертвые, он оставляет им жизнь во имя своих интересов, но никак не их; поэтому они не обязаны ему ничем, кроме как повиновением, покуда они вынуждены повиноваться»².

В «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) мыслитель опровергает Гоббса, утверждая, что «сострадание — это естественное чувство, которое, умеряя в каждом индивидууме действие себялюбия», «способствует взаимному сохранению всего рода опустошений, чем производят они в обществе, особенно же в тех странах, где нравственность еще чего-то стоит и где ревность любовников и месть супругов вызывают ежедневно поединки, убийства и еще худшее»³.

По мнению философа, корнем многих зол является институт частной собственности: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: “Это мое!” и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: “Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!”»⁴. Вразрез с теорией Гоббса, как указывает В. Ф. Асмус, «Руссо доказывает, что именно после того, как человечество покинуло “естественное состояние”, оно вступило в полосу кровавой борьбы, антагонизмов и войн. Бедствиями и страданиями масс своекорыстно воспользовались богатые»⁵.

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: трактаты. М.: Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 1998. С. 160.

² Он же. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 323.

³ Он же. Об общественном договоре: трактаты... С. 98, 102.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Асмус В. Ф. Историко-философские этюды. М.: Мысль, 1984. С. 99.

Однако, согласно Ж.-Ж. Руссо, переход от естественного состояния к гражданскому обществу означает деградацию. В трактате «Об Общественном договоре, или Принципы политического права» (1762) философ, исходя из концепции народного суверенитета, писал: «...война – это отношение отнюдь не человека к человеку, но Государства к Государству, когда частные лица становятся врагами лишь случайно и совсем не как люди и даже не как граждане, но как солдаты; не как члены отечества, но только защитники его»¹.

С его точки зрения, «если целью войны является разрушение вражеского Государства, то победитель вправе убивать его защитников, пока у них в руках оружие; но как только они бросают оружие и сдаются, <...> они вновь становятся просто людьми, и победитель не имеет более никакого права на их жизнь»².

В той же логике мыслитель рассматривает наказание преступника: «...он должен быть исключен из государства путем либо изгнания как нарушитель соглашения, либо же путем смертной казни как враг общества. Ибо такой враг – это не условная личность, это – человек; а в таком случае по праву войны побежденного можно убить»³.

Для Руссо очевидно, что «слова "рабство" и "право" противоречат друг другу; они взаимно исключают друг друга»⁴. Ему также удалось показать роль общественного мнения в сохранении обычая дуэлей, вопреки королевским эдиктам.

Будучи деистом, он полагал, что положительные догматы гражданской религии должны быть просты: «Существование Божества могущественного, разумного, благодетельного, предусмотрительного и заботливого; загробная жизнь, счастье праведных, наказание злых, святость Общественного договора и законов»⁵.

Руссо считал политическим злом превращение религии в тираническую силу, которая «делает народ кровожадным и нетерпимым, так что он думает

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: трактаты... С. 204.

² Там же. С. 204-205.

³ Там же. С. 225.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ Там же. С. 321.

только об убийствах и побоищах и верит, что делает святое дело, убивая всякого, кто не принимает его богов»¹. Вместе с тем философ отвергал атеизм и предусматривал изгнание тех, кто не соглашался верить в догматы его гражданской религии.

В романе «Эмиль, или О воспитании» (1762) Руссо четко обозначил свое понимание содержания жизни и ее итога: жить — «это значит действовать, это значит пользоваться нашими органами, чувствами, способностями, всеми частями нашего существа, дающими нам сознание нашего бытия. Не тот человек больше всего жил, который может насчитать больше лет, а тот, кто больше всего чувствовал жизнь. Иного хоронят столетним старцем, а он умер в самом рождении»².

Опыт самостоятельного преодоления физических недугов обусловил крайне негативное отношение мыслителя к медицине: «Это лживое искусство, <...> оно не столько отдаляет смерть, сколько заранее дает чувствовать ее: оно расходует жизнь вместо того, чтобы продолжать ее»³.

В рассуждениях Руссо «переплетены» мотивы стоицизма, христианства и Просвещения: «Если бы мы были бессмертны, то мы были бы самыми несчастными существами. Тяжело, конечно, умирать; но зато приятно надеяться, что не вечно будешь жить и что скорби этой жизни закончатся лучшей жизнью»⁴.

На фоне повседневной демонстрации вакханалии жестокости и ужаса в Интернете представляется весьма актуальным педагогический совет философа: «Дело не в том, чтобы сделать из вашего воспитанника сиделку, брата милосердия, чтоб удручать его взоры непрерывными картинами болезней и страданий, водить его от немощного к немощному, из одной больницы в другую, <...> в тюрьму: его нужно тронуть, а не делать безучастным к виду человеческих бедствий»⁵.

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: трактаты... С. 317.

² Он же. Педагогические сочинения. В 2-х т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. С. 31.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же. С. 242.

Показательно, что Руссо воспринял отрицательное отношение к безбрачию мужчин, присущее гражданам античного полиса. В «Проекте конституции для Корсики» (1765) декларируется: «Никакой мужчина-холостяк не будет иметь права составлять завещание, но все его имущество перейдет к общине»¹.

Изучение корпуса социально-философских и педагогических сочинений «одинокого мечтателя» из Женевы показывает, что в них доминирует этический подход к анализу феномена смерти, но при этом Руссо учитывал обстоятельства и социальный «фон» ее совершения.

Согласно **Иммануилу Канту (1724-1804)**, в молодости испытавшему значительное влияние со стороны Руссо, нельзя быть философом не задавая себе «загадки рождения (в метафизическом смысле слова), загадки смерти и бессмертия»². Основоположник немецкой классической философии являет собой пример *self-made man*: сын ремесленника, обладая слабым здоровьем и придерживаясь жесткого распорядка дня, прожил долгие годы, претерпевая нужду и зарабатывая домашними уроками, стал профессором и добился своими трудами мирового признания.

На взгляды Канта, его современников и последующих мыслителей существенное влияние оказала Великая Французская революция – энциклопедия верных решений и чудовищных ошибок. За десять лет (1789-1799) был совершен «прыжок в неизвестное»: упразднена монархия, одержаны блестящие военные победы над врагами Республики, удивительный политический энтузиазм масс сочетался с торжеством беспощадного террора, всеобщая подозрительность дополнялась преобразованием религиозной системы (попытка навязать обществу культ Разума, Верховного существа вместо католицизма и верований других конфессий) – все это и многое другое перемешалось между собою и придало мощный импульс развитию противоречивых социально-политических тенденций во всем мире.

¹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты... С. 293.

² Мамардашвили М. К. Кантовские вариации. М.: Аграф, 2000. С. 202.

С точки зрения Канта, человек – существо, принадлежащее двум мирам, с одной стороны он – часть мира явлений, где характер человека определяет его склонности, страсти и условия, в которых он действует. С другой стороны, у человека есть иной, сверхчувственный мир вещей, где бессильны его импульсы, обстоятельства, диктующий свою волю нравственный долг.

Танатологическая проблематика рассматривалась философом преимущественно в критический период творчества. В одном из поздних сочинений «Конец всего сущего» (1794) он различает три варианта такого финала: 1) «естественный, соответствующий моральным целям божественной мудрости», и «доступный (в практическом отношении) нашему *правильному пониманию*»; 2) «*мистический* (сверхъестественный)» «под воздействием причин, *нашему пониманию не доступных*»; 3) «*противоестественный* (извращенный)», «который мы вызовем сами вследствие *неправильного понимания* нами конечной цели»¹.

Мыслитель выделял две точки зрения на приметы Судного дня: «одни видят их в <...> моральной деградации», другие – «в необычных природных явлениях: землетрясениях, наводнениях, кометах и проч.»².

При этом Кант, порицая философов, «не желавших удостоить вниманием добрые задатки в человеческой натуре», указывал, что пороча земной мир, они сравнивают его: 1) «с ночлежным домом (караван-сараям)», где индивид лишь случайный постоялец; 2) «с исправительным домом» как «местом исправления и очищения падших»; 3) «с сумасшедшим домом», где каждый «уничтожает свои собственные замыслы» и «причиняет другому все возможное зло»; 4) «с клоакой, куда спускают нечистоты из других миров»³. Он считал, что люди сами «чувствуют бремя своего существования», «потому что потребности растут значительно быстрее, чем средства их удовлетворения», но «нравственные задатки человечества всегда плетутся позади»⁴.

¹ Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. [пер. с нем.]. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 211-212.

² Там же. С. 210.

³ Там же. С. 209 прим.

⁴ Там же. С. 210.

Философ полагал, что человек наделён изначально злой природой. Он видел спасение человека в моральном воспитании и жестком следовании категорическому императиву (моральному закону). Мыслитель был сторонником распространения правового порядка в каждом отдельном обществе и в международных отношениях. В мировом кантоведении (М. Бур, А. В. Гулыга, Г. Иррлиц, М. К. Мамардашвили, И. С. Нарский, Э. Ю. Соловьев и др.) вершиной практической этики философа считается идея вечного мира.

В трактате «К вечному миру» (1795) он осуждал войны как наиболее тяжкое заблуждение и преступление человечества, веря, что в будущем наступит «вечный мир» – войны будут либо запрещены правом, либо станут экономически невыгодными¹.

В рецензии «О способности духа силою только воли побеждать болезненные ощущения» (1798) Кант констатирует: «Умение продлить человеческую жизнь ведет, собственно говоря, к тому, что старых людей только терпят в обществе живых, а это едва ли можно считать завидной долей»².

Кант «приписывает естественную смерть человеку только как природному существу, чтобы таким образом продемонстрировать свой тезис о постоянном нравственном совершенствовании человеческого рода как имеющий безусловную силу»³. Высшее благо практически возможно лишь при допущении бессмертия души (напомним, что последнее выступает как «постулат чистого практического разума»⁴).

Этико-правовой анализ ряда важных аспектов (право наследования, диффамация умершего, смертная казнь, суицид, война и др.) проблемы смерти осуществлён Кантом в «Метафизике нравов» (1797) и в других работах⁵ (табл. 2.2.1).

¹ Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. [пер. с нем.]. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 5-56.

² Он же. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 316.

³ Бур М., Иррлиц Г. Притязание разума. Из истории немецкой классической философии и литературы / пер. с нем. М.: Прогресс, 1978. С. 75.

⁴ Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. [пер. с нем.]. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 519-521.

⁵ Он же. Трактаты и письма... С. 302; Он же. Собрание сочинений: в 8 т. [пер. с нем.]. М.: Чоро, 1994. Т. 6. С. 97, 224-543.

Танатофилофские взгляды И. Канта

№	Проблема	Взгляды
1	Рабство	«Человек, зависящий от другого, уже не человек; он это звание утратил, он не что иное, как принадлежность другого человека»
2	Право наследования	«Наследование — это передача права <...> на имущество умирающего остающемуся в живых в соответствии с волей обоих»
3	Диффамация умершего	«человек <...> приобретает <...> доброе имя как свое, остающееся за ним, когда его уже нет как homo phaenomenon, <...> оставшиеся в живых (свои или чужие) уполномочены защищать его перед судом»
4	Смертная казнь	«категорический императив карательной справедливости (противозаконное умерщвление другого должно караться смертью) остается, но само законодательство (а стало быть, и гражданское устройство), до тех пор пока оно остается варварским и неразвитым виновато в том, что мотивы чести у людей (субъективно) не желают совпадать с распоряжениями [власти], (объективно) соответствующими их целям»
5	Суицид	«нарушение своего долга перед другими людьми» и «нарушение долга перед самим собой»
6	Эвтаназия	«Если больной, долгие годы прикованный к постели, испытывающий жесточайшие страдания, постоянно призывает смерть, которая избавит его от мучений, — не верьте ему. Это не есть его действительное желание»
7	Смерть	«Смерть человека есть конец всякого опыта»

Следует учитывать, что философ делил знание на опытное (апостериорное) и доопытное (априорное). Последнее предшествует опыту и независимо от него. Апостериорное (из последующего) знание – знание, получаемое из опыта, выводится индуктивно, на основе обобщений опыта. В нем возможны заблуждения и ошибки, но опыт никогда не заканчивается, поэтому всеобщее знание он дать не может. В сочинении «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) Кант справедливо утверждал: «По хрипам и судорогам умирающего нельзя судить, причиняет ли она боль; скорее это чисто механическая реакция жизненной силы и, может быть, мягкое ощущение постепенного освобождения от страдания»¹.

По Канту, познавательные возможности теоретического разума включают три способности: чувственность, рассудок и собственно разум в узком смысле

¹ Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. [пер. с нем.]. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 187.

этого слова. Для него три чистых идеи разума – Бог, свобода и бессмертие¹. При этом бессмертным является человеческий род, который «беспрестанно приближается» к «высшему благу», конечным – индивид как составная часть целостного организма.

Можно согласиться с мнением Ю. Н. Давыдова о том, что в творчестве кёнигсбергского мыслителя соединились элементы динамического натурализма и телеологического органицизма². С нашей точки зрения, кантовскую философию смерти отличает антропологизм и этико-нормативный характер, известная степень теологизма и эмпиризма.

Корифей немецкой классической философии **Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831)** вырос в лютеранской чиновничьей семье и с детства увлекался Античностью. Он получил теологическое и философское образование, в студенчестве был дружен с Ф. В. Й. Шеллингом и И. Х. Ф. Гёльдерлином. Долгие годы (1801-1831) он занимался преподавательской и административной деятельностью в учебных заведениях Германии. Жизнь его оборвалась во время эпидемии холеры, разразившейся в столице Пруссии. Благодаря ученикам и единомышленникам, объединившимся в «Союз друзей усопшего», наследие мыслителя стало мировым интеллектуальным достоянием³.

Гегель, исходя из диалектического положения о единстве сущности и явления, отверг кантовское учение о непознаваемости «вещи в себе»: в природе вещей нет никаких непреодолимых преград для познания.

Философ впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, то есть в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития. Значение его философии заключается в том, что в ней в систематической форме было изложено диалектическое миропонимание и

¹ Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. [пер. с нем.]. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 376.

² Давыдов Ю. Н. И. Кант. Рационалистическая дедукция механики Прогресса // История теоретической социологии. В 5 т. Т. 1... С. 262.

³ Д'Онт Ж. Гегель. Биография / пер. с фр. СПб.: Владимир Даль, 2012.

соответствующий ему диалектический метод исследования¹. Закономерно, что проблема смерти стала предметом размышлений многих его сочинений.

Уже в ранней работе «Дух христианства и его судьба» (1798-1800) Гегель подчеркивал «непреклонность» справедливости наказания, пока «законы суть наивысшее», и «индивидуальное должно быть принесено в жертву всеобщему, т. е. умерщвлено»². Им было предложено диалектическое светско/теологическое объяснение последствий правонарушения: «Преступник полагал, что нанесет удар чужой жизни, но разрушил лишь свою собственную, так как жизнь от жизни неотделима, ибо жизнь есть лишь в едином божестве»³.

В тот период молодой философ противопоставлял «христианско-мещанскую мораль “частного человека” героической морали общественной жизни», интересам республики и свободы, «используя античные примеры и доказательства стоиков», отстаивал право на самоубийство⁴. Возраст и социально-исторические изменения внесли свои коррективы во взгляды мыслителя на проблему смерти.

В «Феноменологии духа» (1805-1806) Гегель показал диалектическую взаимосвязь между господином и рабом: последний подчинен бытию, господин есть для-себя, однако они соподчинены – господин становится зависимым от раба, удовлетворяющим его вожделение, взаимодействуя с предметами. Но «абсолютным господином» для раба становится не конкретный хозяин, а страх смерти.

«Несчастное сознание есть трагическая судьба достоверности себя самого. Оно есть сознание потери всей существенности и в этой достоверности себя и потери именно этого знания о себе, – потери субстанции, как и самости; оно есть скорбь, которая выражается в жестоких словах, что Бог умер»⁵, – утверждал философ. По Гегелю, даже в смерти индивид уступает всеобщему: «смерть есть

¹ Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М.: Мысль, 1986. С. 209-270.

² Гегель. Г.-В.-Ф. Философия религии: В 2 т. Т. 1 / Пер. с нем. М.: Мысль, 1975. С. 121.

³ Там же. С. 124.

⁴ Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. С. 124.

⁵ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 379.

завершение и наивысший труд, который предпринимает индивид как таковой в интересах этой общественности»¹.

В «Энциклопедии философских наук» (1817) Гегель отмечает, что смерть как явление негативное осуществляет снятие противоположности единичности и рода: «Эта гибель есть смерть индивидуума; органическая природа заканчивается тем, что через смерть единичного род приходит к самому себе и становится, таким образом, предметом для себя, в чем и состоит возникновение духа»².

Для развития мировой философии (и танатофилософии, в частности) принципиальное значение имеет постановка Гегелем проблемы отчуждения. Для него природа и история есть отчуждение духа, при этом он отождествлял отчуждение с вещностью. В «Философии права» (1820) он приводит примеры отчуждения личности: «рабство, крепостничество, неспособность обладать собственностью, несвобода собственности и т. д.»³. Бесправность, подчиненность чужой воле, отсутствие имущества лишают человека субъектности, в конечном счете, полноценного существования.

Придерживаясь этатистского подхода, философ обосновывал право государства приговаривать граждан к смертной казни, так как оно обеспечивает жизнь и защищает собственность индивидов⁴.

Полемизируя с Кантом, Гегель утверждал: высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей «сохраняется нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей», она «предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира»⁵.

В изданных после смерти Гегеля «Лекциях по философии религии» (1821-1832) и «Лекциях по философии истории» (1837), содержится ряд выводов, ценных для нашего исследования: 1) «отношение народов к умершим прямо связано с их религиозным принципом, и разнообразные обычаи, принятые при

¹ Гегель Г.-В.-Ф. Феноменология духа... С. 229.

² *Он же.* Энциклопедия философских наук: в 3 т. М.: Мысль, 1975. Т. 2. С. 535.

³ *Он же.* Философия права / Пер. с нем. М.: Мысль, 1990. С. 122.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Там же. С. 360.

погребении, не лишены значимых связей»¹; 2) «через смерть бог примирил мир и вечно примиряет его с самим собой. Это возвращение из состояния отчуждения есть его возврат к самому себе»²; 3) «представление о бессмертии связано с представлением о боге»³; 4) «из жизни происходит смерть, а из смерти жизнь»⁴.

Проанализировав работы мыслителя, А. Кожев пришел к заключению, что у Гегеля «человеческая смерть представляет собой “проявление” свободы и историчности Человека, то есть “тотального” или диалектического характера его бытия и его существования. Точнее, смерть есть проявление Негативности, которая является подлинным локомотивом диалектического движения»⁵ (табл. 2.2.2).

Таблица 2.2.2

Танатофилософские идеи Гегеля (по А. Кожеву)

№	Идея	Содержание
1	Антропология	«Человек – это смерть, живущая человеческой жизнью»
2	Диалектика	«“духовное” или “диалектическое” существо с необходимостью временно и конечно»
3	Болезнь	«Человек – это смертельная болезнь Природы»
4	Негативность	«Смерть – это проявление Негативности Человека, она представляет собой преобразование его реального бытия в идеальное понятие»
5	Самопознание	«Именно потому, что Человек является смертным, он способен познать себя таковым, каким он является в действительности»
6	Свобода	«смерть осознанная и добровольная есть высшее проявление Свободы, “абстрактной” свободы изолированного индивида»
7	Бессмертие	Человек – «единственное существо, способное стремиться к бессмертию, то есть “преодолевать” свою смерть в мышлении»

Ж. Батай иначе, чем А. Кожев, трактовал позицию мыслителя, подчеркивая, что для него «существеннее всего было осознать Негативность как таковую, схватить ее ужас – в виде ужаса смерти, – выдерживая смертное творение и смотря ему прямо в лицо»⁶.

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия религии*: В 2 т. Т. 2 / Пер. с нем. М.: Мысль, 1977. С. 41.

² Там же. С. 293.

³ Там же. С. 452.

⁴ *Он же*. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 120.

⁵ Кожев А. *Идея смерти в философии Гегеля* / Пер. с франц. М.: Логос, 1998. С. 121.

⁶ Батай Ж. *Гегель, смерть и жертвоприношение // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века*. СПб.: Мифрил, 1994. С. 263.

Российские исследователи справедливо указывают, что для Гегеля: 1) «смерть как явление негативное осуществляет снятие противоположности единичности и рода»; 2) «смерть отрицательно разрешает противоречие природности и духовности»; 3) «благодаря смерти осознается относительность любой свободы, присутствующей в жизни»¹.

Итак, согласно гегелевской онтологии и феноменологии, человек, осознав и смиряясь с неизбежностью собственной смерти, может прийти к мудрости (абсолютному знанию), завершая историю и обретая истинную свободу.

Большое значение для возникновения социологии смерти имело развитие статистики в XIX в. Работа бельгийского ученого **Адольфа Кетле (1796-1874)** «Человек и развитие его способностей, или опыт общественной физики» (1835) ознаменовала переход от умозрительных неподдающихся проверке «законов истории» к индуктивно выводимым и статистически рассчитываемым социальным закономерностям. При всех издержках его концепции «среднего человека», исследователь одним из первых стремился показать влияние естественных (местность, половая принадлежность, возраст, неурожай, война, время года, часы дня) и «нарушающих» (род занятий, степень благосостояния, нравственность, цивилизация, политические и религиозные учреждения) причин на процессы смертности².

«Питательной средой» для формирования первой собственно социологической доктрины смерти послужили идеи **Анри де Сен-Симона (1760-1825)**. Траектория его жизни весьма причудлива: французский аристократ по происхождению, будучи подростком, конфликтовал с отцом из-за отказа говеть и причащаться, в юности участвовал в войне за свободу североамериканских колоний, много путешествовал (посетил Мексику, Голландию, Англию, Швейцарию и Германию), в период революции на родине стал успешным спекулянтом и провел около года в тюремном заключении, после освобождения

¹ *Вершинин С. Е., Борисова Г. А.* Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ). Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. С. 19.

² *Кетле Л. А. Ж.* Человек и развитие его способностей, или опыт общественной физики / Пер. с фр. Т. 1. СПб.: О.И. Бакст, 1865.

увлекся научными изысканиями, разорился, нередко впадал в депрессию, совершил попытку суицида (в результате, лишился глаза) и умер в нищете¹.

С его точки зрения, чтобы сделать важный шаг в области философии, надо выполнить следующие условия: 1) в течение всего работоспособного возраста вести жизнь наиболее оригинальную и активную; 2) тщательно знакомиться со всеми теориями и видами практики; 3) вращаться во всех классах общества, ставить самого себя в самые трудные положения; 4) стараться резюмировать наблюдения относительно тех результатов, которые проистекают из действий философа для других и для него самого, и устанавливать принципы на основе этих наблюдений².

Наиболее полно взгляды Сен-Симона отражены в «Письмах женевого жителя к своим современникам» (1802). В жанре диалога автор рассказывает о своем сновидении, во время которого он общался с Богом, и обосновывает свои предложения по установлению «промышленной монархии» на земле. Базовым для него является положение о том, что религия – «человеческое открытие», «единственный род политических учреждений, стремящийся к всеобщей организации человечества»³. Все люди будут работать, они будут жить в четырех (английская, французская, германская и итальянская) областях и сформируют собрание из 21 избранника. Благодаря новой системе власти прекратятся войны.

Каждая из областей будет иметь свой совет, составленный таким же образом, как и главный. В свою очередь, каждый совет построит храм, включающий две части: 1) «мавзолей Ньютона, украшенный художниками»; 2) «вечное обиталище тех, кто вредит прогрессу наук и искусств»⁴.

В последнем своем сочинении «Новое христианство» (1825) Сен-Симон декларировал, что «религия должна направлять общество к великой цели наискорейшего улучшения участи беднейшего класса»⁵. Вместе с тем он рекомендовал «сооружать храмы так, чтобы проповедники, поэты и музыканты,

¹ Сен-Симон К. А. Избранные сочинения: в 2 т. М.-Л.: 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. Т. 1. С. 89-104.

² Там же. Там же. С. 101.

³ Там же. С. 144.

⁴ Он же. Избранные сочинения: в 2 т. М.-Л.: 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. Т. 2. С. 139.

⁵ Там же. С. 372.

живописцы и скульпторы могли по желанию зарождают в душе верующих или чувство страха или чувство радости и надежды»¹.

Таким образом, мораль, культ и догма новой религии Сен-Симона были призваны преобразовать реальный социум, где подавляющее большинство составляют обездоленные, в идеальный, где будет установлен справедливый порядок.

Проведенный анализ произведений мыслителя позволил выявить ряд отличительных черт его предтанатосоциологии: 1) в исследованиях приоритет отдается «методу наблюдения, то есть опыту»; 2) при классификации наук выделены физиология и математика как образцы дисциплинарного знания, обоснована необходимость создания особой науки о человеке; 3) достаточно умело используются элементы структурного, функционального, стратификационного, кросс-культурного и исторического подходов. Например, он выделял классы, «осужденные ходом истории на политическую смерть»: дворянство – «дряхлое, немощное», «силы старого феодализма», и духовенство²; 4) в изысканиях обнаруживаются очевидные недостатки: а) оперирование недостоверной информацией. Например, Сен-Симон утверждал: «В России, если императору не нравится какой-нибудь ученый, ему отрезают нос и уши и ссылают в Сибирь»³; б) необоснованные ретроспективные и прогностические суждения. Так, он полагал, что «жестокости революции» – это «следствие применение принципа равенства невежественными людьми»⁴, а «христианство станет религией всеобщей и единой; жители Азии и Африки обратятся в христианство»⁵.

По сути, А. Сен-Симон продолжил утопическую линию Платона, оригинальность его построений заключена в «ньютонизме» – сплаве сциентизма и религиозности.

¹ Сен-Симон К. А. Избранные сочинения... Т. 2. С. 409.

² Там же. С. 50-51.

³ Он же. Избранные сочинения... Т. 1. С. 125.

⁴ Он же. Избранные сочинения... Т. 2... С. 368.

⁵ Там же. С. 50-51.

Таким образом, в социальной философии Нового времени происходила дальнейшая рационализация отношения к смерти и проблематизация социальных предпосылок и последствий этого феномена.

Подводя итоги изучения предистории танатосоциологии, можно выделить четыре основных периода формирования социально-философских и теологических предпосылок возникновения танатосоциологии:

1) в античной философии впервые были теоретически осмыслены и обоснованы основные формы рационального отношения к смерти: а) «синтетическое», соединявшее сожаление о завершении жизни и осознание смерти как естественного итога развития болезней и старости и/или закономерного/случайного результата войн, чрезвычайных обстоятельств и т. п. (платонизм, аристотелизм, цицеронизм); б) безразличие к смерти перед лицом всеобщей смертности (эпикуреизм); в) принятие смерти как избавления от страданий (стоицизм);

2) в средневековом христианском богословии доминировало представление о смерти как зле и благе: у человека как творения Божьего при смерти в наказание за грехи душа расстается с телом и он неизбежно переходит из мира посюстороннего (состояния пред-жизни) в потусторонний (жизнь вечную);

3) в социально-политической философии Возрождения и в богословии Реформации акцентируется способность людей вести добродетельную деятельную жизнь, избавляться от страха смерти, размышляя о ней, и достойно встретить последний час (надежда на помощь Господа), в иных случаях смерть – справедливое возмездие за содеянное;

4) наблюдается преобладание идей о границах допустимого и порицаемого – суициде и эвтаназии, смертной казни и войне;

5) в социальной философии Нового времени происходит поворот к естественнонаучному объяснению смерти, наряду с которым сохраняются идеалистические трактовки феномена, значительное внимание уделяется анализу этико-правовых, социально-медицинских и психолого-педагогических аспектов проблемы смерти.

Безусловно, на танатологические взгляды мыслителей значительное влияние оказали обстоятельства их жизненных судеб и религиозные воззрения. При проведении изысканий они применяли аксиологический, нормативный, герменевтический, сравнительно-исторический и другие аналитические подходы. Благодаря успехам, достигнутым в точных и естественных науках, присущие им методология (антителеологизм, рационализм, материализм) и исследовательские методы (наблюдение, эксперимент) стали активно применяться и в социально-гуманитарном знании.

Нужна была наука, которая могла бы определить сложившуюся социальную реальность и векторы ее дальнейшего развития. Итак, возникновение социологии (включая, танатологическую составляющую) как научной дисциплины в 30-40-е гг. XIX столетия было подготовлено рядом объективных обстоятельств.

Таким образом, в течение веков менялись научная картина мира и стиль научного мышления, систематизировался категориальный, логико-методологический инструментарий теоретических и эмпирических исследований. Гуманитаристика, социально-философские штудии дополнялись естественнонаучными исследованиями, в результате, постепенно была накоплена весомая «сумма» предтанатосоциологического знания, которая послужила фундаментом для формирования новой дисциплины.

Глава 3. СТАНОВЛЕНИЕ ТАНАТОСОЦИОЛОГИИ ВО ФРАНЦИИ

Институализация новой отрасли обществознания происходила в контексте драматических конфликтов (революции (1830, 1848), противоборство легитимистов, орлеанистов, роялистов, бонапартистов, клерикалов и республиканцев, деятельность тайных радикальных организаций, всплески анархизма и терроризма, Парижская коммуна (1871), отставки правительств (1873-1940) и др.) и трансформации государственного устройства Франции – Июльская монархия (1830-1848), Вторая республика (1848-1852), Вторая империя (1852-1870) и Третья республика (1870-1940).

Защита «общественной безопасности» обеспечивалась силовой ликвидацией «мятежников» (восстания в Лионе (1831) и Париже (1848, 1871)), применением норм наполеоновского Уголовного кодекса (1810) и специальных законов, фальсифицированным делом Дрейфуса (1894-1906), строгой цензурной политикой и др.

Внешнеполитическая экспансия (итальянские походы (1840-е – 1850-е), Крымская война (1853-1856), безуспешная интервенция в Мексику (1861-1867), горькое поражение во Франко-Прусской войне (1870-1871)), активное участие в колониальной гонке (раздел Африки, Вторая опиумная война (1856-1860), вторжение в Корею (1866), Франко-китайская война (1884-1885)) и Первая мировая война (1914-1918) оказали значительное влияние на социально-демографические процессы в стране (табл. 3.1.1).

Таблица 3.1.1

Население Франции (1831-1921) (млн. чел.)¹

Годы	1831	1841	1851	1861	1872	1881	1891	1901	1911	1921
Численность	32,57	34,23	35,78	37,39	36,1	37,41	38,13	38,45	39,19	38,8

О снижении общего коэффициента смертности свидетельствуют следующие данные: 1800-е гг. – 28,0, 1850-е гг. – 23,9, 1880-е гг. – 22,1, 1900-е гг. – 19,8 и 1920-е гг. – 17,2². При этом страна пережила несколько крупных эпидемий

¹ Mitchell B. R. European Historical Statistics, 1750-1988. 3-rd ed. New York: Stockton Press, 1992. P. 4.

² См.: Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 269.

(холера (1832, 1849), оспа (1870-1875)), от первой пандемии в Новейшее время – испанского гриппа (1918-1920) – скончалось 420 тысяч человек. В Первую мировую войну Франция потеряла более 1 миллиона 380 тысяч солдат и 160 тысяч мирных жителей, в плен были захвачены 557 тысяч воинов¹.

Отметим, что развитие аграрно-индустриальной экономики протекало в сложных условиях (сосуществование парцеллярного и крупного землевладения, затяжная промышленная революция, кризис (1845-1847), «долгая депрессия» (1873-1890) и др.), которые «стимулировали» массовую безработицу, пауперизацию и эмиграцию населения.

В 1884-1896 гг. была проведена реформа, позволившая устранить недостатки (отсутствие автономии, полносоставности, нацеленности на исследовательскую деятельность, прочной связи между профессурой и студенчеством) университетского образования, обусловленные порядками, введенными еще при Наполеоне I².

Постепенно Римско-католическая церковь утратила свое влияние, так как правительство осуществило секуляризацию системы образования, медицинских и благотворительных учреждений (1879-1890) и окончательно отделило церковь от государства (1905).

В рассматриваемый нами период в прозе (О. де Бальзак, В. Гюго, Э. Золя, Г. Мопассан, Г. Флобер и др.), поэзии (Г. Аполлинер, П. Ж. де Беранже, Ш. П. Бодлер, П. М. Верлен, А. Рембо и др.), драматургии (Э. Ростан, Г. Трарьё), живописи (О. Верне, Э. Делакруа, П. Деларош, Ж.-П. Лоран, Г. Моро и др.), скульптуре (А. Бартоломе, А. Ноэль, О. Р. Роден, Ф. Рюд и др.) и музыке (Г. Берлиоз, Ж. Бизе, Ж. Массне, Дж. Мейербер, М. Равель и др.) появились произведения, где был глубоко осмыслен феномен смерти.

¹ Эрлихман В. В. Потери народонаселения в XX веке. М.: Русская панорама, 2004. С. 52-53.

² Козлов С. Л. Эволюция французской образовательной модели в XIX веке // Отечественные записки. 2013. № 4. С. 60-84.

3.1 Возникновение социологии смерти

Изучение истории танатосоциологии в границах классического периода развития науки, очевидно, следует начать с анализа позитивистской традиции¹ (рис. 3.1.1).

Танатосоциология						
⇕		⇕		⇕		⇕
Контизм	↔	Расово-антропологическое направление	↔	Католическая социология	↔	Международный институт социологии
⇕		⇕		⇕		⇕
Леплеизм	↔	Органицизм	↔	Психологическая социология	↔	Дюркгеймовская школа

Рис. 3.1.1 – Становление танатосоциологии во Франции

«Родоначальником» социологии считается **Исидор Мари Огюст Франсуа Ксавье Конт (1798-1857)**. Линия его судьбы, прерванная смертью от рака, была противоречивой: сложные отношения с родными, женщинами и супругой, успешная учеба и изгнание из Политехнической школы, сотрудничество и разрыв с А. де Сен-Симоном, душевная болезнь и попытки суицида, развод и возвышенная любовь, иждивенчество и поразительная работоспособность, приверженность рационализму и мистицизму².

Зарубежные (Э. Верник, Э. М. П. Литтре, Дж. С. Милль, М. Пиккеринг, Дж. М. Стайл и др.) и отечественные (В. Ф. Асмус, В. А. Бачинин, А. Б. Гофман, А. И. Корсаков, Д. Г. Подвойский, В. И. Яковенко и др.) исследователи выделяют несколько периодов в творчестве Конта:

1) ранний (1819-1829), когда была выдвинута идея градации поступательного развития человечества («закон трёх стадий»): теологическая, или фиктивная; метафизическая, или отвлеченная; научная, или позитивная. По сути, прогрессивные изменения обеспечивают телеологическую взаимосвязь прошлое – настоящее – будущее;

¹ Левченко И. Е. Проблема смерти в классическом позитивизме // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Мат-лы XXII Международной конференции памяти проф. Л. Н. Когана. Екатеринбург, 2019. С. 99-110.

² См.: Pickering M. Auguste Comte: An Intellectual Biography. Cambridge University Press, 3 vol., 1993-2009; Style J. M. Auguste Comte: Thinker and Lover. London: Trench Trubner And Company Limited, 1928 и др.

2) зрелый (1830-1842) - время написания многотомного «Курса позитивной философии», в котором обосновывалось, что позитивизм как «новая философия непосредственно определяет необходимое назначение всего нашего существования — одновременно личного и социального — непрерывное улучшение не только нашего состояния, но так же и, в особенности, нашей природы»¹;

3) поздний (1843-1857) – подготовка и издание ключевого для изучения нашей темы сочинения «Система позитивной политики, или Трактат о социологии, устанавливающий Религию Человечества» (1851-1854).

Приступив к созданию собственной системы, Конт стал придерживаться «мозговой гигиены» и отказался от чтения книг коллег-интеллектуалов. Разумеется, это не означает, что на воззрения ученого не оказали влияния другие мыслители (среди них – Платон, Ф. Бэкон, Р. Декарт, А. де Сен-Симон, А. Р. Ж. Тюрго, Д. Юм и др.). Так, на сходство феноменализма, фатализма, историцизма и морального релятивизма Гегеля и Конта обосновано указывал Ф. Хайек².

В полном соответствии с эпохой в своих трудах Конт обосновывал деление наук на абстрактные и конкретные. В иерархии знания ученый отдавал первенство социологии (рис. 3.1.2), избавившейся от предшествующих спекулятивных умозаключений и призванной познать социальную реальность с помощью ряда методов – наблюдения, эксперимента, сравнительного и исторического. Ближе всего по своим характеристикам социология оказалась биологии.

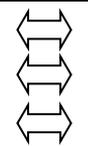
Социальная статика		Социальная динамика
«социальная анатомия», исследующая строение социального общества в состоянии «покоя»		«социальная физиология», изучающая общество в движении, специфику законов его функционирования

Рисунок 3.1.2 – Структура социологии (по О. Конту)

¹ Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) / пер. с франц. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. С. 157.

² Хайек Ф. А. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом / пер. с англ. М.: ОГИ, 2003. С. 253-274.

Однако если изначально декларировались сциентистские установки, то впоследствии Конт клерикализировал свое учение, которое должно было «облагодетельствовать» нынешние и грядущие поколения. Среди основных его постулатов: 1) «позитивный дух имеет своим источником активную жизнь»; 2) «коллективное существование» – объединение мысли, чувства и действия; 3) «субъективный принцип»: «ум должен служить сердцу».

Стремясь «упорядочить» социальную реальность, О. Конт разработал собственный календарь: летоисчисление велось от 1789 г., когда разразилась Великая Французская революция. Год делился на 13 месяцев, каждый из них имел несколько названий, состоял из 28 дней и четырех недель¹. Каждый месяц и неделя, следуя «высокосоциальному обычаю периодически праздновать память наших достойных предшественников», были посвящены «позитивистским святым»² (приложение, табл. 7).

Результаты анализа календаря позволяют согласиться с выводом В. А. Бачинина о том, что у Конта «на самом деле природа социологического знания носит отнюдь не позитивистский характер, а являет собой культурно-исторический синтез начал теологии, метафизики и эмпирической науки»³.

Сам социолог особо подчеркивал гуманистическую сущность позитивизма, которая «состоит в возвышении альтруизма над эгоизмом, общественных интересов над личными»⁴. Он осуждал «ученых от гильотины», чьи «пустые софизмы... хладнокровно доказывали необходимость исключительных жестокостей»⁵. С его точки зрения, «благотворное влияние общественного мнения неизбежно станет опорой нравственности», но для этого «необходимо сочетание трех элементов общественного мнения: доктрина, сила и орган»⁶.

¹ Comte A. System of positive polity. London: Longmans, Green and Co, 1877. Vol. 4. P. 345.

² См.: Comte A. System of positive polity. London: Longmans, Green and Co, 1875. Vol. 1. P. 614; Конт О. Общий обзор позитивизма: Пер. с фр. / Изд. 3-е. М.: Либроком, 2012. С. 160-163; Климишин И. А. Календарь и хронология. 3-изд., перераб. и доп.. М.: Наука, 1990. С. 313-314; Огюст Конт. «Позитивный календарь» [Электронный ресурс]. URL: <http://vikent.ru/enc/322/> (дата обращения: 20.04.2017) и др.

³ Бачинин В. А. «И увидел Конт, что это хорошо» // Свободная мысль. 2010. № 12. С. 184.

⁴ Конт О. Общий обзор... С. 101.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 11.

Оригинальной для того времени была позиция ученого по «женскому вопросу»: 1) потеряв мужа, женщина должна остаться «вечной вдовой»; 2) «являясь аффективным элементом общества», она «должна стать высшим регулятором человеческой жизни»; 3) «культ женщины подготавливает культ Человечества»¹.

Объяснением тому служит его страсть к красавице К. де Во (1815-1846), скончавшейся спустя год после их знакомства. Убитый горем, Конт еженедельно посещал ее могилу, где молился во славу великой любви, ей была посвящена «Система позитивной политики».

Несмотря на усиление секуляристских тенденций, Конт последовательно выделял полезные функции религии и традиций: например, поклонение Деве Марии и культ Прекрасной Дамы способствуют предотвращению суицидов². Исследователи признают, что социолог многое воспринял от католицизма, хотя и критиковал его за «ретроградность» (в том числе, за терпимое отношение к рабству и крепостному праву)³.

Показательно, что в конце жизни Конт превратил позитивизм в Религию Человечества, отведя себе роль «первосвященника». При этом в его учении важное место занимала социолатрия – культ Верховного Существа, аналогичный провозглашенному еще якобинцами. С одной стороны, это Существо отождествлялось с человечеством, с другой стороны, – с Разумом. Согласно мыслителю, душа Верховного Существа представляет собой объединенную любовью совокупность достойных приобщения индивидуальных человеческих душ, живущих и умерших, тех, кто посвятил себя служению другим⁴.

Отметим, что большинство отечественных дореволюционных мыслителей (М. А. Бакунин, А. И. Герцен, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский,

¹ Конт О. Общий обзор... С. 29.

² Comte A. System of positive polity. London: Longmans, Green and Co, 1876. Vol. 3. P. 356, 409.

³ См.: Любак А. де. Драма атеистического гуманизма / пер. с франц. М.: Христианская Россия, 1997. С. 144; *Cherfils C.* Auguste Comte au Pantheon. Paris: L. Vanier, 1910; *Gould F. J.* Auguste Comte and Positivism: An Address Delivered at the Church of Humanity. London: Watts and Co, 1916; *Laberthonniere L.* Positivisme et catholicisme à propos de l'Action Française. Paris: Bloud et G^{ie}, 1911; *Wernick A.* Auguste Comte and the Religion of Humanity: The Post-Theistic Program of French Social Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2001 и др.

⁴ Корсаков А. И. Религия и наука в трудах основателя первого позитивизма // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2012. Вып. 2 (40). С. 85.

П. А. Кропоткин, Н. К. Михайловский, Д. И. Писарев, Е. В. Де Роберти, Б. Н. Чичерин и др.), критикуя ученого за религиозный «уклон», в целом, одобрительно отзывались о творчестве социолога, делая упор на его вкладе в разработку методов научных исследований. На этом фоне отличается оценка создателя философии всеединства В. С. Соловьёва: «великая заслуга безбожника и нехристя Конта» заключается в том, что из «знаменитых философов» именно он ближе всех подошел к «задаче воскресения мертвых»¹.

Ведь основатель социологии утверждал: «Возможность жить с усопшими является одним из наиболее драгоценных преимуществ человечества, у которого эта возможность развивается все более по мере того, как его идеи расширяются и его чувства очищаются. Позитивизм должен способствовать самопроизвольному и систематическому увеличению этой возможности не только для общества, но и для отдельных лиц. Он распространит ее также на будущее, позволяя нам жить с теми, которые еще не родились»².

Согласно взглядам Конта, «в позитивистской концепции нет попытки объяснить смерть как необходимое следствие жизни», «связь между ними случайна», «общая теория смерти» основана «на том, что жизнь, в действительности, совершенно отлична от нее»³.

По мнению ученого, индивид только в своей первой жизни «остаётся непосредственно подчиненным порядку природы, законам материи, жизни и общества», «после инкорпорации с Верховным Существом он становится неотделимым от него. С этого момента он свободен от влияния всех физических законов, и подчиняется только высшим законам, которые непосредственно управляют развитием человечества»⁴.

Канадский исследователь Э. Верник обосновано считает, что «индивидуальное существование понимается Контом как имеющее две стадии, сначала "объективная", а затем "субъективная". Первая – это сама жизнь, вторая –

¹ Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 579.

² Конт О. Общий обзор... С. 99.

³ Comte A. System of positive polity. London: Longmans, Green and Co, 1875. Vol. 1. P. 476-477.

⁴ Comte A. System of positive polity. London: Longmans, Green and Co, 1875. Vol. 2. P. 54.

способ существования, который является чисто воображаемым и полностью зависит от памяти, что живет и сохраняется в сознании других людей»¹.

Весьма примечательна речь О. Конта, произнесенная им на похоронах зоолога и анатома А. М. Дюкроте-де-Бленвиля 7 мая 1850 г. Воздав должное заслугам ученого, с которым он был знаком четверть века, социолог в обширном погребальном слове подробно изложил свои взгляды, отметив, что в начале его выступления представители «устаревших школ» покинули кладбище и оставили поле «интеллектуальной битвы» позитивистам².

В этом случае наглядно проявились негативные черты характера Конта как человека – самолюбование, стремление пропагандировать свои идеи, не учитывая время и место, нетерпимость к чужой точке зрения. К спорам социолога со своим английским «соратником» Дж. С. Миллем мы вернемся в следующей главе.

Конт придавал большое значение ритуальному закреплению своих представлений о жизни и смерти среди своих последователей. Из выделяемых социологом девяти таинств семейного культа обращают на себя внимание два последних, связанных со смертью – «превращение» (физическая смерть) и «причисление» (приложение, табл. 8)³.

С точки зрения О. Конта, «правильная организация почитания памяти усопших» является «в руках всякой духовной власти драгоценнейшим добавлением к нравственному воспитанию»⁴. Он был искренне убежден в том, что «когда система поминовения будет вполне развита, ни один достойный человек не будет из нее исключен, как бы скромны ни были его заслуги перед семьей, городом, нацией или всем Западом. Существование в других представляет весьма реальную форму жизни, так как, в сущности, именно таким образом протекает лучшая часть нашей жизни»⁵ (табл. 3.1.2).

¹ Wernick A. Op. cit. P. 111.

² Comte A. System of positive polity... Vol. 1. P. 595-602.

³ Comte A. System of positive polity... Vol. 4. P. 109; Яковенко В. И. Огюст Конт, его жизнь и философская деятельность: биографический очерк. СПб.: Типография Высочайше утвержденного Товарищества Общественная Польза, 1894. С. 87.

⁴ Конт О. Система позитивной политики // Западноевропейская социология XIX века: Тексты / под ред. В. И. Добренкова. М.: Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. С. 226.

⁵ Он же. Общий обзор... С. 162.

Культ усопших (по О. Конту)

№	Элемент	Мероприятия	Функции
1	Многоуровневость	Индивидуальное прославление - семейное чествование - общественные манифестации	Облегчение страданий путем общего излияния
2	Всеобщность	Крестное имянаречение преобразуется в позитивистское празднество в честь общественного порядка, человеческого прогресса или индивидуального культа	«Благотворная взаимосвязь частной и общественной жизни»
3	Преемственность	«Благородное соревнование, вызываемое постоянным восхвалением наших достойных предшественников»	«Развитие у всех естественного желания увековечивать наше существование единственно реально возможным для нас способом»

Мы разделяем точку зрения уругвайского психоаналитика Р. Капурро, последовательницы Ж. Лакана, считающей, что позитивистская религия напоминает всем членам социума, что они не изолированы в своей личной истории, а являются частью большой общины-человечества. Это обусловлено тем, что в последний период творчества Конт, опираясь на пережитый опыт безумия, вдохновляющей любви и горестной потери, действительно, с субъективной позиции пересмотрел свое учение, соединив социальное и коллективное. Наука превратилась в преамбулу к универсальной религии без Бога, которая учитывает возможные аффекты в отношениях между людьми. По сути, социолог предложил мораль всеобщей солидарности¹.

На наш взгляд, принципиальным положением социологической теории О. Конта является постулат о неразрывной взаимосвязи мира живых и мира мертвых. Высоко оценивая значение традиций, он всегда выделял эстафету поколений и огромное влияние всех предыдущих генераций на последующее развитие: «Непрерывность подразумевает, что наши преемники продолжают наше служение так же, как мы продолжили дело наших предшественников»².

¹ Capurro R. Le positivisme est un culte des morts : Auguste Comte. Paris, 2001.

² Comte A. System of positive polity... Vol. 4. P. 31.

Ученый полагал, что существует фундаментальный закон, согласно которому жизнь людей регулируется особым образом: «Живые всегда, и все более и более управляются умершими». В случае же «бунта живых против мертвых» происходит нарушение социальных связей. Он рассматривал позитивизм как средство разрешения революционной ситуации, как единственный способ преодолеть «подрывные доктрины, постепенно подталкивающие живых к восстанию против всех мертвых»¹.

Итак, контовскую социологию отличает: 1) сочетание фундаментальности (предложен собственный вариант объяснения мироздания) и прикладной нацеленности на решение проблем социума; 2) разработка теоретических построений, обосновывающих возможность прогрессивного развития общества при соблюдении базового принципа любви, и эмпирических методов исследования; 3) закономерное, по замыслу автора, превращение позитивной науки в Религию Человечества; 4) претензия на восстановление нарушенной связи между миром живых и мертвых, на укрепление «порядка»; 5) активистский характер учения, призванного посредством реализации мероприятий социальной политики, достичь поставленной цели – обеспечить гармоничное существование всех и каждого.

Парадоксальным образом социология Конта выполняет ряд взаимоисключающих/дополняющих функций: познавательную/мемориальную, сциентистскую/сакральную, религиозную/политическую, консервативную/инновационную и др.

В итоге, О. Конт не только заложил краеугольный камень новой науки, но и стал родоначальником социологии смерти в границах позитивистского учения. Полагаем важным еще раз подчеркнуть изначальную гуманистическую сущность (на наш взгляд, лидер унитарной церкви Э. Г. Уилсон явно недооценил именно этот аспект творчества Конта²) социологического проекта, что, конечно, не отменяет «издержки трансформации» науки в религиозное вероучение.

¹ Comte A. System of positive polity... Vol. 2. P. 294.

² Wilson E. H. Positivism and Humanism // The Open Court. 1930. Iss. 1. P. 21-36.

Таким образом, позитивизм был создан Контом как социология жизни и смерти, универсальная Религия Человечества и социальная политика. Он задал «систему координат», с которой следует соотносить последующие научные изыскания на этом проблемном поле.

Отметим, что своеобразие позитивизма заключается в том, что во второй половине XIX – начале XX веков в зависимости от своих предпочтений одни его последователи пропагандировали преимущества научного метода, другие – истинность религиозного вероучения (вплоть до создания храмов). Так, **Эмиль Максимильен Поль Литтре (1801-1881)**, будучи масоном, вполне успешно популяризировал научную составляющую наследия О. Конта, отвергая при этом его «сакрализацию»¹, а **Пьер Лаффит (1823-1903)**, ставший «первосвященником Человечества», сохранял преданность взглядам, которых основатель социологии придерживался в последние годы жизни².

В результате, всё это способствовало распространению позитивистских идей среди широкой аудитории. Вместе с тем появление позитивизма вызвало негативную реакцию у значительной части европейских интеллектуалов и клерикальных кругов, которые порицали его за лженаучность, претенциозность, утопичность, псевдорелигиозность, атеизм и т. п.³

Среди тех, кто воспринял методологические установки позитивизма и взял их в свой исследовательский арсенал, были представители расово-антропологического направления. Одним из его лидеров являлся **Жозеф Артюр де Гобино (1816-1882)**. Он родился в небогатой семье, чья принадлежность к аристократии ставится под сомнение рядом биографов⁴. Хорошее знание немецкого языка позволило ему обучаться в швейцарском колледже, когда его

¹ См.: *Littre E.* Paroles de la philosophie positive. Paris: Librairie philosophique de l'Arange, 1863; *Heilbron J.* Sociologie et positivisme en France au XIXe siècle : les vicissitudes de la Société de sociologie (1872-1874) // *Revue française de sociologie.* 2007. № 2. Vol. 48, pp. 307-331.

² *Pickering M.* The Legacy of Auguste Comte // *Love, Order, and Progress: The Science, Philosophy, and Politics of Auguste Comte.* Ed. by M. Bourdeau, M. Pickering, W. Schmaus. University of Pittsburgh Press, 2018. P. 254.

³ См.: *Arthur W.* Religion without God and God Without Religion. London: Wesleyan Methodist Sunday School Union, 1885; *Ingram J. K.* August Comte and one of his critics. Dublin, 1897; *Woodlock F.* A parody of the catholic religion // *The Irish ecclesiastical record.* Vol. XV. Dublin, 1904. P. 114-128 и др.

⁴ См.: *Артамошин С. В.* Идеи истоки национал-социализма. Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 2002. С.27-35; *Гофман А. Б.* Элитизм и расизм: философско-исторические воззрения А. де Гобино // *Общество и право.* 2004. № 4. С. 23-30; *Клейн Л.* Расизм и «психология народов» // *Развитие личности.* 2009. № 4. С. 70-71 и др.

родители развелись, подросток возненавидел мать и остался с отцом. После получения образования Жозеф Артюр перебрался в Париж, где вначале работал в канцеляриях разных учреждений, затем стал журналистом. Знакомство с А. де Токвилем помогло де Гобино устроиться на дипломатическую службу, но успехи на ней были довольно скромными. Его брак распался, на протяжении многих лет он испытывал денежные затруднения, при жизни его труды не получили должного признания у соотечественников. Но, в итоге, де Гобино оставил заметный след в истории культуры как путешественник, писатель, востоковед, этнолог и социолог.

С танатосоциологической точки зрения наиболее продуктивной была его книга «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853-1855). По признанию самого автора, «движимый привязанностью к живущим людям» и используя индуктивный метод, он «проникал в тайны людей умерших», стремясь «к познанию более глубокого смысла идентичности социальных болезней [...] у всех народов и в прошлом, и настоящем»¹.

Базовыми для его анализа выступили два принципа:

1) «принцип смерти, лежащий в основе всех наций»: «все люди, жившие до нас, умерли, точно так же мы твердо знаем, что сочтены и дни народов»². По его мнению, «нравы, законы, институты видоизменяются, искажаются, теряют свою силу и актуальность, но пока хоть что-то от них остается, здание стоит, в теле живет душа, труп еще двигается. Когда первоначальный импульс делает последний вздох, все заканчивается, ничего не остается, цивилизация умирает»³;

2) принцип неравенства рас (рис. 3.1.3):

Анатомическое неравенство ⇕⇕⇕	⇔	«Этническое неравенство» («неравенство человеческих рас»)	⇔	Интеллектуальное неравенство ⇕⇕⇕
Физическое неравенство ⇕⇕⇕	⇔		⇔	Моральное неравенство ⇕⇕⇕
Психическое неравенство	⇔		⇔	Культурное неравенство

Рисунок 3.1.3 – Неравенство рас (по А. де Гобино)

¹ Гобино Ж. А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас : [пер. с фр.]. М.: Олма-пресс, 2000. С. 16, 14.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 44.

Следует учитывать, что понятия «раса» и «нация» нередко отождествлялись в то время, их классификации еще не были разработаны в должной мере. А. де Гобино выделял три крупных расы (табл. 3.1.3).

Таблица 3.1.3

Отношение крупных рас к жизни и смерти (по А. де Гобино)¹

Раса	Состав	Отношение к жизни и смерти
Черная	(Черные) Хамиты	Негр «мало дорожит своей жизнью и жизнью другого человека», он «убивает, потому что приходит от этого в экстаз, и приходит в экстаз, потому что убивает»
Желтая	Алтайцы, монголы, финны, татары	«Их желания ограничиваются спокойной и, по мере возможности, удобной жизнью. Очевидно, что они стоят выше негров». «Желтокожий убивает бесстрастно, для того, чтобы удовлетворить мимолетную потребность ума»
Белая	Кавказская и семитская расы	Отличаются «необычной любовью к жизни. [...] они лучше умеют пользоваться ею, лучше знают ей цену, поэтому больше дорожат своей и чужой жизнью. Их жестокость, когда она проявляется, ограничена сознанием необходимости определенных пределов, чего не встретишь у чернокожих»

Исследователь утверждал, что история «показывает, что всякая цивилизация берет начало от белой расы и ничто не может долго продержаться без ее участия, что общество может быть великим и процветающим лишь в той мере, в какой оно сохраняет сотворившую ее благородную группу, и что сама эта группа принадлежит к самой развитой ветви нашего рода»².

В целом, можно согласиться с выводом, сделанным Л. Л. Снайдером по поводу «Опытов о неравенстве человеческих рас»: «Хотя работа Гобино была оригинальна и полна возможностей, она страдала от интуитивного мистицизма, противоречий и непоследовательности, которые делают большую ее часть неприемлемой для ученых»³.

Отмеченные недостатки в полной мере были присущи творчеству и другого сторонника расово-антропологической версии социологии – **Шарля Жана Мари Летурно (1831-1902)**. Получив медицинское образование, он защитил докторскую диссертацию (1858) и много лет занимался этнографическими, психологическими

¹ Гобино Ж. А. де. Опыт о неравенстве... С. 194-196, 529.

² Там же. С. 198.

³ Snyder L. L. Race. A History of Modern Ethnic Theories. New York - Toronto: Longmans, Green and co, Alliance Book Corporation, 1939. P. 112.

и социологическими изысканиями, активно публиковался и преподавал, возглавлял Парижское антропологическое общество (1886-1902)¹.

Его имя оказалось связанным со скандальным самоубийством юной Елизаветы (1858-1875), дочери А. И. Герцена и Н. А. Тучковой-Огарёвой, которая покончила с собой из-за неразделенной любви к зрелому учёному. Трагический случай получил широкий общественный резонанс за рубежом и в России (например, на это событие откликнулись Ф. М. Достоевский, К. П. Победоносцев, И. С. Тургенев и др.²).

Укажем, что вместе со своими коллегами Летурно учредил «Общество взаимного вскрытия» (1876), члены которого разрешали после кончины использовать свои тела в научных целях. Тем самым смерть индивида «связывалась» с прогрессом и, следовательно, с вечностью. Для людей, которые отвергали религию, считая похороны отвратительным культовым ритуалом, но не могли вынести полного исчезновения, это предоставляло большое утешение³.

Уже в своей первой крупной работе «Физиология страстей» (1868) Летурно выделял значимость «питательных и интеллектуальных страстей», воспитания и предрассудков, среди которых вырос человек. По его мнению, «земледельческие классы [...] наиболее подвержены жестоким проявлениям зверских страстей, мщению, гневу и ненависти. У них также часты детоубийства, насилие и отцеубийства»⁴. Аффективные и социальные страсти стимулировали фанатизм Мухаммеда, Лютера, Кальвина, Кромвеля и Савонаролы.

Позднее (1887), отследив эволюцию морали, социолог объяснял врожденной («животной») кровожадностью рода людского ведение войн, жестокое обращение со стариками, больными и детьми. Приводя соответствующие примеры, мыслитель подчеркивал: «Детоубийство встречается

¹ *Chantre E.* Notice nécrologique de Charles Letourneau // Bulletin de la Société d'anthropologie de Lyon. 1902. Т. 21, pp. 119-124.

² См.: Архив Огаревых / сост. М. О. Гершензон. М.: Юрайт, 2018. С. 136-256; *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 15 томах. Т. 13. М.: Наука, 1984. С. 318-321; *Желвакова И. А.* Лиза Герцен // Литературное наследство. М.: Наука, 1997. Т. 99. Кн. 2. С. 544-555 и др.

³ *Hecht J. M.* The End of the Soul. Scientific Modernity, Atheism, and Anthropology in France. New York: Columbia University Press, 2003, p. 8-9.

⁴ *Летурно Ш. Ж. М.* Физиология страстей / пер. с фр. Санкт-Петербург: Издание Ф. Павленкова, 1896. С. 183.

чаще всего и в наиболее чистом виде среди самых низших, наименее умственно развитых и наиболее беспомощных среди человеческих рас»¹.

Летурно резонно пришел к выводу, что «каннибализм в нравственном отношении представляет обстоятельство, отягчающее преступность убийства. Здесь презрение к ближнему доходит до последних пределов: человек сравнивается вполне с дичью или домашним животным»². Он различал несколько разновидностей антропофагии (рис. 3.1.4).

Военная	↔	Животная	↔	Юридическая	↔	Религиозная	↔	Привилегированная
⇕		⇕		⇕		⇕		⇕
<i>Антропофагия</i>								

Рисунок 3.1.4 – Классификация антропофагии (по Ш. Летурно)

Изучив историю рабства, ученый установил логику его изменений: «Раб в начале — запасная убойная скотина, а затем домашнее животное». Но, в результате, «рабство деморализует» общество³.

Придерживаясь материалистических взглядов, он видел причины возникновения религии в том, что «человек не допускает неизбежности естественной смерти, отказывается понимать ее и создает себе представления о загробной жизни»⁴. Хотя Летурно и отмечал позитивную роль христианства в совершении «нравственной революции», гуманизовавшей отношение людей к феноменам рабства, самоубийства и аборта, он считал, что «не следует искать в религиозных концепциях правил, регулирующих нравы»⁵.

Опираясь на этнографические данные, Летурно попытался обосновать существование нескольких фаз в развитии человечества (табл. 3.1.4):

¹ Летурно Ш. Ж. М. Нравственность. Развитие её с древнейших времен и до наших дней. СПб.: Книгоиздательство Н. С. Аскарханова, 1909. С. 110-111.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 114-160.

⁴ Там же. С. 359.

⁵ Там же. С. 380.

Нравственная эволюция человечества (по Ш. Летуэрно)¹

№ п/п	Фаза	Содержание
1	Животная	«Людоедство есть первородный грех всех человеческих рас. Оно исчезает очень медленно»
2	Дикарская	«Каннибализм еще нередко сохраняется», он «обнаруживается у человека в припадке ярости, мести, или в области религиозной или юридической; но антропофагия перестает уже быть простым, повседневным явлением. Эту вторую стадию характеризует учреждение рабства»
3	Варварская	«Кража, прелюбодеяние, убийство рассматриваются как общественные преступления и строго наказываются. Тем не менее общество покоится еще на рабстве»
4	Меркантильная	«Рабство и крепостничество были уничтожены, но салиариат, это замаскированное крепостничество, их заменяет. Нравственность и закон строго осуждают убийство, а общественное мнение прославляет убийство во время войны и возбуждает на него»

В прошлом сочинения Летуэрно были достаточно популярны, но всегда неоднозначно оценивались исследователями (М. М. Ковалевский, Г. В. Плеханов, С. А. Токарев, Э. Шантре, Ф. Энгельс и др.), которые упрекали социолога за «обилие фактов и недостаток широких обобщений»².

Жорж Ваше де Лапуж (1854-1936), еще один представитель расово-антропологического направления, родился в семье маркиза, но в 12 лет потерял отца. Он учился в иезуитском колледже, в лицее познакомился с трудами Г. Спенсера и Ч. Дарвина, с золотой медалью окончил юридический факультет университета в Пуатье (1877), защитил диссертацию, посвященную наследственному праву (1879). После этого Лапуж несколько лет проработал в магистрате и прокуратуре в западном и центральном регионах страны. Переехав в Париж, молодой правовед продолжил обучение (1883-1886) и овладел несколькими восточными языками. В дальнейшем он преподавал антропологию в ряде университетов (1886-1909), но вынужден был прекратить профессиональную деятельность из-за обвинений в приверженности к «левым» взглядам и в

¹ Летуэрно Ш. Ж. М. Нравственность... С. 74-75.

² См. например: Н. Х. Критика и обозрение // Этнографическое обозрение. 1896. № 2-3. С. 266-269.

применении «недозволенных» прикладных методов исследования (раскопки могил, измерение и фотосъемка останков и тел живых людей). Вплоть до самой пенсии (1922) социолог трудился библиотекарем в Пуатье¹.

Антропосоциологическая теория возникла, по признанию самого автора, под влиянием концепций О. Аммона, Ж. де Гобино, Г. Спенсера, А. Шеффле и др.² Она соединила в себе идеи биологического детерминизма, евгеники, эволюционизма, социального дарвинизма, расового отбора и социализма, наиболее полно изложена в его сочинениях «Социальная селекция» (1896) и «Ариец и его социальная роль» (1899).

Исходя из того, что человек не произошел от обезьяны, Ж. Лапуж полагал, что «раса – это совокупность особей, имеющих общий определенный наследственный тип. Понятие расы носит зоологический характер»³. Социолог на основе археологических, антропологических, этнографических и статистических источников выделял несколько базовых и смешанных рас, давая им антропометрические и психологические характеристики (табл. 3.1.5).

Таблица 3.1.5

Главные европейские расы (по Ж. де Лапужу)

№ п/п	Название	Антропологическая характеристика	Психологические особенности
1	Homo europaeus	длинноголовая (долихокефальная), светло-русовая и высокорослая	тщеславная, энергичная, умная, идеалистичная
2	Homo alpinus	короткоголовая (брахикефальная), темноволосая, темноглазая и малорослая	консервативная, осторожная и «малогениальная»
3	Homo mediterraneus	длинноголовая (долихокефальная), черноволосая	низкие моральные качества

В духе Конта Лапуж утверждал: 1) «мысли и действия человека основываются на опыте бесчисленного легиона погребенных предшественников. Он впитал в себя все, что чувствовало, о чем думало, что желало человечество на

¹ Hecht J. M. Vacher de Lapouge and the Rise of Nazi Science // Journal of the History of Ideas. Volume 61, Number 2, April 2000, pp. 285-304.

² Vacher De Lapouge G. The fundamental laws of anthroposociology // Journal of Political Economy. 1897. Vol. 6, No. 1, pp. 54-92.

³ Vacher De Lapouge G. Les Selections Sociales. Paris: Librairie Thorin & Fils, 1896, p. 8.

длинном отрезке родословной»¹; 2) «нация – это огромная семья, замкнутая внутри границ страны: живые вместе с умершими и с теми, кому суждено прийти»².

Проанализировав процессы модернизации, Лапуж констатировал состояние социума: «Война холодная, политическая, религиозная, индустриальная, торговая, которая убивает, как любая другая, не проливая при этом крови, за исключением случаев, когда побежденные предпочитают суицид медленной смерти из-за нужды, тягот или голода»³.

В результате, он пришел к пессимистическому футурологическому выводу: «Содрогаешься при мысли о том, сколько гекатомб человеческих жертв таит в себе будущее. Борьба между претендентами на мировое господство будет долгой и, конечно, беспощадной»⁴.

Отвергнув религию, он порицал христианскую мораль за то, что она стремится быть утешением «во время болезненных кризисов и в час смерти», хотя теперь совершенно ясно, что жизни после смерти не существует. Антропосоциолог сформулировал «провокативный подход»: «Жизнь существует только за счет смерти. Чтобы жить – нужно есть, чтобы есть – нужно убивать»⁵. При этом он выступал с пронаталистских позиций, ратуя за рождение детей как способ соединения прошлого и будущего, обеспечения бессмертия.

Благодаря Ж. де Лапужу расово-антропологическая теория была применена на практике: биологический расизм получил «подкрепление» в виде концепции зависимости психических качеств, характера людей и их социального положения от формы черепа и величины головного указателя.

Подчеркнем, что расово-антропологические постулаты (рис. 3.1.5) неоднозначно воспринимались в академической среде и в обществе.

¹ *Лапуж Ваше де Ж.* Ариец и его социальная роль. М.: Кучково поле, 2013. С. 171.

² Там же. С. 178.

³ Там же. С. 182.

⁴ Там же. С. 218.

⁵ Там же. С. 223.

Расовый фактор – главная детерминанта общественного развития
⇕⇕⇕
Смешение рас вредно с точки зрения биологического и культурного развития
⇕⇕⇕
Расы неравны между собой
⇕⇕⇕
Расы биологически и культурно отличаются друг от друга
⇕⇕⇕
Социальное поведение людей обусловлено их биологической наследственностью

Рис. 3.1.5 – Постулаты расово-антропологического направления

Разработка танатосоциологической проблематики в русле расово-антропологического направления свидетельствует, с одной стороны, об усвоении новым поколением социологов контовского принципа взаимосвязи живых и мертвых, внедрением в практику прикладных методов исследования, с другой стороны, демонстрирует неубедительность теоретических оснований проводимых изысканий.

Достоинным продолжателем контовской научной традиции стал **Пьер Фредерик Гийом Ле Пле (1806-1882)**. Он родился в нормандской деревне в небогатой семье таможенника. Когда ему было пять лет, умер его отец и мать была вынуждена передать ребенка на воспитание состоятельной парижской родственнице. Вернувшись на малую родину, Фредерик успешно учился в колледже, увлеченно постигая математику, сочинения античных авторов и Монтеस्कье. Затем он продолжил обучение в столичной Политехнической школе и в Королевской Горной школе. Однажды юноша серьезно пострадал из-за взрыва во время химического эксперимента, но многомесячная реабилитация позволила ему расширить социально-гуманитарный кругозор (например, благодаря систематическому чтению он обратился к осмыслению сенсимонизма и фурьеризма). Полученное образование, профессиональная деятельность и путешествия по Европе, включая Россию, способствовали превращению Ле Пле в признанного знатока горного дела. Он проявил себя и как талантливый администратор: в 1867 г. Ле Пле был введен в состав сената. К сожалению,

последний период его жизни омрачился болезнью сердца и потерей любимых внушек¹.

Вместе с тем уже в детстве семья сформировала его как искренне верующего католика. На склоне лет в письме другу он выразил сугубо христианское понимание финала земного бытия: «Я не отношусь к жизни человека, как тщете и суете, как то делают некоторые мистики, а, напротив, вполне сознаю ее глубокое значение. Настоящая жизнь – это место, где определяется наше назначение в будущей. Мы должны считать себя счастливыми, что живем в ней, исполняя свои обязанности, из которых главная состоит в том, чтобы направлять наших граждан к вечной жизни»².

В свете этого вполне закономерным выглядит предсмертное распоряжение Ле Пле: согласно его воле, похороны прошли весьма скромно – деньги, которые могли быть потрачены на церемонию, раздали нуждающимся.

Личная позиция была обусловлена также тем, что Ле Пле прославился не только как инженер и менеджер, но и трудами на социальном поприще – концептуальном и практическом. Рассмотрим вклад ученого в становление социологии смерти с учетом влияния на него контовских идей.

Во-первых, исследователи (А. Б. Гофман, Т. М. Портер, А. Савой, П. А. Сорокин, Г. Хиггс и др.) единодушно относят Ф. Ле Пле к числу основателей прикладной социологии. В качестве важного итога его экспедиций выступила книга «Европейские рабочие. Исследования труда, быта и нравственного состояния рабочего населения Европы, предшествовавшие изложению метода наблюдений» (1855)³.

¹ См.: Сорокин П. А. Собрание сочинений. Сыктывкар: Анбур, 2020. Т. 11. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия). С. 81-82; Garayo Urruela J. M. La recuperacion de Frederic Le Play // Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas. No. 93 (Jan. - Mar., 2001), pp. 28-31; Higgs H. Frederic Le Play // The Quarterly Journal of Economics. 1890, Vol. 4, No. 4 (Jul.), pp. 409-420; Savoye A. Enquete sur la jeunesse etudiante de Le Play: apprentissage scolaire et impregnation Saint-Simonienne (1824-1832) // Revue europeenne des sciences sociales. 2017. Т. 55, No. 2, Emile Durkheim, 1917-2017, pp. 171-209 и др.

² Ле-Пле Ф. Основная конституция человеческого рода: идеи, нравы и учреждения благоденствующих народов : перевод с французского. Изд. 2-е / [репр.]. Москва: URSS : Либроком, 2011. С. XXXIII.

³ Le Play F. Ouvriers europeens. Etudes sur les travaux, la vie domestique. Paris: Imprimerie imperiale, 1855. Т. 1. Et la condition morale des populations ouvrieres de l'Europe, precedee d'un expose de la methode d'observations.

Он признавался, что «самый скорый и удобный путь к познанию социальных истин [...] состоит в наблюдениях над населением, занимающимся разработкой рудников»¹. Так, Фредерик с горечью и возмущением описывал своей матери шахтеров Северной Германии: «[...] тучи рабочих, у которых почти все здоровье разрушено, бледные, как призраки, у большинства из них запястья скрючены из-за воздействия паров свинца, [...] конечности непрерывно дрожат и все это, чтобы заработать 7 грошей в день»². В публикациях исследователя всесторонне отражены особенности разработанного им монографического метода.

Во-вторых, ученый ратовал за применение историко-социологического подхода: «Мы изучаем институты прошлого не для того, чтобы восстановить злоупотребления, а для того, чтобы найти в них свободные устремления гения народа, чтобы оценить тенденции в будущем»³.

В-третьих, в центре внимания Ле Пле находилась семья, процессы деградации и укрепления этого института. При его изучении социолог полагал обязательным сбор информации о проявлениях заботы и почтения к старым родителям, мер, предпринятых для обеспечения им счастливого конца жизни, ритуалах прощания, практиках памяти о погибших родителях, данных об умерших членах семьи. Он порицал введение Кодекса Наполеона (1804) из-за исключения сложившихся норм наследования⁴.

В-четвертых, Ле Пле жестко осуждал секуляризацию, отстаивая фундаментальные религиозные ценности. В своей последней книге «Основная конституция человеческого рода: идеи, нравы и учреждения благоденствующих народов» (1881) он, по сути дела, выдвинул обвинение против власть имущих: «Правители изо всех сил стараются устранить Бога отовсюду – и от колыбели младенца, и от постели умирающего, и от могилы. Они вычеркнули имя Божие из торжественной речи президента и из учебной книги школьника. Устранили Бога из школы, и мы видим, какую страшную, возрастающую жатву преступлений,

¹ *Ле-Пле Ф.* Основная конституция человеческого... С. 10.

² Цит. по: *Savoie A.* Enquete sur la jeunesse etudiante... P. 198.

³ *Le Play F.* Instruction sur la méthode d'observation dite des monographies de familles, propre à l'ouvrage intitulé Les ouvriers europeens. Paris: Societe d'economie sociale, 1862. P. 17.

⁴ *Ibid.*

совершаемых малолетними, приносит ежегодно такая школа. Устранили Бога из больницы, лишив несчастных, убогих, страдающих, умирающих последней надежды, последнего утешения»¹.

В-пятых, не приемля революцию, социолог указывал на «три вечные причины страдания: порок, ошибка и злоупотребление новизной»².

В-шестых, выход он видел в верности религии³.

В-седьмых, патронаж должен обеспечить социальное умиротворение недовольных слоев населения⁴.

В-восьмых, «интервенционизм» является оптимальным механизмом «выправления» неблагоприятной социальной ситуации⁵.

В-девятых, необходимо последовательное осуществление сильной социальной политики⁶.

С нашей точки зрения, есть ряд общих моментов, характерных для творчества О. Конта и Ф. Ле Пле: 1) приверженность методу наблюдения; 2) историзм; 3) установка на стабилизацию института семьи; 4) искренняя религиозность; 5) неприятие революционных потрясений; 6) использование социальной политики для улучшения повседневной жизни людей.

Подчеркнем, что проблема смерти рассматривалась Ле Пле в рамках формирующихся отраслевых социологий: социологии религии, социологии морали и социологии семьи.

Следует также отметить, что Ле Пле активно «продвигал» свои взгляды: занимался издательской деятельностью (например, основал журнал «Социальная реформа» (1864)), воспитывал учеников, что привело к возникновению и

¹ *Ле-Пле Ф.* Основная конституция... С. XL-XLI.

² *Le Play F.* Ouvriers europeens. Etudes sur les travaux, la vie domestique. Paris: Imprimerie imperiale, 1881. Т. 6. Et la condition morale des populations ouvrieres de l'Europe, precedee d'un expose de la methode d'observations. P. 574.

³ См.: *Победоносцев К. П.* Очерк жизни и деятельности Ле Пле // *Ле-Пле Ф.* Основная конституция человеческого ... С. VII-XLII; *Dion M.* Science sociale et religion chez Frédéric Le Play // Archives de sociologie des religions. 12-e Année. 1967. № 24 (Jul. - Dec.), pp. 83-104.

⁴ *Silhol B.* La Théorie du patronage de Le Play: Une illustration // Revue Française d'Histoire des Idées Politiques. 2007, 1er semestre. № 25, pp. 109-124.

⁵ *Bernardeau Moreau D.* Sociologie d'intervention: historique et fondements // Revue Européenne des sciences sociales. 2014. Т. 52. №. 2, pp. 191-220.

⁶ См.: *Saberan Sh.* Responsabilité sociale chez Tocqueville et Le Play: Noblesse oblige // Revue économique. 2014, mars. Vol. 65. №. 2, Économie, règles et normes une perspective historique, pp. 317-336; *Savoie A.* Lire «La reforme sociale en France» (1864) de Le Play // L'Année sociologique (1940/1948). Troisième série. 2017. Vol. 67, № 2, Le social avant la sociologie, pp. 397-421 и др.

развитию католической социологии и школы Ле Пле, которая спустя годы, как и «школа» Конта, раскололась на два крыла – «Общество социальной экономики» и «Союзы социального мира»¹.

П. А. Сорокин выделял следующие главные недостатки школы Ле Пле: «Во-1, система и программа школы не охватывают всей области социальных явлений и проблем, во-2, школа недооценивает фактор наследственности и расового происхождения и переоценивает фактор окружающей среды, и, в-3, многие проблемы, анализируемые представителями школы, в том числе проблема происхождения типов семьи и корреляционной связи этих типов с социальной системой и историческими судьбами соответствующего общества, объяснены не вполне удовлетворительно. Наконец, практическая программа школы неэффективна»².

По нашему мнению, упреки Сорокина не во всем справедливы: недостатки Ле Пле и его последователей в значительной мере predetermined общим уровнем социологической теории и эмпирических исследований того времени. Что касается «неэффективности практической программы», то «рецепты», предложенные французским ученым в XIX веке, относятся к разряду консервативных проектов, но в нынешних условиях упадка традиционной семьи, христианских ценностей, наплыва мигрантов из-за рубежа и торжества «всеобщей толерантности», достаточно востребованы частью европейского социума.

Сегодняшний «ренессанс» Ле Пле опровергает излишне критические оценки П. А. Сорокина: опора на «качественные» методы, обращение к анализу роли религии в социальных процессах, семейного бюджета, истории фамилии, жизни и смерти ее членов – все это чрезвычайно актуально для (пост)современной социологии.

С конца XIX века в стране возростал интерес к социальным вопросам и к социологии. Об этом свидетельствуют библиографические данные (табл. 3.1.7):

¹ См.: Savoye A. L'école de Le Play // Archives de sciences sociales des religions. 62e Année. 2017. № 179 (Octobre-décembre), pp. 25-50; Savoye A. Les continuateurs de Le Play au tournant du siècle // Revue française de sociologie. 1981. № 22-3, pp. 315-344.

² Сорокин П. А. Современные социологические теории... С. 110.

Количество публикаций по социальной тематике во Франции (1876-1915)¹

№ п/п	Редакционный раздел	1876-1885	1886-1895	1896-1905	1906-1915
1	Социализм, социальные науки	87	331	478	585
2	Социализм	48	89	200	159
3	Социология	10	50	122	123
4	Социальный вопрос	13	67	60	35
5	Социальный католицизм	10	29	55	51

Леплеизм и энциклика «*Regrum Novarum*» папы Льва XIII, безусловно, заложили фундамент для развития социального католицизма. Продвижению в массы его идей и практик способствовало учреждение общественно-религиозных организаций и журналов².

Ряд представителей этого учения исследовал проблемы земной жизни, социальной справедливости и посмертного существования не только с теологических, но и с социологических позиций.

Так, иезуит **Жюльен Фонтейн (1839-1917)** в книге «Религия, социология, политика» (1910) утверждал, что секуляризация привела к дехристианизации благотворительных учреждений, хосписов, общественных пространств, кладбищ, казарм, школ и даже церкви. По его мнению, над тем, чтобы этот процесс стал необратимым трудятся «учителя, подлинные священники атеизма и социализма», его поощряют чиновники, опасаящиеся порицания за недопустимый «грех клерикализма»³.

Для священника являлись очевидными следующие положения: 1) «человек есть существо из небытия, и его существование есть загадка»; 2) «все имеет причину в этом мире таким, каким он представляется нам, таким, каким он есть на самом деле, и мы можем его видеть и наслаждаться»⁴. Он был уверен в том, что мы «войдем в полноту своего бытия, тела и души, только спустя много веков, в результате всеобщего воскрешения, которое вырвет нас из могилы», пока же

¹ *Mosbah-Natanson S.* La sociologie catholique, entre économie sociale et critique de la sociologie scientifique // Archives de Sciences Sociales des Religions. 2017, September. № 179, p. 116.

² *Gibson R.* A social history of French Catholicism, 1789-1914. London: Routledge Kegan & Paul, 1989.

³ *Fontaine J.* Religion, sociologie, politique. Paris: Lethielleux, 1910, p. 41.

⁴ *Fontaine J.* Les dogmes fondamentaux et Leur Evolution Secondaire et Théologique. Paris: Librairie Saint-Joseph, 1916, p. 15.

«смерть, которая нависает над родом человеческим, продолжает в нем свою разрушительную работу»¹.

Плодотворно исследовал танатосоциологические вопросы **Луи Гарриге (1859-1927)**, профессор догматики и церковной истории в Нанте (1893), профессор морали в Лионе (1896), позднее – ректор семинарии в Авиньоне, затем в Ла-Рошели и капеллан колледжа в Париже.

В трехтомном «Трактате по социологии на основе принципов католического богословия» (1908-1910) и других сочинениях он, полемизируя с К. Марксом и одобрительно ссылаясь на Ф. Ле Пле, рассмотрел проблемы труда, заработной платы, ассоциаций работников и др. Особо выделим защиту Л. Гарриге прав женщин, «чтобы работа на дому перестала быть позорной эксплуатацией и не обрекала тех, кто ее практикует, на медленную голодную смерть»².

Весьма значимой для становления социологии смерти является его книга «Месяц мертвых во время войны» (1915), адресованная верующим и солдатам. В ней тщательно прописаны богословские трактовки и ритуалы каждого дня ноября – последнего месяца литургического года. Клирик функционально объяснял введение специального периода: «Месяц мертвых – это, прежде всего, месяц душ чистилища, месяц, посвященный воспоминаниям о них, молитве за них»³. Установив такой порядок, Церковь хотела, чтобы паства, зная о страданиях умерших, избегала совершать грехи, тщательнее заботилась о спасении души и творила добрые дела.

Гарриге точно определил характер социально-психологической мотивации участников религиозных церемоний, указав, что в этот месяц «к подножию алтарей притягиваются многочисленные толпы верующих, чьи покои посещала смерть. Они приходят молиться за близких людей, восторгаясь их любовью, ищут себе утешения в заботе о них, чтобы трудиться и обеспечить им вечный покой,

¹ Fontaine J. Les dogmes fondamentaux... P. 87.

² Garriguet L. Traité de sociologie d'après les principes de la théologie catholique. Paris: Librairie bloud & Cie, 1909. Т. 2. P. 258.

³ Garriguet L. Le mois des morts pour le temps de la guerre. Paris: Bloud et Gay, 1915. P. 8.

просят уверенности, которую дает вера», «способная смягчить боль расставаний»¹.

Рассуждая о павших на германском фронте, священник утверждал: «Смерть, действительно, для такого прекрасного дела как защита Отечества – это не просто славная смерть, это еще искупительная и Святая Смерть. Мы не побоялись сказать, что она представляет собой своего рода мученичество. Она исправляет многие несчастья и подготавливает к Божьему Суду, к Отцовскому снисхождению»².

Таким же гуманистическим пафосом проникнута небольшая книга «Основные принципы католической социологии» (1899) журналиста и священника **Поля Ноде (1859-1929)**. Сравнивая безработных пролетариев с «потерянными детьми, брошенными на тротуар», автор отмечал, что в озлобленных сердцах «бродит ненависть» и они «готовы развязать бедствие революций»³. Ноде признавался, что «чувствует себя захваченным одним, огромным состраданием» к трудолюбивым обездоленным людям, которые живут в холоде и голоде, испытывают ужасную депрессию и видят печальный конец своего жалкого существования в больнице или морге⁴. Он призывал дать «немного передышки» рабочим, занятым механическим трудом на фабриках, дабы они смогли сохранить свои лучшие качества и обратить взоры к нравственному прогрессу.

Таким образом, католические социологи, сочетая богословский и научный подходы, рассматривали проблему смерти сквозь призму жизненного пути христианина, анализировали повседневные практики различных слоев общества (преимущественно, социальных низов).

Они предлагали набор мер для совершенствования социальной политики: 1) прекращение антиклерикальной деятельности государства; 2) возвращение официального статуса католическим ритуалам рождения, бракосочетания и

¹ *Garriguet L.* Le mois des morts... P. 9.

² *Ibid.* P. 11.

³ *Naudet P.* Premiers principes de sociologie catholique. Paris: Bloud et Barral, 1899. P. 49.

⁴ *Ibid.* P. 27.

похорон; 3) расширение преподавания религиозных дисциплин в учебных заведениях; 4) гармонизация отношений между работодателями и трудящимися; 5) справедливая оплата труда и др. Данные шаги были нацелены на укрепление преданности народа вероучению, предотвращение моральной деградации населения, излечение его от социальных болезней, сохранение социальной памяти об ушедших поколениях.

Подводя итоги параграфа, полагаем необходимым сделать следующие выводы:

1) О. Конт заложил фундамент танатосоциологии: позитивизм выступал как научный, религиозный и социально-политический инструмент разрешения революционной ситуации, как единственный способ преодоления «разрыва» между живыми и мертвыми;

2) несмотря на некоторые «издержки» (иррационализм, философская «спекулятивность»), Контом была разработана базовая система теоретико-методологических координат социологического исследования феномена смерти, где приоритет был отдан социологическому реализму, сравнительно-историческому и нормативно-правовому подходам (в их первоначальных версиях);

3) представители расово-антропологического направления, с одной стороны, основываясь на позициях биологического редукционизма, упрощенно трактовали процесс «вырождения» человеческих рас, с другой стороны, они способствовали освоению социологами прикладных методов исследования смерти;

4) Ле Пле придал импульс внедрению в социологическую практику «качественных» методов для изучения жизни и смерти членов семьи;

5) католические социологи продолжили контовскую линию на применение мер социальной политики для эффективной профилактики моральной деградации и социальных болезней населения, сбережения социальной памяти об умерших поколениях.

3.2. Психолого-социологический и органицистский анализ смерти

Существенную роль в становлении танатосоциологии сыграли представители психологического направления в классической социологии. Среди них можно выделить социолога и социального психолога **Жана-Габриеля де Тарда (1843-1904)**. Он являлся отпрыском семьи провинциальных юристов, продолжившим дело своего отца. Получив образование в Париже (1866), Тард вернулся в родные места на юге страны, где и трудился в судебной системе (1867-1894). В то же время он занимался научными исследованиями в области криминологии и социальных наук. Последнюю часть жизни (1896-1904), которая прошла в столице государства, ученый посвятил преподавательской деятельности, в том числе, в Русской высшей школе общественных наук¹.

Согласно его воззрениям (на которые повлияли труды Г. В. Лейбница, Г. В. Ф. Гегеля, Дж. С. Милля, Г. Спенсера и др.), социология — это коллективная психология. Социальные явления и события являются психическими по своей природе, так как они состоят из взаимодействий индивидуальных умов, обусловлены убеждениями и желаниями людей. Социальные процессы охватывают три постоянно циркулирующих формы: адаптации, репетиции и оппозиции. Фундаментальным же принципом функционирования общества служит подражание, оно выступает как частный случай более общего «мирового закона повторения».

Воздавая должное пионерским разработкам Тарда, посвященным общественному мнению, групповому и массовому поведению, коммуникациям и внедрению инноваций, зарубежные (Г. Э. Барнз, С. Бугле, Э. Дюркгейм, М. М. Дэвис-младший, В. Миллер, С. Московичи, С. Тонокофф, Г. Тости, Л. Ф. Уорд, Ю. Хабермас, К. Дж. Хэйворд и др.), отечественные дореволюционные (М. М. Ковалевский, А. А. Козлов, Н. К. Михайловский, Е. В. Де Роберти и др.) и современные (В. А. Бачинин, Г. Е. Боброва, А. Б. Гофман, А. В. Загребина, Л. С. Клейн и др.) специалисты практически единодушно критиковали ученого за

¹ *Баженов Н. Л.* Г. Тард, личность, идеи и творчество // Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. III (78). С. 212-240.

абсолютизацию значения социально-психологических факторов в общественной жизни.

Соглашаясь с данными оценками, отметим, что Тард одним из первых в социологии стал изучать девиантное поведение, хотя с течением времени его взгляды на это явление претерпели определенные изменения.

Например, в монографии «Сравнительная преступность» (1886) он сделал следующие выводы о причинах и динамике суицидов: 1) «самоубийство есть одна из форм невыносимого отчаяния, как убийство одна из форм неуживчивого эгоизма»; 2) «ежегодное число самоубийств из-за любви осталось почти то же спустя целых сорок лет, тогда как самоубийства из-за переворота в судьбе сильно возросли. Самоубийства по причинам физических страданий учетверились, а по причине пьянства упятерились»; 3) на увеличение числа самоубийств все более и более начинают влиять социальные причины, в том числе, исторические преобразования («нет ничего более деморализующего, как война и революция, потому что они возбуждают страсти и все приводят в беспорядок»); 4) «те, кто прежде скрывался бы в кельях, теперь лишает себя жизни»; 5) «во всех странах армия отдает минотавру самоубийства пропорционально гораздо большую дань, чем остальное население»¹.

Таким образом, ученый использовал микро- и макросоциологический подходы для объяснения распространения феномена суицида среди различных социальных групп в прошлом и настоящем.

В этой же монографии, отмежевавшись от сторонников антропологии преступного типа Ч. Ломброзо, он рассмотрел «отдельно анатомические, физиологические, патологические и психологические особенности, которые удивительно часто повторяются у привычных злодеев». Тард предложил «объяснять преступления скорее социальными и психологическими причинами,

¹ *de Тард Г.* Преступник и преступление; Сравнительная преступность; Преступления толпы. М.: Инфра-М, 2010. С. 254, 269, 327, 331, 333.

чем биологическими», и искать средства к искоренению преступлений скорее в моральной области, чем в физической¹.

В подтверждение своей позиции исследователь приводил убедительные исторические примеры: «Детоубийство и выкидыши, как известно, не были преступлением в Спарте; мужеложство и морской грабеж — в Афинах, кровосмешение — в Египте, в Персии и у инков. Убийство никогда не было преступлением, если совершалось в честь богов, а убийство стариков, часто по просьбе их самих, было делом сыновнего почтения»². Свои рассуждения социолог резюмировал следующим образом: «...человека, когда-то убившего или укравшего, мы не всегда вправе считать преступником, потому что преступность свидетельствует не о неизменной природе, а о мнении и законодательстве, которые меняются вместе с социальным устройством»³.

На основании этих доводов он выделил «двойной принцип» при оценке делинквентного поведения: «На кражу, мошенничество, ложь, злоупотребление доверием, даже насилие и посягательство на целомудрие надо смотреть как на истинные предохранительные клапаны против разных видов убийства»⁴.

Спустя несколько лет, по-прежнему принципиально отделяя себя от итальянской криминологической школы, Г. Тард в книге «Философия наказания» (1890) (чуть позднее отдельные главы из нее были переведены на русский язык и изданы в нашей стране) продолжил историко-социологический и психолого-социологический анализ феномена смерти.

Социолог утверждал: «каждая древняя нация, однажды созданная и правящая, считала себя бессмертной по той же причине, по которой позднее каждое человеческое тело или каждое человеческое "Я" считали себя бессмертными» и «на самом деле законы и институты — это всего лишь внешняя оболочка общества»⁵.

¹ *de Tarde G.* Преступник и преступление... С. 207, 209.

² Там же. С. 222 прим.

³ Там же. С. 223.

⁴ Там же. С. 326.

⁵ *De Tarde G.* Penal Philosophy. Boston: Little, Brown and company, 1912. P. 78, 120.

По его мнению, «самоубийство бывает различно, смотря по тому, является ли оно актом религиозного фанатизма, как в Индии, средством отомстить врагу или геройским способом реабилитации своего имени, как в Китае, или следствием отчаянного положения, как в Европе»¹. Он полагал, что к «несчастливым, покончившим с собой», следует отнести и тех, кто, «в сущности, убиты вероломством их соперников, привычным мошенником-спекулятором, разорившим их, диффаматором, который обесчестил их»².

Обращаясь к анализу прошлого, Тард подчеркивал, что «бессовестность и отсутствие нравственного чувства характеризовали всех итальянских принцев XIV и XV столетий, родившихся от преступления, живущих преступлением и умирающих, как только они переставали быть преступниками. Преступление скрывали они под маской наказания, они убивали из мести, ради устрашения»³.

С его точки зрения, эволюция политического убийства весьма поучительна: «были времена, когда короли и главы республик убивали собственноручно» (преимущественно своих ближайших родственников), позднее принцы использовали наемных убийц. Лишь «когда государственные люди начали краснеть за подобные поступки», «цареубийства и убийства тиранов уже по собственному почину совершаются возбужденной толпой»⁴. В результате, убийца из низших слоев, будучи подражателем и совершив преступление, «облагораживался» и «со взломом» мог войти в высший круг⁵.

Вызывает интерес его объяснение вендетты как действия, вызванного необходимой обороной: «Там, где семейные устои сохранили свою прежнюю силу, мстить за убитого родственника – все равно, что защищать живых членов своей семьи»⁶. Укажем, что впоследствии он скорректировал свою точку зрения.

Относительно современности он вполне резонно заключает: «Многие из наших негодяев и мошенников никогда не убили бы и не украли, если бы они

¹ *de Тард Г.* Преступник и преступление... С. 180.

² Там же. С. 136.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 117.

⁵ Там же. С. 121.

⁶ Там же. С. 60.

родились богатыми. [...] большинство убийц и грабителей были сначала заброшенными детьми, и настоящий рассадник преступления нужно искать на каждой площади или перекрестке наших больших и малых городов, в этих шайках хищных уличных мальчишек»¹.

Характерно, что и в этой книге Тард, наряду с психологическим фактором криминогенности, особо выделяет социальный. Он усматривал главную опасность в «чудовищном эгоизме», «страшной гордости» и «нравственной смерти» преступника.

Показательно, что труды Тарда и ныне востребованы социологами и криминологами, исследующими проблемы делинквентного поведения, – причины убийств, роль подражания в распространении терроризма, личность преступника и др.² К сожалению, актуальным остается порицание Тардом средств массовой информации за поощрение насилия: «Наша политическая печать внушает только презрение к смерти; призыв к убийству и прославление убийства никого не удивляет»³.

Однако социолог достаточно высоко оценивал прогрессивные тенденции в жизни человечества, которое, благодаря «великой и бессознательной работе морализации» с помощью государства, идет по пути «выравнивания обычаев»⁴. Поэтому отказ от немедленного нанесения ответного удара за оскорбление (например, дуэль) и переход к мести – «это уже шаг вперед, ибо она предполагает память и предвидение, обиду и расчет»⁵. Важно также то, что постепенно личная месть сменяется коллективной мостью группы.

По Тарду, эволюция чувств и идей, касающихся наказания, охватывает три фазы: религиозную, этическую и социальную (судебную). Не соглашаясь с точкой зрения Г. Спенсера по поводу генезиса и развития военного общества, социолог

¹ *de Tarde G.* Преступник и преступление... С. 13.

² См., например: *Маслов В. А.* Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3 (37). С. 339-345; *Тюгашев Е. А.* Криминологический оптимизм Г. Тарда // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2012. Т. 8. № 1. С. 15-22; *Miller V., Hayward K. J.* «I did my bit»: terrorism, Tarde and the vehicle ramming attack as an imitative event // *British Journal of Criminology*. 2019. № 59. P. 1-23 и др.

³ *de Tarde G.* Преступник и преступление... С. 152.

⁴ *De Tarde G.* Penal Philosophy... P. 4.

⁵ *Ibid.* P. 56.

указывал, что «тождественный характер войны и уголовного преследования» имеет определенные границы: сдача противника, а не смерть виновного является целью судов¹.

Отслеживая историческую эволюцию уголовного процесса, он подробно останавливается на системе доказательств, отказа от пыток, судебных процедурах, роли присяжных и экспертов. По его мнению, при поиске истины чередование традиций и моды (это связано с падением уважения к обычаям предков) сформировало методы исследований преступлений.

В соответствии с принятым в юриспруденции подходом ученый выделял несколько основных мер правовой защиты граждан от преступлений (рис. 3.2.1):

Превентивные меры	↔	Меры возмещения	↔	Репрессивные меры	↔	Меры по ликвидации преступника
-------------------	---	-----------------	---	-------------------	---	--------------------------------

Рис. 3.2.1 - Меры правовой защиты от преступлений (по Г. Тарду)

Именно последнему средству посвящена заключительная глава «Философии наказания». Автор четко обозначает свою позицию: «Смертная казнь, по крайней мере, такая, какая она есть или применялась до настоящего времени, мне противна. [...] Я долго пытался преодолеть это чувство ужаса, но так и не смог этого сделать»². По сути, ученый ведет спор о ее использовании не столько с современниками, сколько с самим собой, убеждая себя (и читателей) в правильности сделанного выбора:

Первый аргумент – риск судебной ошибки при установлении виновности: «как будто такая вещь, как абсолютная уверенность, может существовать в этом мире»³.

Второй аргумент – «эффективность» устрашения: «если мы должны признать, что убиваем просто для того, чтобы вызвать страх, то мы должны убить достаточное количество людей, чтобы вызвать большой страх»⁴.

¹ De Tarde G. Penal Philosophy... P. 58.

² Ibid. P. 554.

³ Ibid. P. 539.

⁴ Ibid. P. 536.

Третий аргумент – «вопиющая аномалия»: «смертная казнь свободно применялась в прежние времена, и в то же время на поле боя число убитых было незначительным; теперь число смертных казней очень мало, но количество войн прискорбно возросло»¹.

Четвертый аргумент – «отвращение, которое она внушает, исчезнет»: зрители больше не увидят «труп, свисающий с виселицы, отрубленную шею, окровавленное туловище или голову с зияющими артериями», потому что «дикое и почти сакральное увечье человеческой формы» сменит удар электрического тока².

И сегодня сохраняют значение некоторые выводы социолога: 1) выступления за отмену смертной казни активизируются во времена кризисов и революций; 2) «каждая страна цепляется за свое традиционное орудие казни также, как за свои погребальные обряды»³; 3) результатом вынесения смертного приговора является привлечение внимания общества к преступлению, за которое применяется это наказание.

Считаем необходимым процитировать одно из рассуждений Г. Тарда: «Природа и общество, все лжет нам, все обманывает нас. Наша жизнь – это одна долгая бессознательная иллюзия, воспроизводится каждое утро. [...] если это так, зачем бояться смерти? Почему наши страхи должны быть менее ложными, чем наши надежды? Страх смерти вдохновляет нас слишком сильно [...]. В конечном счете, она не более непобедима, чем вера в объективную реальность пространства и времени, категориальные формы мышления»⁴. Данные размышления ученого свидетельствуют не только об атеистическом характере его мировоззрения, но и содержат зачатки феноменологического подхода к изучению смерти.

Завершая анализ «Философии наказания», укажем, что Г. Тард подчеркивал полезность учреждения института социального патронажа над освобожденными из заключения малолетними и взрослыми преступниками.

¹ *De Tarde G. Penal Philosophy...* P. 548.

² *Ibid.* P. 564.

³ *Ibid.* P. 533.

⁴ *Ibid.* P. 550-551.

Развивая свою теорию, в «Законах подражания» (1890) социолог классифицировал виды подражания: 1) логические и нелогические, внутренние и внешние (по последовательности и механизму движения); 2) подражание-обычай и подражание-мода (по степени устойчивости); 3) подражание внутри класса и одного класса другому (по социальной природе).

По его мнению, значение археологии заключается в том, что она тоже выявляет подражание: «Археологи создают настоящую социологию, потому что открываемые ими покойники сами по себе не говорят им ничего, и их исследованию подвергаются лишь одни дела этих мертвецов, архаические следы их идей и потребностей»¹.

Функция же социологической статистики (статистики преступлений, самоубийств, сумасшествий) состоит в демонстрации того, что городская жизнь в широких размерах увеличивает социальные недуги, и тем самым способствует сокращению, хотя бы и в слабой степени, широкого подражательного потока, увлекающего жителей деревень в город. Вместе с тем в другой своей работе ученый обращает внимание на неполноту статистических данных о разводах, правонарушениях и суицидах².

Углубившись в анализ истории, исследователь пришел к следующим выводам по поводу рабства: 1) «мысль об обращении человека в рабство вместо того, чтобы убивать и съесть его, могла появиться лишь после идеи приручения животных»; 2) неизбежный и окончательный переход [...] от рабства к взаимным услугам [...] является прямым выводом из законов подражания. Некоторые из них или все они могут перестать действовать, и в таком случае общество умирает полной или частичной смертью»³. Очевидно, что оба вывода излишне прямолинейны и упрощают исторические процессы.

Линия на изучение собственно феномена смерти была продолжена Тардом в книге «Монадология и социология» (1893). Попросив извинения у «друга-

¹ Тард Г. де. Законы подражания : [пер. с фр.]. М.: Академический проект, 2011. С. 89.

² De Tarde G. Penal Philosophy... P. 73.

³ Тард Г. де. Законы подражания... С. 223, 294.

читателя» за «метафизический разгул», автор выдвинул ряд гипотез и концептуальных положений:

1) «Всякий живой вид хочет существовать бесконечно; что-то в нем борется ради его сохранения со всем, что бы ни грозило ему истреблением»¹.

2) «Солнечная система однажды, бесспорно, погибнет, как погибли многие другие, чьи останки мы наблюдаем в небесах»².

3) «Истинная противоположность Я — это не не-Я, а мое, подобно тому как истинная противоположность бытия, то есть имеющего, — это не небытие, а имеемое»³.

4) «Когда одно живое существо убивает ради пропитания другое, то элементы, входящие в состав первого, берутся, быть может, сослужить элементам, входящим в состав второго. [...] высшая жизнь поглощает и усваивает низшую жизнь»⁴.

5) «Нежизнь не обязательно равняется не-бытию, и возражения некоторых философов против возможности существования после смерти стоят не больше, чем доводы скептиков-идеалистов против реальности внешнего мира. [...] Очищение от желания — таково, быть может, объяснение смерти и оправдание жизни»⁵.

В условиях «ренессанса Тарда» (например, Б. Латур заявил, что к «Монадологии и социологии» восходят истоки акторно-сетевой теории⁶) следует учитывать все многообразие творческого наследия социолога. С точки зрения анализа нашей темы, оригинальность умозаключений ученого заключается не в мрачных прогнозах существования планет (напомним, что в этот же период Тардом было написана утопия «Фрагменты истории будущего» (1896)⁷, опубликованная после его смерти), а в постановке проблемы иметь/быть — обесмысливания жизни — задолго до Э. Фромма.

¹ Тард Г. Монадология и социология / пер. с фр. Пермь: Гиле Пресс, 2016. С. 54.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Латур Б. Габриель Тард и конец социального // Социология власти. 2019. Т. 31. № 2. С. 217-239.

⁷ Тард Г. Отрывки из истории будущего / пер. с фр. Бм.: Salamandra P.V.V., 2014.

В монографии «Социальная логика» (1895), не давая развернутых определений, автор оперирует понятиями «психологическая смерть», «физиологическая смерть», «естественная смерть» и т. п., смысл которых более-менее понятен из контекста. Так, он указывает, что субъектам присущи социальное рождение и социальная смерть. Последняя заключается в том, что с течением времени в какой-либо социальной группе умирают «язык, религия, политическое устройство, законодательство, промышленность и искусство»¹.

Не соглашаясь с концепцией «религия была порождением страха», Тард полагал, что она возникает благодаря «разуму, способности координировать и систематизировать»². Вместе с тем социолог утверждал: «Культура ненависти и мести получила значительное развитие под влиянием религий прошлого. Установление вендетты представляет собою род культа ненависти»³.

Он считал, что «если вера и желание превосходят известную степень, то война становится неизбежной». При этом всякая война демонстрирует движение вперед по направлению к завоеванию и установлению всеобщего единодушия: «Солдат дает себя убить за свой полк, полк жертвует собою для армии, армия жертвует собой для населения страны, то есть для торжества политической мысли, задуманной тем человеком или той группой людей, которые в настоящий момент воплощают в себе государство»⁴.

На рубеже XIX-XX веков социолог осуществил сравнительное исследование толпы и публики. По Тарду, в толпе «люди, охваченные экзальтированным чувством своей солидарности и взаимного возбуждения, становятся совершенно чуждыми всему, что стоит вне их группы, теряют сострадание к другим людям, недавно еще – братьям и согражданам, а теперь – чужим и врагам, которых можно только убивать, грабить и сжигать»⁵ (табл. 3.2.1).

¹ Тард Г. Социальная логика / пер. с фр. М.: Соц.-психол. центр, 1996. С. 466.

² Там же. С. 128.

³ Там же. С. 339.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Тард Г. Социальные этюды. СПб.: Ф. Павленков, 1902. С. 124.

Таблица 3.2.1 - Классификация толп (по Г. Тарду)¹

№	Вид		Пример
1	Выжидающая (внимающая)		«вокруг гильотины, в ожидании привода осужденного»
2	Манифестирующая		«несет в процессии флаги или знамена, статуи или реликвии, иногда отрубленные, надетые на пику головы»
3	Действующая	ненавидящая	«казни по закону Линча, тюрьмы, взятые с бою, с целью избияния вызывающих зависть или опасения ненавистных заключенных»
4		обожающая	культ «священного сердца», выставленного в Пантеоне, -- «апофеоз чудовища Марата»
5		траурная	«идущая под гнетом общей печали за гробом друга, великого поэта, национального героя»

Вопреки мнению Г. Лебона о «веке толп», Тард трактовал XIX столетие скорее как «век публики». Она – «менее слепая и более долговечная толпа, и ее более осмысленное озлобление накапливается и длится в течение месяцев и годов. [...] Публика становится преступной скорее из партийных интересов, чем из мести, скорее из трусости, чем из жестокости; она – террорист в силу страха, а не в силу гнева»².

Итак, психолого-социологические штудии Тарда придали дополнительный импульс становлению социологии смерти: 1) была доказана эвристичность методологии, сочетающей выявление причин суицидов на микро- и макроуровнях; 2) отслежена специфика эволюции политических убийств в итальянской истории; 3) исследована социальная детерминация использования и отказа от вендетты и дуэлей; 4) детально выстроена аргументация против чрезмерного применения смертной казни в качестве уголовного наказания; 5) продемонстрированы особенности поведения толпы и публики по отношению к смерти – от созерцания до деятельного «соучастия» в совершении убийств.

Однако сведение объяснений всего многообразия социальных явлений к фактору подражания вызывало возражения уже у многих современников Г. Тарда (о его полемике с Э. Дюркгеймом речь пойдет в третьем параграфе данной главы).

¹ Тард Г. Социальные этюды... С. 107-112.

² Там же. С. 117.

«Одним из принципиальных оппонентов Тарда был **Шарль-Мари Гюстав Лебон (1841-1931)**¹. Он родился в небогатой дворянской семье, получил медицинское образование со специализацией «инфекционист», как врач-доброволец участвовал во Франко-Прусской войне и стал кавалером ордена Почетного легиона. По мнению одних исследователей, его отличали талант и универсальность: умение проводить лабораторные опыты по физике и химии, великолепные навыки верховой езды, разработка психолого-социологических проблем и др.² Иные ученые отзывались о нем критически: он – «дилетант»², его книги «научообразны по форме и публицистичны по содержанию»³.

За свою долгую жизнь ученый совершил много путешествий по Европе, Азии и Африке, где осуществил археологические и антропологические изыскания, материалы которых дали ему разнообразную «пищу» для размышлений об истории человечества, специфике поведения людей и социологии смерти.

Анализ наследия ученого мы начнем с работы, которая обычно оказывалась вне внимания историков социологии. Между тем известно, что тафофобия в форме страха быть заживо погребенным получила широкое распространение в XVIII-XIX веках в Европе. Анатомические манипуляции с телом отчасти гарантировали защиту от совершения врачебной ошибки в констатации смерти. В значительной мере под влиянием этих настроений в городах повсеместно стали открываться морги как особые институции⁴.

¹ *Левченко И. Е.* Гюстав Лебон как эксперт-танатосоциолог: прозрения и заблуждения // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура. Сб. научных трудов / Науч. ред. Т. И. Грабельных. Иркутск: Иркутск. гос. ун-т, 2022. С. 174-178.

² *Gustave Le Bon: the man and his works / A presentation with introd., first transl. into Engl., a. ed. extracts by Alice Widener.* Indianapolis : Liberty press, Cop. 1979. P. 13-41.

² *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии : КПС+, 1998. С. 79.

³ *Лепетухин Н. В.* Жизнь и «психологии» доктора Гюстава Лебона // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 4. С. 767.

⁴ См.: *Богданов К.* Преждевременные похороны. Филантропы, беллетристы, визионеры // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика: Сб. статей. М.: Новое изд-во, 2006. С. 55-80; *Лаврин А. П.* Хроники Харона: Энциклопедия смерти. М.: Моск. рабочий, 1993. С. 224-236; *Морг, место опознания // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.* Т. 19а: Михаила орден — Московский Телеграф. СПб., 1896. С. 837 и др.

Первая монография Г. Лебона «Очевидная смерть и преждевременные захоронения» (1866) сразу же продемонстрировала специфику его теоретического подхода и методов исследования социальных аспектов проблемы смерти.

Как истинный социолог, он последовательно, начиная с данных античных историков и вплоть до репортажей современных журналистов, рассмотрел достоверность сведений о случаях, когда хоронили людей, находившихся в летаргическом сне или ином состоянии без признаков жизни. На примере проверки газетных сообщений о происшествии, якобы имевшим место в 1866 г. в Антверпене, Лебон наглядно разоблачил лживость растиражированной в печати информации, представив в качестве опровержения официальный ответ представителя городских властей¹.

Будучи профессиональным медиком, исследователь выделил основные признаки смерти — остановка дыхания, состояние зрачка, отсутствие сердцебиения, трупное окоченение и др.² Кроме того, он подробно охарактеризовал проявления «кажущейся» смерти – обморок, апоплексию, удушье и др.

С учетом этого Лебон разделил индивидов, похороненных заживо, на две группы: 1) «тех, кто может спонтанно вернуться к жизни»; 2) «тех, кто могут оживать только тогда, когда они помещены в особые условия»³. Закономерно, что в своей книге ученый уделяет особое внимание способам «возвращения к жизни» больных и умирающих.

Отдельная глава монографии посвящена анализу древних и современных погребальных обычаев. Автор, основываясь на том, что «разложение – это явление, которое внушает отвращение, и, которое, однако, мы должны рассматривать с восхищением». Последнее он объясняет тем, что данный способ используется самой природой: продукты разложения органических существ

¹ *Le Bon G. De la mort apparente et des inhumations prématurées. Paris: Librairie d'Adrien Delahaye, 1866. P. 49-51.*

² *Ibid. P. 105-112.*

³ *Ibid. P. 119.*

поглощаются растениями, а затем животными: «материя вечна и вечными также являются метаморфозы, которым она подвергается»¹.

Проведенный экскурс позволил Лебону выделить несколько социально-медицинских проблем, связанных с совершением захоронений и обеспечением санитарно-гигиенической безопасности жителей в различные периоды истории: 1) в Средневековье кладбища перемещались за пределы городов; 2) во время Французской революции (1789-1799) пытались найти экономичные и нравственно приемлемые способы кремации; 3) во второй половине XIX века была обоснована допустимость использования хлорной извести в качестве малозатратного дезинфицирующего средства².

Г. Лебон специально посетил в Германию, где провел экспертный опрос кладбищенских смотрителей, врачей и профессоров медицинских факультетов университетов. Опираясь на материалы интервью и изученные документы, он предложил ряд практических мер, позволявших предотвратить осуществление преждевременных похорон во Франции: 1) до погребения в течение трех дней помещать трупы в покойницкие при кладбищах; 2) не заколачивать полностью крышку гроба; 3) после захоронения в течение восьми дней не закапывать могилу, прикрыв ее настилом³.

Таким образом, книга «Очевидная смерть и преждевременные захоронения», появившаяся на столетие раньше, чем развернулись широкие общественные и юридические дискуссии об «установлении границ смерти», убедительно продемонстрировала результаты успешного прикладного исследования, проведенного Г. Лебоном по этой тематике.

С нашей точки зрения, социолог придерживался социал-дарвинистской позиции, хотя П.-А. Тагиефф определяет ее как «псевдодарвинизм»⁴. Так, в работе «Человек и общество» (1881), проанализировав обычаи антропофагии, инфантицида и геронтоцида у «дикарей», Лебон пришел к выводу, что они

¹ *Le Bon G.* De la mort apparente... P. 146.

² *Ibid.* P. 147-152.

³ *Ibid.* P. 191-208.

⁴ *Тагиефф П.-А.* Цвет и кровь: французские теории расизма / пер. с фр. М.: Ладомир, 2009. С. 75.

появляются в результате «борьбы за существование, которая наблюдается у всех существ»: «эта борьба своего рода» отбор «в каждом поколении наиболее одаренных лиц», при этом, «как для дикаря, так и для цивилизованного человека состояние войны против своих собратьев — естественное состояние»¹.

Исследователь также считал, что большинство религиозных ритуалов происходят из «культа мертвых и привычки предлагать им подарки и жертвоприношения»².

В монографии «Психология народов» (1894) Г. Лебон обосновал свое видение «механики влияния» на поведение индивидуума, выделив три ее составляющие по степени значимости: 1) самая важная роль принадлежит предкам; 2) авторитет родителей; 3) слабое воздействие — физическая и нравственная среда³.

По его мнению, человек, прежде всего, — представитель своей расы. Опираясь этим понятием, он вкладывал в него не столько биолого-анатомическое, сколько культурно-психологическое содержание. Согласно Лебону, раса «должна быть рассматриваема как постоянное существо, не подчиненное действию времени. Это постоянное существо состоит не только из живущих индивидуумов, образующих его в данный момент, но также из длинного ряда мертвых, которые были их предками»⁴.

Мыслитель, критикуя контовскую иерархию во главе с первосвященником, во многом следовал его фундаментальному танатосоциологическому послыу, когда провозглашал: «Умершие поколения передают нам не только свою физическую организацию; они внушают нам также свои мысли. Покойники суть единственные неоспоримые господа живых. Мы несем тяжесть их ошибок, мы получаем награду за их добродетели»⁵.

Г. Лебон придерживался идеи расового детерминизма. Так, сославшись на историю США, он утверждал, что низшие расы осуждены на гибель:

¹ *Le Bon G. L'homme et les sociétés. Paris: Éditions Jean-Michel Place, 1987. P. 107.*

² *Ibid. P. 360.*

³ *Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. С. 19.*

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же.

«Краснокожие, став бесполезными, были истреблены железом и голодом; китайцы-работники, труд которых составляет очень неприятную конкуренцию, скоро подвергнутся той же участи». От негров же стараются избавиться, когда они становятся опасными: «...короткая расправа по закону Линча признается повсюду для них совершенно достаточной. При первом серьезном преступлении их расстреливают или вешают»¹.

Лебон полагал, что фундаментом социальной эволюции является иррационально-волевая, эмоциональная сфера психической жизни — чувства и верования (в первую очередь, религиозные). В основе всех общественных процессов лежит изменение идей, внушаемых массам немногими лидерами посредством утверждения, повторения и заражения. Главным фактором «падения» народов исследователь считал «понижение» их характеров: сомнение и оспаривание абсолютной ценности моральных законов и учреждений неизбежно осуждает общество на скорую смерть.

Развивая свои идеи, в следующей книге «Психология масс» (1895) Лебон доказывал, что поведение индивида в массе (толпе) в значительной мере имеет бессознательный характер, ему свойственны нетерпимость, догматизм, утрата чувства ответственности, умственный примитивизм и т. п. (рис. 3.2.2).

Однородность людей (примат бессознательных представлений) («дух расы»)	⇔	Общий интеллектуальный уровень ниже, чем людей ее составляющих	⇔	Человек способен совершить действия, в обычных условиях представляющихся ему невыполнимыми	⇔	Повышенная эмоциональность и импульсивность
--	---	--	---	--	---	---

Рис. 3.2.2 – Свойства толпы (по Г. Лебону)

По мнению исследователя, «есть такие случаи, когда действиями толпы руководят, по-видимому, таинственные силы, называвшиеся в древности судьбой, природой, провидением и теперь именуемые голосом мертвых»². При этом он признает, что сущность «голоса мертвых» до сих пор неизвестна.

Социолог предложил свою классификацию организованных (одухотворенных) толп (табл. 3.3.2):

¹ Лебон Г. Психология народов и масс... С. 60-61.

² Там же. С. 148.

Таблица 3.2.2 - Классификация организованных толп (по Г. Лебону)¹

№	Тип	Род	Состав
1	Разнородная	анонимная	уличная толпа
		неанонимная	присяжные, парламентские собрания и т. д.
2	Однородная	секта	политическая, религиозная и т. д.
		каста	военная, духовенство, рабочие и т. д.
		класс	буржуазия, крестьянство и т. д.

Лебон, указывая на ошибочность понятия «преступная толпа», подчеркивает, что «преступления толпы всегда вызваны каким-нибудь очень могущественным внушением, и индивиды, принявшие участие в совершении этого преступления, убеждены, что они исполнили свой долг, чего нельзя сказать об обыкновенном преступнике»². Хотя толпа часто бывает преступна, она может пойти на смерть ради торжества какого-нибудь верования или идеи. Толпа легко становится палачом, но также легко она идет и на мученичество. С нашей точки зрения, осуществленный Лебоном анализ противоречий деперсонализации и деиндивидуализации людей в толпе до сих пор сохраняет свою актуальность.

Отметим, что в книге «Психология социализма» (1908) социолог солидаризовался с теорией Т. Мальтуса о роли голода, эпидемий и войн в поддержании равновесия между населением страны и условиями его существования³.

Практически во всех поздних сочинениях автор отчетливо выражал взгляды танатосоциологического характера. Так, в «Политической психологии и социальной защите» (1910) содержатся его рассуждения по многим интересующим нас вопросам:

1) все великие войны человечества (завоевательные, династические, религиозные) чаще всего происходили только как войны рас, единственный серьезный недостаток войн, заключается в том, что «насильственные смерти

¹ Лебон Г. Психология народов и масс... С. 266-268.

² Там же. С. 269.

³ Лебон Г. Психология социализма. СПб.: Макет, 1995. С. 330.

поражают самые стойкие мужественные элементы (уменьшают будущий прирост населения и увеличивают его дебильность)»¹;

2) «для меня смертная казнь — это вопрос целесообразности», «я за очень суровые расправы над преступниками и особенно над больными преступниками, потому что они самые опасные. Будьте уверены, что это произведет на некоторых больных очень лечебный эффект»²;

3) «политические убийства являются одним из проявлений нынешней социальной анархии», они демонстрируют «практический абсурд»: «очевидно, что убитые государи будут немедленно заменены, а режим [...] не изменится. Эти убийства даже вызывают реакции, укрепляющие режим»³.

В книге «Французская революция и психология революции» (1912) Г. Лебон с учетом социально-психологических особенностей определил состав участников событий времен «великих кризисов» — крестовых походов, Реформации, гражданских войн и революций. Ученый выявил сходные элементы в мистическом, революционном и криминальном менталитетах.

Помимо революционеров, он выделил две категории — обычных и случайных («отходы цивилизации») преступников, образующих «армию беспорядка, которая не годится ни для чего, кроме создания расстройств. [...] все основатели религиозных или политических лиг, постоянно рассчитывали на их поддержку»⁴ (табл. 3.2.3).

Таблица 3.2.3 – «Армия беспорядка» (по Г. Лебону)

Преступники	«Полупреступники»
«яростные сектанты», «мистики, всегда готовые убивать, если убийство распространит их веру», фанатики, «мятежники, которые хотят уничтожить общество», убийцы, воры, беглецы от правосудия	дегенераты, алкоголики, бедняки, нищие, обездоленные «случайные люди», «безразличные труженики», бродяги, неадаптированные лица

Обращаясь к прецедентам из французской истории, социолог заключает: «Эта пылающая летопись опустошения доказывает не только силу фанатизма: она

¹ *Le Bon G. La Psychologie politique et la Défense sociale. Paris: E. Flammarion, 1910. P. 85, 91.*

² *Ibid. P. 306.*

³ *Ibid. P. 315.*

⁴ *Le Bon G. The Psychology of Revolution. The Floating Press, 2013. P. 86.*

показывает нам, что происходит с людьми, освобожденными от всех социальных ограничений, и страны, которая попадает в их руки»¹. Его вывод однозначен: «Нельзя экспериментировать с обществом, как с аппаратом в лаборатории»².

Опираясь на психолого-социологическую методологию, Лебон исследовал влияние религии, образования, прусской военной системы и объединения Германии на формирование национального менталитета противника. Поэтому в «Психологии Великой войны» (1915) его рассуждения о причинах резни, поджогах и грабежах, базирующиеся на анализе записных книжек немецких военнопленных и других документах, выглядят достаточно убедительно, но его указание на роль «расовой ненависти» в военном противостоянии не вызывает доверия.

При всем том, что Г. Лебон подробно разбирал преимущества новой тактики боя, значение фортов и траншей, артиллерии и боеприпасов, морских и воздушных сил в современной войне, он высоко оценивал значимость именно духовного фактора: «Жизнь — драгоценное достояние человека, но он с готовностью жертвует им при определенных обстоятельствах, [...] которые являются сильнее, чем инстинкт самосохранения. Мужество — это сопротивление естественному страху смерти»³.

Будучи в весьма преклонном возрасте, в книге «Разбалансированный мир» (1923) он поставил пессимистический диагноз последствиям Первой мировой войны: «Мы сейчас являемся свидетелями рождения двух или трех центров верховенства в разных частях мира, становление и эволюция которых регулируются следующим психологическим законом: каждая растущая нация стремится, прежде всего, к господству, и затем к уничтожению соперничающих государств»⁴. Данный вывод полностью подтвердился спустя полтора десятилетия. Неслучайно, что интерес к работам Г. Лебона проявляли

¹ *Le Bon G. The Psychology of Revolution...* P. 199.

² *Ibid.* P. 298.

³ *Le Bon G. The Psychology of the Great War.* New York: The Mackmillan company, 1916. P. 284.

⁴ *Le Bon G. The World Unbalanced.* London: T. F. Unwin ltd., 1924. P. 284.

крупнейшие политики первой половины XX века – Т. Рузвельт, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Б. Муссолини, А. Гитлер и др.

Публикационная плодовитость ученого соответствовала читательским запросам современников, его труды переиздаются и в наши дни. Зарубежные (Ф. Гиддингс, Дж. Г. Мид, С. Московичи, П.-А. Тагиефф и др.) и отечественные (Е. П. Белинская, Н. В. Лепетухин, А. В. Окатов, М. В. Почакалов и др.) ученые, в целом, позитивно отзываюся о творчестве французского социолога. В качестве его заслуг выделяют: вклад в конституирование социологической науки, эффективное применение метода наблюдения и теоретико-эмпирический анализ деперсонализации личности. В плане становления танатосоциологии добавим к этому перечню верность контовской традиции, изучение похоронных практик, криминального поведения и феномена смерти на войне. Однако, мы разделяем мнение исследователей о том, что штудиям Г. Лебона были присущи изъяны, снижавшие их научную ценность: психобиологический детерминизм, ксенофобия, антиэгалитаризм и “культивирование” краниометрии»¹.

Весомый вклад в развитие французской и мировой социологии внес **Рене Вормс (1862-1926)**. Он родился в семье профессора политической экономии, сохранившей верность иудаизму, что отразилось и на воспитании мальчика. Рене прошел обучение в провинциальном и столичном лицеях, окончил престижную Высшую нормальную школу (далее – ВНШ), получил докторские степени по праву (1891), словесности, политическим наукам и экономике (1896). Молодой юрист быстро продвинулся по профессиональной лестнице (адвокат (1891-1894), аудитор Государственного совета (1894-1905)), зарекомендовал себя как талантливый исследователь (член Академии моральных и политических наук (с 1892), Высшего статистического совета (с 1897)) и работник вуза (преподаватель Парижского университета (1895-1897) и ВНШ (с 1897), адъюнкт-профессор университета в Кане (1897-1902), почетный профессор Торгового института в

¹ Левченко И. Е., Полюшкевич О. А. Просоциальные практики трактовки смертности: расово-антропологический и социокультурный аспекты // Acta Biomedica Scientifica (East Siberian Biomedical Journal). 2022. Т. 7. № 3. С. 64-74.

Париже (с 1902)). За свои заслуги Вормс был удостоен ордена Почётного легиона (1905) и в конце жизни стал государственным советником (1924)¹.

Впервые к анализу феномена смерти ученый обратился в книге, посвященной творчеству Б. Спинозы, за которую ему была вручена премия Академии моральных и политических наук (1892). Так, сравнив философию Спинозы и Паскаля, он утверждал: «Паскаль любит страдания, Спиноза любит радости. Паскаль мыслить о смерти, Спиноза же пишет, что мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни»². Автор выявил тесную связь между метафизическим и моралистическим монизмом Спинозы и иудаизмом, всю метафизику которого, по Вормсу, можно выразить фразой «существует Бог, Он един, Он велик», а всю мораль – словами «повинуйся Богу». По его мнению, ум Паскаля был устремлен на прошедшее, взорам голландского рационалиста и пантеиста открывалось будущее.

Вормс представлял теорию вечности Б. Спинозы следующим образом: «Человеческая душа, вечная по своей сущности, может через разум достигнуть до познания своей вечности и вкусить высшее блаженство, почувствовав себя живущей в высшем мире, не переставая пребывать в то же время в смертном теле. Бессмертие предполагает смерть организма; вечностью же душа обладает уже при самой жизни человека на земле»³.

Выступая с позиций органицизма, ученый ратовал за «союз» социологии и биологии. Указывая на аналогии между организмом и обществом, он подчеркивал необходимость учитывать их сходство и различия. Основные положения данного подхода были изложены им в монографии «Общественный организм» (1896) (рис. 3.2.3)⁴.

¹ *Dhermy-Mairal M.* La sociologie de René Worms (1869-1926), *Les Études sociales // Revue d'histoire des sciences humaines.* 2017. № 30. P. 295-297.

² *Вормс Р.* Мораль Спинозы: Изучение ее принципов и влияния, произведенного ею в новейшие времена / пер. с фр. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1905. С. 22.

³ Там же. С. 150.

⁴ *Вормс Р.* *Общественный организм* / пер. с фр. СПб.: Ф. Павленков, 1897. С. 7, 9, 10, 21.

«Организм – это живое целое, состоящее из живых частей».
⇕⇕⇕
«Живые тела постоянно изменяют свой состав. В них постоянно происходит всякое движение: 1) поглощение и сплочение (интеграция); 2) извержение и расчленение (дифференциация)».
⇕⇕⇕
«Организм каждую минуту растет и убывает. Перевес роста над убылью и составляет силы, поддерживающие жизнь».
⇕⇕⇕
Общество – «прочное соединение живых существ, проявляющих свою деятельность сообща».
⇕⇕⇕
«Общества, подобно организмам, подвержены смерти».

Рис. 3.2.3 – Органицизм Р. Вормса

Социолог отмечал, что «невозможно доказать логически, почему человек должен стариться и умирать [...]. Если доказательство немислимо для отдельного лица, тем более оно немислимо для общества. Правда, что касается организма, то тут, за неимением теоретического доказательства есть опытное, и одно из самых сильных: [...] мы не знаем ни одного организма, [...] который не умер»¹.

Полагая, что «борьба за жизнь такой же всеобщий закон в обществах, как и в отдельных организмах», он классифицировал феномен борьбы: на первом месте находится война, далее расположились промышленная («нередко не менее смертоносная»), политическая, дипломатическая («она вовсе не ведет к смерти») и умственная («побежденный не убивается») борьба².

В сочинении Вормса легко обнаруживаются рассуждения, созвучные Контю: 1) «мы отвергаем насилие во имя народных интересов, так как для общества совершать переворот — значит разрывать себя собственными руками»; 2) «превосходство эволюции над революцией»; 3) «как для отдельных лиц, так и для обществ, цель терапии — предохранять жизнь от причин разрушения, которые угрожают ей, отдалять время смерти»³.

При этом он активно полемизировал с Г. Спенсером, К. Марксом и социалистами по поводу благотворительности, отстаивая ее полезность для социума.

¹ Вормс Р. Общественный организм... С. 196.

² Там же. С. 159-160.

³ Там же. С. 216, 217.

Вормс утверждал: «...общество не отвлеченная сущность, витающая над особями, этими единственными конкретными существами: оно само — реальное существо, в котором человеческие единицы составляют лишь части, — существо, внутри которого они рождаются, живут, развиваются и умирают»¹. Его, безусловно, можно отнести к сторонникам социологического реализма.

Полагаем, что взгляды социолога на танатосоциологические проблемы во многом сформировались не только благодаря чтению трудов мыслителей прошлого и ученых-современников, но и под влиянием иудаизма.

И все же в качестве одного из «краеугольных камней» в фундаменте танатосоциологии оказалось не столько научное наследие Р. Вормса (не отличающееся особой эвристичностью), сколько его дар организатора.

Будучи ещё молодым человеком, именно он создал первое специализированное периодическое издание (по сути, ежегодник) — «Международный социологический журнал» (1893). Ему удалось привлечь в состав интернационального редакционного совета весьма заметные фигуры того времени. На обложке первого номера среди 42 членов мы видим имена выдающихся социологов (Л. Гумплович, М. М. Ковалевский, Ш. Летурно, Я. А. Новиков, Г. Тард, А. Ф. Х. Шеффле, А. В. Эспинас), демографа Ж. Бертильона, антрополога Э. Б. Тайлора, психолога Т. А. Рибо, физиолога Ш. Р. Рише, географа Ж. Д. Ф. Шрадера, археолога Дж. Леббока, востоковеда Ж. Дармстетера и др.²

Программа журнала предусматривала разнообразие рубрик, открытость для представителей различных научных направлений, опору на тщательное исследование фактов при выработке рекомендаций для решения актуальных социальных вопросов, полную независимость сотрудников издания и др.³

В издании публиковались классики европейской, русской и американской социологии. К числу наиболее важных для становления танатосоциологического знания статей, напечатанных в первые десять лет, можно отнести следующие:

¹ Вормс Р. Общественный организм... С. 228.

² Revue Internationale de Sociologie. 1893. № 1.

³ Notre programme // Revue Internationale de Sociologie. 1893. № 1. P. 1-3.

Ж. де Ляпуж «Жизнь и смерть народов» (1894)¹, П. Ф. Лилиенфельд-Тоаль «Социальная патология» (1895)², П. д'Инджой «Культ смерти в Китае» (1897)³, В. С. Соловьев «Смертная казнь» (1898)⁴, Д. Кампеано «Сила коллективного духа в войнах» (1902)⁵ и др. Все они способствовали формированию предметного поля социологии смерти.

Обширным и содержательным был раздел, где размещались рецензии на новинки мировой социологической литературы (в том числе, книги танатосоциологической направленности⁶), кроме того, читателей регулярно информировали о социальном развитии различных стран и крупнейших мероприятиях, происходивших в научной среде.

Еще одно полезное начинание Р. Вормса — выпуск издательской серии «Международная социологическая библиотека» (с 1895), в рамках которой были изданы труды крупнейших социологов, некоторые из них (например, Л. Гумплович, М. М. Ковалевский, Г. Тард и др.) обращались к анализу проблемы смерти.

Вормс также выступил в качестве учредителя Международного института социологии (далее — МИС) (1893). «Ядро» института составили ученые, входившие в редакционный совет «Международного социологического журнала». Согласно уставу, в организацию входили сто действительных и двести ассоциированных членов, которые собирались ежегодно для совместного обсуждения социологических вопросов и избрания бюро, включающего председателя и четырех его заместителей. Хотя генеральный секретарь избирался сроком на десять лет, но Вормс занимал этот пост с возникновения института до своей смерти в 1926 г.

¹ *De Lapouge G.* La vie et la mort des nations // *Revue Internationale de Sociologie.* 1894. № 2. P. 421-436.

² *Lilienfeld P.* La Pathologie sociale // *Revue Internationale de Sociologie.* 1895. № 3. P. 388-421.

³ *Enjoy P. d'.* Le culte des morts en Chine // *Revue Internationale de Sociologie.* 1897. № 5. P. 210-218.

⁴ *Solovieff V.* De la peine de mort // *Revue Internationale de Sociologie.* 1898. № 6. P. 181-195.

⁵ *Campeano D.* La force de l'ame collective dance les guerres // *Revue Internationale de Sociologie.* 1902. № 10. P. 641-651.

⁶ См., например, рецензии на монографии, посвященные суициду: *Worms R.* Emile Durkheim. Le suicide // *Revue Internationale de Sociologie.* 1898. № 6. P. 378-380; *Schnerb H.* Proal L. Le crime et le suicide passionnels // *Revue Internationale de Sociologie.* 1901. № 9. P. 697-699.

Исследователи (Т. Н. Кларк, В. П. Култыгин, М. Ю. Сушкова и др.), признавая элитарный характер первого интернационального объединения социологов, справедливо подчеркивают, что его деятельность была направлена на исследование актуальных научных и социальных проблем. Институт создал благоприятные условия для развертывания постоянных контактов между специалистами из разных стран, способствовал развитию теоретико-методологических основ науки и обмену опытом проведения прикладных проектов. Также по инициативе французских исследователей было открыто Парижское общество социологов.

МИС послужил платформой для организации Международных социологических конгрессов. Так, в Лондоне (1906) обсуждались различные аспекты классовой борьбы (война как форма исторической борьбы, биологическая борьба, роль войны в истории, влияние духовных факторов на классовую борьбу, конфликт рабочих и безработных), при этом был подвергнут критике эволюционный подход¹.

Подытоживая анализ процесса становления французской танатосоциологии, можно сформулировать ряд выводов:

1) в рамках позитивистской традиции Ж.-Г. Тард способствовал формированию новой отрасли научного знания, рассмотрев на микро- и макроуровнях различные виды насильственной смерти, причины и обстоятельства их совершения, кроме того, он одним из первых ввел в социологию понятия «психологическая смерть», «физиологическая смерть», «естественная смерть» и др.;

2) Ш.-М. Г. Лебон инициировал эмпирические исследования погребальных практик. В фокусе его внимания также были криминальное поведение и феномен смерти на войне;

3) в рамках психолого-социологического направления проявилась тесная взаимосвязь фундаментальных и прикладных исследований, продолжился

¹ *Schuerkens U.* Les Congrès de l'Institut International de Sociologie de 1894-1930 et l'internationalisation de la sociologie // *International Review of Sociology.* 1996. V. 6. № 1. 1996. P. 7-24.

постепенный «переход» от умозрительных конструкций к практико-ориентированным изысканиям;

4) органицистский подход Р. Вормса к изучению смерти не отличается оригинальностью, его главные заслуги заключаются в выпуске первого специализированного периодического издания «Международный социологический журнал», учреждении Международного института социологии и Парижского общества социологов, проведении Международных социологических конгрессов, которые стали «площадками» для обсуждения танатосоциологических проблем.

3.3. Социология смерти в Дюркгеймовской школе

Институализация социологии смерти неразрывно связана с историей Французской социологической школы, поэтому вначале обратимся к анализу вклада основателя школы в этот процесс.

Давид Эмиль Дюркгейм (1858-1917) вырос в семье потомственных раввинов (в научной литературе неоднократно обсуждался вопрос о степени влияния еврейского происхождения и иудаизма на взгляды и жизненный путь социолога¹). Эмиль выбрал светское (философское) образование, окончив ВНШ (1882), среди его соучеников были будущие «звезды» – философ А. Бергсон и политик Ж. Жорес. Позднее он прослушал ряд курсов в университетах Германии (1885-1886). Авторитетами для себя Дюркгейм считал Р. Декарта, И. Канта, О. Конта, Э. Ренана, И. Тэна и некоторых других, что не исключало критического отношения к ним (например, его оценка «позитивистской метафизики» основоположника социологии²).

В условиях Belle Epoque его академическая карьера складывалась непросто: он, еврей и интеллигент, патриот и демократ, секулярист и дрейфусар,

¹ См.: *Fournier M.* Durkheim's life and context: something new about Durkheim? // *The Cambridge Companion to Durkheim*. Ed. by J. C. Alexander, Ph. Smith. Cambridge University Press, 2008. P. 44-48; *Winfield T. P.* Rereading Durkheim in light of Jewish law: how a traditional rabbinic thought-model shapes his scholarship // *Theory and Society*. 2020. № 49. P. 563–595 и др.

² *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. М.: Канон, 1995. С. 17, 144-148.

девиантолог и солидарист, прошел путь от успешного преподавателя в провинции (1887-1902) до влиятельного советника в столичном министерстве (1902-1917)¹. Его жизнь прервала Первая мировая война: погиб сын исследователя Андре-Арманд (1892-1915), 293 его студента отправились на фронт и 104 из них были убиты² – эти потери нанесли по самоочувствию Дюркгейма смертельный удар, после которого он уже не оправился.

Ученый был противником биологических, социал-дарвинистских и психологических интерпретаций социальной жизни. Он с большим вниманием и уважением относился к трудам историков (в частности, Ф. де Куланжа). В своей первой крупной работе «О разделении общественного труда» (1893) социолог поставил задачу «исследовать факты нравственной жизни методом позитивных наук», «наблюдать, описывать, классифицировать и искать объясняющие их законы»³.

По Дюркгейму социология имеет следующую структуру (рис. 3.3.1):

<i>Социальная морфология</i>	<i>Социальная физиология</i>	<i>Общая социология</i>
«Исследование географической основы жизни народов в ее связях с социальной организацией. Исследование народонаселения, его объема, плотности, размещения на территории»	«Социология религии, социология морали, юридическая социология, экономическая социология, лингвистическая социология, эстетическая социология»	

Рис. 3.3.1 - Основные разделы социологии (по Э. Дюркгейму)⁴

Исследуя формы солидарности, социолог указывал на доминирующую роль коллективного (общего) сознания («совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества»⁵) в определении того, что считать преступлением и наказанием. Он подчеркивал, что «преступление – это не только нарушение интересов, даже серьезных, это оскорбление авторитета, в своем роде трансцендентного»⁶.

¹ См.: *Осипова Е. В.* Социология Эмиля Дюркгейма. 2-е изд. М.: ИСПИ РАН, 2000; *La Capra D.* Emile Durkheim: Sociologist and Philosopher. The Davies Group, Publishers, 2001; *Thompson K.* Emile Durkheim. 2nd ed. Routledge, 2002 и др.

² *Lukes S.* Emile Durkheim: His Life and Work, a Historical and Critical Study. Stanford University Press, 1985. P. 548.

³ *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / пер. с фр. М.: Канон, 1996. С. 39.

⁴ *Он же.* Социология... С. 237.

⁵ *Он же.* О разделении общественного труда... С. 87.

⁶ Там же. С. 93.

Поэтому месть, вендетта, смертная казнь и т. п. имеют сходную природу: «наказание, по существу, состоит во внушенной страстью реакции различной степени интенсивности, осуществляемой обществом через посредство установленного органа в отношении тех своих членов, которые нарушили известные правила поведения»¹.

Однако М. М. Ковалевский, характеризуя теорию наказания социолога как оригинальную, обосновано указывает на историческую ошибочность «формулы развития уголовного права»: «Дюркгейму совершенно чуждо представление о том, что одно и то же деяние могло казаться обществам, переживающим родовую фазу общежития, доблестным и преступным, смотря по тому, против кого оно было направлено»².

Вместе с тем именно в этой монографии ученый приступил к историко-социологическому анализу суицида³. С его точки зрения, во-первых, «редкость добровольных смертей в первобытных обществах – лучшее доказательство могущества и универсальности инстинкта самосохранения», во-вторых, «самоубийство появляется только с цивилизацией», в-третьих, в «низших обществах» это акт самоотречения, потому что «моральные или религиозные предписания принуждают» к тому, в-четвертых, «настоящее самоубийство» «находится в эндемическом состоянии у цивилизованных народов» и «свирепствует в городах», в-пятых, «свободные профессии поражены более других», в-шестых, рост числа суицидов – признак того, «что общее счастье общества уменьшается»⁴.

Во второй книге «Правила социологического метода» (1895) Э. Дюркгейм продемонстрировал эвристические возможности и результативность своего исследовательского подхода. Отправной точкой послужило утверждение о том, что «социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда... С. 105.

² Ковалевский М. М. Сочинения в 2 т. СПб.: Алетейя, 1997. Т. 2. С. 130.

³ Левченко И. Е. Суициды в городской среде (историко-социологический экскурс) // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сб. научных трудов. Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. С. 161-167.

⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда... С. 252-255.

нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение»¹. Далее ученый доказывал, что «социальный факт можно назвать нормальным для определенного социального вида только относительно определенной фазы его развития»².

Применив диалектический метод, он пришел к «парадоксальному» выводу: «существование преступности само по себе нормально» – «для того чтобы исчезли убийцы, нужно, чтобы увеличилось отвращение к пролитой крови в тех социальных слоях, из которых формируются ряды убийц, а для этого нужно, чтобы оно увеличилось во всем обществе»³.

Его объяснение достаточно убедительно: «преступник вовсе не существо, отделенное от общества», «это регулярно действующий фактор социальной жизни». Отвергая упреки в «апологии преступления», социолог утверждал: «Если преступление есть болезнь, то наказание является лекарством»⁴.

В эпистемологии Дюркгейма причинность занимала особое место⁵. Он настаивал на взаимообусловленности причинно-следственных связей: «существует масса социальных явлений» (например, преступление, самоубийство), «происходящих на всем пространстве общества, но принимающих различные формы в зависимости от местности, профессии, вероисповедания и т. д.»⁶. По его мнению, нужно отдельно исследовать порождающие их реальные причины и выполняемые ими функции, сравнивая одни феномены с другими.

Дюркгейм считал, что «в целом изложенный метод отличается следующими признаками»: 1) «он независим от всякой философии»; 2) объективен – «он весь проникнут идеей, что социальные факты суть вещи и должны рассматриваться как таковые»; 3) «он является исключительно социологическим»⁷.

Неисповедимы пути, которые ведут специалиста к научному и общественному признанию. Так, словацкий ученый **Томаш Масарик (1850-1937)**

¹ Дюркгейм Э. Социология... С. 30.

² Там же. С. 65.

³ Там же. С. 72, 73.

⁴ Там же. С. 76, 77.

⁵ Роулз Э. У. Эпистемология Дюркгейма: незамеченный аргумент // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 94-106.

⁶ Дюркгейм Э. Социология... С. 127.

⁷ Там же. С. 132.

защитил диссертацию на тему «Самоубийство как массовое социальное явление современной цивилизации» (1879) и затем опубликовал монографию (1881)¹. Но его первенство в социологическом «открытии» суицида оказалось в тени третьей работы Дюркгейма «Самоубийство» (1897).

С опорой на статистические материалы Масарик выявил факторы (природно-географические, космические, пищевые), способные повлиять на уровень суицидов в городах и странах. Особое внимание ученый уделил анализу социально-демографической информации о населении: физическое состояние, здоровье, смертность, половозрастной состав, численность, плотность, брачность, частота суицидов в связи с внебрачной рождаемостью, среди стариков и заключенных и др.

В книге феномен самоубийства отслеживается в контексте политических отношений (политические кризисы, революции, волнения, война, милитаризм, всеобщая воинская обязанность и др.) и экономических условий (бедность, богатство, изменения в активах, плохие результаты урожая, финансовый кризис и др.)².

Масарик подробно исследовал мотивацию самоубийств: а) аффект, страсть (безответная любовь, амбиции, бред); б) усталость от жизни; в) алкоголизм; г) блуд; д) убийство; е) «спекуляция». Социолог стремился установить взаимосвязи мотиваций самоубийств с сезоном, местоположением, родом занятий, национальностью и другими данными о суицидентах.

В отличие от последующих дюркгеймовских изысканий словацкий социолог подробно классифицировал самоубийства с психологической точки зрения, кроме того, он типологизировал их в соответствии с формами и средствами совершения. С позиций сравнительно-исторического подхода Масарик попытался определить векторы развития суицидальных тенденций среди греков, римлян, в Средние века и времена Ренессанса, в последующие эпохи.

¹ Masaryk T. G. Suicide and the meaning of civilization. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

² Ibid.

В итоге, он пришел к выводу, что фактор модернизации послужил одной из основных причин роста числа самоубийств. Социолог считал, что увеличение количества суицидов является непреднамеренным последствием повышения уровня образования. Это ознаменовало, по его мысли, переход от традиционного типа мышления к мышлению современного типа, то есть рациональному, в рамках которого оформляется идея самоубийства как способа разрешения индивидуальных проблем.

Исповедуя евангелизм, Масарик был убежден в том, что только Бог дает человеку необходимые смыслы бытия, утешение, надежду, любовь и радость. По его мнению, утрата религиозной укорененности, широкое распространение безбожия («оставить Бога означает потерять себя, утратить моральные ценности») привели к суицидам как массовому социальному явлению. Отметим, что исследователь в полной мере постарался учесть конфессиональный аспект этой социальной патологии.

Завершают его книгу рекомендации по социальной профилактике и терапии суицида, где в качестве наиболее действенного средства рекомендуется неформализованная религиозность¹.

Вероятно, в относительной неизвестности монографии Масарика «виноваты» несколько обстоятельств: 1) «периферийность» автора из Центральной Европы; 2) его вовлеченность в общественно-политическую деятельность и невозможность уделять нужное время «продвижению» своих разработок.

При этом некоторые исследователи (например, Э. Гидденс²) считают, что монография словацкого ученого оказала влияние на французского социолога. Полагаем, что этот вопрос заслуживает дополнительного изучения, выходящего за рамки нашей диссертации.

Вернемся к книге французского исследователя. Дюркгейм, исходя из того, что без помощи вспомогательных дисциплин (истории, этнографии, статистики)

¹ Masaryk T. G. Op. cit.

² Giddens A. Introduction // Masaryk T. G. Op. cit. P. XII.

«социология совершенно бессильна»¹, утверждал: «Причины смерти чаще лежат вне нас, чем внутри нас»².

С его точки зрения, «самоубийством называется всякий случай смерти, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершённого самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах»³. Отметим, что данная дефиниция позволяет считать суицидом случаи добровольной героической смерти, что не соответствует сущности этого феномена.

Социолог полагал, что количество суицидов по отношению к численности населения является функцией нескольких социальных переменных: взаимоотношений в конфессиональных, семейных, этнических и политических группах. Доказывая свою точку зрения, ученый исключал из рассмотрения «психоорганическое предрасположение» индивидов, процесс подражания и физическую среду, хотя он учитывал взаимодействие социальных и несоциальных факторов и подчеркивал значение интеграции общества, солидарности между его членами.

Сопоставив статистику самоубийств по нескольким европейским странам, Дюркгейм сделал ряд важных выводов: 1) мужчины прибегают к суициду чаще, чем женщины; 2) протестанты более склонны к суициду, нежели католики; 3) «брак почти наполовину уменьшает склонность к самоубийству»; 4) «начиная с января число самоубийств регулярно увеличивается из месяца в месяц вплоть до июня, а начиная с этого момента до конца года неизменно падает»; 5) «перевес» оказался «на стороне дневных самоубийств»; 6) «самоубийство больше всего развито в высших слоях общества»; 7) «бедность предохраняет от самоубийства, потому что сама по себе служит уздой»; 8) репрессивные политические системы создают в стране суицидальную обстановку⁴.

¹ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд: Пер. с фр. СПб.: Союз, 1998. С. 4.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 109, 116, 185, 194, 296.

Однако социолога не удовлетворяла классификация суицидов, предложенная его современниками: 1) маниакальное самоубийство; 2) самоубийство меланхоликов; 3) самоубийство одержимых навязчивыми идеями; 4) автоматическое и импульсивное самоубийство¹.

Свою типологию самоубийств исследователь выводил не из индивидуальных мотивов (их множество и зачастую они неизвестны), а из специфических состояний общественного сознания, объясняющих характер взаимоотношений индивида и социальной группы (табл. 3.3.1)².

Таблица 3.3.1

Типология суицидов (по Э. Дюркгейму)

№	Тип	Источник	Второстепенные вариации
1	Эгоистическое	Бесстрастие	Вялая меланхолия, услаждающаяся собой Рассудочное равнодушие скептика
2	Альтруистическое	Страстная или волевая энергия	Обязательное – совершается со спокойным чувством долга Факультативное – со спокойной храбростью Чисто альтруистическое – с мистическим энтузиазмом
3	Аномичное	Раздражение, отвращение	Горячий протест против жизни вообще Горячий протест против определённого лица (убийство, сопровождаемое самоубийством)
4	Фаталистическое	Страсти жестко ограничены дисциплиной	Неизбежность и непреклонность правил, против которых человек бессилен

Как известно, Дюркгейм ввел в научный оборот понятие «аномия», подразумевая под ним состояние ценностно-нормативного вакуума, характерного для переходных и кризисных периодов или когда старые нормы и ценности перестают действовать, а новые еще не установились.

В результате своих изысканий ученый подробно охарактеризовал три основных типа самоубийств: 1) эгоистическое, причиной которого служит крайний индивидуализм, ведущий к разрыву социальных связей; 2) альтруистическое – в этом случае недостаточно развитая индивидуальность ведет к такому же финалу, общество побуждает сделать это; 3) аномичное – оно

¹ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство... С. 47-50.

² Там же. С. 347.

обусловлено социальной дезорганизацией, когда люди не могут приспособиться к новым социальным условиям¹. Помимо этого, он чрезвычайно кратко описал фаталистический суицид как результат излишней регламентации жизнедеятельности индивида².

Кроме того, социолог выделил три смешанных типа суицидов (табл. 3.3.2)³.

Таблица 3.3.2

Смешанные типы суицидов (по Э. Дюркгейму)

<i>№</i>	<i>Тип</i>	<i>Источник</i>
1	Эгоистично-аномичное	Смесь возбуждения и бесстрастия, действия и мечтательности
2	Аномично-альтруистическое	Возбужденное отчаяние
3	Эгоистично-альтруистическое	Меланхолия, умеряемая известной моральной твёрдостью

Книга корифея суицидологии получила широкую известность у заинтересованной читающей публики, ее исчерпывающий анализ провели зарубежные (Р. Арон, Ф. Беснард, Э. Гидденс, Д. Ла Капра, Р. Коллинз, С. Люкс, Д. А. Нильсен, У. Пиккеринг, К. Томпсон и др.) и отечественные (А. Б. Гофман, М. М. Ковалевский, С. А. Кравченко, Е. В. Осипова, П. А. Сорокин, Г. Б. Юдин и др.) специалисты.

Так, Дж. Александер справедливо делает акцент на том, что, с точки зрения Дюркгейма, самоубийство человека демонстрирует добровольное соблюдение патологической нормы коллективного порядка. Несмотря на все свои возражения против индивидуалистических объяснений, социолог выделяет сугубо личные чувства саморазрушения. В итоге, именно изменения в общественном сознании, а не объективная неспособность жертвы к функциональной адаптации приводят к суициду. Таким образом, в данной книге автор «ведет тонко завуалированную полемику против любого материалистического объяснения вообще»⁴.

¹ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство... С. 168-326.

² Там же. С. 359 прим.

³ Там же. С. 326-359.

⁴ Alexander J. C. The antinomies of classical thought: Marx and Durkheim. University of California Press, 1982. P. 228-229.

Как показали дальнейшие исследования, все же дюркгеймовский подход оказался весьма плодотворным. Так, современный французский социолог Н. Деффонтен «заново открыл» «забытый» тип фаталистического самоубийства. Опросив социальных работников, соседей, коллег, волонтеров и сотрудников ассоциации, поддерживающей сельскохозяйственных работников, находящихся в трудном положении, он установил, что суициды молодых фермеров зачастую обусловлены избыточным регулированием их межличностных отношений, труда и быта со стороны собственной и родительской семей¹.

Монография Дюркгейма, оказавшая существенное воздействие на развитие мировой социологии, по-прежнему остается предметом обсуждения и критики по нескольким направлениям:

- 1) степень достоверности данных статистики самоубийств – о них узнают из заявлений членов семьи;
- 2) малая возможность определения частоты попыток суицида;
- 3) сложность установления корреляции между показателями самоубийств и конфессиональной принадлежностью суицидентов;
- 4) выявление взаимосвязи между психопатологией и социальными обстоятельствами².

Преподавая в учебных заведениях, ученый обязательно включал в свои курсы освещение вопросов танатосоциологической направленности, например, в университете Бордо: «Суицид» (1889-1890), «Криминальная социология» (1892-1894), «Наказание, ответственность: процедуры» (1893-1894)³. Благодаря неустанным усилиям Дюркгейма и его соратников социология постепенно приобрела во Франции легитимность — университетскую, академическую, научную и социальную⁴.

¹ *Deffontaines N.* Le suicide fataliste revisité. Les agriculteurs : une loupe sociale pour l'étude de ce type oublié // *Sociologie*. 2020. № 2, vol. 11. P. 113-129.

² См.: *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли / пер. с франц. М.: Прогресс : Универс, 1993. С. 340-342.

³ См.: *Fournier M.* Marcel Mauss: A Biography. Princeton: Princeton University Press, 2006. P. 21-22.

⁴ *Каради В.* Стратегии повышения статуса социологии школой Эмиля Дюркгейма // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. Том VII. № 5. С. 12-49.

Здесь уместно напомнить о многолетней полемике между Г. Тардом и Э. Дюркгеймом¹, завершившейся одним из самых известных в истории социологии диспутов (1903), в котором первый потерпел «поражение» от второго. Современные иностранные (Б. Латур, Я. Любек, С. Люкс, Р. Найзен, Д. Тоуэс и др.) и российские (А. В. Курамшев, А. С. Титков, А. А. Широков и др.) ученые не склонны интерпретировать дискуссию в категориях «войны». Практически все согласны в том, что оппоненты отстаивали принципиально разные позиции: Г. Тард — номинализм и психологизм, Э. Дюркгейм — реализм и социологизм. В начале XXI века их концепции оказались в равной степени востребованными для объяснений: криминологические — причин преступности² и суицидологические — социальной обусловленности самоубийств³.

Прежде чем перейти к анализу последней крупной прижизненно опубликованной монографии Дюркгейма, отметим, что ее автор многое сделал для того, чтобы социология стала основой общественных преобразований в Третьей Республике. При активной поддержке исследователя в 1905 г. во Франции был принят закон о свободе совести. Согласно его нормам, «Республика не признает государственными, не оплачивает, не субсидирует никаких культовых учреждений. [...] Впредь запрещается воздвигать или помещать религиозные символы на общественных памятниках или в каких-либо общественных местах»⁴.

Так что книга «Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии» (1912) в полной мере отражала научные и общественно-

¹ См.: *Пурнен М.* Социология и социальные науки (Дебаты Тарда и Дюркгейма) // *Социология власти.* 2019. № 31 (4). С. 215-222; *Tarde G.* Contre Durkheim à propos de son Suicide // *Le Suicide un siècle après Durkheim* / ed. M. Berlandi et M. Cherkaoui. Paris: Les Presses universitaires de France, 2000, pp. 219-255.

² См.: *Захарова М. В.* Социологическое направление во французской криминологической доктрине: историческое прошлое // *Международный пенитенциарный журнал.* 2015. № 1. С. 92-95.

³ См.: *Abrutyn S., Mueller A. S.* Reconsidering Durkheim's Assessment of Tarde: Formalizing a Tardian Theory of Imitation, Contagion, and Suicide Suggestion // *Sociological Forum.* 2014. Vol. 29. Is. 3. P. 698-719; *Niezen R.* The Durkheim-Tarde debate and the social study of aboriginal youth suicide // *Transcultural Psychiatry.* 2015. Vol. 52 (1). P. 96-114; *van Tubergen F., te Grotenhuis M., Ultee W.* Denomination, Religious Context, and Suicide: Neo-Durkheimian Multilevel Explanations Tested with Individual and Contextual Data // *American Journal of Sociology.* 2005. Vol. 111. № 3. P. 797-823 и др.

⁴ Цит. по: Сюжеты из истории Нового времени: Западная Европа и США (конец XV в. – 1918 г.) / Авт.-сост. В. С. Грибов. М.: Сфера, 2001. С. 343.

политические взгляды социолога и соответствовала ориентациям на секуляризацию определенной части французских интеллектуалов.

Разделяя мир на сакральную и профанную части, исследователь (он был агностиком или, возможно, атеистом¹) полемизировал с распространенными в его время концепциями (например, анимистическими) происхождения религии. Ученый доказывал, что религиозные верования могли зародиться только в обществе, в сфере коллективных представлений, которые человек получает не из своего личного опыта, но которые навязываются ему социальной средой. Он подчеркивал, что культ предков существует только тогда, когда на могилах совершаются ритуальные действия, и этот культ хорошо развит только в сложных социумах.

С точки зрения Дюркгейма, вера в бессмертие возникла отнюдь не под влиянием нравственных идей, «более убедительным является объяснение, которое связывает идею загробной жизни с опытом сновидений», хотя и оно не удовлетворяет социолога. Он предложил свою версию происхождения религии: 1) примитивный человек не мог себе представить «всемогущего бога, который создает души из ничего, следовательно, рождающиеся могут быть только новой формой тех, кто уже существовал»; 2) «группа, пусть она и не бессмертна», но «перерождается и перевоплощается в каждом новом поколении»; 3) «индивиды умирают, но клан сохраняется», «силы, дающие ему жизнь» – это души, которые оживляют тела².

Так как «мертвец является священным существом» люди совершают пиакулярные (искупительные) обряды. В качестве примера Дюркгейм приводил траур, предписывающий множество запретов (например, нельзя произносить имя покойного). Помимо этого родственники совершают различные «позитивные» действия (например, наносят себе кровавые раны, определенные обычаем). По сути, отмечал исследователь, траурные ритуалы связаны с традициями кровной

¹ См.: *Pickering W. S. F. The Response of Catholic and Protestant Thinkers to the Work of Emile Durkheim // Durkheimian Studies. 2008. Vol. 14. № 1, p. 65.*

² *Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. М.: ИД Дело : РАНХиГС, 2018. С. 449, 450, 451-452.*

мести (пролитие крови — жертва, приносимая мертвецу)¹. Согласно Дюркгейму, «траур не является естественным движением личной чувственности, которая задета ужасной потерей, — это обязанность, налагаемая группой»². Но именно коллективное возбуждение, испытываемое участниками во время ритуалов, придает силы индивиду.

В теоретико-методологическом плане показательно, что в рассматриваемом сочинении социолог «обращается к социальным практикам, трактуя их не как представления и верования, а как конкретные наблюдения движений и звуков, опознаваемые в общем для наблюдателей контексте»³.

Изучив специфику траура, генезиса и функционирования религии, автор сделал два вывода танатосоциологического порядка:

1) «В религии обнаруживается все. И если в большинстве случаев мы видим там торжество добра над злом, жизни над смертью, сил света над силами тьмы, то потому, что в реальности дело обстоит так же»⁴;

2) «Боги прошлого стареют или умирают, а другие боги ещё не родились. Именно это сделало напрасным стремление Конта создать религию на основе искусственной попытки пробудить воспоминания об исторических событиях: живой культ может возникнуть только из самой жизни, но никак не из мёртвого прошлого»⁵.

Зарубежные⁶ и отечественные⁷ специалисты, признавая вклад Дюркгейма в становление социологии религии и морали, указывают на расширительное

¹ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни... С. 643-644, 651, 664.

² Там же. С. 654.

³ Роулз Э. Дюркгеймовская трактовка практики: альтернатива конкретных практик и представлений как оснований разума // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб., 2008. С. 301.

⁴ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни... С. 692.

⁵ Там же. С. 702-703.

⁶ *Nielsen D. A.* Three faces of God: society, religion, and the categories of totality in the philosophy of Emile Durkheim. Albany: State University of New York Press, 1999; *Pickering W. S. F.* Durkheim's Sociology of Religion: Themes and Theories. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1984; *Rawls A. W.* Epistemology and Practice. Durkheim's The Elementary Forms of Religious Life. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; *Richman M. H.* Sacred Revolutions Durkheim and the Collège de Sociologie. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002 и др.

⁷ Гофман А. Б. Религия в философско-социологической концепции Э. Дюркгейма // Социс. 1975. № 4. С. 178-187; Ерекешева Л. Г. К анализу социологии религии Э. Дюркгейма // Социс. 2008. № 12. С. 117-126; Леонова М. С. Функционалистская трактовка религии в работах Э. Дюркгейма: социологический аспект // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4 (64). С. 47-51; Трофимов С. В. Эмиль Дюркгейм о роли религии в общественной жизни.

толкование им религии, приписывание обществу «религиозного смысла» и преуменьшение роли Откровения, предполагающего индивидуальный акт восприятия. Отметим, что ряд положений дюркгеймовской теории религии получил свое развитие в социологии смерти У. Л. Уорнера.

В последние годы жизни Э. Дюркгеймом были изданы две работы, разоблачающие империалистические устремления Германии и призванные морально поддержать соотечественников. Книга «Кто хотел войны?» (1914), написанная совместно с историком Э. Дени, содержит реконструкцию хронологии событий, предшествующих началу Первой мировой войны. Соавторы, проанализировав опубликованные дипломатические документы и газетные материалы, пришли к выводам, что Австро-Венгрия и Германия желали войны, известную роль в ее развязывании сыграл фактор общественного мнения¹.

В брошюре «Германия выше всего. Немецкий менталитет и война» (1915) Дюркгейм полемизирует с немецким историком Г. фон Трейчке (1834-1896), который в своих сочинениях выдвинул три тезиса о том, что государство стоит выше: 1) международных законов; 2) нравственности; 3) гражданского общества. Социолог опровергает обоснования этих тезисов, критикуя Трейчке за апологию войны, макиавеллизм и пангерманизм. По мнению Дюркгейма, «систематическая бесчеловечность» германцев в ведении войны объясняется «патологическим характером» такого «духовного уклада»². Последний аргумент очевидно выдвинут в публицистическом «запале».

Полагаем, что проведенный Э. Дюркгеймом анализ проблемы смерти, несомненно, имел большое теоретико-эмпирическое значение, придав импульс конституированию суицидологии — социологии суицида — танатосоциологии.

Непреходящей заслугой Дюркгейма перед наукой является создание собственной школы. Е. Шацкий указывает, что ее возникновение «стало возможным благодаря нескольким обстоятельствам: (а) Социология Дюркгейма

Обоснование выбора элементарной религии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3. С. 173-197 и др.

¹ Дюркгейм Э., Дени Э. Кто хотел войны? Петроград: Изд-во Библиотека великой войны, 1915.

² Он же. «Германия выше всего»: Идеология немцев и война. М.: Изд-во препод. Моск. ун-та, 1917.

<...> открывала перед своими адептами большие возможности, чем более ранние догматические системы, в которые можно было только уверовать и дополнить их затем очередными иллюстрациями. (б) <...> Программа Дюркгейма оказалась привлекательной для группы молодых людей (частично симпатизировавших социалистическим идеям), которые были заинтересованы поисками новой формулы социальной реформы и не находили себе места в существующих политических структурах. (в) <...> группа его учеников получила шанс <...> сделать карьеру в высшей школе и обрела такой прекрасный центр информации, сотрудничества и взаимного контроля полученных результатов, каким был журнал «Социологический ежегодник»¹.

Это издание (1898-1913) было нацелено на информирование социологов о состоянии различных социальных наук и объединение их под эгидой «социологизма». Условием развития социологического знания провозглашалась коллективность научной работы². В ежегоднике публиковались работы дюркгеймианцев, европейских (Г. Зиммеля, Ф. Ратцеля, Г. Ратценхофера и др.), российских (Б. А. Кистяковского, М. М. Ковалевского, Е. В. де Роберти и др.) и американских (Ф. Гиддингса, А. Смолла, Л. Уорда и др.) ученых, а также обзоры и рецензии на социологическую литературу.

Журнал имел разделы: общая социология, социология религии, социология морали и права, экономическая социология и «разное», при этом количество и название рубрик постоянно менялись³. И школа, и журнал были открыты для взаимодействия с представителями других дисциплин — истории, экономики, юриспруденции и др.

Последователи Дюркгейма, обращавшиеся к изучению танатосоциологической проблематики, как правило, являлись сотрудниками журнала и печатались в нем. Кроме того, его авторы издавали книги в серии «Труды «Социологического ежегодника»».

¹ Шацкий Е. История социологической мысли / пер. с польск. Т. 1... С. 526-527.

² Preface // L'Année sociologique. 1898, vol.1 (1896-1897), pp. I-VII.

³ Сокулер З. А. Из истории социологии во Франции: К столетию журнала «L'Année sociologique» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11 «Социология». Реферативный журнал. 1999. № 3. С. 37.

Одним из первых дюркгеймианцев, кто исследовал феномен смерти, был **Анри Юбер (1872-1927)**. Глубокий интерес к смысло-жизненным вопросам и религии в юном парижанине пробудил лицейский капеллан. После окончания ВНШ он обратился к штудиям в области востоковедения, истории православия и Византии. Его докторская диссертация была посвящена дохристианским религиям в Малой Азии (1895). Долгие годы он проработал в Музее Античности, занимался преподаванием и стал крупным специалистом по кельтскому вопросу. Юбер принимал активное участие в подготовке выпусков «Социологического ежегодника», курируя раздел по социологии религии. На ученого негативно повлияли уход Дюркгейма и смерть жены при родах — это омрачило последние годы его жизни¹.

Близким другом и соавтором Юбера являлся **Марсель Израиль Мосс (1872-1927)**. Он родился в семье мелкого предпринимателя, женатого на старшей сестре Дюркгейма. Безусловно, дядя повлиял на научную судьбу Марселя. В университете Бордо он изучал философию, психологию, юриспруденцию и социологию (1890-1892). Перебравшись в столицу (1893), Мосс овладел санскритом в Высшей школе практических исследований и Сорбонне (отметим, что он был полиглотом — знал латынь, иврит и другие языки). Хотя исследователь не стал завершать докторскую диссертацию, посвященную молитве, он выстроил успешную карьеру преподавателя и достаточно активно участвовал в общественно-политической жизни Франции, поддерживая социалистов. Несмотря на пацифистскую и интернационалистскую позицию, Мосс ушел добровольцем на Первую мировую войну: он служил переводчиком в британском и австралийском экспедиционных корпусах, часто находясь на передовой.

Будучи ближайшим помощником Дюркгейма (например, готовил материалы для книги «Самоубийство»), именно Мосс после его смерти возглавил Французскую социологическую школу, стал первым президентом Французского института социологии (1924) и соучредителем Института этнологии (1925) при

¹ *Dussaud R. Henri Hubert (1872-1927): necrologie // Syria. 1927. Т. 8. № 3, pp. 275-276.*

Парижском университете. Однако конец жизни оказался трагическим для Мосса: он был вынужден оставить преподавание из-за антисемитизма коллег (1939), возобновив его лишь после освобождения страны от нацистов, но при этом прекратив научную деятельность. Социолог похоронил жену (1947) и встретил смерть глубоко одиноким человеком¹.

Хотя М. Мосс и А. Юбер находились под непосредственным научным патронажем Дюркгейма, они выбрали в качестве поля исследований социальную антропологию. Поэтому мы кратко рассмотрим лишь две их совместные работы, важные для изучения нашей темы. Самой ранней в этом ряду является «Очерк о природе и функции жертвоприношения» (1898). Исследователи, умело применяя институциональный, функциональный и сравнительный подходы, представили свою версию этого процесса (рис. 3.3.2).

<i>Жертвователь (sacrifiant)</i>	
«Субъект (индивид или коллектив), получающий выгоды от жертвоприношения или испытывающего на себе его действие. В конце ритуала он уже не тот, каким был в начале: он обрел религиозный статус, которого ранее не имел, либо избавился от неблагоприятного качества, тяготившего его; на него либо снизошла благодать, либо он очистился от скверны».	
⇕⇕⇕	
Совершает приношение	<i>Жрец</i>
⇕⇕⇕	
<i>Жертва</i>	
«Объект освящения - в равной мере может представлять смерть и жизнь, болезнь и здоровье, грех и честь, ложь и истину. Она - средство для концентрации религиозного начала; она его выражает, воплощает, является его носителем».	
⇕⇕⇕	
<i>Объект жертвоприношения</i>	
«Вещи, ради которых приносится жертва»	

Рис. 3.3.2 - Жертвоприношение (по М. Моссу и А. Юберу)²

Опираясь на данные этнографов, они пришли к выводу о сходстве двух обрядов: «...пролитие крови, обнаруживавшееся и в случае казни, и в случае жертвоприношения, придало изначальным умиловительным причащениям

¹ См.: *Fournier M.* Marcel Mauss...; *Hart K.* Marcel Mauss: In Pursuit of the Whole. A Review Essay // *Comparative Studies in Society and History*. 2007. 49(2), pp.1-13; *Leacock S.* The Ethnological Theory of Marcel Mauss // *American Anthropologist*. 2009. 56(1), pp. 58-73.

² *Мосс М., Юбер А.* Очерк о природе и функции жертвоприношения // Мосс М. Социальные функции священного: Избр. произведения / Пер. с франц. СПб.: Евразия, 2000. С. 16-25.

характер наказания, превратив их в искупительные жертвы»¹. Ученые указали на двойственный характер жертвоприношения: оно способно творить добро и зло. При этом воздействие на жертву обеспечивает управление религиозным началом.

Исследователи (А. Б. Гофман, Р. Жирар, М. Птачек и др.) справедливо указывают, что при определенных различиях с трактовкой Дюркгейма М. Мосс и А. Юбер также подчеркивали социальную и коммуникационную природу жертвоприношения, выделяя его (анти)утилитарность и долженствование. Такой подход получил свое развитие позднее (например, в творчестве Ж. Батая).

В другой совместной работе «Набросок общей теории магии» (1902) дюркгеймианцы утверждали: «Магия — это подвижная, бесформенная масса, составные части которой не имеют ни определенного места, ни функций. Они взаимно проницаемы и смешиваются друг с другом»².

Следуя логике, апробированной в «Очерке...», соавторы выделили три элемента системы магии: 1) маг: «...именно общественное мнение создает мага и производимые его действиями результаты. Обществу угодно верить, что маг все знает и все может»³. Они установили, что «сообщества магов пополняются путем наследования или через кооптацию новых членов», при этом «главной темой инициации мага» является «идея временной смерти» и «воскресение». В этой корпорации к особым относится профессия палача, которому «известны способы поиска вора, поимки вампира и т. д.»⁴; 2) магические действия, связанные со всеми местами, имеющими значение границы, и где обитают демоны и привидения (например, кладбища, перекрестки дорог, леса, болота и заброшенные могилы)⁵; 3) магические представления же сформировались в результате того, что «магия всегда создавала каталог растений, материалов, животных, частей тела и т. п. с целью зафиксировать их опытные и априорные свойства». Одновременно

¹ Мосс М., Юбер А. Очерк о природе... С. 11.

² Мосс М., Юбер А. Набросок общей теории магии // Мосс М. Социальные функции священного... С. 176.

³ Там же. С. 133.

⁴ Там же. С. 123, 124, 135.

⁵ Там же. С. 138.

магия «заботилась о систематизации свойств абстрактных объектов: геометрических фигур, чисел, черт характера, смерти, жизни, счастья и т. д.»¹.

Мосс и Юбер различали два вида магических существ: 1) покойники обладают магическими свойствами благодаря «общей вере в их чудесную колдовскую силу» или особым качествам, которые в мире призраков определяют их особое положение по отношению к объектам религиозного почитания»; 2) демоны, которые в Средневековье превратились в дьяволов, сопровождавших своего покровителя Сатану-Люцифера².

По нашему мнению, совместные публикации М. Мосса и А. Юбера наглядно свидетельствуют о благоприятной творческой атмосфере, сложившейся в Дюркгеймовской школе и способствовавшей плодотворной коллаборации при проведении танатосоциологических штудий.

Не менее содержательны монографические исследования самого М. Мосса. Так, в краткой статье «Обязательное выражение чувств (австралийские погребальные словесные ритуалы)» (1921) автор фиксирует гендерную специфику: «женщины являются основной движущей силой погребального обряда»³. Автор объясняет это следующим образом: 1) «женщина — существо *minors resistentiae* [с меньшей силой сопротивления], на которую возлагают и которая возлагает на себя тягостные обряды»; 2) «женщина — существо, находящееся в более тесных отношениях со злыми силами: ее менструации, колдовство, проступки делают ее опасной. Ее считают в какой-то мере ответственной за смерть мужа»⁴.

В известной работе «Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах» (1923-1924), разбирая индейский обычай потлача, социолог подчеркивает: «Смысл и цель жертвенного уничтожения — служить даром,

¹ Мосс М., Юбер А. набросок общей теории магии... С. 166.

² Там же. С. 173.

³ Мосс М. Обязательное выражение чувств (австралийские погребальные словесные ритуалы) // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. М. : КДУ, 2011. С. 129 прим.

⁴ Там же.

который обязательно будет возмещен»¹. Используя «метод точного сравнения», он констатирует: 1) «все наше законодательство в области социального обеспечения» основывается на принципе: «трудящийся живет ради общества»; 2) государство «должно обеспечить ему определенные жизненные гарантии на случай безработицы, болезни, старости, смерти»².

Отход от Дюркгеймовского «антипсихологизма» продемонстрирован в докладе «Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти (Австралия, Новая Зеландия)», сделанном Моссом в Психологическом обществе (1926). Социолог убедительно доказал, что «в очень многих обществах навязчивая мысль о смерти, имеющая чисто социальное происхождение, без всякой примеси индивидуальных факторов, способна произвести такие умственные и физические разрушения, так подействовать на сознание и тело индивида, что вскоре вызывает его смерть без каких-либо внешних или поддающихся обнаружению нарушений»³.

С точки зрения Мосса, такие факты подтверждают теорию альтруистического самоубийства Дюркгейма.

Для мирового и отечественного обществознания и политической практики большое значение имеют выводы, к которым пришел ученый в работе «Социологическая оценка большевизма» (1924) (целиком при жизни автора она не публиковалась): 1) Русская Революция «родилась из войны, из нищеты и из крушения определенного строя»; 2) «второй период Русской Революции, коммунистический и террористический, не является социалистическим в собственном смысле»; 3) большевики «признают существование коммунизма только там, где есть насилие и террор»; 4) «из-за духа сектантства большевики преследовали, убивали, ссылали и ссылают до сих пор всех социалистов, которых рассматривали как умеренных по сравнению с собой; 5) «террор не может

¹ Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность... С. 159.

² Там же. С. 265.

³ Мосс М. Физическое воздействие на индивида коллективно внушенной мысли о смерти (Австралия, Новая Зеландия) // Мосс М. Общества. Обмен. Личность... С. 286.

связывать людей между собой, воодушевлять их; он заставляет людей прятаться, замыкаться в себе, убегать и избегать друг друга, терять рассудок и не работать»¹.

Своеобразный стиль (эссеизм и фрагментарность) ученого не умаляет его вклад в становление танатосоциологии. Мосс – не только продолжатель дела великого дяди, его творчество имеет самостоятельную ценность для последующей социологии. Об этом свидетельствует возникновение «Антиутилитаристского движения в социальных науках» (*Mouvement Anti-Utilitariste dans les Sciences Sociales (MAUSS)*), инициированного французским социологом А. Кайе и швейцарским антропологом Ж. Берто. Кроме того, был основан журнал «*Le Bulletin du MAUSS*» (1981), позднее переименован в «*La Revue du MAUSS*»².

Перейдем к биографии и исследованиям **Роберта Вальтера Герца (1881-1915)**. Ранний период его жизни во многом схож с судьбой Дюркгейма: он тоже родился в еврейской семье и учился в ВНШ. После недолгого пребывания в Англии Роберт сотрудничал с журналом «Социологический ежегодник» и под руководством Э. Дюркгейма и М. Мосса стал готовить докторскую диссертацию по социологии религии, посвященную греху и искуплению. Но, прервав работу над исследованием, он ушел добровольцем в армию и погиб в бою в 1915 г.³

В этюде «Коллективное представление о смерти» (1905), основываясь на теории Дюркгейма и проанализировав этнографические данные, Герц пришел к выводу, что «смерть имеет особенное значение для общественного сознания — это объект коллективного представления»⁴, потому что «когда умирает человек, общество теряет не просто одну из своих составных частей: подрываются сами устои его существования, вера в себя»⁵.

¹ Мосс М. Социологическая оценка большевизма // Мосс М. Общества. Обмен. Личность... С. 353-383.

² См.: Ким С. Г. Мёбиус С. Обмен дарами – новая парадигма социологии? Критические заметки о группе MAUSS // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2008. № 2. С. 53-49.

³ См.: Davies D. J. Classics Revisted: Robert Hertz: the social triumph over death // Mortality. 2000. Vol. 5. No. 1. P. 97-102; Robert Walter Hertz. Mort pour la France le 13-04-1915 [Электронный ресурс] / Memoiredeshommes: [сайт]. URL: <https://www.memoiredeshommes.sga.defense.gouv.fr/fr/arkotheque/visionneuse/visionneuse.php?arko=YToxMDp7> (дата обращения: 25.09.2020).

⁴ Герц Р. Смерть и правая рука / пер. с франц. М.: ARS PRESS, 2019. С. 44.

⁵ Там же. С. 157.

Вместе с тем Герц интерпретировал общество как «бессмертное», выходящее за пределы жизни каждого отдельного человека и наделяющее умерших новым статусом предков. В этом смысле члены социума никогда не умирают, но изменяют свой статус, когда они переходят из живых в «мертвые члены». Поэтому вполне логично, что социолог рассматривает два основных периода прощания с ушедшими (рис. 3.3.3).

<i>Промежуточный период</i>		<i>Финальная церемония</i>
тело	предварительное погребение	заключительное погребение
душа	временное пребывание на земле	вхождение в Страну Мертвых
живые	скорбь	«освобождение» живых

Рис. 3.3.3 – Прощание (по Р. Герцу)

В действительности, смерть не естественна. Она не принадлежит царству природы, как таковая, потому что она постигается людьми как социальными существами. Именно поэтому общество оскорблено, «заражено» смертью, сама по себе она знаменует собой форму «святотатства». Это помогает объяснить обряды ритуальной чистоты, проводимые для того, чтобы ликвидировать хаос, восстановить общественный порядок.

Привлекая этнографический материал, социолог показал, что, согласно архаичным традициям, соблюдающие траур – это «народ смерти», они «живут в темноте», «умирают», с социальной точки зрения, потому что любое их участие в коллективной жизни только шире распространит проклятье, которое они переносят»¹.

В отличие от своего учителя, Р. Герц сочетал социологический анализ с выделением психологического аспекта отношения живых к мертвым. Он провел специальное исследование «двойного захоронения», различая две фазы ритуала. В результате, Герцу удалось показать, что смерть не представляет собой одномоментное событие, это не просто разрушение, а переход к иному состоянию (табл. 3.3.3)².

¹ Герц Р. Указ. соч. С. 97-98.

² Там же. С. 88.

«Двойное захоронение» (по Р. Герцу)

№	Критерий	«Влажная» фаза	«Сухая» фаза
1	Общая характеристика	временное захоронение гниющего трупа или содержание останков мертвых в горшках	захоронение костей
2	Социологическое измерение периода	личность умершего все больше удаляется от его или ее прежней живой идентичности	придание мертвым их новой идентичности в загробной жизни
3	Психологическое измерение периода	живые испытывают боль раннего расставания и могли испытывать отвращение к умершему	чувства «благословенного веры»

Вторичные обряды призваны оформить новый статус покойных и изменение характера отношений между мертвыми и живыми, они как бы завершают «темной период, в котором доминирует смерть», и открывают «новую эру».

Социолог указывал на то, что финальная церемония захоронения наоборот «всегда носит выраженный коллективный характер», так как, «общаясь с мертвыми, различные семейные и прочие группы, которые образуют единое целое, видят и, соответственно, поддерживают связывающие их узы»¹.

Вместе с тем коллективное сознание не верит в необходимость смерти, поэтому оно отказывается считать ее безвозвратной. Следовательно, последнее слово должно остаться за жизнью: умерший воскреснет из мертвых, хватка смерти ослабнет, и он вернется в той или иной форме. По Герцу, христианская церковь, гарантируя воскресение и жизнь для всех тех, кто примет смерть, лишь выражает в обновленной форме обещание, которое каждое религиозное сообщество имплицитно дает своему члену².

Ученый особо отмечал регенеративные возможности ритуалов, способствующих консолидации общества, пострадавшему от утраты: «Утверждая общество мертвых, общество живых регулярно пересоздает само себя»³.

¹ Герц Р. Указ. соч. С. 143-144.

² Там же. С. 158-160.

³ Там же. С. 144.

Свои изыскания Герц резюмировал следующим образом:

1) «при обычных обстоятельствах смерть воспринимается коллективным сознанием как временное выпадение человека из круга общения людей» — «умерший перебирается из реального общества живых в недоступное взору общество предков»;

2) «траур изначально представляет собой акт обязательного соучастия живых в смерти своего сородича — он длится именно столько времени, сколько продолжается это состояние смерти»;

3) «смерть как общественный феномен представляет собой двунаправленный и болезненный процесс мысленного разрушения и синтеза», «когда этот процесс завершен, социум, вновь обретя покой, может праздновать победу над смертью»¹.

С нашей точки зрения, Р. Герцу принадлежит приоритет в мировой науке в социологической интерпретации траурных церемоний, в глубоком теоретическом анализе обрядов первичных и вторичных захоронений и ликвидации ритуальной нечистоты. Хотя эссе «Коллективное представление о смерти», опубликованное Герцем в 1905 г., получило мировую известность значительно позднее — после издания английского перевода (1960), идеи, содержащиеся в нем, были развиты в книге «Обряды перехода» (1909) его друга антрополога А. ван Геннепа. Кроме того, «предструктуралистский» подход Р. Герца к изучению смерти оказался востребованным последующими поколениями исследователей (в частности, К. Леви-Строссом).

Спустя три десятилетия после своего учителя Дюркгейма **Морис Хальбвакс (1877-1945)** обратился к исследованию феномена суицида. Он родился в Эльзасе, его отец был преподавателем немецкого языка. В лицейский период знакомство с А. Бергсоном во многом сформировало его интеллектуальные устремления. По завершении курса в ВНШ (1901) Морис некоторое время учился и занимался исследовательской работой в Германии. Симпатии к Социалистической партии предопределили фокус его социологических

¹ Герц Р. Указ. соч. С. 177.

наблюдений. Хальбвакс защитил докторскую диссертацию по проблемам урбанистики (1909), преподавал в отечественных учебных заведениях и в Чикагском университете (1930). Его научная карьера была вполне успешной: он избирался президентом Французского социологического общества (1938) и вице-президентом Психологического общества (1943). Но жизнь Хальбвакса оборвалась трагически – нацисты арестовали его за связь с Сопротивлением и отправили в Бухенвальд, где он скончался¹.

В зарубежной (Я. Ассман, М. Блок, Ж.-К. Марсель, Л. Мучиелли, П. Нора, П. Рикёр и др.) и российской (А. Т. Бикбов, С. Н. Зенкин, А. А. Зотов, Е. В. Романовская, Р. М. Фрумкина и др.) науке в наследии М. Хальбвакса чаще всего выделяются две его монографии «Социальные рамки памяти» (1921-1925) и «Коллективная память» (1950).

В первой книге, вступив в спор с А. Бергсоном и рядом психологов, он отстаивал тезис, что «работа памяти требует конструктивной и одновременно рациональной мыслительной деятельности»². Социолог утверждал, что в случае воспоминаний об умершем, память движется «обходным путем»: 1) «прежде всего мы станем думать о том, как развивалась болезнь покойного, о его последних минутах, похоронах, трауре»; 2) либо возникают мысли «о родных и друзьях умирающего»; 3) «или же о том месте, где он жил, о городе, куда нам пришлось поехать, чтобы повидать его перед смертью»; 4) «чтобы лучше вспомнить самого этого человека, мы будем думать о его возрасте, профессии, общих чертах характера и его жизни»; 5) лишь затем — «что было в этом событии наиболее личным для нас», появляется «наша аффективная реакция на него»³.

В посмертно изданной книге четко выражено его мнение о том, что коллективная память отличается от истории («универсальной памяти

¹ См.: *Каради В.* Морис Хальбвакс: биографический очерк // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / пер. с фр. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2000. С. 447-462; *Мачульская О. И.* Морис Хальбвакс о социальной обусловленности индивидуальности // Философские науки. 2015. № 9. С. 99-100; *Friedmann G.* Maurice Halbwachs, 1877-1945 // *American Journal of Sociology*. 1946, May. Vol. 51, No. 6, pp. 509-517 и др.

² *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. М.: Новое издательство, 2007. С. 71.

³ Там же. С. 67.

человеческого рода»), ее носителем «является группа, ограниченная в пространстве и времени»¹ (рис. 3.3.4).

Рис. 3.3.4 – Коллективная память (по М. Хальбваксу)

Ученый детально рассмотрел феномен мемориализации покойного в контексте действия коллективной памяти: 1) «смерть, которая кладет конец физиологической жизни, не может внезапно остановить ход мыслей, развивающийся в присутствии того, чье тело исчезает»; 2) «личность человека сильнее всего притягивает внимание родных тотчас после его смерти»; 3) «образ ушедшего» меняется «в зависимости от точки зрения, то есть от тех обстоятельств, в которых мы находимся, когда обращаемся к нему»; 4) «наиболее близкие к нам по времени родственники становятся посредниками между нами и нашими дальними предками, так что мы о последних знаем только то, что первые нам о них рассказывают»².

Для анализа нашей темы наиболее значима книга Хальбвакса «Причины самоубийства» (1930), которая стала заметной вехой в истории науки. Согласно социологу, «самоубийством называется каждый смертный случай, который является результатом действия, совершённого самим потерпевшим с намерением (intention) и целью убить себя, и который не является жертвоприношением»³.

Специальная глава исследования посвящена источникам информации о самоубийствах в европейских странах, среди них выделялись следующие: 1) реестры умерших, заполняемые в административных органах; 2) медицинские документы (заявления врачей, посещавших мертвых, свидетельства о смерти); 3) полицейские отчеты и протоколы; 4) судебные документы⁴. При этом ученый признавал заведомую неполноту данных и связанные с этим неизбежные ошибки.

¹ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 8-27.

² Хальбвакс М. Коллективная и историческая память...

³ Цит. по: Юдин Г. Б. Смысл самоубийства // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 2. С. 85.

⁴ Halbwachs M. Les causes du suicide. Paris: Félix Alcan, 1930, pp. 23-37.

Хальбвакс отмечал, что статистически к причинам самоубийств относятся: потеря работы, разорение, семейные страдания, расстроенная любовь, ревность, пьянство, раскаяния лиц, совершивших преступления, физические страдания, психические заболевания, отвращение к жизни и различные расстройства¹.

В своей книге он последовательно отстаивал постулат о социальных причинах суицидов. Но в отличие от Дюркгейма ученый уделил большое внимание социально-психологическим факторам, влияющим на уровень смертности: «Такие события, как неудачи, неприятности и разочарования в карьере, и даже те состояния, которые мы называем скукой или отвращением к существованию, чаще происходят в более сложном обществе, где индивидуальные ситуации меняются чаще и быстрее, где темпы жизни быстрее, где люди более подвержены риску оказаться дезадаптированными по отношению к своей среде»².

Социолог предложил свой вариант классификации самоубийств, выделив следующие виды: 1) искупительный суицид — индивид совершает убийство вследствие самообвинения; 2) проклинающий суицид, когда человек совершает самоубийство-протест; 3) дезиллюзионный суицид — результат разочарования и неудовлетворенности своим социальным статусом³.

Особый интерес Хальбвакс проявил к изучению территориального аспекта распространения самоубийств. По его мнению, «сельский и городской виды жизни на самом деле представляют собой две системы в значительной степени уравновешенные, в той и в другой существуют две основные функции, которые дополняют друг друга: хозяйственная организация и семейная организация»⁴. Однако «житель городов иногда приходит к выводу, что крестьянин счастливее его, потому что он избегает перенапряжения городской жизни, как будто в сельской местности не рождаются заботы, заботы и неприятности, которые не

¹ *Halbwachs M. Les causes du suicide...* P. 184.

² *Ibid.* P. 19.

³ См.: Антонова О. Г., Жидков Р. И. Теоретические основы изучения самоубийства как социального явления // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 4. С. 77-78.

⁴ *Halbwachs M. Les causes du suicide...* P. 183.

менее мучительны»¹. Проведя сравнительный анализ сельской и городской цивилизаций, социолог показал существенные различия между ними (приложение, табл. 9).

Хальбвакс справедливо подчеркивал, что индустриализация и урбанизация изменяют общество и его устои: «при переходе от старого и традиционного вида жизни к новому и более сложному типу цивилизации» в обществе образуются «пробелы», именно в этих «недостатках», «социальном вакууме» нужно искать причины самоубийств. С его точки зрения, «истинная причина самоубийства - пустота, образовавшаяся вокруг самоубийцы, и если бы не было подобных недостатков, самоубийств не было бы»².

Рассмотрев распределение суицидов во Франции, он пришел к выводу, что «в депопулирующихся департаментах малые города и крестьянские группы утрачивают слишком большую часть своего существа, что традиции в них пошатываются, и ничто не заменит их»³. Но социолог признавался, что «пока невозможно выделить религиозный фактор и измерить его действие. Эта проблема остается нерешенной, и мы даже не представляем, как ее можно решить»⁴.

В «Причинах самоубийства» М. Хальбвакс развил теорию самоубийств Дюркгейма, избавив ее от излишнего антипсихологизма и подкрепив анализом цифровых данных. Ему удалось выявить влияние урбанизации на распространение суицидов и показать, как городской континуум, мобильность и образ жизни воздействуют на динамику самоубийств.

В одной из последних своих статей «Статистика в социологии» (1935) ученый убедительно сформулировал следующий вывод: «Смерть – результат жизни, а жизнь обусловлена экономической ситуацией, устройством семьи, институтами и традициями»⁵.

¹ *Halbwachs M.* Les causes du suicide... P. 183.

² *Ibid.* P. 147.

³ *Ibid.* P. 109.

⁴ *Ibid.* P. 16.

⁵ *Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология... С. 366.

Итак, благодаря творчеству Дюркгейма укрепились теоретико-методологические основы танатосоциологии. Отказавшись от иррационализма контизма, ученый раскрыл возможности плодотворного изучения физической смерти с позиций социологического реализма, убедительно продемонстрировал эффективность использования структурного, функционального и сравнительного методов при анализе феноменов суицида и траура.

Французская социологическая школа способствовала постепенному формированию социологии смерти. Дюркгеймианцы (Р. Герц, М. Мосс, А. Юбер, М. Хальбвакс) внесли существенный вклад в расширение предметного поля танатосоциологии, соединению теории и практики социологических исследований смерти.

Подводя итоги третьей главы, можно сделать следующие выводы:

1) Рождение социологии и социологии смерти, в частности, происходило в сложный исторический период революций (1830, 1848), Июльской монархии (1830-1848), Второй республики (1848-1852), Второй империи (1852-1870) и Третьей республики (1870-1940). Противоречиво протекали процессы индустриализации, секуляризации и политизации общества. Страна активно участвовала в ряде войн и колониальной экспансии. Объективно это создавало «благоприятные» условия для развертывания научного поиска, повышения интереса со стороны общественного мнения к его результатам, увеличивало шансы социологии влиять на социальные процессы.

2) О. Конт формировал позитивизм как синтез науки, Религии Человечества и социальной политики, посредством которого общество преодолет кризисное состояние, встанет на путь прогресса, «соединит» живых и умерших. Он определил контуры социологического исследования феномена смерти, где сочетались спекулятивно-философский и социолого-реалистический подходы. По сути, он заложил основы новой науки как социологии жизни и смерти.

3) Сторонники расово-антропологического направления редуционистски объясняли «вырождение» человеческих рас, вместе с тем они способствовали освоению социологами прикладных методов исследования смерти. Католически

ориентированные социологи (в первую очередь, Ф. Ле Пле) привнесли в социологическую практику «качественные» методы изучения жизни и смерти членов семьи. Как и О. Конт, они ратовали за активную социальную политику государства консервативной направленности в сфере здравоохранения, рождаемости, смертности, семьи, образования и религии.

4) В психологической социологии (Г. Тард, Г. Лебон) были введены понятия «психологическая смерть», «физиологическая смерть» и «естественная смерть», осуществлен разноуровневый анализ криминального поведения, убийств и погребальных практик.

5) Органицистский подход оказался малопродуктивным при изучении смерти, но организационная деятельность Р. Вормса (учреждение специализированного периодического издания, обществ социологов и проведение международных конгрессов) расширили возможности специалистов для обсуждения танатосоциологических проблем.

6) Социологическая стратегия изучения суицидов позволила Дюркгейму раздвинуть горизонты научного познания, усилить внимание к разобщенности общества и его патологиям, указать пути предотвращения самоубийств. Это придало импульс конституированию суицидологии — социологии суицида — танатосоциологии.

7) Важнейшую роль в становлении танатосоциологии сыграла Дюркгеймовская школа. Ее представители (Р. Герц, М. Мосс, А. Юбер, М. Хальбвакс), опираясь на новые источники социологической информации, пересматривали и развивали взгляды своего учителя. Им принадлежит заслуга в углублении социологического познания насильственной смерти (суицид, жертвоприношение, террор), погребальных практик, траура и коллективной памяти.

Таким образом, социология смерти как составная часть научного знания возникла во Франции. Этому способствовали институциональные факторы: открытие специализированных журналов, создание профессиональных сообществ, проведение конгрессов, формирование Дюркгеймовской школы.

Становление танатосоциологии протекало в рамках дифференциации и вычленения новых дисциплин (девиантологии, суицидологи) и отраслевых социологий — религии, морали, права, войн и др. В теоретическом плане почти всей ранней французской танатосоциологии была присуща позитивистская ориентация.

Далее мы рассмотрим, как повлияли изыскания французских исследователей на становление танатосоциологии в Великобритании и Германии.

Глава 4. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОЛОГИИ СМЕРТИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ГЕРМАНИИ

4.1 Проблема смерти в ранней британской социологии

Становление социологии в Великобритании происходило в викторианский (1837-1901) и эдвардианский (1901-1919) периоды, которые характеризовались сложными внутривластными процессами: чартисты выступали под лозунгом «политическая власть – наше средство, благоденствие – наша цель» (1836-1848), ирландские движения боролись за независимость (1840-е-1910-е), принят «Акт о парламенте» (1911), позволяющий палате общин преодолевать вето палаты лордов, были проведены избирательные реформы (1832, 1867, 1918), создан Британский конгресс тред-юнионов (1868), тори и виги ушли с политической сцены, развернулось соперничество между вновь созданными партиями (либералы (1859), консерваторы (1870), лейбористы (1900)), получил распространение суфражизм (1900-1920-е).

В то же время усилилась агрессивность внешней политики: Англо-афганские войны (1838-1842, 1878-1880), Опиумные войны (1840-1842, 1856-1860), Крымская война (1853-1856), Сикхские войны (1845-1846, 1848-1849), Англо-персидская война (1856-1857), ликвидация Ост-Индской компании (1858), Трансваальская война (1880-1881), Англо-бурская война (1899-1902), Первая мировая война и др.

Отметим, что в рассматриваемый отрезок времени Соединенное Королевство «отличилось» жестоким подавлением восстания сипаев (1857-1859), вооруженных выступлений и террористических акций фениев в Ирландии и Канаде (1860-е-1880-е), использованием в годы боевых действий в Южной Африке концентрационных лагерей для гражданского населения, где люди массово умирали из-за ужасных условий содержания. Его армия раньше всех (1916) успешно применила на полях сражений новое грозное оружие – танки.

В метрополии расширяющейся колониальной империи продолжался противоречивый процесс индустриализации: страна превратилась в «мастерскую

мира», победило фритредерство, «голодные сороковые» (1845-1849), экономические кризисы (1873, 1882, 1918-1920-е), недолгая стадия процветания (1901-1910), утрата лидерских позиций в мире.

Интенсивная урбанизация ознаменовалась вовлечением в экономику женщин, развитием социального законодательства и увеличением финансирования правительственных социальных программ (этому во многом способствовали публикации У. Бута и другие социальные обследования), они были призваны остановить волну социального недовольства и забастовочного движения.

Росла численность населения страны (табл. 4.1.1), но при этом почти в два раза сократилось число жителей Ирландии.

Таблица 4.1.1
Население Соединенного Королевства (1831-1921) (млн. чел.)¹

Годы	1831	1841	1851	1861	1871	1881	1891	1901	1911	1921
Численность	16,26	18,53	20,82	23,13	26,07	29,71	33,03	37,0	40,83	42,77

Общий коэффициент смертности в Англии составил: 1850-е гг. – 22,1, 1880-е гг. – 19,2, 1900-е гг. – 16,9 и 1920-е гг. – 12,2². Соединенное Королевство серьезно пострадало от эпидемий холеры (1832, 1848-1849, 1853), тифа (1847-1849), от испанского гриппа скончались 180 тысяч человек. В Первую мировую войну было убито и умерло от ран 727,2 тысяч солдат и около трех тысяч мирных жителей, взято в плен 170 тысяч военнослужащих³.

Британский демограф **Уильям Фарр (1807-1883)** предложил на Международном конгрессе в Париже (1855) свой подход к классификации причин смертности, принятый научным сообществом: 1) эпидемические болезни; 2) органические (системные) болезни; 3) болезни, подразделяющиеся по анатомической локализации; 4) болезни развития; 5) болезни, являющиеся прямым следствием насилия⁴.

¹ Mitchell B. R. European Historical Statistics... P. 8.

² См.: Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. С. 269.

³ Эрлихман В. В. Потери народонаселения в XX веке. М.: Русская панорама, 2004. С. 39.

⁴ Farr W. Vital Statistics. London: Offices of the Sanitary Institute, 1885. P. 209-317.

В последней трети XIX – начале XX веков еще теснее укрепились связи науки с практикой, изменилась система высшего образования: появились новые учебные заведения в Англии, Шотландии и Уэльсе, повысилась степень их доступности для абитуриентов (включая женщин), в программах обучения увеличилось число точных и естественнонаучных дисциплин.

Консервативные нормы публичного поведения, продиктованные викторианской моралью, к началу нового века перестали восприниматься обществом как единственно правильные. Британская публика с интересом знакомилась с литературными (Ч. Д. Х. Диккенс, У. Б. Йетс, Дж. Р. Киплинг, А. И. Конан Дойл, О. Ф. О'Ф. У. Уайльд, Т. Харди, Дж. Б. Шоу, Г. Дж. Уэллс и др.) и живописными (Дж. Э. Милле, Д. Г. Россетти, У. Х. Хант и др.) произведениями, в которых нашла свое отражение тема смерти.

Уникальной фигурой в интеллектуальной истории XIX века является **Гарриет Мартино (1802-1876)** — именно она подготовила изложение «Курса позитивной философии» О. Конта на английском языке (1853), заслужившее одобрение автора и расширившее круг его поклонников за рубежом.

Мартино родилась в Восточной Англии в многодетной семье текстильного фабриканта, у нее было слабое здоровье и к двадцати годам Гарриет практически потеряла слух. Хорошее домашнее воспитание (в школе она обучалась лишь несколько лет) позволило ей после смерти отца заняться продажей предметов рукоделия и преподаванием. Но вскоре основным источником заработка для нее, благодаря литературным способностям, стала публицистическая и писательская деятельность. Научно-популярные и художественные сочинения принесли известность и деньги, что позволило ей переехать в столицу и позднее построить собственный дом в Озерном крае. Мартино совершила несколько путешествий по миру (1834-1836, 1846-1847), но тяжелые болезни на годы приковывали ее к постели (1840-1844, 1855-1856). Личная жизнь Гарриет не сложилась, так как ее жених умер (1827), возможно, поэтому склад характера и стремление преодолеть

одиночество стимулировали ее повышенную общественную и публикационную активность¹.

Среди ее друзей и знакомых, повлиявших на ее взгляды, были писатели (Ш. Бронте, Э. Гаскелл, С. Т. Кольридж, У. М. Теккерей и др.) и ученые (Ч. Дарвин, Т. Карлейль, О. Конт, Дж. С. Милль и др.).

Г. Мартино скончалась от бронхита и за свою сравнительно долгую жизнь проделала сложную духовную эволюцию от унитариянства, которое исповедовала ее семья, к атеизму, что со всей очевидностью отразилось в ее литературном и научном творчестве (рис. 4.1.1).

Унитариянство	→	Агностицизм	→	Атеизм
⇄⇄⇄		⇄⇄⇄		⇄⇄⇄
Теология	→	Метафизика	→	Позитивизм

Рисунок 4.1.1 – Духовная эволюция Г. Мартино

Так, в начале своего пути она, основываясь на традиционных христианских позициях, подчеркивала верность учению всеобщей любви и важность благодарности Спасителю за искупительную жертву².

Совершив, как и А. де Токвиль, многомесячную поездку по США, Г. Мартино написала книгу «Общество в Америке» (1835). В ней она вынесла на обсуждение читателей несколько острых проблем:

1) Столкновения с индейцами ведут к гибели коренных жителей континента и белых поселенцев.

2) Практика рабовладения бесчеловечна. При этом автор показала различия в отношении к рабству на Юге и Севере страны: а) «у большего числа рабовладельцев нет иной идеи, кроме как держать рабов, это делали их отцы: они сами никогда не знали, чтобы к цветной расе относились иначе, чем как к низшим

¹ См.: *Fenwick Miller F.* Harriet Martineau. Boston: Roberts Brothers, 1887; *Harriet Martineau's Autobiography.* London: Smith, Elder and C°, 1877; *Hill M. R.* Harriet Martineau (1802-1876) // *Women in Sociology: A Bio-Bibliographical Sourcebook* / ed. by M. Jo Deegan. New York: Greenwood Press, 1991. Pp. 289-297; *Hoecker-Drysdale S.* Harriet Martineau // *The Blackwell Companion to Major Contemporary Social Theorists* / ed. by G. Ritzer. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. P. 41-68 и др.

² *Martineau H.* The Essential Faith of the Universal Church, Deduced From the Sacred Records. Boston: Leonard C. Bowles, 1833. P. 28.

существам, рожденным для того, чтобы работать на белых»; б) в обществе, где существует институт рабства, главная социальная добродетель – это милосердие¹.

3) Апатия граждан обусловлена рядом причин: а) отсутствие у них интереса к политике; б) распространенное среди избирателей мнение, что «выборы – это всего лишь личное дело, и они не влияют на счастье людей»; в) разочарование из-за невозможности посредством электоральной процедуры немедленно изменить ситуацию; г) нежелание брать на себя ответственность; д) «некоторые боятся голосовать»².

4) «Формальное несуществование женщин». Исследовательница утверждала: «Принцип равных прав обеих половин человеческой расы — это все, что нам здесь нужно сделать»³.

Как видим, сама постановка указанных проблем была осуществлена ею с танатосоциологических и феминистских позиций.

Полагаем, что книга Г. Мартино «Как наблюдать мораль и манеры» (1838) была во многом пионерской в деле разработки методов сбора социологической информации и социологии смерти. Исходя из своего опыта литератора и путешественницы, она нацеливала исследователей на выявление и тщательный анализ фактов (задолго (!) до Э. Дюркгейма). Автор считала, что для понимания «морали и манер народа» необходимо изучить «его религию, его общие моральные представления, его внутреннее и экономическое состояние, его политическое положение»⁴.

По ее мнению, «архитектурные памятники, эпитафии, гражданские регистры, национальная музыка, [...] другие тысячи проявлений общего разума, которые можно найти у каждого народа, дают больше информации о морали за один день, чем общение с отдельными людьми за год»⁵.

¹ *Martineau H.* Society in America. In three volumes. Vol. II. New York: Saunders and Otley, and Conduit Street, London, 1837. P. 313.

² *Martineau H.* Society in America. In two volumes. Vol. I. (of II). New York: Saunders and Otley, Ann Street, and Conduit Street, London, 1837. P. 115-118.

³ *Ibid.* P. 391.

⁴ *Martineau H.* How to observe: morals and manners. London: Charles Knight and Co, 1838. P. 61.

⁵ *Ibid.* P. 63.

Г. Мартино ратовала за применение в исследованиях системного и институционального подходов, методов «дискурс-анализа» и сравнения культур. Так, она отмечала, что «погребение в Шотландии совершенно непохоже на церемонии погребения у сингалезцев; погребение в греческой церкви мало похоже на то и на другое»¹.

Опередив Т. Масарика и Э. Дюркгейма, она дала свое определение «самоубийству в самом широком смысле» как «добровольному лишению себя жизни по любой причине»², разработала классификацию суицидов (табл. 4.1.2).

Таблица 4.1.2

Классификация суицидов (по Г. Мартино)³

№	Причина	Характерные черты
1	Долг чести	«необходимый результат идеи чести, некогда господствовавшей в самых цивилизованных обществах, когда мужчины и женщины уничтожали себя, чтобы избежать позора»
2	Мученичество	«самый благородный вид самоубийства» во имя истины
3	Война	«солдаты во все времена и при любых обстоятельствах»
4	Смертельная болезнь	«английская леди, принявшая настойку опия», узнав, что она больна и «из страха стать ненавистной мужу»

Резюмируя свои изыскания, Г. Мартино аргументировано указывала на значимость этноконфессионального фактора при распространении суицидов: «В каждом обществе есть свои самоубийства, из их характера и количества можно многое узнать как о преобладающих представлениях о морали, так и о религиозных чувствах, которые побуждают к совершению этого поступка или контролируют его»⁴.

Эта выдающаяся женщина активно пропагандировала аболиционизм в Европе и США. В брошюре «Эпоха мучеников в Соединенных Штатах» (1839), трезво оценивая реальное положение дел, Мартино писала, что «рабство так же тесно переплетено с американскими институтами и широко распространено в американском обществе, как аристократический дух пронизывает

¹ Martineau H. How to observe... P. 94.

² Ibid. P. 95.

³ Ibid. P. 95-97.

⁴ Ibid. P. 95.

Великобританию»¹. Она с удовлетворением констатировала, что «в настоящее время в мире есть множество замечательных людей, живущих и энергично действующих в единстве воли и понимания», «связанных вместе не клятвой, не обетом, не условием, а тем, что каждый сохраняет свою индивидуальную свободу» — это «первопроходцы в борьбе с рабством»².

Хотя Мартино до определенного времени не использовала в своих сочинениях название новой дисциплины, предложенное ее основоположником, она восприняла некоторые научные установки позитивизма. Сам О. Конт написал ей следующее признание: «С точки зрения будущих поколений, я уверен, что Ваше имя будет связано с моим, поскольку Вы подготовили единственную работу, которая сохранится из всех тех, что вызвал к жизни мой фундаментальный трактат»³.

Ныне развернулись дискуссии о личности и творчестве Г. Мартино. Можно выделить две основные оценки: 1) некоторые ученые (например, Р. Гамильтон) утверждают, что ее выдвижение в качестве одного из первых выдающихся социологов является искусственным и надуманным⁴; 2) другие специалисты (например, Э. Гидденс) считают, что определение ее вклада в науку как выдающегося вполне заслужено⁵.

На наш взгляд, исследовательницу с полным правом можно отнести к числу создателей не только социологии воспитания, социологии образования и феминистской социологии, но и танатосоциологии.

В 1850-х – 1860-х годах в стране (без участия Г. Мартино) возникло несколько кружков контистов. Далее мы кратко рассмотрим творчество тех участников этих объединений, кто обращался к рассмотрению танатосоциологических вопросов.

¹ *Martineau H.* The Martyr Age of the United States. Boston: Weeks, Jordan and Co. [etc.]; New York: J.S. Taylor, 1839. P. 4.

² *Ibid.* P. 3.

³ Цит. по: *Fenwick Miller F.* Harriet Martineau... P. XVII-XVIII.

⁴ *Hamilton R. F.* American sociology rewrites its history // *Sociological Theory*. 2003. Vol. 21, N 3. P. 281-297.

⁵ *Гидденс Э.* Социология. 2-е изд. М.: URSS, 2005. С. 28.

Так, несколько студентов Уодхэм-колледжа в Оксфорде под руководством священника и профессора **Ричарда Конгрива (1818-1899)** сформировали дискуссионный клуб «Мумбо-юмбо», где обсуждались социально-политические и религиозные проблемы. Наставник специализировался на трудах Аристотеля, но встреча с О. Контом (1848) изменила его мировоззрение и научно-педагогические интересы. В результате, Конгрив отошел от англиканства и оставил преподавание (1854), развернув деятельность по пропаганде позитивистских взглядов. Обращаясь к современникам, он призывал: «В нашем собственном поколении мы должны жить в послушном подчинении урокам прошлого, голосу мертвых, и в то же время [...] стараться так формировать наши действия, чтобы они могли принести пользу [...] будущему»¹.

Выступая в Париже 5 сентября 1862 года на мессе, посвященной пятой годовщине со дня кончины творца Религии Человечества, Конгрив сформулировал ряд базовых положений культа смерти: 1) «великий институт культа мертвых уже существует в других религиях», но позитивизм его «принимает, расширяет, совершенствует и гармонизирует со всей нашей жизнью»; 2) культ мертвых — «это очень мощный источник», внушающий нам «великое спокойствие», он «также вдохновляет нас на твердую и устойчивую решимость»; 3) «люди умирают, человек живет» — «давайте постараемся избежать потерь» и будем решать «великий вопрос социальной перестройки через стремление к новой религии; и она останется, даже если мы все исчезнем»; 4) «самая безопасная пропаганда для нас, как и для других религий, которые предшествовали нам, — это жизнь, четко соответствующая нашим убеждениям»; 5) надо следовать принципам, «преклоняясь перед Верой, заботясь о своем нравственном совершенствовании»; 6) «если в позитивистском доме сплочения не существует, то наша Вера не сможет достигнуть больших социальных успехов»².

Отстаивая свою позицию, он в равной степени обличал «жертвоприношение жизней английских солдат» и их «зверские жестокости» в Индии, а также

¹ *Congreve R. Political, Social and Religious Essays. London: Longmans, Green and C^o, 1874. P. 290.*

² *Ibid. P. 322, 327, 331, 336, 337.*

виновников франко-германской войны с обеих сторон. Конгрив заявлял: «Мы осуждаем войну как средство распространения английской или западной торговли, цивилизации и христианства»¹.

Вначале при поддержке бывших членов оксфордского клуба Конгрив организовал Лондонское позитивистское общество (1867), потом позитивистскую школу (1870) и, в конечном итоге, открыл храм Церкви Человечества (1878). Британцы не были первыми, кто совершил подобный акт (табл. 4.1.3).

Таблица 4.1.3

Церковь Человечества (1850-е – 1920-е гг.)

Организация	Церковь Человечества				
	Франция	США	Британия	Бразилия	Чили
Страна	Франция	США	Британия	Бразилия	Чили
Год основания	1858	1869	1878	1881	1883
Руководитель	П. Лаффит	Д. Г. Кроли	Р. Конгрив	М. Лемуш	Х. Э. Лагарриге

Но спустя несколько лет (1881) среди контистов возник конфликт и часть несогласных с клерикальными порядками, установленными «английским понтификом», покинула Церковь².

«Раскольники» образовали комитет во главе с **Фредериком Харрисоном (1831-1923)**, бывшим учеником Конгрива, и стали издавать ежемесячный журнал «Позитивистское обозрение». Фредерик родился в семье столичного биржевого маклера. Завершив обучение в университете, он занялся преподаванием юриспруденции, адвокатской практикой и литературной критикой. Харрисон получил известность как защитник прав профсоюзов и публицист. Он много путешествовал по Европе, совершил поездки в США, в Египет и Турцию. Семейная жизнь социолога сложилась благополучно, но один из его четырех сыновей погиб во время Первой мировой войны³.

В танатосоциологическом отношении примечательны несколько публикаций Харрисона. Так, в одном из некрологов (1892), посвященном выдающимся литераторам, он сравнил порядок прощания с французским и английским литераторами: «Похороны Ренана были великой государственной

¹ Congreve R. Political, Social and Religious... P. 222.

² Simon W. M. Auguste Comte's English Disciples // Victorian Studies. 1964. Vol. 8. No. 2. P. 161-172.

³ Harrison F. Autobiographic Memoirs. Vol. 1. 1831-1870. London: Macmillan and Co, Limited, 1911.

церемонией, с военной и официальной pompой, академическим и бюрократическим достоинством, пышным зрелищем, ораторским искусством и публичным освящением гражданского памятника [...]. Похороны английского поэта [А. Теннисона – *И. Л.*] были простым и частным актом траура, на который спонтанно пришло множество сочувствующих людей»¹.

В одной из статей (1899) Харрисон аргументировал необходимость проведения научной экспертизы вновь обнаруженных останков лидера Английской революции О. Кромвеля и указал на историческую ответственность лиц, осуществивших эксгумацию тела национального лидера в период Реставрации. По мнению позитивиста, «следует помнить, что голова, которую английский король и парламент так подло выкопали, отрезали и выставили в насмешку у ворот парламента» свидетельствует о «грязном и варварском надругательстве», но еще не поздно «искупить беспрецедентное злодеяние»².

Контрист блестяще пропагандировал идеи «порядка и прогресса» и порицал аморальность христианских конфессий: «Они возносили с десяти тысяч алтарей молитвы Богу Сражений, чтобы благословить наше оружие, то есть дать нам возможность убивать наших врагов и овладевать их землей. Ни один голос не исходит от официальных церквей, чтобы вызвать сомнение в справедливости, добросовестности и христианском милосердии тех, кто втянул Англию в бессмысленную войну грабежей»³.

В книге «Реалии и идеалы: социальные, политические, литературные и художественные» (1908) Харрисон, сообразуясь постулатами позитивизма, утверждал: «Религия Человечества [...] является рационализированным и одухотворенным поклонением мертвым, поскольку она стремится упорядочить жизнь человека по отношению к Прошлому, Настоящему и Будущему Человечества»⁴.

¹ *Harrison F. Memories and Thoughts: Men – Books – Cities – Art.* London: Macmillan and C^o, Limited; New York : The Macmillan Company, 1906. P. 30.

² *Ibid.* P. 77, 81.

³ *Harrison F. Christianity at the Grave of the Nineteenth Century // The North American Review.* 1900. Vol. 171. No. 529. P. 827.

⁴ *Harrison R. Realities and Ideals. Social, Political, Literary and Artistic.* London: Macmillan and C^o, Limited, 1908. P. 164.

С учетом этого он обосновал свои практические рекомендации по решению актуальной для контистов проблемы: 1) так как «нынешнее состояние закона и общественного мнения не позволяет [...] проводить свои собственные церемонии на церковных кладбищах», необходимо осуществлять кремацию; 2) крематории предоставляют оптимальные «условия для проведения религиозных обрядов без какой-либо отличительной сектантской эмблемы»; 3) такой подход к организации похоронных обрядов обеспечивает соблюдение контистских традиций прощания и экономию сил и средств верующих¹.

На наш взгляд, Харрисон объективно определил требования и перспективы для контистского преобразования социальной реальности: «Позитивист должен обладать всеми христианскими добродетелями [...], быть готовым присоединиться ко всем трудящимся людям в духе принятия любого практического блага, радуясь всем формам счастья, которые безвредны, и сочувствуя всему, что является искренним, счастливым, прекрасным, [...] даже несмотря на то, что его форма принадлежит прошлому, и она нуждается в значительной коррекции и длительной регенерации на практике»².

Ближайшими соратниками Харрисона были еще два выпускника Оксфорда — историк **Эдвард Спенсер Бизли (1831-1915)** и врач **Джон Генри Бриджес (1831-1906)**. По мнению зарубежных исследователей (К. Кент, Х. Ройден, У. М. Саймон, М. Уилсон и др.), несмотря на определенные расхождения во взглядах, этот «триумвират позитивистов» отстаивал общие позиции (аболиционизм, антирасизм, антимонархизм, республиканизм, антимилитаризм, антиимпериализм, гомруль, международная солидарность). Э. С. Бизли, Дж. Г. Бриджес и Ф. Харрисон переводили труды основоположника контизма, «адаптировали» его идеи к британской действительности и продвигали их в печати. Они полагали, что прикладная социология, связанная с Религией Человечества, может способствовать выявлению социальных язв (пауперизация населения, непригодность трущоб для жизни, плохая организация общественного

¹ *Harrison R. Realities and Ideals...* P. 163-175.

² *Harrison F. Autobiographic Memoirs...* P. 281.

здравоохранения, высокий уровень смертности и т. п.), проведению реформ и достижению поставленных целей¹.

Наряду с почитателями Конта, осуществлявшими, по сути, социальное служение, в британской науке были исследователи, придерживавшиеся нерелигиозной версии позитивистского изучения смерти.

Так, **Джон Стюарт Милль (1806-1873)** входил в ближний круг Г. Мартино. Он родился в многодетной шотландской семье, глава которой был сотрудником Ост-Индской кампании, плодотворно занимавшийся историческими штудиями и общественной деятельностью. Отец вложил много сил в воспитание старшего сына: Стюарт рано освоил древнегреческий язык и латынь, изучал историю, философию, высшую математику и естественные науки. Но, по его собственному признанию, у него не было детства, к тому же он был физически слабо развит. Взрослея (1826-1827), Стюарт впал в состояние острого душевного кризиса, сопряженного с суицидальными настроениями, но преодолев это, он стал лучше понимать окружающий мир.

Идя по стопам отца, Милль эффективно трудился в Ост-Индской кампании (1823-1858), где прошел путь от клерка до руководящих постов. Кроме того, он был действующим политиком, избирался в парламент (1865-1868). На его интеллектуальное творчество повлияли идеи британских (И. Бентам, Т. Мальтус, Д. Рикардо, Н. У. Сениор, А. Смит и др.) и французских (О. Конт, А. Сен-Симон) мыслителей².

В судьбе ученого решающую роль сыграла феминистка Г. Тэйлор (1807-1858), которую он полюбил, встретив еще в молодости (1830). Однако женщина была тогда замужем и их взаимоотношения вызвали осуждение викторианского общества. Лишь после смерти первого супруга она смогла официально вступить в

¹ См.: *Kent C. A. Higher Journalism and the Promotion of Comtism // Victorian Periodicals Review. 1992. Vol. 25. No. 2. P. 51-56; Royden H. Marx, Engels, and the British Response to the Commune // The Massachusetts Review. 1971. Vol. 12. No. 3. P. 463-477; Simon W. M. Auguste Comte's English Disciples...; Wilson M. Rendering Sociology. On the Utopian Positivism of Harriet Martineau and the «Mumbo Jumbo Club» // Journal of Interdisciplinary History of Ideas. 2019. № 16. 1-32 и др.*

² См.: *Туган-Барановский М. И. Д. С. Милль. Его жизнь и литературная деятельность. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1892; Courtney W. L. Life of John Stuart Mill. London: W. Scott, 1889; Thouverez E. Stuart Mill. Paris: Bloud, 1908 и др.*

новый брак. Счастливый период совместной жизни (1851-1858) Милля и Тэйлор был недолгим – она скончалась от воспаления легких (по другим данным от туберкулеза). Последующие годы безутешный вдовец посвятил воплощению ее планов («цели мои в жизни только те, которые были у нее») и регулярному посещению ее могилы («ее память для меня – религия»¹), следуя примеру О. Конта.

Биография и труды выдающегося британца неоднократно становились предметом обсуждения в истории зарубежной (Дж. Барзеллотти, Э. Литтре, К. Маркс, И. Тэн, Ф. Харрисон и др.) и отечественной (А. И. Герцен, П. Л. Лавров, К. П. Победоносцев, Н. Н. Страхов, М. И. Туган-Барановский, Н. Г. Чернышевский и др.) социально-политической мысли. Специалисты, признавая его вклад в развитие политической экономии, логики, социологии, психологии и политической философии, отмечали, что в воззрениях Милля сочетались скептицизм, агностицизм, утилитаризм, эмпиризм и либерализм.

В связи с темой нашего исследования выделим в наследии ученого несколько ключевых проблем: полемика с О. Контом, несвобода, насильственная смерть и бессмертие.

Переписка с создателем позитивизма (1841-1847)² и сочинения Милля в достаточной мере отражают эволюцию взаимоотношений между учеными (как известно, они никогда не встречались). Так, 5 апреля 1842 г. Конт, отметив «спонтанное сближение по всем важнейшим направлениям новой философии» со своим адресатом, подчеркивал: «Как и вы, я очень хотел бы, чтобы эта драгоценная корреспонденция была непосредственно связана с личными отношениями»³. О доверии к Миллю свидетельствует признание, написанное им спустя месяц (6 мая 1846 г.) после смерти К. де Во: «Чтобы без колебаний пережить такую катастрофу против самоубийства мне потребовалась вся сила

¹ *Милль Дж. С. Автобиография (История моей жизни и убеждений)*. М.: Книжное дело, 1896. С. 225.

² *Kremer-Marietti A. Comte and Mill – the Philosophical Encounter // The correspondence of John Stuart Mill and Auguste Comte*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1995. P. 1-34.

³ *Lettres d'Auguste Comte John-Stuart Mill*. 1841-1846. Paris: Ernest Leroux, Editeur, 1877. P. 30-31.

моих философских воззрений, укрепленная фундаментальным чувством высокой социальной миссии, которую мне еще предстоит выполнить»¹.

Разрыв между «патриархом» и «учеником» произошел не только из-за «несовместимости» их характеров и организации финансовой поддержки Конта, но и по причине несогласия Милля по ряду принципиальных вопросов.

Признавая важность постулатов новой науки, исследователь критиковал ее основоположника за «поверхностность» в политической экономии и отступления в логике анализа. В книге «Огюст Конт и позитивизм» (1865) он подробно и сочувственно рассмотрел содержание танатосоциологических взглядов своего оппонента: «Не имея возможности обещать нам вечность объективного существования, Контова религия дает нам все, что она в силах дать: поддерживая в нас надежду на бессмертие субъективное, т. е. на существование в воспоминании и в посмертном почитании со стороны человечества вообще, если мы чем-нибудь заслужили это, или хоть со стороны тех людей, которых мы любили при жизни. По смерти же этих людей мы найдем свое бессмертие в коллективном почитании, которое будут воздавать человечеству в совокупности, как единому “Великому Существо”»².

Но Милль упрекал мэтра за ложное понимание «настоящего назначения правил жизни»: «золотое нравственное правило в Контовой религии — жить для других», но для него этого недостаточно — «нам следовало бы стараться не любить себя вовсе»³.

Ученый доказал, что предложенная Контом социологическая конструкция игнорирует психофизиологическую мотивацию поведения человека: «он требовал, чтобы одобрение поступка было исключительным побуждением к нему» — нам нужно «умерщвлять все желания, которые имеют в виду нашу личность, отказывать им во всяком удовлетворении»⁴.

¹ Lettres d'Auguste Comte John-Stuart Mill... P. 415.

² Милль Дж. С. Огюст Конт и позитивизм // Огюст Конт и положительная философия. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1867. С. 138.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же.

У Милля вызывала протест мелочная регламентация позитивистских поминальных ритуалов: «В высшей степени комично предписывать, чтобы каждый соблюдал их три раза в день, уделяя для этого два часа времени, не потому, чтобы этого требовали чувства человека, а единственно в силу преднамеренного желания возбудить их»¹.

Соглашаясь с Контом в вопросе о наследовании («неограниченное право завещания»), Милль показал, что его афоризм («живые все более и более управляются умершими») трактуется по-разному: 1) сам Конт подразумевал, что «мы должны более и более безусловно подчиняться авторитету предыдущих поколений и все менее и менее позволять себе сомневаться в их суждениях или собственным рассудком поверять основательность их мнений»; 2) с точки зрения современников, «по мере того, как цивилизация подвигается вперед, сумма наших физических и умственных богатств становится произведением наших трудов в убывающей пропорции и, напротив, в возрастающей пропорции результатом усилий наших предков»².

По нашему мнению, Милль, разделяя некоторые основные положения позитивизма, справедливо критиковал социально-политическую доктрину Конта, в которой усматривал систему духовного и политического деспотизма, игнорирующую человеческую свободу и индивидуальность.

Эта позиция прослеживается и в его анонимной отповеди Т. Карлейлю, оправдывавшему институт рабства. Невзирая на былые дружеские отношения между ними, Милль в памфлете «Негритянский вопрос» (1850) наглядно продемонстрировал социально-исторические корни рабовладения: «В течение почти двух столетий тысячи негров, схваченные силой или благодаря предательству, ежегодно увозились в Вест-Индию для работы до смерти. Это было общепринятым правилом, признанным требованием хорошей экономики — быстро использовать их и импортировать новых. Все это включало всевозможные

¹ Милль Дж. С. Огюст Конт и позитивизм... С. 139.

² Там же. С. 162.

виды жестокости, тирании и угнетения. А мотивом со стороны рабовладельцев была любовь к золоту»¹.

Опровергая аргументы Т. Карлейля, социолог указывал, что тот совершает при защите рабства «вульгарную ошибку, приписывая каждое различие, которое он находит между людьми, изначальному различию природы»².

В период Гражданской войны в США Милль открыто поддержал северян в своих эссе «Борьба в Америке» и «Власть рабов» (1862). Позднее он вошел в состав «Ямайского комитета» (1866), потребовав судебного наказания представителей британских властей, не остановивших убийство безоружных мужчин, женщин и детей, обвиненных в участии или сочувствии восстанию на карибском острове³.

Милль-либерал полагал иногда необходимым отступить от принципа невмешательства в международных делах и вести военные действия. С его точки зрения, это следует делать в трех случаях: 1) в борьбе против рабства; 2) при поддержке усилий народа в отстаивании права на самоопределение; 3) при противостоянии тирании⁴.

Но исследователи справедливо обращают внимание на то, что при этом право на «гуманитарное вмешательство» Милль предоставляет «цивилизованным» народам, которые посредством насилия должны исправить «варваров»⁵. Для обоснования такого подхода ученый использовал эпистемологические приемы, выделяя «существенные» и «случайные» различия между людьми (но не естественного происхождения, как полагал Т. Карлейль).

Проблема свободы является «сквозной» в творчестве Милля, он анализировал проявления индивидуальной свободы на разных уровнях социальной реальности⁶ (рис. 4.1.2).

¹ The Collected Works of John Stuart Mill. Volume XXI - Essays on Equality, Law and Education. Toronto: University of Toronto Press, London: Routledge and Kegan Paul, 1984. P. 88.

² Ibid. P. 93.

³ Милль Дж. С. Автобиография... С. 264-267.

⁴ Он же. Несколько слов о невмешательстве // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 281–299.

⁵ См.: Куманьков А. Д., Чаганова Д. Н. Безопасность, гуманизм и варварство: Дж. Ст. Милль о принципе невмешательства // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 267-280; Klausen J. C. Violence and Epistemology: J. S. Mill's Indians after the «Mutiny» // Political Research Quarterly. 2016. Vol. 69, No. 1, pp. 96-107.

⁶ Милль Дж. С. Утилитарианизм. О свободе / Пер. с англ. 3-е рус. изд. СПб.: И. П. Первозников, 1900. С. 214.

<i>Свобода совести</i>	⇔	<i>Свобода выбора</i>	⇔	<i>Свобода действовать сообща</i>
«Абсолютная свобода мысли, чувства, мнения касательно всех возможных предметов, и практических, и спекулятивных, и научных, и нравственных, и теологических»	⇔	«Свобода выбора и преследования той или другой цели, свобода устраивать свою жизнь сообразно со своим личным характером, по своему личному усмотрению»	⇔	«Свобода действовать сообща с другими индивидуумами, соединяться с ними для достижения какой либо цели, которая не вредна другим людям»

Рисунок 4.1.2 – Сферы индивидуальной свободы (по Д. С. Миллю)

Под влиянием Г. Тэйлор ученый стал одним из самых известных поборников женской эмансипации в Британии. И в этом вопросе он также разошелся во взглядах с Контом. Корифеем позитивизма считал нормальным и полезным неравноправное положение женщин¹. В письме Миллю от 5 октября 1843 г. он утверждал: «Подчиненность коренится в их естественной слабости, которую ничто не может изгладить, и которая в человеческом роде обозначена даже ярче, чем у других высших животных»². В свою очередь, Милль в книге «Подчиненность женщины» (1869), оперируя историческими фактами, доказывал, что нынешнее «рабство женского пола» — это «просто продолжение первобытного состояния рабства, перешедшего целый ряд смягчений и изменений»³. Он полагал, что социальная дискриминация женщин, их «рабский» статус (избиения жен, сложность развода по инициативе супруги, неполноправность вдов и т. п.) обусловлены системой воспитания, религиозными традициями и негативной силой общественного мнения.

Столь же ясной и убедительной выглядит речь Милля в Палате общин за сохранение смертной казни (1868). Он сформулировал следующую систему аргументов: 1) «убийство при отягчающих обстоятельствах карается смертью»; 2) «лишить преступника жизни» — «наиболее уместно для обеспечения безопасности жизни»; 3) «короткая мука быстрой смерти» предпочтительнее «пожизненного заключения с каторжными работами»; 4) «безразличие

¹ См.: *Guillin V. The Biological Bias of Comte's Sociology: The Issue of Sexual Equality // Revue d'histoire des sciences. 2012. Volume 65, Issue 2, p. 259-285.*

² Цит. по: *Милль Д. С. Подчиненность женщины.* СПб.: Издание книгопродавца С. В. Звонарева, 1869. С. XLII.

³ Там же. С. 12-13.

профессиональных преступников к виселице» недостоверно; 5) «удержание страданием от причинения страдания является самой целью уголовного правосудия»; 6) «тот, кто нарушает право на жизнь другого человека, утрачивает его для себя»; 7) «невозможность исправить однажды совершенную ошибку должна заставить присяжных и судей быть более осторожными при формировании своего мнения»¹.

Возражения парламентария не возымели действия, публичные казни были отменены, а высшую меру наказания прекратили применять в Британии лишь в середине XX столетия.

Полагаем, что в последний период жизни мировоззрение исследователя претерпело некоторые изменения, этот вывод подтверждает книга «Три очерка о религии: природа, полезность религии и теизм», опубликованная посмертно (1874) его падчерицей Х. Тейлор. В эссе «Полезность религии» (1850-1858) он с горечью констатировал: «Что отвратительно в смерти, так это не сама смерть, а акт умирания и его мрачные последствия»².

В заключительном эссе «Теизм» (1868-1870) Милль утверждал, что у науки нет никаких доказательств против бессмертия души. Но вера в бессмертие у большинства людей базируется не на научных выкладках, а на нежелании отказаться от существования и на традиционных представлениях: «То, что называется желанием вечной жизни, — это просто желание жизни»³. Его резюме полностью соответствует принципам утилитаризма: «Для любого, кто считает, что надежда на будущее состояние как возможность способствует его удовлетворению или полезности, нет никаких препятствий для того, чтобы он потворствовал этой надежде»⁴.

На наш взгляд, танатосоциологические изыскания Милля представляют не только исторический интерес (например, его влияние на европейских и американских социологов). Его работы отличают верность эмпиризму, акцент на

¹ Speech In Favor of Capital Punishment by John Stuart Mill (1868) [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Speech_In_Favor_of_Capital_Punishment (дата обращения: 23.02.2021).

² Mill J. S. Nature, the Utility of religion, and Theism. London : Longmans, Green, Reader and Dyer, 1874. P. 120.

³ Ibid. P. 205.

⁴ Ibid. P. 210.

индуктивных процедурах научного исследования и развернутые психологические объяснения получения социального знания. Надо также воздать должное активной гражданской позиции ученого, его борьбе за расовое и гендерное равенство.

Еще один вариант «светского» позитивизма был разработан **Гербертом Спенсером (1820-1903)**. Он родился в Восточной Англии в семье учителя, где было еще шестеро детей, из которых пятеро умерли в младенчестве. Плохое здоровье и особенности характера («был очень нетерпелив», «совершенно не выносил физических и нравственных страданий», «всегда видел чужие недостатки», «непокорен»¹) помешали Герберту получить систематическое образование.

Являясь талантливым самоучкой, благодаря своим способностям, он сумел поработать учителем (1837), инженером (1837-1841, 1843-1847) и редактором (1848-1853). Небольшие средства, полученные в наследство от дяди (1853) и родителей (1866) и по подписке от читателей его сочинений, позволили Спенсеру заниматься исключительно научной деятельностью.

Круг его интеллектуального общения включал Т. Гексли, Дж. Г. Льюиса, Д. С. Милля, Дж. Тиндаля и др. Он совершил путешествия по Швейцарии (1853), Франции (1854), Италии (1868, 1879), Египту (1879), США и Канаде (1882). К впечатлениям от поездок социолог неоднократно возвращался в своих трудах. Последние годы жизни Г. Спенсер, будучи холостым, терзался от одиночества и болезней настолько, что без опиума он не мог заснуть. Социолог был похоронен на столичном кладбище Хайгейт недалеко от могилы К. Маркса².

Ученому суждено было стать «крестным отцом» социологии, очистившим ее от флера контовского утопизма и укрепившего ее научный статус³ (табл. 4.1.4).

¹ *Герберт Спенсер*. Автобиография / сокр. излож. СПб.: О. Н. Попова, 1904. С. 17.

² См.: *Ковалевский М. М.* Сочинения в 2 т. СПб.: Алетейя, 1997. Т. 1. С. 197-241; *Кропоткин П. А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. С. 558-574; *Turner J. H.* Herbert Spencer // *The Blackwell Companion to Major Contemporary Social Theorists...* P. 69-92 и др.

³ См.: *Eisen S.* Herbert Spencer and the Spectre of Comte // *Journal of British Studies*. 1967. Vol. 7. No. 1. P. 48-67; *Lanaro G.* Spencer e la polemica verso Comte // *Rivista Critica di Storia della Filosofia*. 1981. Vol. 36. No. 1. P. 29-55; *de Roberty E.* Auguste Comte et Herbert Spencer; contribution a l'histoire des idees philosophiques au XIXe siecle. Paris: F. Alcan, 1895 и др.

Расхождения во взглядах О. Конта и Г. Спенсера

<i>О. Конт</i>	<i>Г. Спенсер</i>
Субъективизм	Объективизм
Мессианизм	Антимессианизм
Закон трех стадий	Социальный эволюционизм
Анализ прогресса человеческих понятий	Анализ прогресса внешнего мира
Описание филиации идей	Описание филиации вещей
Объяснение генезиса знаний о природе	Объяснение генезиса природных явлений
Приоритет социального целого	Приоритет индивида

Анализ зарубежных (С. Г. Меллоне, Дж. Оффэр, Ч. М. Уайт, Дж. Уотсон и др.) и отечественных (А. Б. Гофман, Г. Е. Зборовский, М. М. Ковалевский, Н. К. Михайловский и др.) публикаций, посвященных Г. Спенсеру как одному из самых плодотворных авторов-позитивистов, показал, что социология смерти в его творчестве не становилась темой специального исследования.

При этом отметим, что уже в первом крупном сочинении ученого «Социальная статика: изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества» (1851) был проанализирован ряд проблем социологии смерти. Согласно Спенсеру, «каждое страдание, причиненное человеческому телу, начиная от головной боли и до смертельных болезней, начиная от обжога и вывиха и до случайной смерти, причиняется исключительно тем, что тело поставлено было в условия, не соответствующие его силам и свойствам»¹.

Социолог последовательно выступал против ограничений свободы со стороны властных институтов: «Жизнь зависит от известного рода деятельности – уничтожьте вполне свободу упражнять способности, и вы получите смерть»².

Спенсер категорически осуждал рабство, так как оно «повлекло за собою множество зол болезненного состояния общества; это было царство взаимной ненависти и взаимного страха; всеобщего растреления и порочной лени; отчаянных

¹ Спенсер Г. Социальная статика / Пер. с англ. Киев: Гама-Принт, 2013. С. 61.

² Там же. С. 192.

мер и дурно возделанных земель; истощенных почв и заложенных имений; несостоятельности и бедности»¹.

Но исследователь указывал и на то, что аболиционисты Англии, борясь против транспортировки рабов, не учли того, что «судно, лишившись надежды избежать преследования, могло выбросить в море груз из пятисот негров»².

Рассуждения социолога («никто не может лишить своего ближнего жизни или свободы, потому что он не может этого сделать, не нарушая закона, который, обеспечивая его свободу, требует, чтобы он “не нарушал равной свободы другого”»³) были нацелены на защиту либерализма.

Именно Г. Спенсер положил начало органицизму и социальному эволюционизму. Известно, что его статья «Гипотеза развития» (1852) была опубликована на семь лет раньше работы Ч. Дарвина. В книге «Основные начала» (1862), первой части его фундаментального труда «Система синтетической философии» (1862-1896), мыслитель теоретически обосновал действие закона эволюции: во Вселенной на всех уровнях происходит непрерывное перераспределение материи и движения⁴. По его мнению, следует различать неорганический, органический и надорганический виды эволюции (рис. 4.1.3).

от бессвязности	⇒	к интеграции	<i>Движение в обществе и природе:</i> возрастает уровень упорядоченности организмов
от однородности	⇒	к разнородности	
от неопределенности	⇒	к определенности	

Рис. 4.1.3 – Закон эволюции (по Г. Спенсеру)

Эволюционный подход он применил в книге «Основания социологии» (1874-1875), где утверждал, что древнейшим религиозным представлением была вера в душу и ее посмертное существование. В качестве исходной формы верований и обрядов Спенсер признавал культ предков, в ходе эволюции из него рождаются многообразные религиозные представления. Вслед за поклонением недавно умершим и местным предкам возникает культ тех, которые умерли в более отдаленные времена и, сохраняясь в памяти потомков вследствие своего

¹ Спенсер Г. Социальная статика... С. 51.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 111.

⁴ Спенсер Г. Основные начала / Пер. с англ. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1897. С. 235-449.

могущества или особого общественного положения, приобрели в сознании общества известное верховенство¹.

Божествами потомков становятся наиболее отдаленные предки. Поскольку они на основании преданий считаются прародителями, или причинами, существующих ныне людей, то в качестве единственных известных причин начинают безмолвно признаваться причинами и всех других вещей. Все или почти все племена, объединения, народы имеют смутные или отчетливые верования в оживающее другое «я» умершего человека. Из представления о духах усопших — манах (лат. *manes* — души умерших, тени усопших) — возникало постепенно разнообразнейшее понимание сверхъестественных существ².

По Спенсеру, благодаря культу умерших происходит усложнение религии: храмы возникли из гробниц, жертвоприношения — из «кормления» умерших, молитвы — из обращений к покойникам, всевозможные религиозные обряды — из погребальных обрядов³.

Церемонии регулировали общение и культивировали чувство субординации. Постепенно ритуалы утратили свое первостепенное значение, ведущие роли стали играть политические и церковные институты. Проанализировав постобрядовую «регулятивную систему» и механизмы ее социального контроля, Спенсер пришел к выводу, что, в конечном счете, контроль держится на «страхе перед живыми и перед мертвыми»: первый поддерживает государство, второй — церковь⁴.

Для фундирования своей концепции ученый часто прибегал к аргументам-аналогиям. Социолог утверждал, что любой общественный организм представляет собой своеобразный слепок тела индивида — взаимозависимую систему, состоящую из трех частей: 1) производящая; 2) распределительная, включающая пути сообщения, транспорт, торговлю и т. п.; 3) регулятивная

¹ Спенсер Г. Основания социологии. Т. 1 / Пер. с англ. СПб.: И. И. Билибин, 1876.

² *Он же*. Синтетическая философия / Пер. с англ. Киев: Ника-центр : Вист-С, 1997. С. 264-284.

³ Там же. С. 264-284.

⁴ Яблоков И. Н. Проблемы религии в социологии О. Конта и Г. Спенсера // Введение в общее религиоведение. М.: Университет, 2001. С. 220.

(управленческая). По его словам, «паралич членов ведет к смерти всего тела, вследствие не способности добывать пищу и избегать опасности»¹.

Изучив динамику социальной эволюции, Спенсер выделил два типа общества – военный и индустриальный. Если для первого типа характерны вооруженные конфликты, истребление и порабощение побежденных, то для второго – отношения конкуренции, что предпочтительнее. Ученый оправдывал «оборонительные» и при определенных условиях «освободительные» войны², но следование принципу «выживание сильнейшего» у Спенсера имеет свой смысл для разных социумов и отнюдь не тождественно упрощенному варианту социал-дарвинизма.

В работе «Данные этики» (1879) Спенсер, рассмотрев этические аспекты соотношения страданий и удовольствий в жизни людей, выявил фактор, повышающий уровень их смертности, — ослабленность человеческих организмов из-за лишений («скудная и плохая пища», «изнурительные усилия» и т. п.), которые ведут «роковым болезням»³.

Социолог был противником «государственной милостыни», порождающей бюрократизм и иждивенчество, но поддерживал частную благотворительность. В книгах «Социальная статика» и «Человек против государства» (1884) достаточно полно отражены его взгляды на эту проблему (приложение, табл. 10).

Социолог был убежден, что помощь не должны получать «люди порочные», «бездельники, живущие [...] на счет порядочных людей: бродяги, глупцы, настоящие или будущие преступники, юноши, лежащие тяжелым бременем на своих истомленных трудом родителях, мужья, отнимающие у жен их заработок, молодцы, живущие на содержании у проституток» и т. п.⁴

Кроме того, детально отслежив изменения в социальных структурах от зарождения до гибели, социолог утверждал, что «долг кровомщения» предписывался человеку еще до возникновения того, «что могло бы быть названо

¹ Спенсер Г. Основания социологии. Т. 2 / Пер. с англ. СПб.: И. И. Билибин, 1877. С. 503.

² Он же. Политические сочинения: в 5 т. М.: Социум, 2015. Т. 3. История политических институтов.

³ Он же. Основания науки о нравственности / Пер. с англ. СПб.: И. И. Билибин, 1880. С. 118.

⁴ Он же. Политические сочинения: в 5 т. М.: Социум, 2015. Т. 1. Личность и государство. С. 23.

общественной организацией. С установлением господства вождя, убийство врагов становится политической обязанностью; а с возникновением страха перед гневом умершего вождя, убийство врагов становится религиозным долгом»¹.

В книге «Опыты научные, политические и философские» (1891) ученый привел пример, что на островах Фиджи муж «мог убить свою собственную жену, если она его оскорбила, и тут же съесть ее». Вместе с тем он подчеркивал, что «в обществе, в котором убийство даже и безобидного человека почиталось не преступлением», и там существовали «некоторые ограничения права убивать друг друга, иначе неограниченное убийство всех и каждого привело бы к искоренению общества»². Исследуя различия между цивилизованными и варварскими расами в отношении к убийствам людей, Спенсер обоснованно настаивал на использовании социологического подхода к определению меры «свирепости» или «гуманности» того или иного субъекта исторического процесса. По этому поводу он иронично писал: «Людоеды, вероятно, находят совершенно справедливым умерщвление тех, которых военное счастье сделало их пленниками»³.

Социолог без иллюзий оценивал возможные результаты позитивных изменений в обществе: «Страдание и горе по-прежнему будут торной дорогой к смерти, а счастье – добавочной жизнью и жизнедателем»⁴.

Итак, Г. Спенсер, трактуя смерть как «окончательное прекращение упражнения способностей»⁵, заложил основы макросоциологической социал-эволюционистской теории смерти, а также системного, функционального и институционального подходов к ее анализу как социального явления. Продолжая контовскую традицию, он рассматривал смерть в соотнесении с религиозным (шире – духовным) развитием человечества. Но в отличие от своего предшественника Спенсер не превращал социологию в религию и при анализе проблемы смерти в большей степени опирался на фактические данные

¹ Спенсер Г. Основания науки о нравственности... С. 144-145.

² *Он же*. Опыты научные, политические и философские. Петроград: Типография М. Я. Минькова, Б. г. С. 126.

³ *Он же*. Социальная статика... С. 123.

⁴ Там же. С. 183.

⁵ Там же. С. 455.

сравнительно-исторических исследований. В течение нескольких десятилетий его авторитет оставался незыблемым в национальной и зарубежной науке.

Особое место в истории науки занимают сочинения представителя расово-антропологического направления **Хьюстона Стюарта Чемберлена (1855-1927)**. Он родился в семье кадрового офицера военного флота, спустя год умерла его мать, поэтому Хьюстона и двоих его старших братьев воспитывали бабушка и тетя. С ранних лет болезненный мальчик проявил способности к языкам, тем более, что семья проживала во Франции (1856-1867). Вернувшись на родину, подросток три года проучился в престижном колледже (1867-1870), но из-за обострившихся недугов вынужден был перебраться на континент. В дальнейшем Хьюстон лишь изредка посещал Англию. Родные и педагоги сформировали в нем религиозность, германофильство и приверженность либеральным ценностям, путешествия по Европе – интерес к естествознанию. Существенное влияние на его взгляды оказало творчество Р. Вагнера, Ж. А. де Гобино, И. В. фон Гёте, И. Канта, Т. Карлейля, У. Шекспира и др. Разумеется, с годами мировоззрение Чемберлена корректировалось, но многое сохранилось до самого конца (рис. 4.1.4).

Иррационализм	⇔	Либерализм	⇔	Германофильство	⇔	Пангерманизм
⇕		↓		⇕		⇕
Антидарвинизм	⇔	Консерватизм	⇔	Ксенофобия	⇔	Экспансионизм
⇕		⇕		⇕		⇕
<i>Расизм</i>						

Рисунок 4.1.4 – Эволюция взглядов Х. С. Чемберлена

Он обучался в Женевском университете, недолго занимался маклерством, но основным источником дохода была наследственная рента. Также определенные средства поступали от издания статей и книг исследователя, благодаря которым к нему пришла известность. Чемберлен был дважды женат, судя по отзывам людей, знавших его, отличался эгоизмом. Последний период жизни социолога был печален – любимая им Германия проиграла войну, тело становилось беспомощным, наступала слепота. На похоронах английского

аристократа-интеллектуала на кладбище в немецком Байройте присутствовал А. Гитлер¹.

Прославил Чемберлена двухтомник «Основы девятнадцатого столетия» (1899). Позитивную оценку он получил среди самых разных людей (Вильгельм II, Й. Геббельс, А. Гитлер, А. Розенберг, Л. Н. Толстой, Б. Шоу, У. Черчилль и др.). Но ряд современников (Дж. М. Робертсон, Т. Рузвельт, М. Хайдеггер и др.) подверг труд Чемберлена уничижительной критике. Так, Т. Рузвельт в своей рецензии написал, что «ненависть мистера Чемберлена охватывает широкий диапазон. В его число входят евреи, дарвинисты, римско-католическая церковь, жители южной Европы, перуанцы, семиты, а также различные литераторы и историки»². Его заключение является, по сути, предостережением: «Не может быть более небезопасной книги, которой можно было бы безоговорочно следовать, и книги с такими смехотворно необоснованными претензиями»³.

На наш взгляд, это незаурядное произведение наглядно демонстрирует авторскую «логику» конструирования ксенофобской мифологии. Приведем несколько примеров: 1) «Будда означает старческую смерть культуры, достигшей границы своих возможностей»; 2) в случае осуждения Сократа «вечно болтливые афиняне соединяли в себе худшее высокомерие спесивого юнкерства с лютой враждебностью невежественной, наглой черни, при этом они обладали непостоянством восточного деспота»; 3) существует «еврейская опасность», за которую «евреи не несут ответственности», так как арийцы «сами ее создали и сами должны ее преодолеть»; 4) «Христос не был евреем», «в его жилах не было ни одной капли еврейской крови»⁴.

Вопреки научным данным даже того времени, юдофоб Х. С. Чемберлен пытался убедить читателей в том, что «как враг ворвался еврей, атаковал все

¹ См.: *Ленетухин Н. В.* Теории расизма в общественно-политической жизни Западной Европы во второй половине XIX — начале XX веков: Ж.-А. Гобино, Г. Лебон, Х.-С. Чемберлен. Иваново: ПресСто, 2013. С. 108-119; *Chamberlain H. S.* Lebenswege Meines Denkens. München: Bruckmann, 1919; *Snyder L. L.* Race: A History of Modern Ethnic Theories. New York - Toronto: Longmans, Green and Co. Alliance Book Corporation, 1939. P. 131-165 и др.

² *Roosevelt T.* Review of The Foundations of the Nineteenth Century by Houston Stewart Chamberlain // The Outlook. 29 July 1911. P. 729.

³ Ibid. P. 731.

⁴ *Чемберлен Х. С.* Основания девятнадцатого столетия / Пер. с нем. В 2 т. Т. I. СПб.: Русский Мирь, 2012. С. 193-194, 253, 331, 349.

позиции и установил [...] на брешах нашего истинного своеобразия знамя своей вечно чуждой для нас сущности»¹.

Действительно, в эпоху модерна произошел «категориальный сдвиг»: взамен «социологического эмпиризма позитивистской социологии» на авансцену выдвигались понятия «расы», «народа», «почвы», «крови» и т. п.² Показательно, что антисемитские пассажи Чемберлена о пагубности «смешения крови» с «особой нацией-расой» базировались исключительно на спекулятивных умозаключениях социолога. При этом он утверждал: «Моральные размышления не должны влиять на наше мнение: чем более беспощадной была сила, тем более жизнеспособной она оказывалась»³.

Эта линия в изысканиях была продолжена Чемберленом в работе «Арийское миросозерцание» (1905). Ратуя за «чистоту расы», он указывал, что «на протяжении всей истории духовного развития индоевропейцев» только «мышление [...] осталось свободно от всякого, даже самого отдаленного, соприкосновения с семитическим духом; оттого оно так чисто, ясно, подлинно и самобытно»⁴. Он полагал, что пришла пора «стать господами в собственном доме», чтобы противостоять семитам.

В годы Первой мировой войны, как и многие его коллеги из других стран, Чемберлен выпустил несколько публицистических сборников пропагандистского характера. Он порицал свое Отечество за действительные и мнимые грехи, за культуру, «посвященную смерти»: «Моральное разложение Англии проявилось с начала нынешней войны самым ужасным образом: ложь, жестокость, насилие, хвастовство, в то же время полное отсутствие достоинства, справедливости, мужественности, поистине печальное зрелище»⁵.

Отвернув любые обвинения Германской имперской армии в преступлениях («немецкий солдат, единственно надежный и дисциплинированный, который

¹ Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия... Т. 1. С. 432.

² Солонин Ю. Н. Чемберлен – предтеча трагических мифов XX века // Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия... Т. I. С. 30.

³ Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия / Пер. с нем. В 2 т. Т. 2. СПб.: Русский Мирь, 2012. С. 11.

⁴ Он же. Арийское миросозерцание / Пер. с нем. М.: Мусагет, 1913. С. 35.

⁵ Chamberlain H. S. The ravings of a renegade; being the War essays. London: Jarrold and sons, 1915. P. 84.

никогда не тронул ни волоска на голове невинного человека»), Чемберлен ссылаясь на зверства вооруженных сил противников Центральных держав¹. Отметим, что его сборники издавались массовыми тиражами и оказывали определенное воздействие на общественное мнение в Германии.

Однако в танатосоциологическом плане важно то, что социолог активно разрабатывал биографический подход, опубликовав объемные монографии, посвященные Р. Вагнеру (1905) и И. В. Гёте (1912), где, в том числе, рассматривались эпизоды, связанные с их уходом из жизни. Музыковеды и литературоведы по-разному определяют степень научной значимости этих сочинений Чемберлена.

Не вступая в дискуссию по этому поводу, полагаем необходимым опровергнуть утверждение М. Саркисянца, что «именно этот британский вдохновитель Гитлера в ложном свете представил враждебность Рихарда Вагнера к иудаизму и вывел из нее непримиримо-расистский экстремизм убийц»². Во-первых, известно, что отношение композитора к антисемитизму было противоречивым. Во-вторых, социолог выражал свою точку зрения на проблему и он имел на это право. В-третьих, практическое использование «экстремистами-убийцами» наследия творца для своего самооправдания произошло после его смерти.

Кейс Чемберлена поучителен, потому что он актуализирует для танатосоциологии (и не только) два насущных вопроса: насколько позиция исследователя подкреплена фундаментальными знаниями о природе жизни и смерти? каковы границы научной, моральной и гражданской ответственности ученого за лично им содеянное в теории и на практике?

Эти же вопросы могут быть адресованы сторонникам мальтузианства, дарвинизма и спенсерианства, которые создали благодатную «почву» для

¹ Chamberlain H. S. The ravings of a renegade... P. 158, 159.

² Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ» / пер. с нем. СПб.: Академический проект, 2003. С. 92.

распространения социал-дарвинизма¹ и евгеники². Их теоретические постулаты нередко выступали в качестве методологической основы при проведении государственными, общественными, религиозными и научными организациями статистических и социальных обследований³. Собранный фактический материал и связанные с ним публикации объективно формировали проблемное поле танатосоциологии, постепенно осваиваемое исследователями.

Отметим, что члены англиканской церкви принимали участие в учреждении Социологического общества (1903) и открытии журнала «Социологическое обозрение» (1908)⁴. Позднее религиозный вектор в функционировании этих институтов «секуляризировался», но интерес к феномену смерти среди социологов сохранился.

Сфера научных исследований определялась обществом весьма широко: «Происхождение и развитие, распад и вымирание обществ, их структура и классификация, их внутренние функции и взаимодействия»⁵.

Среди организаторов объединения социологов были уже упоминавшийся Дж. Г. Бриджес, историк и политик Дж. П. Гуч, социолог-эволюционист Б. Кидд, автор теории «Хартленда» Х. Дж. Маккиндер, президент Лондонского позитивистского общества Ш. Х. Суинни, писатель Дж. Г. Уэллс и др.

В программной статье поклонник Дж. С. Милля, первый профессор социологии в Соединенном Королевстве, главный редактор журнала

¹ См.: *Фогт М.* Социал-дарвинизм. Научная теория, политический и теолого-этический аспекты эволюционной теории / пер. с нем. Ужгород: Бреза, 2014; *Hawkins M.* Social Darwinism in European and American thought, 1860-1945. Nature as model and nature as threat. Cambridge University Press, 1997; *Oates D.* Social Darwinism and Natural Theodicy // *Zygon*. 1988. Vol. 23. No. 4. P. 439-455; *Weikart R.* Laissez-Faire Social Darwinism and Individualist Competition in Darwin and Huxley // *The European Legacy*. 1998. Vol. 3. No. 1. P. 17-30 и др.

² См.: *Хен Ю. В.* Евгенический проект: «pro» и «contra». М.: Институт философии РАН, 2003; *Gillham N. W.* Sir Francis Galton and the Birth of Eugenics // *Annual Review of Genetics*. 2001. № 35 (1). P. 83-101; *MacMaster N.* Racism in Europe: 1870-2000. N.Y.: Palgrave, 2001; *Wright J. D.* The Founding Fathers of Sociology: Francis Galton, Adolphe Quetelet, and Charles Booth Or What Do People You Probably Never Heard of Have to Do with the Foundations of Sociology? // *Journal of Applied Social Science*. 2009. Vol. 3. No. 2. P. 63-72 и др.

³ См.: *Бумс В.* В труппах Англии / пер. с англ. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1892; *Essays on the History of British Sociological Research* / Ed. by M. Bulmer. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1985. P. 39-82, 181-218; *Farr W.* Vital Statistics...; *Halsey A. H.* A History of Sociology in Britain. Oxford University Press, 2004; *Pease E. R.* The History Of The Fabian Society. Ed. 2nd. London, 1925 и др.

⁴ См.: *Тэйлор Б.* Англиканское духовенство и начальный период развития британской социологии // Социальные и гуманитарные науки. Серия 8. Науковедение. 1996. № 1. С. 66; *Brewer J. D.* Sociology and theology reconsidered: religious sociology and the sociology of religion in Britain // *History of Human Sciences*. 2007. Vol. 20. No. 2. P. 7-28 и др.

⁵ *Bryce J.* The Sociological Society. L., 1904. P. 284.

Л. Т. Хобхаус подчеркивал, что профессиональное периодическое издание (ранее выходил ежегодник) является «лучшим методом поставить работу Общества на постоянную основу и сделать ее доступной для всего мира»¹. Он призывал не бояться разногласий между учеными, стремится к плодотворному обсуждению социологических вопросов, к сотрудничеству.

Ежеквартальник имел традиционные разделы: статьи по различным проблемам, дискуссии (например, посвященные закону о безработных), обзор книг (например, монографии об эволюции санитарии в Лондоне), обзор зарубежных периодических изданий по социологии (например, «The American Journal of Sociology», «Rivista Italiana di Sociologia», «Revue Internationale de Sociologie», «La Science Sociale» и др.), официальные документы (например, отчет комиссии по тюрьмам), сообщения и информация (например, о докладе «Младенческая смертность»), некрологи (например, Э. Дюркгейма) и др.

Примечательно, что первый номер нового журнала открывался статьей о суицидах финского социолога, профессора Лондонской школы экономики и политических наук Э. А. Вестермарка². С танатосоциологической точки зрения интерес представляют статьи А. Э. Циммерна «Греческая цивилизация была основана на рабском труде?» (1909)³, А. К. Кумарасвами «Сати: оправдание индийских женщин» (1913)⁴, Ч. А. Элвуда «Социальная проблема и нынешняя война» (1915)⁵ и др. На наш взгляд, содержание публикаций свидетельствует о влиянии на авторов традиций моральной философии и их стремлении опираться в своих рассуждениях на конкретные факты.

Подводя итоги параграфа, считаем нужным сделать следующие выводы:

1) Г. Мартино способствовала формированию методологии социологии смерти и популяризации произведений О. Конта среди англоязычной аудитории.

¹ *Hobhouse L. T.* Editorial // *The Sociological Review*. 1908. Vol. 1. Iss. 1. P. 1.

² *Westermarck A.* Suicide: A Chapter in Comparative Ethics // *The Sociological Review*. 1908. Vol. 1. Iss. 1. P. 12-33.

³ *Zimmern A. E.* Was Greek Civilization Based on Slave Labour? // *The Sociological Review*. 1909. Vol. 2. Iss. 1. P. 1-18.

⁴ *Coomaraswamy A. K.* Sati: A Vindication of the Hindu Woman // *The Sociological Review*. 1913. Vol. 6. Iss. 2. P. 117-135.

⁵ *Ellwood C. A.* The Social Problem and the Present War // *The Sociological Review*. 1915. Vol. 8. Iss. 1. P. 1-14.

2) Британские контисты, как и их французские единомышленники, размежевались на две основные группы – ортодоксы-сектанты во главе с Р. Конгривом и сциентисты-практики (Э. С. Бизли, Дж. Г. Бриджес, Ф. Харрисон и др.).

3) Дж. С. Милль аргументировано обосновал свое несогласие с социально-политической доктриной О. Конта, внес существенный вклад в фундирование принципов и процедур научных исследований и в общественно-политическую борьбу против рабства, дискриминации и т. п.

4) Г. Спенсер также отказался от контовской социологии в качестве религии. Он является основоположником макросоциологической социал-эволюционистской теории смерти. Ученый положил начало социал-дарвинистскому, системному, функциональному и институциональному подходам к анализу смерти.

5) Трудам Х. С. Чемберлена присущи расизм, антисемитизм и антигуманизм, вместе тем заслуживает внимания разработка им биографического подхода к изучению жизненного пути выдающихся личностей.

6) В Великобритании достаточно регулярно и широко осуществлялись статистические и социальные обследования населения, были учреждены профессиональные сообщество и журнал, что благоприятствовало становлению прикладной танатосоциологии.

Таким образом, изначально британская социология смерти ориентировалась преимущественно на нерелигиозный позитивизм, в ее рамках возникло несколько плодотворных методологических подходов к анализу смерти, развивались прикладная танатосоциология. Научные исследования смерти и распространение информации о них в обществе стимулировали социальное служение и социальную работу как формы оказания помощи людям в случае социальной смерти.

4.2 Феномен смерти в немецкой классической социологии

Среди важнейших политических вех в период создания немецкой социологии – преодоление национальной раздробленности, революция (1848), возвышение Пруссии, объединение «железом и кровью» разрозненных государств, учреждение Германской империи (1871) и ее крах (1918), Ноябрьская революция (1918) и Веймарская республика (1919-1933).

Репрессии государства («исключительный закон против социалистов» (1878), «исключительный закон против молодежи» (1908)), подавление восстания «спартаковцев» в Берлине (1919) и др.) не смогли воспрепятствовать демократизации политической жизни, переходу от монархии к республике. Постепенно была сформирована общенациональная партийная система, включавшая разнородных субъектов политического спектра – от социал-демократов до национал-социалистов.

Вместе с тем рост шовинизма и пангерманизма, милитаризация социума послужили основой победоносных (Датская (1864), Австро-Прусская (1866), Франко-Прусская (1871)) войн, колонизаторской политики и поражения Германии в Первой мировой войне. Отметим, что ее армия стала одной из первых применять отравляющие газы (хлор (1915), иприт (1917)) как оружие массового поражения противника, а ее флот – вести неограниченную подводную войну (1915, 1917-1918).

Грюндерство создало условия для решения задач запоздавшей индустриальной революции, но в последней трети XIX – начале XX вв. темпы развития экономики страны замедлились. Вместе с тем продолжался рост численности населения (табл. 4.2.1).

Таблица 4.2.1

Население Германии (1840-1925) (млн. чел.)¹

Годы	1840	1852	1861	1871	1880	1890	1900	1910	1925
Численность	30,38	33,41	35,57	41,06	45,23	49,43	56,37	64,93	63,18

¹ Mitchell B. R. European Historical Statistics... P. 4.

Также снижался общий коэффициент смертности: 1850-е гг. – 26,6, 1880-е гг. – 25,3, 1900-е гг. – 19,3 и 1920-е гг. – 12,9¹. При этом инфекционные болезни (оспа (1870-1875), холера (1892) и др.) сократили количество жителей Германии, например, от «испанки» скончалось около 600 тысяч человек. В Первую мировую войну страна потеряла 1 миллион 981 тысячу военнослужащих и 135 тысяч мирных граждан, в плену оказались 1 миллион 151,8 тысяч воинов².

Модернизация страны протекала противоречиво: с одной стороны, принятие законов о социальном страховании (1883-1884) и «Культуркампф» (1871-1887), с другой – распространение консерватизма и радикализма, появление групп «фелькише», «спартаковцев», нацистов и т. п.

Потребностям системы образования единой страны вполне соответствовала гумбольдтовская модель университета, сочетавшая руководящую роль государства и автономию учебного заведения, соединившего фундаментальность, исследовательскую, образовательную и воспитательную деятельность.

В литературе (Г. Гейне, С. Георге, И. В. фон Гёте, К. Гуцков и др.), музыке (И. Брамс, Р. Вагнер, Ф. Мендельсон, Р. Штраус, Р. Шуман и др.), живописи (О. Гуссман, В. фон Каульбах, В. фон Линденшмит-мл., А. Ф. Э. фон Менцель, А. фон Фейербах и др.), скульптуре (Х. Беренц, А. фон Гильдебранд, Л. фон Кленце, Э. Р. Хундризер, И. Шиллинг и др.) появились произведения, где был глубоко осмыслен феномен смерти. Танатофилософия обогатилась трудами Ф. В. Ницше, А. Шопенгауэра, Л. А. Фейербаха и др.

Исследование становления немецкой танатосоциологии целесообразно осуществлять с учетом разнообразия научных направлений, в рамках которых анализировался феномен смерти (рис. 4.2.1).

<i>Танатосоциология</i>				
⇕		⇕		⇕
Расово-антропологическое направление	↔	Формальная социология	↔	Немецкое социологическое общество
⇕		⇕		⇕
Социал-дарвинизм	↔	Марксизм	↔	Понимающая социология

Рис. 4.2.1 – Становление танатосоциологии в Германии

¹ Миронов Б. Н. Российская модернизация... С. 269.

² Эрлихман В. В. Потери народонаселения в XX веке... С. 42.

Ортодоксальный контизм оказался невостребованным в Германии, зато определенная часть общества проявила интерес и симпатии к расовым теориям. Так, в стране было организовано Общество Ж. А. де Гобино (1894), которое продвигало идеи французского социолога¹. Есть все основания считать, что творчество представителей расово-антропологического направления послужило идейным источником национал-социализма, но нас, в первую очередь, интересует танатосоциологическое содержание их сочинений.

Отто Герман Аммон (1841-1916) является одним из родоначальников расизма. Уже в детстве он стал полиглотом и имел математический склад ума; получив техническое образование, Отто работал инженером (1863-1868), затем – редактором газеты. Серьезный недуг (1883) побудил его заняться антропологией и изменить взгляды с либеральных на консервативные. Его исследовательский подход сформировался под влиянием работ Гобино, Ляпужа и социал-дарвинистов² (рис. 4.2.2). По результатам своих изысканий Аммон был удостоен звания почетного доктора Фрайбургского университета (1904).

Рис. 4.2.2 – Социал-дарвинизм

В книге «Естественный отбор среди людей» (1893) Аммон отмечал, что хотя причины вымирания старших поколений городского населения разнообразны, среди них выделяются «одностороннее развитие умственных

¹ См.: Гофман А. Б. Классическое и современное... С. 404-405.

² См.: Weikart R. The Origins of Social Darwinism in Germany, 1859-1895 // Journal of the History of Ideas. 1993. № 54 (3). P. 469-488.

способностей», вредный воздух и недостаточная двигательная активность¹. При этом евреи, по его мнению, лучше подготовлены к естественному отбору: их «душевные наклонности» подталкивают к жизни в городах и к городским занятиям, «им помогает владение имуществом, для накопления которого они прекрасно приспособлены и которое позволяет им дать высшее образование своим детям»².

Аммон выступал как апологет войны, в книге «Общественный строй и его естественные основания» (1895) он писал: «В полной мере война является благословением для человечества, поскольку она предлагает единственное средство для измерения сильных сторон одной нации перед другой и дарования победы наиболее приспособленным. Война — это высшая и самая величественная форма борьбы за существование, от которой нельзя избавиться и, следовательно, также нельзя отменить»³.

В течение 13 лет в Бадене (1886-1899) исследователь осуществлял крупномасштабный антропометрический проект (было осмотрено около тридцати тысяч призывников). Основываясь на информации о 6800 человек, социолог пытался выявить взаимосвязь характера людей и их социального положения (возраст, место проживания, этническое происхождение, уровень образования и др.) с антропологическими данными (рост и вес тела, размер и форма головы, цвет глаз и волос, пигментация кожи и т. д.). Отметим, что автор использовал картографический метод (соответствующие иллюстрации размещены в приложении).

В этом проекте Аммон, как и в предшествующих, особое внимание уделил евреям, указав, что у студентов этой этнической группы верхняя часть тела меньше на 2,5 сантиметра, «ноги значительно короче в нижнем отделе», но «развитие бороды является более сильным»⁴.

¹ Ammon O. Die Natürliche Auslese bei Menschen. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1893. S. 297.

² Ibid. S. 311.

³ Ammon O. Die Gesellschaftsordnung und ihre natürliche Grundlagen. 3rd ed. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1900. S. 164.

⁴ Ammon O. Zur Anthropologie der Badener. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1899. S. 707.

По нашему мнению, детерминистский подход О. Аммона не был оригинальным: выводы, сделанные им, аналогичны результатам штудий его европейских и американских единомышленников. Кроме того, присущий ему антисемитизм, утверждения о неравноценности этносов/рас и их вырождении подрывали доверие к его, действительно, информативным антропологическим материалам. Вместе с тем наблюдения Аммона за тенденциями вымирания различных социально-демографических общностей представляют интерес для современной танатосоциологии.

Вначале Аммон конфликтовал с другим видным социологом **Людвигом Вольтманом (1871-1907)**, назвав его «форменным буржуазно-естественнонаучным спасителем общества», пишущим книги в «поверхностном и мещанском духе»¹. Чуть позднее старший коллега простил молодого исследователя и между ними постепенно установились дружеские отношения. О. Аммона и Л. Вольтмана объединяла также приверженность евгенизму, истоки которого восходят к Платону и Т. Мору. Обоснование евгеники как возможности улучшения человеческого рода и предотвращения его вырождения разработал в XIX веке Ф. Гальтон, двоюродный брат Ч. Дарвина. Позднее в Третьем рейхе евгеника была окончательно дискредитирована массовой стерилизацией и уничтожением «неполноценных особей».

Вернемся к биографии Вольтмана. Людвиг родился на западе страны в семье плотника, который посредством упорного труда повысил свой статус до владельца магазина и, благодаря возросшему доходу, смог оплатить образование сына. После окончания Фрайбургского университета Вольтман получил степени доктора медицины и доктора философии (1896). Его мировоззрение было эклектичным — в нем сочетались социал-дарвинизм и элементы марксизма, расизм и естествознание, классическая философия и евгеника. Он трудился офтальмологом, потом профессором гигиены, активно участвуя в политических

¹ *Вольтман Л.* Теория Дарвина и социализм. Опыт естественной истории общества / Пер. с нем. СПб.: Общественная польза, 1900. С. 117, 118.

процессах и научных дискуссиях в стране. Жизнь Л. Вольтмана оборвал несчастный случай — он утонул, купаясь в море близ Генуи.

Анализ содержания «Политической антропологии» (1903), самой известной монографии исследователя, позволяет выделить основные танатосоциологические умозаключения автора: 1) «Человеческие расы [...] подчинены [...] общим биологическим законам [...] усовершенствования и вырождения, как все прочие организмы животного и растительного мира»; 2) расовая чистота является первой потребностью любого вида, «смешения крови» — опасны и вредны; 3) «вырождение рас происходит вследствие недостатка в отборе» и «наследственных болезней»; 4) «расы друг друга теснят, порабащают или уничтожают»; 5) «вымирание более одаренных индивидуумов, угасание выдающихся семей являются [...] незаменимой физиологической потерей для расы»; 6) ныне в «мирных» соревнованиях за пропитание и власть [...] погибают [...] бедные, обессиленные и больные, нервно и душевно искалеченные, алкоголики, бродяги, преступники и самоубийцы»; 7) рабство исторически было необходимо для формирования в сознании людей понятия «социального труда»; 8) «дикие народы погибают от соприкосновения с европейцами и цивилизацией»; 9) «в Древности и в Средние века города были в действительности массовыми могилами народов. Они были очагами эпидемий»; 10) «превращение аграрного государства в индустриальное в высокой степени ускоряет процесс вымирания»¹.

Очевидно, что здесь мы имеем дело с разными суждениями: а) спекулятивными (№ 2, 4, 7); б) тривиальными (№ 1, 5); в) недостаточно фундированными (№ 3, 8); г) обоснованными (№ 6, 9, 10).

Укреплению связей между разными поколениями исследователей, распространению концепции Вольтмана и расовых теорий весьма способствовал основанный им журнал «Политико-антропологическое обозрение» (1902-1922). Издание включало четыре основных раздела: 1) статьи; 2) отчёты (рубрики — биология, антропология, психология, юриспруденция, история культуры,

¹ Вольтман Л. Политическая антропология: Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов / пер. с нем. М.: Белые альвы, 2001. С. 81, 110, 111, 140, 188, 192.

воспитание и обучение, социальная гигиена, расовая гигиена, социальная политика, государственная и партийная политика, народы и политика, демографическая статистика, духовная жизнь); 3) книжные собрания (обзоры немецких и зарубежных профильных журналов; рецензии, например, на книги Г. Зиммеля, В. Зомбарта, Г. Спенсера и др.); 4) ответы редакции читателям.

Журнал позиционировал себя как «Ежемесячное политико-антропологическое обозрение для социальной и духовной жизни народов». Хотя в нем отсутствовала отдельная рубрика «социология», среди авторов были О. Аммон, Л. Вольтман, Л. Гумплович, Ж. В. де Лапуж, Р. Михельс, Г. Тард, Х. С. Чемберлен и др. Он превратился в форум, где обсуждались вопросы социальной антропологии и социологии. В основном, были представлены специалисты, стоявшие на социал-дарвинистских позициях. Показательно, что на страницах журнала появлялись статьи танатосоциологического содержания (например, М. Г. Гартунга «Теория гибели народов»¹, Г. Гросса «Вырождение и депортация»² и др.).

Полагаем, что к построениям О. Аммона, Л. Вольтмана и их последователей-современников применим следующий вывод М. Фуко о том, что «с конца XIX века мы имеем новый военный расизм», который «обеспечивает функцию смерти в системе биовласти в соответствии с принципом, что смерть других означает биологическое усиление себя самого в качестве члена расы или населения, в качестве элемента в унитарном и живом множестве»³. Именно этим объясняется популярность тогда расово-антропологических идей немецких (и не только) мыслителей, благожелательное восприятие их частью общества и государством.

Теперь перейдем к рассмотрению марксистских изысканий в области танатосоциологии.

¹ *Hartung M. H. Eine Theorie des Völkertodes // Politisch-anthropologische Revue. 1905. Vol. 3. S. 189-191.*

² *Groß H. Degeneration und Deportation // Politisch-anthropologische Revue. 1906. Vol. 4. S. 281-286.*

³ *Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб.: Наука, 2005. С. 272.*

Карл Генрих Маркс (1818-1883) родился в Трире, старейшем городе Германии, в многодетной семье потомственных раввинов, но его отец стал адвокатом и принял лютеранство в ходе эмансипации евреев, развернувшейся в начале XIX века. По окончании гимназии (1835) Карл учился на юридическом факультете в Боннском (1835-1836) и Берлинском (1836-1841) университетах, где честолюбивый молодой человек продемонстрировал не только пристрастие к философии и литературе, но и к дружеским пирушкам и студенческим потасовкам. Бесстрашие сочеталось у него с отвращением к похоронам – он не был на прощаниях с братом, отцом, тестем, матерью и женой.

В Йене К. Марксу была присвоена докторская степень (1841) на основании диссертации, написанной с младогегельянских позиций и посвященной натурфилософии Демокрита и Эпикура¹. Еще в юности Маркс, как и многие, прошел через преодоление страха смерти, но в процессе взросления философские штудии привели его к материалистическому истолкованию взаимосвязи жизни и смерти.

Вследствие ограничений прусского правительства академическая карьера Маркса не сложилась, кроме того, он отдалился от своих родных. Причиной тому были особенности его характера – эгоизм и нежелание идти на компромисс. Но Карлу очень повезло с женой – Женни фон Вестфален (1814-1881), которая была ему помощницей во всех делах. Выбрав стезю журналиста, в кельнской газете (1842-1843) он критиковал власти, которые вскоре закрыли издание, вынудив его семью уехать в эмиграцию, где умерли трое из шести его детей (впоследствии две дочери покончили с собой). Известно, что ученый совершил супружескую измену и у него родился внебрачный сын (1851) от служанки Х. Демут, которого он не признал, и ребенок был отдан на воспитание чужим людям.

Кроме того, в Париже (1843-1845, 1848, 1849), Брюсселе (1845-1848), Кельне (1848-1849), Берлине (1861) и Лондоне (1849-1883) Маркс увлеченно занимался исследовательской и общественно-политической деятельностью, что

¹ *Маркс К.* Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 17-98.

отнимало много сил и времени, но не приносило доходов, поэтому семья часто жила в бедности. Но при этом большую часть отцовского наследства он израсходовал на издание «Новой Рейнской газеты» и на приобретение оружия для восставших во время революционных событий в Германии (1848-1849). Последние годы жизни К. Маркса были тяжелыми – он много болел и умер от туберкулеза¹.

Финансовую поддержку Марксу и его близким долгие годы оказывал его друг, соавтор и редактор **Фридрих Энгельс (1820-1895)**. Он родился в Вестфалии в многодетной семье преуспевающего фабриканта, приверженца пиетизма. Фридрих был жизнерадостным любознательным и спортивным юношей, участвовал в поединках. Не окончив гимназию, Фридрих приступил к работе в сфере торговли (1837), одновременно посылая корреспонденции в местные газеты. Проходя службу в армии (1841-1842), он посещал лекции по философии в Берлинском университете, где сблизился с младогегельянцами. Далее последовала его многолетняя успешная коммерческая деятельность на фабрике, принадлежавшей семье Энгельса в Англии.

Союз Фридриха с Карлом (1844-1883) во многом предопределил его научные изыскания и политическую активность (например, он участвовал в боевых действиях во время революции в Германии (1849)). После смерти Энгельса от рака, согласно завещанию, урна с его прахом была опущена в море у побережья Англии².

Коммунистические взгляды Маркса и Энгельса сформировались под влиянием немецкой классической философии, английской политической экономии и французского утопического социализма³. Следует иметь в виду, что они были полиглотами, отрицательно относились к контизму, избегали употреблять понятие «социология» и, разумеется, не считали себя социологами.

¹ См.: *Аттали Ж.* Карл Маркс. Мировой дух. [пер. с фр.]. М.: Молодая гвардия, 2008; *Латин Н. И.* Молодой Маркс. Изд. 3-е, доп. М.: Политиздат, 1986; *Меринг Ф.* Карл Маркс. История его жизни : [пер. с нем.]. М.: Госполитиздат, 1957 и др.

² См.: *Степанова Е. А.* Фридрих Энгельс. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Политиздат, 1980; *Фридрих Энгельс.* Биография. М.: Политиздат, 1970; *Фридрих Энгельс: биография / пер. с нем.* М.: Политиздат, 1972 и др.

³ *Ленин В. И.* Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 50.

Их деятельность была нацелена на практическое переустройство мира, которое осуществили их «последователи», что, в итоге, привело к трагическим результатам (достаточно вспомнить, как воплощались марксистские идеи в жизнь в странах «социалистического лагеря»).

В истории философии и социологии тема «Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на смерть» изучена еще недостаточно. Как правило, зарубежные исследователи (Х. Арндт, И. Берлин, Э. Блох, Р. Вурмбранд, К. Каутский, Г. Маркузе, М. Неоклеус и др.) выявляют отношение классиков марксизма к смерти в контексте анализа проблем гуманизма, отчуждения, религии, революции, террора и войны.

Отечественные ученые (И. В. Вишев, Л. Н. Коган, П. Н. Кондрашов, Н. Н. Трубников, И. Т. Фролов и др.) преимущественно фиксируют вклад создателей марксизма в разработку проблемы смерти в связи с развитием ими философской антропологии, материализма в естествознании и социальных науках, определении цели и смысла жизни личности, возможности достижения человечеством бессмертия и т. п.

Обратимся непосредственно к работам основоположников «научного коммунизма», исходя из того, что существует очевидная преемственность между различными периодами их творчества.

В ранние годы Маркс неоднократно рассматривал смерть с философско-социологической точки зрения. Так, в одной из первых публикаций многогранный феномен смерти используется им как аргумент в дискуссии о проекте закона о разводе: «...в природе распад и смерть наступают сами собой там, где какое-нибудь существование совершенно перестало соответствовать своему назначению. Развод есть только установление факта: данный брак есть умерший брак. [...] если вы при физической смерти требуете точных неопровержимых доказательств, то [...] законодатель может констатировать нравственную смерть только на основании самых несомненных симптомов»¹.

¹ Маркс К. Проект закона о разводе (1842) // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 163.

Порицая мальтузианский поход к решению нищенства в Великобритании, он прямо обвинял «современное государство и современный торгашеский мир, эти лицемерно-прикрашенные христианские противоположности» в результатах их «союза»: «...фантастические лохмотья английских бедняков; дряблое, сморщенное тело женщин, изнурённых трудом и нищетой; дети, валяющиеся в грязи; уроды, порождаемые чрезмерным, однообразным механическим трудом на фабрике! Восхитительны эти мельчайшие детали практики — проституция, убийства и виселицы!»¹.

Встав на позиции атеизма, в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» (1843) мыслитель утверждал: «Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа»². Фактически, утешительная функция религии трактовалась им как вредная, он не учитывал того, что в случае утраты индивид остается одиноким в своем горе, лишается дополнительной институциональной поддержки.

В период написания «Экономико-философских рукописей 1844 года» К. Маркс, как и Ж.-Ж. Руссо, полагал, что человек по природе своей — существо целостное, доброе. Переосмыслив гегелевскую концепцию, Маркс показал драму отчуждения человека в капиталистическом обществе: 1) опустошение в процессе труда; 2) отчуждение условий труда от самого труда («оскопление»); 3) «утрата предмета и закабаление предметом» труда; 4) «усиление конкуренции среди рабочих»; 5) отчуждение сознания от жизни («извращенные фантазии потребителя»)³. В результате, сознание человека искажается и он уродует свое здоровье.

Кончина же человека рассматривается им сквозь призму соотнесения часть/целое: «Смерть кажется жестокой победой рода над определенным

¹ Маркс К. Критические заметки к статье «Пруссака» «Король Прусский и социальная реформа» // // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 434.

² Он же. К критике гегелевской философии права. Введение // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 415.

³ Он же. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1974. Т. 42. С. 86-99.

индивидом и как будто противоречит их единству; но определенный индивид есть лишь некое определенное родовое существо и как таковое смертен»¹.

В биографии молодого Маркса есть интересный факт: из книги «Мемуары, извлеченные из архива полиции» медика и юриста Жака Пеже (1758-1830) он перевел выдержки, посвященные самоубийствам, и опубликовал их в журнале (1846), снабдив несколькими краткими комментариями. С его точки зрения, нередко к суициду члена семьи подталкивают его близкие: «Самые трусливые, неспособные к сопротивлению люди становятся неумолимыми там, где они могут проявить абсолютный родительский авторитет. Злоупотребление последним является для них грубым вознаграждением за ту покорность и зависимость, которые они добровольно или против воли проявляют в буржуазном обществе»². Маркс возлагал вину за порабощение жен и детей, побуждающих их к роковому поступку, не только на глав семей, но и на общественный строй, позволяющий создавать для домочадцев невыносимые условия жизни.

Мы разделяем вывод П. Н. Кондрашова о том, что «человек, по Марксу, есть живое уникально-родовое (социально-индивидуальное) материально-духовное существо, способом существования которого является общественная сознательная преобразующая деятельность (праксис), и которое сущностно представляет собой конкретно-историческое единство субъектно-внутреннего (тело и психика) и объектно-внешнего (природа, культура, общество, мир символов) бытия, обнаруживающее себя в интересубъективности общественных отношений, и переживающее эти отношения в форме экзистенциальной равнодушности (страдании)»³.

Как и у Маркса, взгляды Ф. Энгельса радикализировались довольно рано. Например, юный Фридрих нарисовал картину ужасов, которые несет с собой капиталистическое производство: «Работа в низких помещениях, где люди вдыхают больше угольного чада и пыли, чем кислорода, [...] начиная уже с

¹ Маркс К. Экономико-философские рукописи... С. 119.

² Он же. Пеже о самоубийстве // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Изд-во политической лит-ры, 1974. Т. 42. С. 297-298.

³ Кондрашов П. Н. Философия Карла Маркса: Экзистенциально-антропологические аспекты. М.: URSS, 2019. С. 163.

шестилетнего возраста, — прямо предназначена для того, чтобы лишить их всякой силы и жизнерадостности. [...] Удел этих людей — мистицизм или пьянство. Достаточно трех лет такой жизни, чтобы физически и духовно их погубить: из пяти человек трое умирают от чахотки, и причина всему — пьянство»¹.

Изучив английский уголовный кодекс (1844), Энгельс пришел к выводу, что он самый строгий в Европе: «Смертная казнь полагается за семь видов преступлений (убийство, государственная измена, изнасилование, содомия, кража с взломом, грабёж с насилием, поджог с целью убийства)»².

Первая социологическая монография Ф. Энгельса получила незаслуженно критический отзыв П. Бергера: «Книга [...] “Положение рабочего класса в Англии” (впервые выпущенная в свет в 1845 г. в Германии) почти приобрела статус Священного писания. Можно не сомневаться, что описание ситуации Энгельсом было в высшей степени предвзятым и далеким от беспристрастной оценки имевшихся фактов»³. Признавая отчасти справедливыми упреки исследователя, укажем, что, на наш взгляд, автор, опираясь на официальные документы (парламентские отчеты комиссий по обследованию условий детского труда, отчеты министру внутренних дел, материалы прессы) и собственные наблюдения, стремился показать, как губительные условия жизнедеятельности сокращают время бытия человека.

Он убедительно доказывает широкую распространенность в стране «социального убийства» (термин заимствован им из рабочей печати): «Общество поставило рабочих в положение, в котором они не могут ни сохранить здоровье, ни долго просуществовать; [...] оно, таким образом, неуклонно, постепенно подтачивает организм рабочих и преждевременно сводит их в могилу,

¹ Энгельс Ф. Письма из Вупперталя. I // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 455-456.

² Он же. Положение Англии. Английская конституция // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 638.

³ Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). М.: Прогресс : Универс, 1994. С. 50-51.

следовательно, его образ действий является не просто убийством, а убийством предумышленным»¹.

Выводы ученого соответствуют «картинам», запечатленным не только в официальных источниках, но и в физиологических очерках и романах того времени.

В год потрясений (1848), разоблачая антигуманность существующего мира, К. Маркс утверждал, что «каннибализм контрреволюции убедит народы в том, что существует лишь одно средство сократить, упростить и концентрировать кроважидную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только одно средство — революционный терроризм»².

Анализ корпуса сочинений «зрелого» («Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (1850), «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1852), статьи о Гражданской войне в США (1861) и др.) и «позднего» («Капитал» (1867), «Гражданская война во Франции» (1871) и др.) К. Маркса, работ Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» (1850), «Революция и контрреволюция в Германии» (1851-1852), «Заметки о войне» (1870-1871), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), «Роль насилия в истории» (1887-1888) и др. показал, что танатосоциология авторов отличается метафоричностью. Капитализм представлялся им отжившей системой, пролетариату же суждено сыграть роль «могильщика» «старого мира» и творца «светлого будущего». Тем самым постулировались неизбежность революции и применения насилия по отношению к оппонентам для уничтожения классового антагонизма. По сути, в марксизме речь идет о смерти как в глобальном масштабе (закономерная гибель общественно-экономических формаций — предшественников коммунистического общества), так и об «умирании» на микроуровне — индивида (утрата им личностных качеств в результате жестокой эксплуатации собственниками средств производства).

¹ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 2. С. 330.

² Он же. Победа контрреволюции в Вене // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 5. С. 494.

Логика предложенного подхода представлена в книге Ф. Энгельса «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом» (1878). Он соглашается с тем, что «невозможно точно так же определить и момент смерти, так как физиология доказывает, что смерть есть не внезапный, мгновенный акт, а очень длительный процесс»¹. И делает следующий вывод: «Жизнь тоже есть существующее в самих вещах и процессах, беспрестанно само себя порождающее и себя разрешающее противоречие, и как только это противоречие прекращается, прекращается и жизнь, наступает смерть»².

В незаконченном труде «Диалектика природы» (1873-1886) Энгельс также рассуждает в диалектико-материалистическом ключе: «Жизнь всегда мыслится в соотношении со своим необходимым результатом, заключающимся в ней постоянно в зародыше, — смертью»³. По его мнению, «смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющего после себя, кроме химических составных частей, образовывавших его субстанцию, либо умершее тело оставляет после себя некий жизненный принцип, нечто более или менее тождественное с душой принцип, который переживает все живые организмы, а не только человека», он философски заключает: «Жить значит умирать»⁴.

Отметим, что К. Маркс «приобщился» к прикладной социологии (1880): им была подготовлена анкета для рабочих, которая включала вопрос «Расскажите о наиболее серьезных несчастных случаях, приведших к увечью или смерти рабочих, имевших место за время вашей работы»⁵.

Таким образом, хотя смерть не выделялась Марксом и Энгельсом как тема специального исследования, этот феномен занимал важное место в их философско-социологических и социально-экономических построениях. Принципиально характер взглядов основоположников марксизма на смерть не менялся с течением времени, доминирующими при этом были диалектический

¹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведённый господином Евгением Дюрингом // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 21.

² Там же. С. 124.

³ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 610.

⁴ Там же. С. 611.

⁵ Маркс К. Анкета для рабочих // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 234.

подход и материалистическое понимание истории. В их работах теоретический анализ производился на эмпирическом материале, применялись историко-генетический, историко-сравнительный, системный, структурный и функциональный методы. Именно марксизм заложил основы конфликтологического направления в танатосоциологии, опыт наблюдений, разработка опросного листа и тщательная работа с документами придали импульс совершенствованию методов прикладной танатосоциологии. Подчеркнем, что гуманистический посыл К. Маркса стимулировал философско-социологические изыскания танатологической направленности в неомарксизме.

Иной, чем в расовой антропологии и марксизме, подход к изучению проблемы смерти был разработан в формальной социологии. Основоположник этого направления **Фердинанд Тённис (1855-1936)** родился в многодетной семье богатого фермера на севере Германии. После окончания гимназии он учился в пяти немецких университетах, защитил докторскую диссертацию по филологии в Тюбингене (1877), после подготовки работы, посвященной Т. Гоббсу, прошел хабилитацию (1880) и многие годы был приват-доцентом (1881-1913) и ординарным профессором (1913-1916, 1921-1933) университета в Киле. Тённису были присущи широкие научные интересы – от социальной философии до эмпирической социологии. Определенное влияние на его творчество оказали сочинения Аристотеля, Лейбница, Шопенгауэра, Спенсера и др.

В силу происхождения и ярко выраженного неприятия «бюрократии» ученый занимал маргинальное положение в академической среде Германии, несмотря на то, что он активно публиковался и его авторитет был признан в Европе. К тому же социолог всегда проявлял повышенную политическую активность и вступил в СДПГ (1930). После прихода к власти нацисты отстранили его от должности (1933) и последние годы (1933-1936) он провел в бедности¹.

¹ См.: *Дайксель А.* Фердинанд Тённис // *Немецкая социология* / под ред. Р. П. Шпаковой. СПб.: Наука, 2003. С. 107-109; *Малинкин А. Н.* О жизни и творчестве Фердинанда Тённиса // *Социологический журнал*. 1998. № 3/4. С. 221-226 и др.

Зарубежные (Н. Бонд, Л. Вирт, А. Дайксель, М. Дефлем, П. А. Сорокин и др.) и отечественные (В. А. Глазырин, Н. А. Головин, Н. И. Лапин, А. Н. Малинкин, А. Ф. Филиппов, В. Ф. Чеснокова и др.) специалисты, справедливо подчеркивают выдающийся вклад Тённиса в развитие теоретической и эмпирической социологии.

По нашему мнению, внимания заслуживают его исследования танатосоциологических проблем. Так, в своем прославленном труде «Общность и общество. Основные понятия чистой социологии» (1881-1935) он сформулировал специфику своей методологии: «Рассмотрение должно вращаться [...] не вокруг рас, народов и племен как биологических единств; наш взор устремлен к социологическому смыслу, сообразно которому человеческие отношения и связи мыслятся как живые, или [...] как артефакты, и смысл этот отражается и находит свою аналогию в теории индивидуальной воли»¹.

Реализуя свою исследовательскую программу, Тённис показал, какую роль в воспроизводстве власти в первичной общности играло «правило наследования», в укреплении родства – «общий страх и почитание мертвых» «сплачивают мирную совместную жизнь», память же «позволяет живущим сохранять связь даже с мертвыми», «опасаться и воздавать им почести»².

Уже в 1880-е годы социолог проявил интерес к проблемам преступности. В результате изысканий в свет вышла книга «Преступность как социальное явление» (1909). М. Дефлем указывает, что Тённис определял преступление как намеренное нарушение политических и социальных прав. Преступники совершают свои преступления страстно, руководствуясь своей сущностной волей, характерной для поведения, подобного «Гемайншафту». Объективной мерой отнесения к тяжким преступлениям было то, что лицо юридически считалось совершеннолетним (старше 18 лет) и могло быть осуждено к смертной казни или тюремному заключению³.

¹ Теннис Ф. Общность и общество / пер. с нем. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 15.

² Там же. С. 20-21, 26, 329.

³ Deflem M. Ferdinand Tönnies on crime and society: an unexplored contribution to criminological sociology // History of the Human Sciences. 1999. Vol. 12. № 3. P. 87-116.

При изучении преступности Тённис исходил из того, что ее нельзя оценивать как нормальное явление социальной жизни, при этом ученый использовал социографию (криминальную статистику). Она объединяла количественные и качественные методы, которые могли эмпирически описывать, сравнивать и выявлять закономерности моральных и социальных условий. Однако определение этих условий должно было оставаться вопросом чистой социологии. Таким образом, подход Тённиса оказался «золотой серединой» между позициями Тарда и Дюркгейма, отвергнув как психологический редукционизм, так и социологизм.

Во время Первой мировой войны в США на английском языке был издан сборник эссе «Воинственная Англия, какой ее видит она сама» (1915), где Тённис, приводя исторические факты и основываясь на мнениях специалистов, подробно рассмотрел агрессивную сущность британской внешней политики последних столетий. Социолог в предисловии подчеркивал: «Эта книга написана не для того, чтобы разжигать национальную ненависть. Автор проводит четкое различие между английским народом и английской мировой политикой»¹. Он стремился доказать, что Великобритания всегда занималась «подстрекательством к войнам», «пролила реки крови» и должна нести за это ответственность².

В Веймарской Германии, будучи в преклонных годах, Тённис опубликовал монографию «Самоубийство в Шлезвиг-Гольштейне. Статистико-социологическое исследование» (1927). Опираясь на данные XIX – начала XX веков, исследователь сравнил динамику мужских и женских суицидов с учетом возраста и места проживания.

Выводы, к которым он пришел, не отличались новизной: 1) данные о количестве суицидов не являются полностью достоверными; 2) «жизнь старых одиноких людей (например, в бедном доме) становится причиной самоубийства, что можно считать типом нормального случая»; 3) у самоубийств обнаруживается «сильная связь с нервными и душевными болезнями»: «больные неотступно ищут

¹ *Tönnies F.* Warlike England as seen by herself. New York: G. W. Dillingham, 1915. P. 7.

² *Ibid.* P. 8, 102.

смерти, потому что не могут долго переносить бремя своего сознания, страх и другие возбуждения»; 4) выявлена некоторая корреляция между уровнем образования и совершением суицида и др.¹

С нашей точки зрения, ценность танатосоциологических исследований Тённиса заключается в выявлении причин и динамики разных видов физической смерти, в разработке собственной методологии ее изучения.

Другой представитель формальной социологии **Георг Зиммель (1858-1918)**, как и Маркс, родился в семье эмансипированных евреев в Берлине. Он окончил классическую гимназию и философский факультет Берлинского университета. Его карьера складывалась противоречиво: с одной стороны, первая диссертация о музыке была отклонена, 15 лет он занимал должности приват-доцента и столько же лет экстраординарного (внештатного) профессора в своей *Alma mater*, с другой стороны, он успешно защитил диссертацию о Канте (1881), снискал славу блестящего лектора, его дом был одним из центров интеллектуального притяжения в столице империи.

На служебное продвижение Зиммеля негативно повлиял антисемитизм, характерный для части тогдашних, по выражению Ф. Рингера, «мандаринов» – членов элиты образовательной среды. Возможно, это отчасти спровоцировало его интерес к проблемам «чужого» и вражды. «Полную» профессию он смог получить только в провинциальном Страсбурге (1914), где и скончался от рака вскоре после окончания Первой мировой войны².

Ученый полагал, что социология имеет трехчастную структуру (рис. 4.2.3):

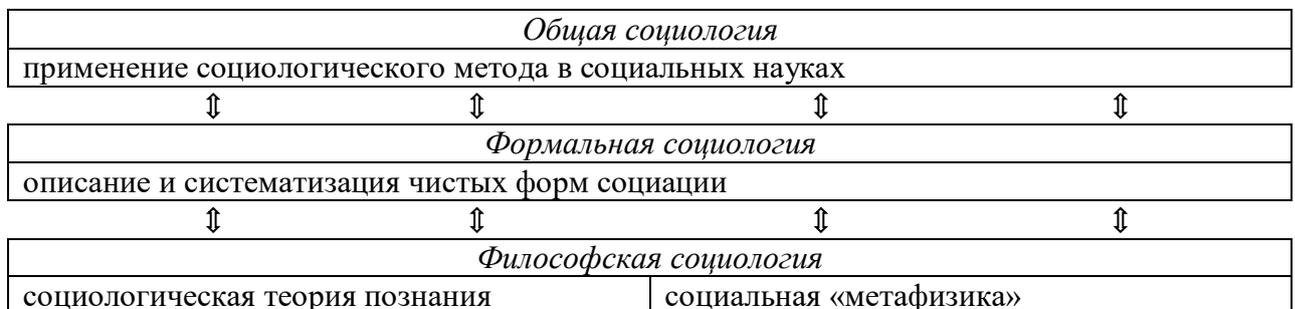

Рис. 4.2.3 – Система социологического знания (по Г. Зиммелю)

¹ *Tönnies F. Der Selbstmord in Schleswig-Holstein. Eine statistisch-soziologische Studie. Breslau: Hirt, 1927. S. 12, 21, 22, 23.*

² Георг Зиммель (1858-1918). М.: ИНИОН, 1992. С. 5-6.

По мнению Зиммеля, социология должна заниматься исследованием социальных форм и культурных содержаний, зафиксированных в понятиях, а не установлением законов и причинных связей между явлениями. Его аналитическая схема, основанная на различиях между формой и содержанием, включала «цепочку» взаимосвязанных понятий: взаимодействие – форма – поведение – страдание – содержание – обобществление (социация)¹.

Зарубежные (М. Ландман, Б. Недельман, Д. Фрисби, Ю. Хабермас и др.) и отечественные (В. В. Афанасьев, Л. Г. Ионин, Н. Л. Полякова, А. Ф. Филиппов и др.) специалисты отмечают эссеистский стиль и фрагментарность большинства работ социолога. Укажем, что А. Г. Кутлуниин специально исследовал танатологический аспект наследия Г. Зиммеля².

Как и некоторые его современники (Э. Дюркгейм, Т. Масарик, У. Самнер, Г. Тард и др.), ученый предпринял монографическое изучение феномена смерти. Следует учитывать, что книга «Созерцание жизни. Четыре метафизические главы» (1918) относится к позднему периоду его творчества в русле философии жизни, поэтому правильнее относить ее к разряду философско-социологических сочинений. В третьей главе «Смерть и бессмертие» сформулирован ряд базовых положений зиммелевской концепции смерти.

Во-первых, жизнь постоянно соотносится со смертью: «Вследствие того что живое умирает, что умирание положено самой его природой [...], его жизнь получает форму», «смерть с самого начала изнутри связана с жизнью», «в каждый момент жизни мы — те, кто умрет»³ и др. Отказываясь от механистического понимания смерти, социолог подчеркивает формообразующее значение смерти для жизни: «Ограничение всей жизни смертью воздействует на каждое ее содержание и каждый ее момент; качество и форма каждого из них были бы иными, если бы он мог выйти за пределы этой имманентной границы»⁴.

¹ Недельман Б. Георг Зиммель // Немецкая социология... С. 167-168.

² Кутлуниин А. Г. Немецкая философия жизни: Критические очерки. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986. С. 113-120.

³ Зиммель Г. Избранное: в 2 т. М.: Юрист, 1996. Т. 2. Созерцание жизни. С. 77-78.

⁴ Там же. С. 79.

Зиммель особо оговаривал, что есть разные группы: 1) те, «кто умирают потому, что жизнь случайно кончилась»; 2) те, «жизнь которых вообще не имеет формы в высшем смысле и которые могли бы жить и долго, и очень недолго» (в этом случае имеется в виду духовная жизнь, творчество - в них участвуют далеко не все ныне живущие)¹.

Инстинктивно люди «соразмеряют» «планы, действия, обязательства и межиндивидуальные связи» с «теми масштабами, которые соответствуют ограниченной смертью жизни». Но при этом они не знают, когда наступит смерть и это «дает им известную свободу внутренних переживаний для ощущения радости жизни, развития сил и продуктивности в единственной ведомой нам жизни»².

Во-вторых, сделан акцент на специфике отношения к смерти в религиозной среде: а) «один из поразительных парадоксов христианства состоит в том, что оно рассматривает смерть вне связи с жизнью, а жизнь — с точки зрения ее вечности»; б) «вечная жизнь души зависит от всей совокупности содержаний жизни; каждый полагает свое этическое значение как основание для определения его трансцендентного будущего в бесконечности и преодолевает таким образом присущую ему ограниченность»³.

Зиммель признавал, что «жизнь в своем продвижении заставляет нас в общем терять надежду, не всегда в мыслях, но в бытии. В старости мы не верим больше в возможность больших перемен; они представляются нам как бы иллюзорными. Преимущество религиозных натур заключается в том, что они постоянно чувствуют свою связь с абсолютным, [...] для религиозного человека всегда еще достаточно времени»⁴.

В-третьих, им была выявлена сущность парадокса «бегства от смерти»: «стремление к жизни, к более-жизни» можно трактовать и «как бегство от смерти». «Приобретение и наслаждение, труд и отдых», все другие наши

¹ Зиммель Г. Избранное... С. 80.

² Там же.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 83-84.

естественные проявления суть инстинктивное или сознательное «отворачивание от смерти». Поэтому «жизнь, которую мы расходуем на то, чтобы приблизиться к смерти, мы расходуем на то, чтобы бежать от нее»¹.

В-четвертых, в соответствии с гегелевским подходом, он утверждал, что «жизнь сама требует смерть как свою противоположность, как “другое”». По Зиммелю, «ценности и напряжения нашего бытия» находятся за пределами жизни и смерти, чья противоположность их больше не затрагивает, но в них жизнь приходит к высшему смыслу самой себя. Суть состоит в том, что «жизнь в ее непосредственной данности совершает свой процесс в полной неразличности от ее содержаний»².

Социолог указывал, что зная о своей кончине, люди воспринимают жизнь как нечто случайное. Временная жизнь «достигает своей чистейшей вершины», вбирая преходящее содержание, в итоге, жизнь выходит за свои пределы и ее протекание как процесс получает смысл и ценность³.

В-пятых, дифференцированная идея бессмертия: а) «бессмертие как желание многих глубоких людей сводится по своему смыслу к тому, чтобы Я могло полностью совершить свое обособление от случайности отдельных содержаний»; б) в религии «душа хочет блаженства или созерцания Бога», «дальнейшего существования вообще», «быть спасенной, оправданной или очищенной»⁴.

В-шестых, «человеческая жизнь пребывает в двойном аспекте: с одной стороны, мы отданы во власть космических движений и зависимы от них, с другой — ощущаем и выводим наше индивидуальное существование из собственного центра под свою ответственность и как законченную в себе форму»⁵.

В-седьмых, «лишь эти “исключительные” люди умирают полностью, лишь их смерть меняет характер картины мира, к чему не ведет смерть рядового

¹ Зиммель Г. Избранное... С. 84.

² Там же.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Там же. С. 94.

человека, ибо его погасшее в одном месте качество продолжает существовать в бесчисленно многих других»¹.

В-восьмых, «отдельный род смертен, а жизнь нет; жизнь смертна, а материя нет»; даже если «материя как особый случай бытия исчезнет», то бытие нет².

В-девятых, «между рождением и смертью мы бесчисленное число раз ощущаем себя “ставшим другим” — физически, душевно, судьбоносно — и при этом чувствуем одну и ту же «душу», которая проходит через все это, не меняя ничего в своей структуре»³.

Вместе с тем, в ряде последних прижизненных публикациях говорил новый Зиммель, патетически воспевавший войну и тоскующий о «новом человеке»⁴, — безусловно, этот вопрос требует дополнительного изучения.

Итак, Г. Зиммель считал, что смерть имеет формообразующее значение для жизни, потому что она задает для нее мотив и определяет ее конфигурацию. Жизнь в тех формах, в которых мы ее проживаем, возможна именно только на основе знания о факте смерти и незнания того, когда она придет. В его трудах продемонстрирована перспективность взаимодополнительности социологии жизни и социологии смерти.

Несомненный интерес, с точки зрения изучаемой нами темы, представляют труды создателя понимающей социологии **Максимилиана Карла Эмиля Вебера (1864-1920)**. Благополучная жизнь в многодетной семье (две девочки умерли в детстве) представителей крупной буржуазии не избавила юношу от личных испытаний: сложные отношения между родителями, служба в армии (1883-1884), студенческий образ жизни (учеба – пивная – дуэль) (1882-1886). Несколько лет он проработал помощником адвоката. Защита диссертации по правовым аспектам аграрной истории Древнего Рима (1891) открыла перед Вебером возможности продвижения по преподавательской стезе (1889-1893), но от этого ему пришлось отказаться из-за проблем с психикой. Депрессия была спровоцирована

¹ Зиммель Г. Избранное... С. 100.

² Там же.

³ Там же. С. 114.

⁴ См.: Недельман Б. Указ. соч. С. 175.

конфликтом с отцом из-за его измен матери, через семь недель после ссоры Вебер-старший скончался. Уход родителя отразился на здоровье социолога — он подолгу находился в различных клиниках (1898-1904). Наследство и состояние жены позволили Веберу после реабилитации посвятить себя исследованиям, социолог стал активно общаться с коллегами – в его доме бывали Г. Зиммель, В. Зомбарт, Ф. Тённис, Э. Трёлч и др. Он совершил двухмесячное путешествие по США (1904). Кроме того, он всегда стремился заниматься общественной деятельностью: участвовал в работе Евангелического социального конгресса (1888-1891), Союза социальной политики (1888-1909) и Пангерманской лиги (1894-1899), некоторое время был членом политических партий, организовывал размещение военного госпиталя в Гейдельберге (1914-1915).

После войны Вебер поступил на должность профессора в Вене (1918) и Мюнхене (1919-1920). Благодаря своему авторитету, ученый был включен в качестве эксперта в состав немецкой делегации в Версале (1918-1919) и комитета, подготовившего Веймарскую конституцию (1919). Получив осложнение после «испанского гриппа», он умер в Мюнхене, был там кремирован и позднее похоронен в Гейдельберге¹.

По традиции в современной литературе основное внимание уделяется вкладу ученого в развитие теоретической социологии, социологии религии и политики², танатосоциологическая проблематика, как правило, остается в тени.

В основном, феномен смерти изучался М. Вебером в связи социологическим анализом религии. Следуя принципу понимания, который требует «внутренне-содержательного рассмотрения»³ феномена, в работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1904-1905) ученый наглядно

¹ См.: *Вебер М.* Жизнь и творчество Макса Вебера / пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2007; *Каубе Ю.* Макс Вебер жизнь на рубеже эпох / пер. с нем. М.: Дело, 2016; *Кеслер Д.* Макс Вебер // *Немецкая социология...* С. 130-146; *Кравченко Е. И.* Макс Вебер. М.: Весь мир, 2002; *Ringer F.* Max Weber: An Intellectual Biography. Chicago & London: The University of Chicago Press, 2004 и др.

² См., например: *Масловский М. В.* Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1997; *Bruun H. H.* Science, Values and Politics in Max Weber's Methodology. Ashgate Publishing Limited, 2007; *Honigsheim P.* The Unknown Max Weber. New Brunswick: Transaction Publishers, 2003; *Religionen verstehen: Zur Aktualität von Max Webers Religionssoziologie / Agathe Bienfait (Hrsg.).* VS Verlag für Sozialwissenschaften Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2011 и др.

³ *Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. С. 100.

демонстрирует специфику отношения к смерти со стороны людей разных эпох. Например, в Средневековье стремление «сойти в могилу обремененным деньгами и имуществом» современники воспринимали «лишь как результат извращенных наклонностей»¹. Вебер указывал: «Источники свидетельствуют о том, что после смерти богатых людей весьма значительные суммы поступали в церковную казну в виде “покаянных денег”, а в иных случаях и возвращались прежним должникам в качестве несправедливо взятых с них»².

Он подчеркивал, что протестантизм «в своей патетической бесчеловечности» имел «прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества отдельного индивида. [...] он был обречен одиноко брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе»³. Это объяснялось тем, что «Христос умер лишь для спасения избранных, и только их грехи Бог от века решил искупить смертью Христа. [...] Истинный пуританин даже у гроба своих близких отказывался от всех религиозных церемоний и хоронил их тихо и незаметно»⁴.

В книге «Социология религии» (1920-1921) Вебер обозначил истоки формирования религиозного отношения к смерти: «Наряду с непосредственным физическим страхом перед трупом [...], который часто определял характер захоронения, появляется представление о необходимости устранить вред, который может причинить душа умершего, изгнать ее или поместить в гроб, создать там ей сносное существование, избежать ее зависти или, наконец, заручиться ее расположением, чтобы жить спокойно»⁵.

Позднее люди, поняв, что «связь с умершим возможна только посредством символических действий и Бог выражает себя только в символах» стали удовлетворяться «не реальными, а символическими дарами»⁶.

¹ Вебер М. Избранные произведения... С. 90.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 142.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ Вебер М. Избранное... С. 82.

⁶ Там же. С. 83.

Но переход от доанимистического натурализма к символизму «расплывчат»: «Когда у убитого врага вырывают из груди сердце, мозг из черепа или отрывают половые органы, когда его череп держат в собственном доме или чтят как драгоценный свадебный подарок, поедают органы убитого врага [...], — во всех этих случаях действительно надеются этим чисто натуралистическим способом обрести определенные силы». Но когда убийство людей «превращается в твердо установленный ритуал, а духи и боги племени приглашаются к участию в трапезе, в той мере, наконец, в какой ее участники ощущают, что они стали особенно родственны», — переход к символизму налицо¹.

Вебер разработал свою типологию религии в соответствии с критерием ее отношения к миру (табл. 4.2.2).

Таблица 4.2.2

Типология религий (по М. Веберу)

Тип	Религии
Приспособление к миру	Конфуцианство, даосизм
Бегство от мира	Индуизм, буддизм
Овладение миром	Иудаизм, христианство, ислам

Так, для конфуцианства характерно «устранение всякой эмоциональной и иррациональной религиозности, выходящей за пределы традиционной веры в духов, верность культу предков и сыновнему долгу в качестве общей основы субординации»².

По поводу буддизма и индуизма Вебер отмечал: «Однако вера в существование душ умерших совсем не обязательно влечет за собой веру в существование особого царства мертвых. Очень часто возникало представление, что души умерших воплощаются в животных и в растения в соответствии с образом жизни и смерти, родом и положением, - это источник веры в переселение душ»³.

¹ Вебер М. Избранное... С. 84.

² Там же. С. 145.

³ Там же. С. 183.

По его мнению, признаки религий типа «овладения миром» проявляются уже в Древности и в Средневековье: «Внутреннее приятие смерти и иррациональность человеческой судьбы для воина — дело повседневности, [...] он неохотно принимает религию и не требует от нее ничего, кроме защиты от злых сил, а также церемоний, адекватных его сословному достоинству [...] и молитв о победе или счастливом пребывании после смерти на небесах вместе с другими героями»¹.

Социолог сделал обоснованный вывод о том, что «известная забота о своей посмертной судьбе возникает в соответствии с “законом предельной полезности” обычно там, где земные потребности удовлетворены, и поэтому господствует в кругах знатных и имущих людей»², способных обеспечить свое пребывание в раю.

В результате, проблема смерти вполне логично связывается Вебером с проблемой спасения в мировых религиях. Решение этой проблемы осуществляется через анализ позиций действие/бездействие индивида, исповедующего ту или иную религию (табл. 4.2.3).

Таблица 4.2.3

Сотериология (по М. Веберу)

<i>Путь спасения</i>	<i>Собственные действия</i>	<i>С помощью спасителя</i>	<i>Внутренняя установка</i>	
Методы и средства спасения	культовые действия	принадлежность к церкви	активное этическое действие	мистическое созерцание
	социальные действия	через веру	бегство от мира	
	самоусовершенствование	милость предопределения	преобразование мира	

В работе «Условия развития права» (1913-1914) Вебер затрагивает два вопроса важных для изучения нашей темы. Во-первых, он доказывает объективные причины упразднения института рабства: «Изживание рабства по мере исключения возможности даже добровольного вступления в формально

¹ Вебер М. Избранное... С. 142.

² Там же. С. 183.

рабский статус стало следствием прежде всего перемещения центра тяжести мирового экономического господства в районы, где труд рабов нерентабелен в силу дороговизны их содержания, и одновременно результатом развития непрямого принуждения к труду как системы оплаты за труд с ее постоянной угрозой увольнения и безработицы»¹.

Во-вторых, ученый проанализировал формальную правовую историю распоряжений последней воли. Уничтожение или ограничение свободы завещания путем установления высоких обязательных долей в наследстве были и остаются преимущественно политически обусловленными².

Танатосоциологические экскурсы Вебер также предпринимал в связи с революционными событиями в России и Первой мировой войной. Так, отечественные исследователи (Н. А. Головин, Ю. Н. Давыдов, Т. А. Дмитриев, Д. В. Катаев, А. В. Кузяков, С. В. Куликов, Н. В. Ростиславлева и др.) обоснованно указывают, что социолог, исследовав Первую русскую революцию (1905-1907), трактовал ее как столкновение рационализации и традиционализма, Февральскую революцию (1917) — как «чудо» для Германии и как консервативную опасность для России, Октябрьскую революцию (1917) — как пролог краха большевистского эксперимента.

Для нас же важны следующие выводы из социологии революции Вебера: 1) «попытки прекратить убийства и в особенности бомбовый терроризм не удались, но и террористические акты не смягчили власть и не заставили ее отказаться от практики насилия»³; 2) «страх перед красным террором на время объединил имущие классы», но «даже он не может заставить российское общество пойти на поклон» к «абсолютизму канцелярии»⁴. Полагаем, что результаты «ситуативного анализа» верно определили сущность и тенденции революционных процессов в России.

¹ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии [Текст] : в 4 т. [пер. с нем.]. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. Т. III. Право. С. 84.

² Там же. С. 183.

³ Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России: Избранное. М.: РОССПЭН, 2007. С. 60.

⁴ Там же. С. 71.

Что касается рассуждений Вебера о проблеме смерти сквозь призму войны, то здесь надо учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, в этот период он потерял несколько родных людей, включая брата и зятя, погибших на фронте. Во-вторых, сама судьба подталкивала его к побегу (аналогично Л. Н. Толстому) навстречу смерти¹. В-третьих, не вызывают доверия попытки ученого и его коллег переложить вину за развязывание войны исключительно на Россию и ее союзников: «Ведущие панславистские круги России не могли достичь своих целей без войны. Эти враждебные миру элементы сумели навязать свою волю в решающие дни»².

На наш взгляд, экспертное заключение немецких ученых не соответствует требованиям объективности. В данном случае налицо отказ Вебера, как одного из соавторов документа, от собственной методологии исследования реальности, можно лишь с сожалением констатировать, что здесь нет «свободы от оценки». Можно с известной долей уверенности предположить, чем руководствовался в своих ценностно-рациональных действиях М. Вебер, но надо отдавать себе отчет в том, что смещение им истины и практических интересов привело к подмене убедительных аргументов политической пропагандой, к соучастию в формировании образа врага.

Справедливости ради отметим, что при этом исследователь отнюдь не идеализировал соотечественников («немцы — это народ плебеев, или если приятнее слышать — буржуазный народ»³), осуждал захват Бельгии, выступал против неограниченной подводной войны и резко критически отзывался о кайзере Вильгельме II.

Итак, становление танатосоциологии обязано Веберу тем, что он показал, как конфессиональная принадлежность влияет на самоизоляцию личности от мира, на отношение людей к смерти и их мотивацию на социальное служение.

¹ Троцкий К. Е. Этические идеи Макса Вебера. М.: ИФ РАН, 2016. С. 109-110.

² Дельбрюк Г., Вебер М., Макс граф Гонжела, Мендельсон-Бартольди А. Замечания к докладу Комиссии союзников и ассоциированных стран по вопросу ответственности за начало войны // Вебер М. О России... С. 151.

³ Вебер М. Политические работы (1895-1919) / Пер. с нем. М.: Праксис, 2003. С. 96.

Отступления Вебера от принципов научного анализа войны искажали причинно-следственные связи событий, приводили к необоснованным выводам.

Полагаем, что формальная и понимающая социология «прокладывали путь» для неклассической социологии. Феноменологическая танатосоциология Т. Лукмана и П. Бергера — прямая их наследница.

Становление социологии смерти в Германии протекало в том же русле, что во Франции и Великобритании. Так, в немецких землях были проведены прикладные исследования танатосоциологической направленности, посвященные эпидемической ситуации и заболеваемости жителей Верхней Силезии (1848) и статистике самоубийств (1860-е).

Позитивную роль в консолидации профессионального сообщества сыграл Союз социальной политики (1873-1936), среди его членов были Л. И. Brentano, М. и А. Веберы, Ф. Тённис, Г. фон Шмоллер и др.¹ Еще одним значимым институтом стало Немецкое социологическое общество (1909-1933), созданное по инициативе М. Вебера, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, Ф. Тённиса (президент, 1909-1933) и др.²

В качестве ведущего академического издания выступал «Архив социального законодательства и статистики» (1888-1903). К его редактированию были привлечены М. Вебер, Э. Яффе и В. Зомбарт (1904) и журнал получил название «Архив социальных наук и социальной политики» (1904-1933). Он имел следующие разделы: «Статьи», «Законодательство», «Литература» (критические и библиографические обзоры) и др. Кроме редакторов, в число именитых авторов входили С. и Б. Вебб, А. Вебер, Р. Михельс, Ф. Тённис, М. И. Туган-Барановский и др.

Высшая школа, профессиональные сообщества и издания служили площадками для обсуждения проблем развития социологического знания, включая вопросы, связанные с социологией смерти.

¹ Мануильская К. М. Становление и развитие эмпирических исследований в немецкой социологии // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 78-91.

² Гергилов Р. Е. Немецкое социологическое общество перед Первой мировой войной // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 3. С. 31-39.

Таким образом, анализ исследований феномена смерти в немецкой классической социологии показал следующее:

1) Расово-антропологические и социал-дарвинистские штудии О. Аммона и Л. Вольтмана соответствовали сложившимся канонам этих направлений: проблема смерти рассматривалась сквозь призму «ущербных» рас и с антисемитских позиций. Не соглашаясь с утверждениями Аммона и Вольтмана о «вырождении народов», полагаем уместным учитывать их вклад в становление прикладной танатосоциологии (антропометрические измерения, наблюдения, анализ статистических данных).

2) Танатосоциологический анализ смерти был предпринят К. Марксом и Ф. Энгельсом в связи с изучением проблемы отчуждения, а также в рамках вновь возникающих отраслей научного знания — социологии войны и революции. В своих рассуждениях они обосновывали правомерность использования насилия («классовая борьба») для осуществления прогрессивных социальных изменений. Их теоретические выкладки базировались на фактическом материале, что позволяет сделать вывод о том, что разработанный ими конфликтологический подход способствовал развитию методологии танатосоциологических исследований.

3) В формальной социологии друг друга дополняли опыт добротных прикладных исследований смерти (Ф. Тённис) и оригинальная философско-социологическая теория о формообразующем значении смерти для жизни (Г. Зиммель).

4) М. Вебер убедительно доказал, что конфессиональная принадлежность влияет на самоизоляцию личности от мира, на отношение людей к смерти и их мотивацию на социальное служение. «Ситуативный анализ», разработанный ученым, продемонстрировал границы своего применения в силу объективных (отсутствие в должном объеме достоверной информации) и субъективных (несоблюдение принципа «свободы от оценок») причин.

5) Как и в других странах, в объединенной Германии сложились подходящие условия (опыт проведения полевых исследований, образование

профессиональных сообществ, преподавание специальных курсов в университетах, выпуск профильных журналов) для развития социологической науки и танатосоциологии, в частности.

Подводя итоги главы, в целом, считаем необходимым сделать ряд выводов:

Во-первых, внешнеполитический (войны, международные связи) и внутривнутриполитический (политическая борьба в парламенте, межпартийные отношения, государственная политика в социальной сфере и др.) факторы, как правило, прямо или косвенно стимулировали становление танатосоциологии.

Во-вторых, если в Великобритании некоторая часть исследователей, сохранив отчасти верность континентализму, ориентировалась в большей степени на нерелигиозный позитивизм, то в Германии континентализм не получил поддержки и, соответственно, развития.

В-третьих, в обеих странах успешно развивались расово-антропологическое направление и социал-дарвинизм. Данные идеи также были популярны в обществе, что, в свою очередь, влияло на организацию социального служения и социальной работы, на формирование и реализацию социальной политики государства.

В-четвертых, в Германии впервые вне позитивистской традиции были разработаны оригинальные теории смерти (марксистская, формально-социологическая и веберовская), которые стимулировали плодотворное развитие танатосоциологии.

В-пятых, благодаря проведению прикладных исследований и укреплению научных коммуникаций, усилилась тенденция по сближению теоретической и эмпирической танатосоциологии в Великобритании и Германии, что свидетельствует об эффективной институализации новой отрасли социологического знания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты историко-социологического исследования, посвященного генезису западноевропейской танатосоциологии, позволяют сделать следующие выводы:

1) В современной науке смерть анализируется сквозь призму ее стадильности и через ее соотнесение и противопоставление жизни. Многогранность, противоречивость и неоднозначность человеческого существования ведет к тому, что невозможно дать одного единственно верного определения смерти.

Ее можно классифицировать по ряду оснований: а) природа – социальная, психическая, физиологическая; б) стадия – клиническая, смерть мозга, биологическая (истинная); в) количество – индивидуальная, групповая, массовая, тотальная; г) время – внезапная, скоропостижная, преждевременная, естественная; д) характер – насильственная, ненасильственная; е) причина – от повреждений, от заболеваний; ж) этический – достойная, позорная.

Смерть выполняет ряд важных социальных функций: 1) регулятивную — определяет численность членов социума; 2) «формообразующую» (Г. Зиммель) — задает смыслы существования социальных субъектов; 3) исключения — выведения личности (социальной группы) за пределы общества; 4) наказания — мера воздействия, обеспечивающая безопасность общества и государства; 5) уничтожения — сокращение количества истинных и мнимых врагов; 6) утилизации — устранение больных и нежизнеспособных; 7) устрашения — средство воздействия на общественное сознание; 8) выбора — избавление от страданий; 9) индивидуализации — утверждение собственной субъектности и уникальности; 10) социализации — приобщение и сопричастность социальной целостности; 11) эгалитарную — учреждение «финального равенства» между членами общества; 12) коммуникативную — «восстановление» связи с близкими и/или Абсолютом; 13) экономическую — оптимизация расходов и потребления, стимулирование соответствующих отраслей производства и услуг; 14)

политическую — консолидация/дезинтеграция сторонников некой политической силы.

2) Танатосоциология — это отрасль социологического знания, изучающая место и роль феномена смерти в жизни общества, взаимодействие социальных субъектов в системе отношений к нему, формы организации похорон, духовные и социальные связи с умершими, обусловленные объективными и субъективными факторами.

Главное отличие социологического анализа феномена смерти заключается в рассмотрении: а) взаимодействий социальных субъектов при столкновении со смертью, отношения и подготовки к ней; б) ожиданий того, что происходит после нее; в) возможностей отдаления смерти посредством особого образа жизни, самосохранения и воскрешения; г) связей с умершими в формах прощания, погребения, сбережения памяти о них; д) «влияния» мертвых на живых,

3) Структура танатосоциологии включает:

а) моросоциологию, изучающую социокультурные особенности восприятия и отношения к смерти социальных субъектов, отличающихся по полу, возрасту, семейному положению, наличию детей, конфессиональной и этнической принадлежности, специфике образования и трудовой деятельности, уровню дохода и т. п.;

б) социологию социальной смерти, анализирующую круговороты жизни социальных субъектов, претерпевающих множество «умираний» и «возрождений»;

в) социологию ненасильственной смерти, исследующую социально-танатологические аспекты самосохранительного поведения, смертности, медицинского обслуживания и здравоохранения;

г) социологию насильственной смерти, изучающую социальную составляющую суицидов, убийств и гибели людей в результате несчастных случаев;

е) социологию похорон, исследующую совокупность практик обращения с телом умершего человека;

ж) некросоциологию, изучающую представления о посмертном существовании людей, пространство упокоения усопших, мемориальные и коммеморативные практики, типы и формы взаимоотношений живых и мертвых.

4) Социальная смерть – это своеобразный период бытия социального субъекта, во время которого он (само)устраняется от участия в жизни общества и/или социальной общности. Это состояние может быть обусловлено влиянием объективных и субъективных факторов и проявляться на разных уровнях социальной жизни. Различают инварианты социальной смерти — гражданскую, политическую, экономическую и духовную.

5) Целесообразно классифицировать социологические исследования смерти как социокультурного явления по следующим критериям:

а) похороны — количество усопших, пол, возраст, семейное положение умершего, брачный и социальный статусы покойного, причины и обстоятельства смерти, законность, открытость, организация, технологии, церемониал, характер, условия, присутствие, способы, перемещение, территория, продолжительность, время суток, сезон года, уровень затрат, численность участников мероприятия;

б) погребения — период, способ, расположение, размещение, место, устройство, конструкция, форма, благоустройство, сохранность, количество погребенных, пол, возраст, брачно-семейный, трупоположение, ориентация, заполнение, обстоятельства, структура, порядок захоронения, конфессиональный;

в) кладбища — период, организация, состояние, принадлежность, статус, ландшафт, расположение, состав, тип погребений, благоустройство, историко-культурное назначение.

б) Эвристичность при изучении истории танатосоциологии обеспечивается применением методологии, сочетающей историко-философский, историко-богословский, историко-социологический, институциональный и неинституциональный подходы, и использованием совокупности историко-социологических методов (генетический, периодизации, биографический, компаративистский, реконструктивный, источниковедческий и традиционный анализ документов).

7) К принципам историко-танатосоциологического исследования относятся следующие: объективности, историзма, системности, взаимовлияния философской и научной мысли, взаимодействия науки и общества, преемственности и прерывности в социологической теории, опоры на источники и личной сопричастности исследователя.

8) Выделяется ряд онтологических («люди телесные», природная среда, общество, вещный комплекс, технические средства и технологии, экономическая, правовая и политическая системы, военное дело) и гносеологических (художественно-мировоззренческие основы, эмпирические методы и теоретическое знание) предпосылок возникновения и развития социологии смерти.

9) Стратегические ориентиры исследования истории танатосоциологии: а) социально-исторический контекст; б) личные и профессиональные биографии ученых; в) сетевые схемы научных коммуникаций; г) институционально-организационные формы научно-исследовательских практик; д) «национальные» социологии; е) этос науки; ж) историко-эпистемологические изыскания понятия «смерть»; з) вклад конкретного ученого в генезис социологии смерти и влияние его идей на дальнейшее развитие танатосоциологии.

10) В античной философии впервые были теоретически осмыслены и обоснованы основные формы рационального отношения к смерти: а) «синтетическое», соединявшее сожаление о завершении жизни и осознание смерти как естественного итога развития болезней и старости и/или закономерного/случайного результата войн, чрезвычайных обстоятельств и т. п. (платонизм, аристотелизм, цицеронизм); б) безразличие к смерти перед лицом всеобщей смертности (эпикуреизм); в) принятие смерти как избавления от страданий (стоицизм).

11) В античном и средневековом христианском богословии доминировали представления: а) о духовной смерти как богооставленности; б) о физической смерти как зле и благе: у человека как творения Божьего при смерти в воздаяние за грехи душа расстается с телом и он неизбежно переходит из мира

посюстороннего (состояния пред-жизни) в потусторонний (жизнь вечную). Теологи детально регламентировали порядок похорон, безусловно осуждали суицид, оправдывали жестокие меры наказания преступников и ведение войн против еретиков и неверных. В теологии Реформации акцентируется способность людей вести добродетельный деятельный образ жизни, избавляться от страха смерти, размышляя о ней, и достойно встретить последний час (надежда на помощь Господа), в иных случаях смерть – справедливое возмездие за содеянное.

12) В социальной философии Нового времени наблюдается обогащение идей предшествующих мыслителей о границах допустимого и порицаемого – суициде и эвтаназии, смертной казни и войне. Произошел поворот к естественнонаучному объяснению смерти, наряду с которым сохранялись идеалистические трактовки феномена, значительное внимание уделялось анализу этико-правовых, социально-медицинских и психолого-педагогических аспектов проблемы смерти. На танатологические взгляды философов значительное влияние оказали обстоятельства их жизненных судеб и религиозные воззрения. Благодаря успехам, достигнутым в точных и естественных науках, присущие им методология (антителеологизм, рационализм, материализм) и исследовательские методы (наблюдение, эксперимент) стали активно применяться и в социально-гуманитарном знании.

13) О. Конт сформировал позитивизм как синтез науки, Религии Человечества и социальной политики, посредством которого общество преодолевает кризисное состояние, встанет на путь прогресса, «соединит» живых и умерших, Ученый определил контуры социологического исследования феномена смерти, где сочетались спекулятивно-философский и социолого-реалистический подходы. По сути, он заложил основы новой науки как социологии жизни и смерти.

14) Важнейшую роль в формировании танатосоциологии во Франции сыграли представители позитивистски ориентированных (расово-антропологическое, органицистское, психологическое) и католического направлений, Дюркгеймовской школы. Этому способствовали следующие

факторы: открытие специализированных журналов, создание профессиональных сообществ, проведение конгрессов, что расширило возможности исследователей для обсуждения танатосоциологических проблем. Им принадлежит заслуга в углублении социологического познания феноменов «физиологическая смерть» и «естественная смерть», насильственной смерти (суицид, жертвоприношение, террор), погребальных практик, траура и коллективной памяти. Становление танатосоциологии протекало в рамках дифференциации и вычленения новых дисциплин (девиантологии, криминологии, суицидологии) и отраслевых социологий — религии, морали, права, войн и др.

15) Изначально британская социология смерти ориентировалась преимущественно на нерелигиозный позитивизм, благодаря этому возникло несколько плодотворных методологических подходов (Г. Мартино, Г. Спенсер) к анализу смерти, развивалась прикладная танатосоциология. С одной стороны, ряд ученых внес существенный вклад в общественно-политическую борьбу против рабства и дискриминации, с другой стороны, отдельным исследователям был присущ расизм, антисемитизм и антигуманизм. Танатосоциологические изыскания и распространение информации о них в обществе стимулировали социальное служение и социальную работу как формы оказания помощи людям в случае социальной смерти.

16) В объединенной Германии сложились подходящие условия (опыт проведения полевых исследований, образование профессиональных сообществ, преподавание специальных курсов в университетах, выпуск профильных журналов) для развития танатосоциологии. Здесь впервые вне позитивистской традиции были разработаны оригинальные теории смерти (марксистская, формально-социологическая и веберовская).

Представленная диссертация вносит значимый вклад в развитие теории и истории танатосоциологии. Дальнейшие направления исследований мы видим в разработке всех составных частей танатосоциологии, изучении дальнейших этапов ее развития за рубежом, анализе генезиса и развития отечественной танатосоциологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов М. А. Два Адама : классики политической мысли / М. А. Абрамов. – М. : ИФ РАН, 2008. - 193, [2] с. - ISBN 978-5-9540-0101-3.
2. Адорно Т. В. Негативная диалектика / Т. В. Адорно ; [пер. с нем.]. – М. : Академический проект, 2011. - 538 с. : ил. - ISBN 978-5-8291-1250-9.
3. Альтицер Т. Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма / Т. Альтицер [пер. с англ.]. – М. : Канон+, 2010. - 223 с. - ISBN 978-5-88373-234-8.
4. Американская социология : Перспективы. Проблемы. Методы / Сокр. пер. с англ. – М. : Прогресс, 1972. - 392 с.
5. Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации / Ю. В. Андреев. - СПб. : Гос. Эрмитаж : Алетейя, 1999. - 399, [1] с., [15] л. ил., портр. – ISBN 5-89329-101-8.
6. Анисимов В. Н. Молекулярные и физиологические механизмы старения / В. Н. Анисимов. - СПб. : Наука, 2003. - 466, [1] с. : ил., табл. - ISBN 5-02-026199-8.
7. Антонова А. С. Региональные проблемы нормативно-правового обеспечения ритуально-похоронного дела / А. С. Антонова, Г. Н. Сюткин // Вестник академии (Московская академия предпринимательства при Правительстве Москвы). - 2012. - № 1. - С. 73-76.
8. Антонова Н. Л. Институциональные аспекты функционирования системы медицинского обслуживания : [монография] / Н. Л. Антонова, И. Е. Левченко, М. В. Клейменов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 108 с. - ISBN 978-5-7996-1866-7.
9. Антонова Н. Л. Качество медицинского обслуживания в оценках пациентов / Н. Л. Антонова // Социология медицины. - 2007. - № 1 (10). - С. 39-41.
10. Антонова Н. Л. Народное целительство: pro et contra / Н. Л. Антонова, И. Е. Левченко // Азимут научных исследований: педагогика и психология. - 2017. - Т. 6. - № 1 (18). - С. 317-319.

11. Антонова О. Г. Теоретические основы изучения самоубийства как социального явления / О. Г. Антонова, Р. И. Жидков // Известия высших учебных заведений. - Поволожский регион. - Общественные науки. - 2014. - № 4. - С. 77-78.
12. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции / Ю. М. Антонян. - М. : Логос, 2004. - 448 с. – ISBN 5-94010-298-0.
13. Арндт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Х. Арндт ; пер. с нем. и англ. – СПб. : Алетейя, 2000. - 437 с., [1] л. портр. – ISBN 5-89329-230-8.
14. Аристотель. Афинская полиция : Государственное устройство афинян / Аристотель; Пер. и прим. проф. С. И. Радцига. - 2-е изд. – М. : Соцэкгиз, 1937. - 254 с.
15. Аристотель. Сочинения : В 4 т. Т. 1 / Аристотель. — М. : Мысль, 1975. — 551 с. : портр.
16. Аристотель. Сочинения : В 4 т. Т. 4 / Аристотель. — М. : Мысль, 1984. — 830 с.
17. Арон Р. Этапы развития социологической мысли : Пер. с фр. / Р. Арон. - М. : Прогресс : Универс, 1993. - 606,[1] с. – ISBN 5-01-003727-0.
18. Артамошин С. В. Идеиные истоки национал-социализма / С. В. Артамошин. - Брянск : Изд-во Брян. гос. ун-та, 2002. - 184 с. : портр. – ISBN 5-88543-020-9.
19. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса [Электронный ресурс] / Публичная библиотека: [сайт]. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/M/MARKS_Karl,_ENGEL%27S_Fridrih/_Marks_K.,_Engel's_F._Arhiv_.html (дата обращения: 25.09.2020).
20. Архив Огаревых / сост. М. О. Гершензон. - М.: Юрайт, 2018. - 344 с. – ISBN 978-5-534-05659-4.
21. Архипова Е. Б. От проблемы к решению: риторика дискурса социальных предпринимателей / Е. Б. Архипова, А. В. Старшинова // Журнал исследований социальной политики. - 2021. - Т. 19. - № 1. - С. 41-54.
22. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес ; Перевод с фр. - М. : Прогресс : Прогресс-академия, 1992. - 526,[1] с. - ISBN 5-01-003636-3.

23. Асмус В. Ф. Историко-философские этюды / В. Ф. Асмус. – М. : Мысль, 1984. - 318 с.
24. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман ; пер. с нем. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. - 223, [1] с. – ISBN 978-5-4448-0516-9.
25. Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. - М. : Яз. слав. культуры, 2004. - 363 с. : ил., табл. - ISBN 5-94457-176-4.
26. Аттали Ж. Карл Маркс : мировой дух / Ж. Аттали ; [пер. с фр.]. – М. : Молодая гвардия, 2018. - 445, [2] с. – ISBN 978-5-235-04122-6.
27. Баканова А. А. Танатопсихология – перспективное направление научных исследований [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2014. - Т. 20. - С. 4526–4530. - URL: <http://e-koncept.ru/2014/55170.htm> (дата обращения: 12.08.2017).
28. Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика / М. А. Бакунин. — М. : Правда, 1989. — 622 с.
29. Баразгова Е. С. Американская социология : Традиции и современность : (Курс лекций) / Е. С. Баразгова. - Екатеринбург : Деловая кн. ; Бишкек : Одиссей, 1997. - 173,[2] с. - ISBN 5-88687-026-1.
30. Барг М. А. Эпохи и идеи : Становление историзма / М. А. Барг. - М. : Мысль, 1987. - 348,[2] с.
31. Бармина Н. И. Базилика как социокультурный феномен / Н. И. Бармина, И. Е. Левченко // Урбанистика. - 2016. - № 4. - С. 43-56.
32. Бармина Н. И. Надгробия некрополя Мангупской базилики / Н. И. Бармина // Античная древность и средние века. - 2020. - Т. 48. - С. 327-348.
33. Бармина Н. И. Погребальные памятники Мангупской базилики / Н. И. Бармина // Причерноморье. История, политика, культура. - 2017. - № 22. - С. 91-97.

34. Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой : Очерки о культур.-ист. основаниях и пределах лич. самосознания / Л. М. Баткин. - М. : РГГУ, 2000. - 1004, [1] с. : ил., факс. - ISBN 5-7281-0405-3.
35. Батыгин Г. С. История социологии : учебник / Г. С. Батыгин, Д. Г. Подвойский. - Москва : Высшее образование и наука, 2007. - 442, [1] с. : ил., портр., табл. - ISBN 978-5-94084-025-1.
36. Бачинин В. А. «И увидел Конт, что это хорошо» // Свободная мысль. - 2010. - № 12. - С. 177-188.
37. Бачинин В. А. История западной социологии : Учебник / В. А. Бачинин, Ю. А. Сандулов. СПб.: Лань, 2002. — 384 с. — ISBN 5-8114-0354-2.
38. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман ; [пер. с англ.]. – М. : Логос, 2002. - LXIII, 324, [2] с. : портр. - ISBN 5-94010-155-0.
39. Бауман З. Актуальность холокоста / З. Бауман ; [пер. с англ.]. – М. : Европа, 2010. - 311, [4] с. - ISBN 978-5-9739-0193-6.
40. Белинская Е. П. У истоков социальной психологии: сравнительный анализ «Психологии масс» Г. Лебона и концепции «Героев и толпы» Н. К. Михайловского / Е. П. Белинская // Вестник Московского университета. - Серия 14. - Психология. - 2012. - № 1. – С. 9-17.
41. Берарди Ф. Новые герои. Массовые убийцы и самоубийцы / Ф. «Бифо» Берарди ; [пер. с англ.]. – М. : Кучково поле, 2016. - 318, [1] с. – ISBN 978-5-9950-0520-9.
42. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. [пер. с англ.] - М. : Моск. филос. фонд, 1995. - 322,[1] с. - ISBN 5-85691-036-2.
43. Бергер П. Капиталистическая революция : 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе : [Пер. с англ.] / П. Бергер. - М. : Прогресс : Универс, Б. г. (1994). - 314,[2] с. - ISBN 5-01-003289-9.
44. Берлин И. Философия свободы. Европа // И. Берлин; пер. с англ. - М.: Новое литературное обозрение, 2001. - 448 с. - ISBN 5-86793-132-3.

45. Бернал Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал. — М. : Изд-во иностр. лит., 1956. — 735 с.
46. Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры / Н. А. Берсенева. - Екатеринбург : УрО РАН, 2011. - 201, [2] с. : ил., табл. - ISBN 978-5-7691-2225-5.
47. Беспалова Ю. М. «В социологии я оказалась и случайно и неслучайно» / Ю. М. Беспалова // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. - 2011. - № 1. С. 11-20.
48. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века : Очерки демографической истории Франции / Ю. Л. Бессмертный. – М. : Наука, 1991. - 235, [4] с., [18] л. ил. : ил. – ISBN 5-02-009052-2.
49. Бикбов А. Т. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность / А. Т. Бикбов. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. - 360 с. - ISBN 978-5-7598-1001-8.
50. Биографический метод в социологии: история, методология и практика : [Сб. ст. / Редкол.: Мещеркина Е. Ю., Семенова В. В.]. - М. : Ин-т социол., Б. г. (1994). - 147 с. - ISBN 5-201-02482-3.
51. Блаженный Августин. Творения : В 4 т. Т. 1: Об истинной религии / Августин Блаженный. — СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. - 742 с. – ISBN 5-89329-212-X.
52. Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 3: О граде Божиим. Кн. I-XIII / Августин Блаженный. - СПб. : Алетейя; Киев : УЦИММ-Пресс, 1998. - 595 с. - ISBN 5-89329-087-5.
53. Блинова А. В. Эволюция крематория как объекта инфернальной архитектуры в странах Европы периода XX-XXI вв. / А. В. Блинова, Р. Х. Ахтямова, И. И. Ахтямов // Известия КазГАСУ. - 2020. - № 4 (54). - С. 183-193.
54. Блэк М. Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии / М. Блэк ; пер. с англ. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. - 399, [2] с. : ил. – ISBN 978-5-4448-0256-4.

55. Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР / А. Блюм ; [пер. с фр.]. – М. : Новое изд-во, 2005. - 169, [2] с. : ил., карт. – ISBN 5-98379-029-3.
56. Бобков В. Н. Духовные и социокультурные проблемы современности в диалоге с наследием св. Фомы Аквинского / В. Н. Бобков, Г. Н. Артамонов // Уровень жизни населения регионов России. - 2014. - № 3 (193). - С. 130-135.
57. Богомягкова Е. С. Отношение к эвтаназии в России и Германии: опыт сравнительного анализа / Е. С. Богомягкова, Е. П. Рогожина // Социс. - 2017. - № 3. - С. 88-96.
58. Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. Б. В. Петровский. Т. 24. Сосудистый шов – Тениоз. - 3-е изд. - М. : Советская энциклопедия, 1985. - 544 с.
59. Боргош Ю. Фома Аквинский / Ю. Боргош. - 2-е изд. - М. : Мысль, 1975. - 183 с.
60. Бур М. Притязание разума : Из истории нем. кл. философии и лит. / М. Бур, Г. Иррлиц : Пер. с нем. – М. : Прогресс, 1978. - 327 с.
61. Бурдьё П. Начала / П. Бурдьё [пер. с фр.]. — Москва : Socio-Logos : Адапт, 1994. — 287 с. — ISBN 5-86942-006-7.
62. Бурдьё П. Социология социального пространства / / П. Бурдьё ; пер. с фр. — М. ; СПб. : Ин-т экспериментальной социологии : АЛЕТЕЙЯ, 2005. — 288 с. — ISBN 5-89329-762-8.
63. Бутс В. В трущобах Англии / В. Бутс ; пер. с англ. - СПб. : Издание Ф. Павленкова, 1891. - 340 с.
64. Бычков В. В. Эстетика Аврелия Августина / В. В. Бычков. – М. : Искусство, 1984. - 264 с.
65. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / Ф. Бэкон ; пер. с англ. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 1978. — 575 с.
66. Бэкон Ф. Сочинения : В 2 т. Т. 1 / Ф. Бэкон ; пер. с англ. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 1977. — 567 с.
67. Ваганов Н. Н. Здравоохранение // Социальная энциклопедия / Гл. ред А. П. Горкин. - М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. - С. 113.

68. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? // Социс. - 1997. - № 1. - С. 9-15.
69. Вебер М. Жизнь и творчество Макса Вебера / М. Вебер [пер. с нем. М.И. Левина]. – М. : РОССПЭН, 2007. - 653, [2] с. – ISBN 978-5-8243-0851-8.
70. Вебер М. Избранное. Образ общества / М. Вебер ; пер. с нем. М. : Юрист, 1994. 702 с. – ISBN 5-7357-0048-0.
71. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. М. : Прогресс, 1990. 808 с. – ISBN 5-01-001584-6.
72. Вебер М. Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии: в 4 т. / М. Вебер ; [пер. с нем.]. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. Т. III. Право. - 331, [5] с. – ISBN 978-5-7598-1515-0.
73. Вебер М. О России : избранное / М. Вебер ; [пер. с нем.]. – М. : РОССПЭН, 2007. - 157, [1] с. – ISBN 978-5-8243-0860-0.
74. Вебер М. Политические работы, 1895-1919 / М. Вебер [Пер. с нем.]. - М. : Праксис, 2003. - 421, [1] с. – ISBN 5-901574-25-7.
75. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Ж.-П. Вернан [пер. с фр.]. – М. : Прогресс, 1988. - 221, [2] с. – ISBN 5-01-001034-8.
76. Вершинин С. Е. Концепция социальной деструкции франкфуртской школы (историко-философский анализ) / С. Е. Вершинин, Г. А. Борисова. — Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2009. — 125 с. — ISBN 978-5-8050-0320-3.
77. Веселкова Н. В. Места памяти в молодых городах : монография / Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, М. Н. Вандышев. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 391, [1] с. : ил. — ISBN 978-5-7996-1848-3.
78. Вишев И. В. На пути к практическому бессмертию / И. В. Вишев. - М. : МЗ-Пресс, 2002. - 324 с. – ISBN 5-94073-036-1.
79. Вишев И. В. Проблема личного бессмертия / И. В. Вишев. - Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1990. - 246, [2] с. - ISBN 5-02-029600-7.
80. Волков А. В. Тайный код столичных кладбищ / А. В. Волков. - Москва : Вече, 2016. - 359 с. : ил. - ISBN 978-5-4444-3644-8.

81. Вольтман Л. Политическая антропология : Исслед. о влиянии эволюц. теории на учение о полит. развитии народов / Л. Вольтман. - М. : Белые альвы, 2000. - 440, [4] с. : портр. - ISBN 5-7619-0107-2.
82. Вольтман Л. Теория Дарвина и социализм. Опыт естественной истории общества / Л. Вольтман ; Пер. с нем. - СПб.: Общественная польза, 1900. - [4], IV, 362 с.
83. Вормс Р. Мораль Спинозы : Изуч. ее принципов и влияния, произвед. ей в новейш. времена / Р. Вормс ; Пер. с фр. – СПб. : тип. М. Стасюлевича, 1905. - IV, 332 с.
84. Вормс Р. Общественный организм / Р. Вормс; Пер. с фр. - СПб. : Ф. Павленков, 1897. - IV, XVI, 247 с.
85. Воронин Г. Л. Смертность как социальная проблема: 2001-2017 гг. / Г. Л. Воронин // Вестник Института социологии. - 2021. - Т. 12. - № 3. - С. 189-208.
86. Востриков А. В. Книга о русской дуэли / А. В. Востриков. - СПб. : Азбука-классика, 2004. - 317, [2] с. : ил., портр. - ISBN 5-352-01107-0 .
87. Гагарин А. С. Экзистенциалы человеческого бытия: Одиночество, смерть, страх: От Античности до Нового времени. / А. С. Гагарин. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. - 372 с. : ил. - ISBN 5-7525-1028-7.
88. Гайденко П. П. История и рациональность : Социология М. Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. - М. : Политиздат, 1991. - 366,[1] с. - ISBN 5-250-00757-0.
89. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. [Пер. с нем.]. - СПб.: Наука, 1993. - 480 с. - ISBN 5-02-028169-7.
90. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. - М. : Наука, 2000. - 495 с.- ISBN 5-02-008380-1.
91. Гегель Г. В. Ф. Философия религии : в 2 т. / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. — М. : Мысль, 1975. - Т. 1 — 532 с.
92. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. [Пер. с нем.]. – М. : Мысль, 1990. - 524,[2] с., [1] л. портр. - ISBN 5-244-00384-4.

93. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / Г. В. Ф. Гегель ; пер. с нем. – М. : Мысль, 1975. - Т. 2: Философия природы. - 694 с.
94. Георг Зиммель (1858-1918). - М. : ИНИОН, 1992. - 100 с.
95. Герберт Спенсер : автобиография : с портретом Г. Спенсера / сокр. излож. А. Д. Коротаева. – СПб. : О. Н. Попова, 1904. - 178 с.
96. Гергилов Р. Е. Немецкое социологическое общество перед Первой мировой войной / Р. Е. Гергилов // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2003. - Том VI. - № 3. - С. 31-39.
97. Герц Р. Смерть и правая рука / Р. Герц ; пер. с франц. - М.: ARS PRESS, 2019. - 268 с.
98. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс ; пер. с англ. 2-е изд. - М.: URSS., 2005. - 629 с. - ISBN 5-8291-0232-3.
99. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Т. Гоббс — М. : Мысль, 1991. — 731 с. — ISBN 5-244-00020-9.
100. Гоголюк Ю. Е. Концепт «вера» в античной философии и библейском дискурсе // Научные ведомости Белгородского госуниверситета. - Серия «Философия. Социология. Право». - 2010. - № 20. - Вып. 14. - С. 117-120.
101. Гофман А. Б. Классическое и современное : Этюды по истории и теории социологии / А. Б. Гофман. - М. : Наука, 2003. - 783 с. : портр. - ISBN 5-02-032810-3.
102. Гофман А. Б. Письма классиков: значение эпистолярного жанра в истории социологии // Вторые Давыдовские чтения. Сб. научных докладов симпозиума 9-10 октября 2014 г. / под ред. И. Ф. Девятко и Н. К. Орловой. - М. : Ин-т социологии РАН, 2014. - С. 222.
103. Граунт Дж. Начала статистики населения, медицинской статистики, математики страхового дела / Дж. Граунт, Э. Галлей ; пер. с англ. - Берлин : NG Verl., 2005. - 133 с. : табл. - ISBN 3-938417-22-6.
104. Грунт Е. В. Проблема смысла жизни в истории западноевропейской философии (от Античности до конца XIX века) / Е. В. Грунт. — Челябинск : ЧИРПО, 1996. — 159 с. — ISBN 5-85716-069-7.

105. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия / А. В. Гулыга. — М. : Мысль, 1986. — 334 с.
106. Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. 1989. - М. : Наука, 1989. С. 126-133.
107. Гуревич А. Я. Средневековый мир : культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1990. - 395, [1] с. - ISBN 5-210-00102-4.
108. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Том 4: Р-Я. / В. И. Даль. - М. : РИПОЛ классик, 2006. - 669 с.
109. Данильченко С. А. Отношение к смерти и бессмертию на войне : Монография / С. А. Данильченко, Р. В. Кадыров, В. Е. Кулешов. – Владивосток : ТОВМИ им. С. О. Макарова, 2007. - 113 с.
110. Джери Д. Большой толковый социологический словарь. Collins. Т. 2, П-Я / Д. Джери, Д. Джери / пер. с англ. - М. : Вече : АСТ, 2001. - 528 с. - ISBN 5-7838-0427-4.
111. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. - М. : Мысль, 1979. - 618 с.
112. Долгов А. Ю. Социология смерти: продолжая трудное обсуждение: введение к тематическому разделу / А. Ю. Долгов // Социальные и гуманитарные науки. — Отечественная и зарубежная литература. — Серия 11: Социология. - 2021. - № 3. - С. 7-11.
113. Д'Онт Ж. Гегель. Биография / Ж. Д'Онт ; пер. с фр. – СПб. : Владимир Даль, 2012. - 510, [1] с. - ISBN 978-5-93615-125-5.
114. Дыдров А. А. «Конец света» и «конец мира»: философская интерпретация постапокалиптической фантастики / А. А. Дыдров, В. С. Невелева // Социум и власть. 2018. № 5 (73). С. 100-108.
115. Дюкова С. В. Духовные ценности субкультуры тяжелобольных : автореферат дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / С. В. Дюкова ; [Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина]. - Тамбов, 2011. - 23 с.

116. Дюркгейм Э. «Германия выше всего» : Идеология немцев и война / Э. Дюркгейм. - М.: Изд-во препод. Моск. ун-та, 1917. - 48 с.
117. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм ; [пер. с фр.]. – М. : Канон, 1996. - 430, [1] с. : портр.- ISBN 978-5-88873-036-1.
118. Дюркгейм Э. Самоубийство : социол. этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. – СПб. : Союз, 1998. - 492 с. : ил.; 20 см. - ISBN 5-87852-063-X.
119. Дюркгейм Э. Социология : Ее предмет, метод, предназначение : [Сборник : Пер. с фр.] / Э. Дюркгейм. - М. : Канон, 1995. - 349 с. : портр.- ISBN 5-88373-037-X.
120. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни : тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм ; Пер. с фр. – М. : Изд. дом Дело : РАНХиГС, 2018. - 732, [1] с. : ил., табл. - ISBN 978-5-7749-1370-1.
121. Дюркгейм Э., Дени Э. Кто хотел войны? Петроград: Изд-во Библиотека великой войны, 1915. 93 с.
122. Елютина М. Э. Пожилые люди: отношение к смерти и танатические тревоги / М. Э. Елютина // Социс. - 2015. - № 10. - С. 111-119.
123. Еремеева С. То, о чем молчим... Почему death studies не популярны в современной России? / С. Еремеева // Археология русской смерти. - 2016. - № 1. - С. 32-51.
124. Ефремов О. Ю. «Killology» - наука об убийстве в психолого-педагогической подготовке силовых структур США / О. Ю. Ефремов, С. Э. Зверев // Современные исследования социальных проблем. - 2015. - № 10. - С. 268-282.
125. Желвакова И. А. Лиза Герцен // Литературное наследство. - М. : Наука, 1997. - Т. 99. - Кн. 2. - С. 544-555.
126. Жильсон Э. Избранное / Э. Жильсон [Пер. с фр.]. - М. и др. : ЦГНИИ ИНИОН РАН и др., 2000. Т. 1: Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. - 2000. - 495 с., [1] л. портр. : ил. - ISBN 5-7914-0032-2.
127. Западноевропейская социология XIX века : О. Конт, Д. С. Милль, Г. Спенсер / Под общ. ред. В. И. Добренькова. - М. : Междунар. ун-т бизнеса и упр., 1996. - 352 с. - ISBN 5-89313-003-0.

128. Звиревич В. Т. Жанр утешений в античной философской литературе : [учебное пособие] / В. Т. Звиревич. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — 347 с. — ISBN 978-5-7996-0923-8.
129. Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире / А. Г. Здравомыслов. — М. : Логос, 2010. — 407 с., [1] л. цв. портр. : табл. — ISBN 978-5-98704-466-7.
130. Зиммель Г. Избранное : [в 2 т.] / [сост.: С. Я. Левит, Л. В. Скворцов]. — Москва : Юристъ, 1996. — Т. 2 : Созерцание жизни. — 1996. — 607 с. — ISBN 5-7357-0175-4.
131. Зуева Е. Н. Отношение к смерти и жизненные стратегии представителей опасных профессий / Е. Н. Зуева // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. — Серия: Социальные науки. — 2009. — № 2. — С. 29-36.
132. Игошев М. В. Самосохранительное поведение как объект социологической науки / М. В. Игошев, Г. М. Игошев, И. В. Верещагин // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. — Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2016. — С. 187-189.
133. Идея смерти в российском менталитете / [Отв. ред. Ю. В. Хен]. — СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. — 303 с. — ISBN 5-88812-074-X.
134. Изотова И. С. Научное осмысление смерти: историография проблемы / И. С. Изотова // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 6. — С. 264-273.
135. Ионин Л. Г. Свобода в СССР / Л. Г. Ионин. — СПб. : Университетская книга, 1997. — 368 с.
136. Исаев С. А. Теология смерти : Очерки протестант. модернизма / С. А. Исаев. — М. : Политиздат, 1991. — 236 с. — ISBN 5-250-01240-X.
137. Исследования в области балто-славянской духовной культуры : (Погребальный обряд). — М. : Наука, 1990. — 256 с. — ISBN 5-02-011035-3.
138. История теоретической социологии: в 4 т. — М. : Канон+ : Реабилитация, 1997. — Т. 3. 442, [3] с. — ISBN 5-88373-078-0.

139. История теоретической социологии : В 4 т. / Отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. - М. : Канон, 1997. - Т. 1. - 496 с. - ISBN 5-88373-102-3.
140. История теоретической социологии : В 5 т. / Отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. - М. : Наука, 1995. - Т. 1: От Платона до Канта : Предыстория социол. и первые прогр. науки об обществе. - 269,[1] с. - ISBN 5-02-008226-0.
141. Источниковедение : учебник для академического бакалавриата / А. В. Сиренов [и др.] ; под ред. А. В. Сиренова. — М. : Юрайт, 2015. — 396 с. — ISBN 978-5-9916-4126-5.
142. Источниковедение : учебное пособие / [И. Н. Данилевский и др.] ; отв. ред. М. Ф. Румянцева. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. - 684, [2] с. - ISBN 978-5-7598-1092-6.
143. Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники рос. истории : учеб. пособие для гуманит. спец. / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : РГГУ, 1998. - 702 с. - ISBN 5-7281-0090-2.
144. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века : Ист. - демогр. очерки / В. А. Исупов. - Новосибирск : Сиб. хронограф, 2000. - 242, [1] с. : ил., табл. - ISBN 5-87550-101-4.
145. Каган М. С. Системный подход и гуманитарное знание : Избр. ст. / М. С. Каган. - Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. - 383,[1] с. : портр. - ISBN 5-288-00956-2.
146. Казакова А. Ю. Концептуализация понятия «социальная смерть» через поисковые запросы интернет-пользователей / А. Ю. Казакова // Социальные и гуманитарные науки. - Отечественная и зарубежная литература. - Серия 11: Социология. - 2021. - № 3. - С. 68-89.
147. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере / Ж. Кальвин ; Пер. с фр. - М. : Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 1997. - Т. 1, Кн. 1, 2. - LV, 582 с. - ISBN 5-7281-0195-X.
148. Кальвин Ж. Наставления в христианской вере / Ж. Кальвин ; Пер. с фр. - М. : Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 1998. - Т. 2, Кн. 3. - 479 с.

149. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере / Ж. Кальвин; Пер. с фр. и англ. - М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1999. - Т. 3, кн. 4. - 639 с. - ISBN 5-7281-0141-0.
150. Кальвин Ж. Наставление в христианской вере / Ж. Кальвин; Пер. с фр. - М. : Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1998. - Т. 2, Кн. 3. - 1998. - 479 с. - ISBN 5-7281-0083-X.
151. Камалиева И. Р. Доверие как основание отношения «врач-пациент» в современной медицине: философско-антропологическая интерпретация / И. Р. Камалиева, В. С. Невелева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 4. С. 504-514.
152. Кант И. Собрание сочинений : В 8 т. Т. 4, Прологомены. Основоположения метафизики нравов. Метафизические начала естествознания. Критика практического разума / И. Кант. — М. : ЧОРО, 1994. — 630 с. — ISBN 5-8497-0004-8.
153. Кант И. Собрание сочинений : В 8 т. Т. 6, Религия в пределах только разума. Метафизика нравов / И. Кант. — М. : ЧОРО, 1994. — 613 с. — ISBN 5-8497-0006-4.
154. Кант И. Собрание сочинений : В 8 т. Т. 8, Статьи. Лекции. Избранные письма. Из рукописного наследия / И. Кант. — М. : ЧОРО, 1994. — 718 с. — ISBN 5-8497-0008-0.
155. Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант [пер. с нем.]. – М. : ЧОРО, 1994. - Т. 7: К вечному миру ; Спор факультетов ; Антропология ; Успехи метафизики. - 494, [1] с. - ISBN 5-8497-0007-2.
156. Кант И. Трактаты и письма / И. Кант [пер. с нем.]. - М. : Наука, 1980. - 709 с.
157. Карл Маркс, Фридрих Энгельс: Собрание фотографий. – М. : Плакат, 1983. - 285 с.; ил.
158. Каубе Ю. Макс Вебер жизнь на рубеже эпох / Ю. Каубе; пер. с нем. - М.: Дело, 2016. - 596, [1] с. - ISBN 978-5-7749-1143-1.

159. Кетле Л. А. Ж. Человек и развитие его способностей, или Опыт общественной физики / А. Кетле. – СПб. : О. И. Бакст, 1865. - Т. 1. - [2], XII, [2], 228 с., 2 л. граф.
160. Кисилева Е. А. Социальная дидактика в церковной поучительной литературе XIII века на примере немецких проповедей Бертольда Регенсбургского / Е. А. Кисилева // Вестник ВГУ. - Сер. История, социология, политология. - 2007. - № 1. - С. 141-146.
161. Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни / А. Ф. Кистяковский. - Тула : Автограф, 2000. - 269, [1] с. - ISBN 5-89201-022-8.
162. Кленина Е. А. Отношение к смерти как условие формирования различных типов культуры / Е. А. Кленина, А. Е. Песков // Вестник АГТУ. - 2015. - № 1 (59). - С. 75-80.
163. Климишин И. А. Календарь и хронология / И. А. Климишин. - 3-е изд., перераб. и доп. - М. : Наука, 1990. - 477, [1] с. : ил. - ISBN 5-02-014354-5.
164. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. / В. О. Ключевский. — М.: Мысль, 1989. - Т. VII. Специальные курсы (продолжение) — 508, [1] с. - ISBN 5-244-00072-1.
165. Кнабе Г. С. Европа с римским наследием и без него / Г. С. Кнабе. – СПб. : Нестор-История, 2011. - 257, [1] с. - ISBN 978-5-98187-659-2.
166. Ковалевский М. М. Социология: в 2 т. Т. 2. Генетическая социология / М. М. Ковалевский. - СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1910. - 296 с.
167. Ковалевский М. М. Сочинения в 2 т. / М. М. Ковалевский. - СПб.: Алетейя, 1997. - Т. 1. - 288 с. – ISBN 5-89329-018-6.
168. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. - 2 изд., доп. - М. : Наука, 2003. - 485, [1] с., [7] л. ил., портр. : ил., табл. - ISBN 5-02-008893-5.
169. Коган Л. Н. Человек и его судьба / Л. Н. Коган. — М. : Мысль, 1988. — 286 с. — ISBN 5-244-00006-3.
170. Кожев А. В. Идея смерти в философии Гегеля / А. В. Кожев; [Пер. с фр.]. - М. : Логос : Прогресс-Традиция, 1998. - 207 с. - ISBN 5-89-493-015-4.

171. Койре А. Очерки истории философской мысли : О влиянии философских концепций на развитие научных теорий / А. Койре ; пер. с фр. — М. : Прогресс, 1985. — 284, [2] с.
172. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. - 1282 с. - ISSN 5-87550-165-0.
173. Кондрашов П. Н. Философия Карла Маркса : Экзистенциально-антропологические аспекты. - М.: URSS, 2019. - 214 с. - ISBN 978-5-9710-5408-5.
174. Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) / О. Конт. Пер. с фр. - Ростов н/Д.: Феникс, 2003. - 256 с. - ISBN 5-222-03417-8.
175. Конт О. Общий обзор позитивизма / О. Конт ; пер. с фр. - Изд. 3-е, [репр.]. – М. : ЛИБРОКОМ, 2012. - 200, VII с. - ISBN 978-5-397-02823-3.
176. Копалов В. И. Историзм как принцип социально-философского исследования / В. И. Копалов. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. — 172 с. — ISBN 5-7525-0171-7.
177. Корнильцева Е. Г. Концепция экстремизма С. М. Липсета / Е. Г. Корнильцева, А. Ю. Кузнецов, И. Е. Левченко // Дискуссия. - 2016. - № 9 (72). - С. 56-60.
178. Корочкова О. Н. Святилище первых металлургов Среднего Урала / О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов, И. А. Спиридонов. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2020. — 210, [2] с., [8] л. ил., карт. : ил., карт. — ISBN 978-5-7996-2975-5.
179. Корочкова О. Н. Энеолитический комплекс поселения Дуванское XVII / О. Н. Корочкова, А. В. Мосунова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2018. - № 1 (40). - С. 10-18.
180. Коршунов А. М. Диалектика социального познания / А. М. Коршунов, В. В. Мантатов. - М. : Политиздат, 1988. - 382, [1] с. - ISBN 5-250-00002-9.
181. Кочергина Е. Как общество отвечает на неотрадиционалистскую политику государства (на примере отношения к абортам) / Е. Кочергина // Вестник общественного мнения. - 2017, январь – июнь. - № 1-2 (124). - С. 141-151.

182. Кравченко Е. И. Макс Вебер / Е. И. Кравченко. – М. : Весь мир, 2002. - 221, [2] с. - ISBN 5-7777-0196-5
183. Красильников Р. Л. Танатологические мотивы в художественной литературе (Введение в литературоведческую танатологию) / Р. Л. Красильников. – М. : Языки славянской культуры, 2015. - 487 с. - ISBN 978-5-94457-225-7.
184. Кропоткин П. А. Хлеб и воля ; Современная наука и анархия / П. А. Кропоткин. – М. : Правда, 1990. - 638 с., [1] л. портр.
185. Кротов А. А. Методология современных историко-философских исследований во Франции / А. А. Кротов // Вопросы философии. - 2017. - № 6. - С. 52-62.
186. Кузнецов В. Н. Западноевропейская философия XVIII века / В. Н. Кузнецов, Б. В. Мееровский, А. Ф. Грязнов. - М. : Высш. шк., 1986. - 398, [2] с.
187. Куманьков А. Д. Безопасность, гуманизм и варварство: Дж. Ст. Милль о принципе невмешательства / А. Д. Куманьков, Д. Н. Чаганова // Социологическое обозрение. - 2020. - Т. 19. - № 3. - С. 267-280.
188. Курцмен Дж. Да сгинет смерть! : Победа над старением и продление человеческой жизни / Дж. Курцмен, Ф. Гордон; Пер. с англ. - 2-е изд., стер. - М. : Мир, 1987. - 221, [2] с. : ил.
189. Кутлуниин А. Г. Немецкая философия жизни : Критические очерки / А. Г. Кутлуниин. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1986. - 172 с.
190. Кюнг Г. Великие христианские мыслители / Г. Кюнг. – СПб. : Алетейя, 2000. - 437, [5] с. - ISBN 5-89329-229-4.
191. Лаврин А. П. Хроники Харона : Энцикл. смерти / А. П. Лаврин. - М. : Моск. рабочий, 1993. - 509, [2] с., [32] л. ил. : ил. - ISBN 5-239-01372-1.
192. Лапин Н. И. Молодой Маркс / Н. И. Лапин. - Изд. 3-е, доп. - М.: Политиздат, 1986. - 479 с.
193. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский. - М. : Академический проект, 2013. - 602 с. - ISBN: 978-5-8291-1393-3.
194. Латур Б. Габриель Тард и конец социального / Б. Латур // Социология власти. - 2019. - Т. 31. - № 2. - С. 212-220.

195. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф ; [пер. с фр.]. - Екатеринбург : У-Фактория, 2005. - 558, [1] с. : ил. - ISBN 5-9709-0037-0.
196. Лезьер В. Идеи Платона и их рецепция в правоохранительной практикой / В. Лезьер, А. В. Сумачев // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2015. - № 1. - С. 8-15.
197. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф ; [пер. с фр.]. - Екатеринбург : У-Фактория, 2005. - 558, [1] с. : ил. - ISBN 5-9709-0037-0.
198. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. - СПб. : Макет, 1995. - 311,[2] с. : портр. - ISBN 5-85186-037-5.
199. Левченко И. Е. Генезис танатопсихологии / И. Е. Левченко, А. Н. Богачев // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. - 2018. - № 4. - С. 155-163.
200. Левченко И. Е. Генезис танатосоциологии / И. Е. Левченко // Дискуссия. - 2017. - № 6. - С. 70-74.
201. Левченко И. Е. Гюстав Лебон как эксперт-танатосоциолог: прозрения и заблуждения / И. Е. Левченко // Экспертные институты в XXI веке: принципы, технологии, культура : Сб. научных трудов / Науч. ред. Т. И. Грабельных. – Иркутск: Иркутск. гос. ун-т, 2022. - С. 174-178.
202. Левченко И. Е. Истоки танатосоциологии / И. Е. Левченко // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Мат-лы XX Международной конференции. - Екатеринбург, 2017. - С. 101-112.
203. Левченко И. Е. Качество социальных услуг: мнение пожилых жителей Среднего Урала / И. Е. Левченко // Социальная политика и социология. - 2013. - № 3-1 (94). - С. 120-126.
204. Левченко И. Е. Мнение горожан Среднего Урала о медицинском обслуживании / И. Е. Левченко, А. Н. Новгородцева // Урбанистика. - 2018. - № 1. - С. 30-39.
205. Левченко И. Е. Погребальные практики (историко-социологический экскурс) / И. Е. Левченко // Известия Урал. гос. ун-та. - 2009. - Серия 3: Общественные науки. - № 4 (70). - С. 158-165.

206. Левченко И. Е. Предыстория социологии революции / И. Е. Левченко // Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции). Материалы научной конференции «XI Ковалевские чтения». Отв. ред. Ю.В. Асочаков. - СПб., 2017. - С. 107-108.
207. Левченко И. Е. Прощальная встреча (социология похорон) / И. Е. Левченко // Koinon. - 2021. - Т. 2. - № 4. - С. 101-115. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.4.042.
208. Левченко И. Е. Социологическое творчество У. Л. Уорнера / И. Е. Левченко // Дискуссия. - 2012. - № 9. - С. 104-105.
209. Левченко И. Е. Танатосоциологическая подготовка учащейся молодежи / И. Е. Левченко // Человеческий капитал. - 2010. - № 7. - С. 94-96.
210. Левченко И. Е. Теологические и философские истоки танатосоциологии / И. Е. Левченко // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования / Под общ. ред. Е. В. Грунт и А. В. Меренкова. - Екатеринбург, 2017. - С. 16-29.
211. Левченко И. Е. Феномен социальной смерти / И. Е. Левченко // Социс. - 2001. - № 6. - С. 22-31.
212. Левченко И. Е. Цензура как социокультурный феномен / И. Е. Левченко // Социс. - 1996. - № 8. - С. 87-89.
213. Ленин В. И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. - Изд. 5-е. - М.: Политиздат, 1969. – Т. 26. - С. 43-93.
214. Лепетухин Н. В. Теории расизма в общественно-политической жизни Западной Европы во второй половине XIX — начале XX веков : Ж.-А. Гобино, Г. Лебон, Х.-С. Чемберлен / Н. В. Лепетухин. – Иваново : ПресСто, 2013. - 146 с. - ISBN 978-5-905908-36-1.
215. Ле-Пле Ф. Основная конституция человеческого рода: идеи, нравы и учреждения благоденствующих народов : перевод с французского. Изд. 2-е / [репр.]. Москва: URSS : Либроком, 2011. 235 с. ISBN 978-5-397-02440-2.

216. Лихачёва Л. С. Этикет в социальном взаимодействии: полипарадигмальный подход / Л. С. Лихачёва. – Екатеринбург : Урал. изд-во, 2000. - 156 с. — ISBN 5-93667-007-4.
217. Локк Д. Соч.: В 3 т.: Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Д. Локк. — М. : Мысль, 1988. — 670 с. — ISBN 5-244-00084-5.
218. Локк Д. Эскизы о воскресении / Д. Локк // История философии. - 2020. - Т. 25. - № 1. - С. 113-117.
219. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. / А. Ф. Лосев. — М. : Мысль, 1993. — 959 с., [1] л. портр. — ISBN 5-244-00721-1.
220. Лоусон Т. Социология. А-Я : Слов.-справ. / Т. Лоусон, Д. Гэррод; [Пер. с англ.]. - М. : Гранд : ФАИР-ПРЕСС, 2000. - 602, [2] с. - ISBN 5-8183-0228-8.
221. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества : [пер. с нем.] / Д. Лукач. – М. : Наука, 1987. - 614, [2] с. : портр.
222. Лукреций Кар Тит. О природе вещей / Тит Лукреций Кар; пер. с латин. - М. : Худож. лит., 1983. - 383 с. : ил.
223. Льюис Д. Р. Энциклопедия представлений о жизни после смерти [пер. с англ.] / Д. Р. Льюис. - Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. - 540, [1] с. : ил. - ISBN 5-85880-341-5.
224. Любак А. де. Драма атеистического гуманизма / де А. Любак ; пер. с франц. - М. : Христианская Россия, 1997. - 302 с. - ISBN 5-87078-027-6.
225. Лютер М. 95 тезисов / М. Лютер. - СПб. : Роза мира, 2002. - XLIV, 673, [1] с., [1] л. портр. : ил. - ISBN 5-85574-074-9.
226. Лютер М. Избранные произведения [пер. с нем.] / М. Лютер. - СПб. : Андреев и согласие, 1994. - 427, [1] с. - ISBN 5-86939-004-4.
227. Лютер М. Против разбойных и кровожадных шаек крестьян. 1525 г. // Вестник Удмуртского университета. - Серия «История и филология». - 2007. - № 7. - С. 187-190.
228. Лященко М. Н. Суицид «глазами» Сократа и Августина Блаженного / М. Н. Лященко // Суицидология. - 2013. - № 4. - С. 64-65.

229. Магический кристалл. Магия глазами ученых и чародеев. — М. : Республика, 1992. — 527 с. : ил. — ISBN 5-250-01358-9.
230. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии : Латинская патристика. - М. : Мысль, 1979. - 433 с.
231. Макаров А. И. Смерть и истина в философии Платона / А. И. Макаров // Вестник Волгогр. гос. ун-та. - Сер. 7. Философия. - 2009. - № 1 (9). - С. 6-10.
232. Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве [Перевод] / Н. Макиавелли. - М. : Мысль, 1996. - 639 с. : портр. - ISBN 5-244-00837-4.
233. Макиавелли Н. История Флоренции / Н. Макиавелли [Перевод]. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. - 439 с., 1 л. портр.
234. Малаканова О. А. Феномен виртуальных кладбищ / О. А. Малаканова, Ю. А. Табеева // Экономика и социология. - 2017. - № 35. - С. 10-14.
235. Малинкин А. Н. О жизни и творчестве Фердинанда Тённиса / А. Н. Малинкин // Социологический журнал. - 1998. - № 3/4. - С. 221-226.
236. Мамардашвили М. К. Кантианские вариации / М. К. Мамардашвили. — М. : Аграф, 2000. — 320 с. — ISBN 5-7784-0032-2.
237. Мануильская К. М. Становление и развитие эмпирических исследований в немецкой социологии // Социологический журнал. - 2010. - № 1. - С. 78-91.
238. Маркс К. Анкета для рабочих / К. Маркс // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. - М. : Госполитиздат, 1961. - Т. 19. - С. 234.
239. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. / К. Маркс и Ф. Энгельс. - 2-е изд. - М. : Госполитиздат, 1955. - Т. 1. - 698 с.
240. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. / К. Маркс и Ф. Энгельс. - 2-е изд. - М. : Госполитиздат, 1961. - Т. 20. - 827 с.
241. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. / К. Маркс и Ф. Энгельс. - 2-е изд. - М. : Издательство политической литературы, 1974. - Т. 42. — 514 с.
242. Маркс К. Исповедь / К. Маркс // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 31. - Изд. 2-е. - М. : Госполитиздат, 1963. - С. 492.

243. Маркс К. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. - М. : Госполитиздат, 1956. - С. 17-98.
244. Масловский М. В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология / М. В. Масловский. - Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1997. - 87 с. - ISBN 5-85746-038-7.
245. Мегилл А. Историческая эпистемология : научная монография / А. Мегилл ; пер. – М. : Канон+, 2007. - 478, [1] с. - ISBN 978-5-88373-150-0.
246. Меренков А. В. Культура эгоизма или культура сотрудничества: какая побеждает? / А. В. Меренков. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2021. — 274 с. — ISBN 978-5-7996-3179-6.
247. Меренков А. В. Причины самоубийств подростков в зеркале мнений учащейся молодежи / А. В. Меренков, Н. А. Сивкова, А. Н. Новгородцева // Дискуссия. - 2017. - № 5 (79). - С. 74-79.
248. Меренков А. В. Система детерминации человеческой деятельности / А. В. Меренков. — Екатеринбург : [Изд-во Урал. горно-геол. акад. : Банк культурной информации], 2003. — 229 с. — ISBN 5-7851-0453-9.
249. Меренков А. В. Социальное неравенство в системе медицинского обслуживания на селе / А. В. Меренков, Н. Л. Антонова, М. В. Клейменов // Журнал научных статей Здоровье и образование в XXI веке. - 2017. - Т. 19. - № 10. - С. 397-399.
250. Меренков А. В. Человек: взаимосвязь природного и социокультурного : [монография] / А. В. Меренков. — Екатеринбург : [Изд-во УГГУ], 2007. — 279 с. — ISBN 5-8019-0131-0.
251. Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни / Ф. Меринг [пер. с нем.]. - М. : Госполитиздат, 1957. – 607 с.
252. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. / Р. Мертон ; [пер. с англ.]. – М. : АСТ : Хранитель, 2006. - 873, [1] с. : табл. - ISBN 5-17-029089-6.

253. Миллеров Е. В. О некоторых аспектах оптимизации административной ответственности за незаконное захоронение тел умерших / Е. В. Миллеров // Проблемы права. - 2011. - № 4 (30). - С. 140-143.
254. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / Ч. Р. Миллс. Пер. с англ. - М. : Стратегия, 1998. - 261 с. - ISBN 5-221-0041-5.
255. Милль Дж. С. Автобиография Дж. Ст. Миля / Дж. С. Милль : Пер. с англ. – М. : Книжное дело, 1896. - [4], 281 с.
256. Милль Дж. С. Несколько слов о невмешательстве / Дж. С. Милль // Социологическое обозрение. - 2020. - Т. 19. - № 3. - С. 281–299.
257. Милль Дж. С. Подчиненность женщины / Дж. С. Милль. - СПб. : Издание книгопродавца С. В. Звонарева, 1869. - [4], LX, 255 с.
258. Милль Д. С. Система логики. Т. 1 / Д. С. Милль. - Изд-е 2. - СПб. : Типография М. О. Вольфа, 1878. – 480 с.
259. Милль Дж. С. Утилитарианизм; О свободе : С прил. Очерка жизни и деятельности Милля. Е. Конради // Дж. С. Милль Пер. с англ. - 3-е рус. изд., (без перемен). - СПб. : И. П. Перевозников, 1900. - [2], 427 с.
260. Минькова Н. В. Репрезентация смерти и коды позднесредневековой «макабрической культуры» в социокультурной реальности рубежа XX-XXI веков. и коды позднесредневековой "макабрической культуры" в социокультурной реальности рубежа XX-XXI веков : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.13 / Н. В. Минькова ; [Место защиты: Моск. гуманитар. ун-т]. – М., 2010. - 21 с.
261. Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция : монография / Б. Н. Миронов. - СПб. : Дмитрий Буланин, 2019. - 527 с. : ил., табл., цв. ил. - ISBN 978-5-86007-912-0.
262. Михайлов П. Б. Богословские науки: методология исследований / П. Б. Михайлов // Религиоведческие исследования. - 2014. - № 9-10. - С. 7-85.
263. Монтескье Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье ; Пер. с фр. - М. : Мысль, 1999. - 672 с. : портр. - ISBN 5-244-00929-X.

264. Монтескье Ш. Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / Ш. Л. Монтескье ; Пер. с фр. — М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. — 512 с. ISBN 5-86090-047-3.
265. Мор Т. Утопия : Эпиграммы; История Ричарда III / Т. Мор. - 2. изд., испр. и доп. - М. : Ладомир : Наука, 1998. - 461 с. : ил., портр., факс. - ISBN 5-86218-233-3.
266. Московичи С. Машина, творящая богов / С. Московичи. - М. : Центр психологии и психотерапии : КПС+, 1998. - 556 с.
267. Мосс М. Общества. Обмен. Личность [Текст] : труды по социальной антропологии / М. Мосс ; пер. с фр. – М. : Книжный дом - Университет (КДУ), 2011. - 413, [2] с. : ил., табл. - ISBN 978-5-98227-695-7.
268. Мосс М. Социальные функции священного / М. Мосс; [Пер. с фр.]. - СПб. : Евразия, 2000. - 444, [2] с. - ISBN 5-8071-0033-6.
269. Мохов С. В. История смерти : как мы боремся и принимаем / С. В. Мохов. – М. : Individuum, cop. 2020. - 231 с. : ил., портр. - ISBN 978-5-6044580-7-5.
270. Мохов С. В. Ситуация с «death studies» в современной науке / С. В. Мохов // Новое прошлое. - 2016. - № 4. - С. 229-235. DOI: 10.18522/2500-3224-2016-4-229-236.
271. Мягков А. Ю. Темпоральные характеристики самоубийств: Опыт эмпирического изучения / А. Ю. Мягков // Социс. - 2004. - № 3. - С. 83-93.
272. Налчаджян А. А. Загадка смерти : очерки психолог. танатологии / А. А. Налчаджян. - М. [и др.] : Питер, 2004. - 223 с. - ISBN 5-94723-912-4.
273. Народонаселение: Энциклопедический словарь / гл. ред. Г. Г. Меликьян. - М. : Большая Российская энциклопедия, 1994. - 639,[1] с. : ил. - ISBN 5-85270-090-8.
274. Научная школа как структурная единица научной деятельности / Е. В. Устюжанина [и др.]. - Москва : ЦЭМИ РАН, 2011. - 77 с. : ил. - ISBN 978-5-8211-0581-3.
275. Немецкая социология / Под ред. Р. П. Шпаковой. - СПб. : Наука. С.-Петербург. изд. фирма, 2003. - 561,[1] с. - ISBN 5020261904.

276. Немчинова Л. А. Педагогика танатологии как ответ на социальный запрос современного общества / Л. А. Немчинова, О. Н. Немчинова // Социально-антропологические проблемы современного образования. Мат-лы Международной научно-метод. конференции, посвящённой памяти профессора Л. М. Лузиной. - СПб.: РГПУ, 2020. - С. 101-109;
277. Нисбет Р. Прогресс: История идеи / Р. Нисбет ; пер. с англ. – М. : ИРИСЭН, 2007. - 555, [1] с. - ISBN 978-5-91066-012-4.
278. О’Рурк П. Дж. Адам Смит «О богатстве народов» / П. Дж. О’Рурк ; [пер. с англ.]. - Москва : АСТ ; Владимир : ВКТ, сор. 2009. - 255 с. - ISBN 978-5-17-053502-6.
279. Огюст Конт и положительная философия / Излож. и исслед. Т. Г. Льюиса и Д. С. Милля; Пер. под ред. [и с предисл.] Н. Неклюдова и Н. Тиблена. - СПб. : тип. Н. Тиблена и К°, 1867. - 581 с.
280. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. - 27-е изд., испр. - М. : Изд-во АСТ : Мир и Образование, 2020. - 1360 с. - ISBN 978-5-17-078925-2.
281. Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма / Е. В. Осипова. – 2-е изд. - М. : ИСПИ РАН, 2000. - 303 с. - ISBN 5-7556-0131-3.
282. Основы политической социологии / отв. ред. Ж. Т. Тощенко. - Н. Новгород : Волго-Вятская академия государственной службы, 1998. - 249 с. - ISBN: 5-85152-107-4.
283. Паперно И. Б. Самоубийство как культурный институт / И. Б. Паперно. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. - 252 с. - ISBN 5-86793-056-4.
284. Пилецкий С. Г. Аврелий Августин о мести и возмездии / С. Г. Пилецкий // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. - 2013. - Т. 14. - Вып. 4. - С. 118-126.
285. Платон. Диалоги / Платон. Пер. с древнегреч. - М. : Мысль, 1986. – 607 с.
286. Платон. Собрание сочинений : В 4 т. : Пер. с древнегреч. Т. 3 / Платон. — М. : Мысль, 1994. — 658 с. — ISBN 5-244-00577-4.

287. Платон. Собрание сочинений : В 4 т.: Пер. с древнегреч. Т. 2 / Платон. — М. : Мысль, 1993. — 528 с. — ISBN 5-244-00471-9.
288. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. : Пер. с древнегреч. Т. 4 / Платон. — М. : Мысль, 1994. — 830 с. — ISBN 5-244-00633-9.
289. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги : [В 2 т.] / К. Р. Поппер ; Пер. с англ. - М. : Открытое о-во «Феникс, 1992. - Т. 2 : Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. - 525 с. - ISBN 5-85042-065-7.
290. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1, Чары Платона / К. Р. Поппер ; Пер. с англ. — М. : Феникс : Культур. инициатива, 1992. — 448 с. — ISBN 5-85042-064-9.
291. Прохоренко Ю. И. Хронология социальной реальности / Ю. И. Прохоренко, И. Е. Левченко // Социосфера: Сб. науч. тр. - Вып. 1. – Екатеринбург : Урал. ин-т социального образования, 2005. - С. 148-168.
292. Прямикова Е. В. Символы России в социальной памяти студентов / Е. В. Прямикова, О. А. Куренбина // Теория и практика общественного развития. 2019. № 4 (134). С. 60-64.
293. Психология смерти и умирания : хрестоматия / [составитель К. В. Сельченко]. - Минск : Харвест, 1998. - 654 с. - ISBN 985-433-251-9.
294. Рассохина М. В. Метафора в языке социологической теории / М. В. Рассохина. - М. : Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2001. - 80 с.
295. Рейфман И. В. Ритуализованная агрессия : Дуэль в рус. культуре и лит. / И. В. Рейфман ; пер. с англ. - М. : Новое лит. обозрение, 2002. - 327, [2] с. - ISBN 5-86793-165-X.
296. Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации. МДК 11-01.2002. Рекомендованы НТС Госстроя России протоколом № 01-НС-22/1 от 25 декабря 2001 г.
297. Римские стоики : Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. - М. : Terra-Кн. клуб : Республика, 1998. - 542 с. - ISBN 5-250-02671-0.

298. Роббен А. Антропология смерти в XXI веке: обзор литературы / А. Роббен // Археология русской смерти. - 2016. - № 2. - С. 233-247.
299. Рогозин Д. М. Автобиография в переписке с Борисом Докторовым / Д. М. Рогозин. – М. : Фонд Общественное Мнение (ФОМ), 2016. - 277 с. : ил., портр. - ISBN 978-5-4465-1280-5.
300. Рогозин Д. М. Как возможен осмысленный разговор о смерти / Д. М. Рогозин // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. - 2014. - № 1. - С. 18-31.
301. Рогозин Д. М. Осмысление смерти в публичном дискурсе / Д. М. Рогозин // Пути России. Альтернативы общественного развития. 2.0. Сборник статей / Под общ. ред. М. Г. Пугачевой и А. Ф. Филиппова. - М. : Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2015. - С. 434-462.
302. Рогозин Д. М. (Со)переживание близости смерти / Д. М. Рогозин, А. В. Колосов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. - 2016. - № 6 (136). - С. 193-215.
303. Рогозин Д. М. Социология смерти / Д. М. Рогозин // Отечественные записки. - 2013. - № 5 (56). - С. 109-118.
304. Рогозин Д. М. Столько не живут : миниатюры о столетних / Д. М. Рогозин. – М. : [б. и.], 2017. - 126, [1] с. : портр. - ISBN 978-5-9908953-0-0.
305. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии / Е. Ю. Рождественская. - М. : ИД Высшая школа экономики, 2012. - 380, [1] с. : ил., табл. - ISBN 978-5-7598-0960-9.
306. Розин В. М. Отношение к смерти Платона и современного человека / В. М. Розин // Идеи и идеалы. - 2012. - № 4 (14). - Т. 1. - С. 84-96.
307. Романовский Н. В. Историческая социология / Н. В. Романовский. – М. : Канон+, 2009. - 319 с. - ISBN 978-5-88373-146-3.
308. Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения : В 3 т. [Пер. с франц.] / Ж.-Ж. Руссо. — М. : Гослитиздат, 1961. — Т. 3, Исповедь; Прогулки одинокого мечтателя. - 727 с., 1 л. портр. : ил., портр.

309. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре : трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 1998. - 414 с., [1] л. портр. - ISBN 5-87533-113-5.
310. Руссо Ж.-Ж. Трактаты [Текст] : [Переводы] / Ж.-Ж. Руссо. – М. : Наука, 1969. - 703 с., 6 л. ил. : ил.
311. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. В 2-х т. / Ж.-Ж. Руссо. — М. : Педагогика, 1981. Т. 1. — 653 с.
312. Рыбакова Л. Н. Информация социологическая // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. В. Н. Иванов. - М. : Мысль, 2003. - С. 391.
313. Рязанцев С. Философия смерти / С. Рязанцев. - СПб. : СПИКС, 1994. - 317, [2] с. : ил. - ISBN 5-7288-0033-5.
314. Савельева И. М. Социология знания о прошлом / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. - М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005. - 344 с. - ISBN 5-7598-0287-9.
315. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма: от британской к австро-баварской «расе господ» / М. Саркисянц ; пер. с нем. - СПб.: Академический проект, 2003. - 398 с. - ISBN 5-7331-0169-5.
316. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии / Л. А. Сенека ; пер. с лат. - М. : Худож. лит., 1986. - 543 с.
317. Сен-Симон К. А. Избранные сочинения : в 2 т. / К. А. Сен-Симон ; Пер. с фр. – М. ; Л. : 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1948. - Т. 1. - 468 с., 1 л. портр.
318. Сен-Симон К. А. Избранные сочинения : в 2 т. / К. А. Сен-Симон ; Пер. с фр. – М. ; Л. : 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1948. - Т. 2. - 487 с., 2 л. ил.
319. Серебрянников В. В. Социология войны / В. В. Серебрянников. - М. : Науч. мир, 1997. - 397, [1] с. : ил. - ISBN 5-89176-027-4.
320. Смертная казнь: за и против : [Сборник] / Под ред. С. Г. Келиной. - М. : Юрид. лит., 1989. - 525 с. - ISBN 5-7260-0150-8.
321. Смерть как феномен культуры : Межвуз. сб. науч. тр. / [Редкол.: В. А. Семенов (отв. ред.) и др.]. - Сыктывкар : СГУ, 1994. - 187 с. : ил. - ISBN 5-87237-027-X.

322. Смирнов Ю. А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь / Ю. А. Смирнов. - М. : Изд. фирма «Вост. лит.», 1997. - 278, [1] с. : ил. - ISBN 5-02-017953-1.
323. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Соцэкгиз, 1962. - 684 с.
324. Смит А. Теория нравственных чувств : [Перевод] / А. Смит. - М. : Республика, 1997. - 350, [1] с. - ISBN 5-250-02564-1.
325. Современные западные исследования социологической классики : Вып. 1. Георг Зиммель (1958-1918) : Реферативный сб. - М. : Б. и., 1992. – 65 с.
326. Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. / В. С. Соловьев. - М. : Мысль, 1988. - Т. 2. - 892 с. - ISBN 5-244-00192-2
327. Соловьев Э. Ю. Непобежденный еретик : Мартин Лютер и его время / Э. Ю. Соловьев. — М. : Мол. гвардия, 1984. — 288 с. : ил.
328. Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас : Очерки по истории философии и культуры / Э. Ю. Соловьев. - М. : Политиздат, 1991. - 430, [2] с. - ISBN 5-250-01289-2.
329. Солодников В. В. Аборт: правовое регулирование и общественное мнение россиян / В. В. Солодников // Мониторинг. - 2008. - № 4 (88). - С. 77-93.
330. Солопова М. А. Трактат Аристотеля «О юности и старости, жизни и смерти» как часть сборника *Parva naturalia* / М. А. Солопова // Историко-философский ежегодник. - 2020. - Т. 35. - С. 31-52.
331. Сорокин П. А. Собрание сочинений : [перевод] / П. А. Сорокин. - Сыктывкар : Анбур, 2020. - [Т. 11] : Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) - 910, [1] с. : портр., табл. - ISBN 978-5-91669-308-9.
332. Социологическая теория : история, современность, перспективы : альманах журнала «Социологическое обозрение». - СПб. : Владимир Даль, 2008. - 830, [1] с. : ил., табл. - ISBN 978-5-93615-082-1.

333. Социологический энциклопедический словарь : На рус., англ., нем., фр. и чеш. яз. / Ред.-координатор Г. В. Осипов. - М. : ИНФРА-М : НОРМА, 1998. - 324 с.
334. Спенсер Г. Опыты научные, философские и политические : Полный пер., проверенный по последнему англ. изд. под ред. Н. А. Рубакина / Г. Спенсер. - Петроград : Тип. Минькова, [Б. г.]. - 284 с.
335. Спенсер Г. Основания науки о нравственности / Г. Спенсер ; Пер. с англ. - СПб. : И. И. Билибин, 1880. - [б], 361 с.
336. Спенсер Г. Основания социологии. Т. 1 / Г. Спенсер ; Пер. с англ. - СПб. : И. И. Билибин, 1876. - 496 с.
337. Спенсер Г. Основания социологии. Т. 2 / Г. Спенсер ; Пер. с англ. - СПб. : И. И. Билибин, 1877. - 897 с.
338. Спенсер Г. Основные начала / Г. Спенсер ; Пер. с англ. - СПб. : Л. Ф. Пантелеев, 1897. - [4], IV, 467 с.
339. Спенсер Г. Социальная статика / Г. Спенсер ; Пер. с англ. – Киев : Гама-Принт, 2013. – 496 с. - ISBN 978-966-1645-90-4.
340. Спенсер Г. Политические сочинения : [в 5 т.] / Г. Спенсер. – М. ; [б. и.] ; Социум, 2015. - Т. 3: История политических институтов. - 372 с. - ISBN 978-5-906401-17-5.
341. Спенсер Г. Политические сочинения [Текст] : [в 5 т.] / Г. Спенсер. – М. ; [б. и.] ; Социум, 2014. - Т. 1: Личность и государство : опыты о государстве, обществе и свободе. - 427 с. - ISBN 978-5-906401-15-1.
342. Спенсер Г. Синтетическая философия Герберта Спенсера : в сокращенном изложении Говарда Коллинза // Г. Спенсер. [пер. с англ.]. - Киев : Ника-центр : Вист-С, 1997. - 510, [1] с. - ISBN 966-521-027-0.
343. Старшинова А. В. Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики / А. В. Старшинова, О. И. Бородкина // Журнал исследований социальной политики. - 2020. - Т. 18. - № 3. - С. 411-428.

344. Старшинова А. В. Противоречия мотивации учащейся молодежи к деятельности в волонтерских организациях // Образование и наука. - 2019. - Т. 21. - № 10. - С. 143-166.
345. Старшинова А. В. Становление идеологии социальной работы в России: анализ актуальных противоречий : Монография / А. В. Старшинова. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006. - 324 с. - ISBN 5-7996-0239-0.
346. Статистика населения с основами демографии : [Учеб. для вузов по спец. «Статистика» / Г. С. Кильдишев, Л. Л. Козлова, С. П. Ананьева и др.]. - М. : Финансы и статистика, 1990. - 310, [2] с. : ил. - ISBN 5-279-00305-0.
347. Степанова Е. А. Фридрих Энгельс. - Изд. 3-е, перераб. и доп. - М.: Политиздат, 1980. — 238, [2] с., [4] л. ил., портр. : ил.
348. Сюжеты из истории Нового времени: Западная Европа и США (конец XV и - 1918 г.) / Авт.- сост. В. С. Грибов. - М. : Сфера, 2001. - 377, [4] с. : табл. - ISBN 5-89144-172-1.
349. Тавровский А. Л. Здания и сооружения траурной гражданской обрядности / А. Л. Тавровский, М. Ю. Лимонад, Д. Н. Беньямовский. - М. : Стройиздат, 1985. - 164 с. : ил.
350. Тагиефф П.-А. Цвет и кровь : французские теории расизма / П.-А. Тагиефф ; [пер. с фр.]. – М. : Ладомир, 2009. - 236 с. - ISBN 978-5-86218-473-0.
351. Танатография Эроса : Ж. Батай и фр. мысль середины XX в. : [Сборник] / [Сост., авт. пер. и коммент. С. Л. Фокин]. - СПб. : Мифрил, 1994. - VI, 344, [2] с. : портр. - ISBN 5-86457-008-7.
352. Тард Г. Законы подражания [пер. с фр.] / Г. Тард. – М. : Академический проект, 2011. - 302, [1] с. - ISBN 978-5-8291-1329-2.
353. Тард Г. Монадология и социология / Г. Тард ; пер. с фр. — Пермь : Гиле Пресс, 2016. — 124 с. - ISBN 978-5-9906611-2-7.
354. Тард Г. Отрывки из истории будущего / Г. Тард ; пер. с фр. - Бм. : Salamandra P.V.V., 2014. - 85 с.
355. Тард Г. де. Социальная логика : [Перевод] / Г. Тард. - СПб. : Соц.-психол. центр, 1996. - 427 с. - ISBN 5-89121-001-0.

356. Тард Г. де. Социальные этюды / Г. Тард ; Пер. И. Гольденберга. - СПб. : Ф. Павленков, 1902. - VIII, 366 с.
357. Тард Г. де. Преступник и преступление; Сравнительная преступность; Преступления толпы / Г. Тард. - М. : Инфра-М, 2010. - 391 с. - ISBN 5-16-001978-2.
358. Теннис Ф. Общность и общество : Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис ; Пер. с нем. - М. : Фонд Университет : СПб. : Владимир Даль, 2002. - 450, [1] с. - ISBN 5-93615-020-8.
359. Тощенко Ж. Т. Социология жизни : [монография] / Ж. Т. Тощенко. – М. : ЮНИТИ, 2016. - 399 с. : табл.- ISBN 978-5-238-02880-4.
360. Трегубов Л. З. Эстетика самоубийства / Л. Трегубов, Ю. Вагин. - Пермь : КАПИК, 1993. - 267, [2] с.
361. Троицкий К. Е. Этические идеи Макса Вебера / К. Е. Троицкий. – М. : Ин-т философии РАН, 2016. - 129, [1] с. - ISBN 978-5-9540-0304-8.
362. Туган-Барановский М. И. Д. С. Милль. Его жизнь и литературная деятельность / М. И. Туган-Барановский. - СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1892. — 88 с.
363. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / Н. Тумаркин : Пер. с англ. - СПб. : Академический проект, 1999. - 285 с. - ISBN 5-7331-0145-8.
364. Тэйлор Б. Англиканское духовенство и начальный период развития британской социологии // Социальные и гуманитарные науки. - Серия 8. - Наукоеведение. - 1996. - № 1. - С. 65-68.
365. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии : Пер. с англ. / А. Н. Уайтхед. - М. : Прогресс, 1990. - 716, [1] с. - ISBN 5-01-001591-9.
366. Уманская В. П. Современные подходы к понятию правовых актов в науке и практике / В. П. Уманская // Вестник ВГУ. - Серия: Право. - 2019. - № 3. - С. 147-156.
367. Уорнер У. Л. Живые и мертвые / У. Л. Уорнер; [Пер. с англ.]. - М. ; СПб. : Унив. кн., 2000. - 671 с. : ил. - ISBN 5-7914-0022-5.

368. Услуги бытовые. Услуги ритуальные: Термины и определения. ГОСТ 32609-2014. - М. : Стандартинформ, 2014. - IV, 15, [1] с.
369. Утченко С. Л. Цицерон и его время / С. Л. Утченко. - М. : Мысль, 1973. - 390 с.
370. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 (Муза - Сят) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. - 2-е изд., стер. - М. : Прогресс, 1987. – 830 с.
371. Философ на троне. Томаш Масарик [Электронный ресурс] / YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eIOR7Um69zw> (дата обращения: 25.09.2020);
372. Фогт М. Социал-дарвинизм. Научная теория, политический и теолого-этический аспекты эволюционной теории / М. Фогт ; пер. с нем. – Ужгород : Бреза, 2014. - 531 с. - ISBN 978-966-2668-78-0.
373. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-I. Вопросы 49-89 / Фома Аквинский. - Киев: Ника-центр, 2008. - 536 с. - ISBN 978-966-521-476-2.
374. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-II. Вопросы 123-189 / Фома Аквинский. - Киев: Ника-центр, 2014. - 736 с.
375. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-II. Вопросы 1-46 / Фома Аквинский. - Киев: Ника-центр, 2011. 576 с. - ISBN 978-966-521-565-3.
376. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-II. Вопросы 47-122 / Фома Аквинский. - Киев: Ника-центр, 2013. - 576 с.
377. Франкл В. Э. Человек в поисках смысла : [Сборник] : Пер. с англ. и нем. / В. Франкл. - М. : Прогресс, 1990. - 366, [1] с. - ISBN 5-01-001606-0.
378. Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции / пер. с нем. - М. : Наука, 1989. – 455 с. - ISBN 5-02-013357-4.
379. Фридрих Энгельс : биография : пер. с нем. / [Г. Гемков, Х. Бартель, Г. Беккер [и др.]. — М. : Политиздат, 1972. — 574, [1] с., [36] л. ил., портр., факс.
380. Фридрих Энгельс. Биография / [Л. Ф. Ильичев, Е. П. Кандель, Н. Ю. Колпинский и др.]. — М. : Политиздат, 1970. — 626, [1] с., [25] л. ил., портр., факс. : ил.

381. Фролькис В. В. Старение и увеличение продолжительности жизни / В. В. Фролькис. - Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1988. - 237, [2] с. : ил. - ISBN 5-02-025734-6.
382. Фуко М. «Нужно защищать общество» : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учеб. году / М. Фуко ; пер. с фр. – СПб. : Наука, 2005. - 311, [1] с. : портр. - ISBN 5-02-026848-8.
383. Фуко М. Рождение клиники / М. Фуко; Пер. с фр. - М. : Смысл, 1998. - 307 с. - ISBN 5-89357-030-8.
384. Хайек Ф. А. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом / Ф. А. фон Хайек ; пер. с англ. - М. : ОГИ, 2003. - 288 с. - ISBN 5-94282-169-0.
385. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / М. Хальбвакс ; Пер. с фр. - М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2000. - 506 с. : табл.; - ISBN 5-89329-193-X.
386. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; [пер. с фр.]. - Москва : Новое изд-во, 2007. - 346 с. - ISBN 978-5-98379-088-9.
387. Харт Ниббриг К. Л. Эстетика смерти / К. Л. Харт Ниббриг ; пер. с нем. - СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. - 420, [2] с. : ил. - ISBN 5-89059-065-0.
388. Хен Ю. В. Евгенический проект: «pro» и «contra». М.: Институт философии РАН, 2003. 151 с. ISBN 5-201-02122-0.
389. Хоменко И. А. К вопросу об экзистенциальном развитии ребенка как субъекта жизнедеятельности // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. - 2010. - № 3. - С. 376-380.
390. Хьюэлл У. Конт и позитивизм // Эпистемология и философия науки. - 2017. - Т. 54. - № 4. - С. 209–224.
391. Цицерон Марк Туллий. Диалоги : О государстве. О законах / Марк Туллий Цицерон : [Пер. с лат.]. – М. : Наука, 1966. - 224 с., 2 л. ил.
392. Цицерон Марк Туллий. Речи : в 2 т. / Марк Туллий Цицерон. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. - Т. 1, Годы 81-63 до н. э. — 441, [2] с., [5] л. ил.

393. Цицерон Марк Туллий. Речи : в 2 т. / Марк Тулий Цицерон. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. - Т. 2, Годы 62-43 до н. э. — 397, [3] с., [3] л. ил. : черт.
394. Чевтаева Н. Г. Трансформация употребления наркотиков в России и США: инновационные формы профилактической работы среди молодежи / Н. Г. Чевтаева, А. С. Никитина, К. Скаво, О. В. Усова // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. - 2019. - № 5 (62). - С. 210-223.
395. Человек : Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии: Древний мир - эпоха Просвещения / Сост. П. С. Гуревич. - М. : Политиздат, 1991. - 461, [2] с. - ISBN 5-250-00317-6.
396. Чемберлен Х. С. Арийское мирозерцание / Х. С. Чемберлен ; Пер. с нем. - М. : Мусагет, 1913. - 89 с.
397. Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия / Х. С. Чемберлен ; Пер. с нем. В 2 т. - СПб. : Русский Мирь, 2012. - Т. I. - 687 с. - ISBN 978-5-904088-16-3.
398. Чемберлен Х. С. Основания девятнадцатого столетия / Х. С. Чемберлен ; Пер. с нем. - В 2 т. СПб. : Русский Мирь, 2012. - Т. 2. - 479 с. - ISBN 978-5-904088-17-0.
399. Чеснокова В. Ф. Язык социологии : курс лекций / В. Ф. Чеснокова. — М. : ОГИ, 2010. 542, [1] с. - ISBN 978-5-94282-593-5.
400. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство / Г. Чхартишвили. - М. : Новое литературное обозрение, 2000. - 576 с. - ISBN 5-86793-058-0.
401. Шацкий Е. История социологической мысли [Текст] / Ежи Шацкий ; пер. с польск. - Москва : Новое литературное обозрение, 2018. - Т. 1. - 2018. - 713, [1] с. - ISBN 978-5-4448-0750-7.
402. Шацкий Е. Утопия и традиция : Пер. с польского / Е. Шацкий. - М. : Прогресс, 1990. - 454, [1] с. - ISBN 5-01-002046-7.
403. Шенкао М. А. Смерть как социокультурный феномен / М. А. Шенкао. — Киев : Ника-Центр, 2003. — 320 с. — ISBN 966-521-138-2.
404. Шестаков Д. А. Супружеское убийство как общественная проблема / Д. А. Шестаков. - СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. - 90, [2] с. - ISBN 5-288-00745-4.

405. Шишков А.М. На плечах гигантов. Очерки интеллектуальной культуры западноевропейского Средневековья (V-XIV вв.). - М.; СПб. : Университетская книга, 2016. - 704 с. - ISBN 978-5-98712-611-0.
406. Шмеман А. Д. Дневники, 1973-1983 / Прот. Александр Шмеман. – М. : Рус. путь, 2005. - 717, [1] с., [7] л. портр. - ISBN 5-85887-188-7.
407. Штайнкамп Г. Смерть, болезнь и социальное неравенство / Г. Штайнкамп // Журнал социологии и социальной антропологии. - 1999. - Том II. - № 1. - С. 109-152.
408. Штомпка П. Социология социальных изменений : [Пер. с англ.] / П. Штомпка. - М. : Аспект-пресс, 1996. - 414, [1] с. : ил. - ISBN 5-7567-0053-6.
409. Энгельс Ф. Исповедь // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 32. - Изд. 2-е. - М. : Политиздат, 1964. С. 581.
410. Энгельс Ф. Победа контрреволюции в Вене // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. - М. : Госполитиздат, 1956. - Т. 5. - С. 492-494.
411. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. - М. : Госполитиздат, 1955. - Т. 2. - С. 231-517.
412. Эрлихман В. В. Потери народонаселения в XX веке : Справочник / В. В. Эрлихман. - М. : Рус. панорама, 2004. - 174, [1] с. : табл. - ISBN 5-93165-107-1.
413. Эткинд А. М. Кривое горе : память о непогребенных / А. М. Эткинд ; пер. с англ. – М. : Новое литературное обозрение, 2016. - 323, [1] с., [4] л. цв. ил.- ISBN 978-5-44480508-4.
414. Яблоков И. Н. Проблемы религии в социологии О. Конта и Г. Спенсера // Введение в общее религиоведение. - М. : Университет, 2001. - С. 220-225.
415. Яковенко В. И. Огюст Конт : его жизнь и философская деятельность : биографический очерк / В. И. Яковенко ; с портретом Конта, гравированным в Лейпциге Геданом. – СПб. : Типография Высочайше утвержденного Товарищества Общественная Польза, 1894. - 187 с.
416. Alexander J. C. The antinomies of classical thought: Marx and Durkheim / J. C. Alexander. - University of California Press, 1982. - XXI, 564 p. - ISBN 0520044819.

417. Ammon O. Die Gesellschaftsordnung und ihre natürliche Grundlagen / O. Ammon. - 3rd ed. – Jena : Verlag von Gustav Fischer, 1900. - 303 s.
418. Ammon O. Die Natürliche Auslese bei Menschen / O. Ammon. – Jena : Verlag von Gustav Fischer, 1893. - 329 s.
419. Ammon O. Zur Anthropologie der Badener / O. Ammon. – Jena : Verlag von Gustav Fischer, 1899. - 790 s.
420. Arthur W. Religion without God and God Without Religion / W. Arthur. – London : Wesleyan Methodist Sunday School Union, 1885. - 568 p.
421. Brewer J. D. Sociology and theology reconsidered: religious sociology and the sociology of religion in Britain / J. D. Brewer // History of Human Sciences. - 2007. - Vol. 20. - No. 2. - P. 7-28.
422. Bruun H. H. Science, Values and Politics in Max Weber's Methodology / H. H. Bruun. – Copenhagen : Munksgaard : Ashgate Publishing Limited, 2007. - 300 p.
423. Bryce J. The Sociological Society / J. Bryce. - London, 1904. 284 p.
424. Capurro R. Le positivisme est un culte des morts : Auguste Comte / R. Capurro. - Paris, 2001. - 156 p. - ISBN 2-908855-66-6.
425. Chamberlain H. S. Lebenswege Meines Denkens / H. S. Chamberlain. – München : Bruckmann, 1919. - 412 s.
426. Chamberlain H. S. The ravings of a renegade; being the War essays / H. S. Chamberlain. – London : Jarrold and sons, 1915. - 207 p.
427. Cherfils C. Auguste Comte au Pantheon / C. Cherfils. – Paris : L. Vanier, 1910. - 70 p.
428. Comte A. System of positive polity / A. Comte. - London: Longmans, Green and Co, 1875. - Vol. 1. - 618 p.
429. Comte A. System of positive polity / A. Comte. - London: Longmans, Green and Co, 1875. - Vol. 2. - 428 p.
430. Comte A. System of positive polity / A. Comte. - London: Longmans, Green and Co, 1876. - Vol. 3. - 624 p.
431. Comte A. System of positive polity / A. Comte. - London: Longmans, Green and Co, 1877. - Vol. 4. - 793 p.

432. Congreve R. Political, Social and Religious Essays. London: Longmans, Green and Co, 1874. - 538 p.
433. Coomaraswamy A. K. Sati: A Vindication of the Hindu Woman // The Sociological Review. - 1913. - Vol. 6. - Iss. 2. - P. 117-135.
434. Courtney W. L. Life of John Stuart Mill / W. L. Courtney. – London : W. Scott, 1889. - 194, xi, [1] p.
435. De Roberty E. Auguste Comte et Herbert Spencer; contribution a l'histoire des idees philosophiques au XIXe siecle / E. De Roberty. – Paris : F. Alcan, 1895. - 202 p.
436. De Tarde G. Penal Philosophy / G. De Tarde. - Boston : Little, Brown, and company, 1912. - XXXII, 581 p.
437. Deflem M. Ferdinand Tönnies on crime and society: an unexplored contribution to criminological sociology / M. Deflem // History of the Human Sciences. - 1999. - Vol. 12. - № 3. - P. 87-116.
438. Eisen S. Herbert Spencer and the Spectre of Comte / S. Eisen // Journal of British Studies. - 1967. - Vol. 7. - No. 1. - P. 48-67.
439. Ellwood C. A. The Social Problem and the Present War / C. A. Ellwood // The Sociological Review. - 1915. - Vol. 8. - Iss. 1. - P. 1-14.
440. Essays on the History of British Sociological Research / Ed. by M. Bulmer. - Cambridge, New York : Cambridge University Press, 1985. - 258 p.
441. Farr W. Vital Statistics: a memorial volume of selections from the reports and writings of William Farr / W. Farr. - London: Offices of the Sanitary Institute, 1885. - 556 p.
442. Fenwick Miller F. Harriet Martineau / F. Fenwick Miller. – Boston : Roberts Brothers, 1887. - 333 p.
443. Fontaine J. Les dogmes fondamentaux et Leur Evolution Secondaire et Théologique / J. Fontaine. – Paris : Librairie Saint-Joseph, 1916. - XIX, 373 p.
444. Fontaine J. Religion, sociologie, politique / J. Fontaine. - Paris: Lethielleux, 1910.
445. Fournier M. Marcel Mauss: A Biography / M. Fournier. – Princeton : Princeton University Press, 2006. – VI, 442 p. - ISBN 9780691117775.

446. Garriguet L. Le mois des morts pour le temps de la guerre / L. Garriguet. - Paris: Bloud et Gay, 1915. - 308 p.
447. Garriguet L. Traité de sociologie d'après les principes de la théologie catholique / L. Garriguet. - Paris: Librairie bloud & Cie, 1909. - T. 2. - 306 p.
448. Gibson R. A social history of French Catholicism, 1789-1914 / R. Gibson. - London : Routledge Kegan & Paul, 1989. - XIV, 322 p. - ISBN 0415016193.
449. Gillham N. W. Sir Francis Galton and the Birth of Eugenics / N. W. Gillham // Annual Review of Genetics. - 2001. - № 35 (1). - P. 83-101.
450. Gould F. J. Auguste Comte and Positivism: An Address Delivered at the Church of Humanity / F. J. Gould. - London: Watts and Co, 1916. - 12 p.
451. Groß H. Degeneration und Deportation / H. Groß // Politisch-anthropologische Revue. - 1906. - Vol. 4. - S. 281-286.
452. Guillin V. The Biological Bias of Comte's Sociology: The Issue of Sexual Equality / V. Guillin // Revue d'histoire des sciences. - 2012. - Vol. 65, Issue 2, p. 259-285.
453. Gustave Le Bon: the man and his works / A presentation with introd., first transl. into Engl., a. ed. extracts by A. Widener. - Indianapolis : Liberty press, Cop. 1979. - 316 c. - ISBN 0-913966-51-7.
454. Halbwachs M. Les causes du suicide / M. Halbwachs. - Paris: Félix Alcan, 1930. - 520 p.
455. Halsey A. H. A History of Sociology in Britain / A. H. Halsey. - Oxford University Press, 2004. - 294 p. - ISBN 9780199266609.
456. Hamilton R. F. American sociology rewrites its history / R. F. Hamilton // Sociological Theory. - 2003. - Vol. 21. - N 3. - P. 281-297.
457. Harriet Martineau's Autobiography. - London : Smith, Elder and Co, 1877. - 495 p.
458. Harrison F. Autobiographic Memoirs. Vol. 1. 1831-1870 / F. Harrison. - London : Macmillan and Co., Limited, 1911. - 444 p.
459. Harrison F. Christianity at the Grave of the Nineteenth Century / F. Harrison // The North American Review. 1900. Vol. 171. No. 529. P. 817-828.

460. Harrison F. *Memories and Thoughts: Men – Books – Cities – Art* / F. Harrison. - London: Macmillan and Co., Limited; New York : The Macmillan Company, 1906. - 436 p.
461. Harrison R. *Realities and Ideals. Social, Political, Literary and Artistic* / R. Harrison. - London: Macmillan and Co, Limited, 1908. - 510 p.
462. Hartung M. H. *Eine Theorie des Völkertodes* / M. H. Hartung // *Politisch-anthropologische Revue*. 1905. Vol. 3. S. 189-191.
463. Hawkins M. *Social Darwinism in European and American thought, 1860-1945. Nature as model and nature as threat* / M. Hawkins. - Cambridge University Press, 1997. - 344 p. - ISBN 0-521-57400-5.
464. Hill M. R. *Harriet Martineau (1802-1876)* / M. R. Hill // *Women in Sociology: A Bio-Bibliographical Sourcebook* / ed. by M. Jo Deegan. - New York : Greenwood Press, 1991. - P. 289-297.
465. Hobhouse L. T. *Editorial* / L. T. Hobhouse // *The Sociological Review*. - 1908. - Vol. 1. - Iss. 1. - P. 1.
466. Hoecker-Drysdale S. *Harriet Martineau* / S. Hoecker-Drysdale // *The Blackwell Companion to Major Contemporary Social Theorists* / ed. by G. Ritzer. - Oxford: Blackwell Publishing, 2003. - P. 41-68.
467. Honigsheim P. *The Unknown Max Weber* / P. Honigsheim. - New Brunswick : Transaction Publishers, 2003. - XXVI, 290 p.
468. Ingram J. K. *August Comte and one of his critics* / J. K. Ingram. - Dublin, 1897. - 7 p.
469. Kent C. A. *Higher Journalism and the Promotion of Comtism* / C. A. Kent // *Victorian Periodicals Review*. - 1992. - Vol. 25. - No. 2. - P. 51-56.
470. Klausen J. C. *Violence and Epistemology : J. S. Mill's Indians after the «Mutiny»* / J. C. Klausen // *Political Research Quarterly*. - 2016. - Vol. 69, No. 1, pp. 96-107.
471. La Capra D. *Emile Durkheim: Sociologist and Philosopher* / D. La Capra. - The Davies Group, Publishers, 2001. - 290 p.

472. Laberthonniere L. Positivism et catholicisme à propos de l'Action Française / L. Laberthonniere. – Paris : Bloud et Gie, 1911. - 564 p.
473. Le Bon G. De la mort apparente et des inhumations prématurées / G. Le Bon. - Paris: : Librairie d'Adrien Delahaye, 1866. - 211 p.
474. Le Bon G. L’homme et les societies / G. Le Bon. – Paris : Éditions Jean-Michel Place, 1987. - 520 p.
475. Le Bon G. La Psychologie politique et la Défense sociale / G. Le Bon. – Paris : E. Flammarion, 1910. - 379 p.
476. Le Bon G. The Psychology of Revolution / G. Le Bon. - The Floating Press, 2013. - 336 P.
477. Le Bon G. The Psychology of the Great War / G. Le Bon. - New York : The Mackmillan company, 1916. - 480 p.
478. Le Bon G. The World Unbalanced / G. Le Bon. – London : T. F. Unwin ltd., 1924. - 260 p.
479. Lanaro G. Spencer e la polemica verso Comte / G. Lanaro // Rivista Critica di Storia della Filosofia. 1981. Vol. 36. No. 1. P. 29-55.
480. Le Play F. Ouvriers europeens. Etudes sur les travaux, la vie domestique / F. Le Play. – Paris : Imprimerie imperiale, 1881. T. 6.
481. Le Play F. Ouvriers europeens. Etudes sur les travaux, la vie domestique F. Le Play. – Paris: Imprimerie imperiale, 1855. T. 1.
482. Le Suicide un siècle après Durkheim / ed. M. Berlandi et M. Cherkaoui. - Paris: Les Presses universitaires de France, 2000. - 260 p. - ISBN 9782130506997.
483. Lettres d’Auguste Comte John-Stuart Mill. 1841-1846. – Paris : Ernest Leroux, Editeur, 1877. - 464 p.
484. Littre E. Paroles de la philosophie positive / E. Littre. - Paris: Librairie philosophique de ladrange, 1863. 115 p.
485. Love, Order, and Progress: The Science, Philosophy, and Politics of Auguste Comte / Ed. by M. Bourdeau, M. Pickering, W. Schmaus. - University of Pittsburgh Press, 2018. - 416 p. - ISBN 9780822983415.

486. Lukes S. *Emile Durkheim: His Life and Work, a Historical and Critical Study* / S. Lukes. - Stanford University Press, 1985. - 676 p.
487. MacMaster N. *Racism in Europe: 1870-2000* / N. MacMaster. - New York : Palgrave, 2001. - 248 p. - ISBN 978-0-333-71120-0.
488. Martineau H. *How to observe: morals and manners* / H. Martineau. – London : Charles Knight and Co, 1838. - 258 p.
489. Martineau H. *Society in America. In three volumes* / H. Martineau. - New York : Saunders and Otley, and Conduit Street, London, 1837. - Vol. II. - 390 p.
490. Martineau H. *Society in America. In two volumes* / H. Martineau. - New York : Saunders and Otley, Ann Street, and Conduit Street, London, 1837. - Vol. I. (of II). - 432 p.
491. Martineau H. *The Essential Faith of the Universal Church, Deduced From the Sacred Records* / H. Martineau. - Boston: Leonard C. Bowles, 1833. - 184 p.
492. Martineau H. *The Martyr Age of the United States* / H. Martineau. – Boston : Weeks, Jordan and Co.; New York : J.S. Taylor, 1839. - 92 p.
493. Masaryk T. G. *Suicide and the meaning of civilization* / T. G. Masaryk. – Chicago : University of Chicago Press, 1970. - XLI, 242 p.
494. Mill J. S. *Nature, the Utility of religion, and Theism* / J. S. Mill. - London : Longmans, Green, Reader and Dyer, 1874. - 260 p.
495. Mitchell B. R. *European Historical Statistics, 1750-1988* / B. R. Mitchell. - 3-rd ed. - New York : Stockton Press, 1992.
496. Naudet P. *Premiers principes de sociologie catholique* / P. Naudet. – Paris : Bloud et Barral, 1899. - 68 p.
497. Nielsen D. A. *Three faces of God: society, religion, and the categories of totality in the philosophy of Emile Durkheim* / D. A. Nielsen. – Albany : State University of New York Press, 1999. - XVI, 268 p. - ISBN 0791440354.
498. Oates D. *Social Darwinism and Natural Theodicy* / D. Oates // *Zygon*. - 1988. - Vol. 23. - No. 4. - P. 439-455.
499. Pease E. R. *The History Of The Fabian Society* / E. R. Pease. - Ed. 2nd. - London, 1925. - 306 p.

500. Pickering W. S. F. Durkheim's Sociology of Religion: Themes and Theories / W. S. F. Pickering. - London ; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1984. - XXV, 577 p. - ISBN 0710092989.
501. Rawls A. W. Epistemology and Practice. Durkheim's The Elementary Forms of Religious Life / A. W. Rawls. - Cambridge: Cambridge University Press, 2005. - 372 p.
502. Religionen verstehen: Zur Aktualität von Max Webers Religionssoziologie / Agathe Bienfait (Hrsg.). - VS Verlag für Sozialwissenschaften Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2011. - 290 s. - ISBN: 978-3-531-92777-0.
503. Richman M. H. Sacred Revolutions Durkheim and the Collège de Sociologie / M. H. Richman. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2002. - 264 p.
504. Ringer F. Max Weber: An Intellectual Biography / F. Ringer. - Chicago & London : The University of Chicago Press, 2004. - 307 p.
505. Robertson J. M. War and Civilization / J. M. Robertson // The Sociological Review. - 1919. - Vol. 11. - Iss. 1. - P. 11-20.
506. Roosevelt T. Review of The Foundations of the Nineteenth Century by Houston Stewart Chamberlain / T. Roosevelt // The Outlook. - 29 July 1911. - P. 729-731.
507. Royden H. Marx, Engels, and the British Response to the Commune / H. Royden // The Massachusetts Review. - 1971. - Vol. 12. - No. 3. - P. 463-477.
508. Simon W. M. Auguste Comte's English Disciples / W. M. Simon // Victorian Studies. - 1964. - Vol. 8. - No. 2. - P. 161-172.
509. Snyder L. L. Race: A History of Modern Ethnic Theories / L. L. Snyder. - New York - Toronto: Longmans, Green and Co. Alliance Book Corporation, 1939. - 360 p.
510. Speech In Favor of Capital Punishment by John Stuart Mill (1868) [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Speech_In_Favor_of_Capital_Punishment (дата обращения: 23.02.2021).
511. Style J. M. Auguste Comte: Thinker and Lover / J. M. Style. – London : Trench Trubner And Company Limited, 1928. - 230 p.
512. The Cambridge Companion to Durkheim / Ed. by J. C. Alexander, Ph. Smith. - Cambridge University Press, 2008. - 426 p. - ISBN 0521806720.

513. The Collected Works of John Stuart Mill. Volume XXI - Essays on Equality, Law and Education. – Toronto : University of Toronto Press, London : Routledge and Kegan Paul, 1984. - 553 p.
514. The correspondence of John Stuart Mill and Auguste Comte. - New Brunswick : Transaction Publishers, 1995. - 403 p. - ISBN 9781560001485.
515. Thompson K. Emile Durkheim / K. Thompson. - 2nd ed. - Routledge, 2002. - 182 p. - ISBN 9780415285315.
516. Thouverez E. Stuart Mill / E. Thouverez. – Paris : Bloud, 1908. - 63 p.
517. Tönnies F. Der Selbstmord in Schleswig-Holstein. Eine statistisch-soziologische Studie / F. Tönnies. – Breslau : Hirt, 1927. - 27 s.
518. Tönnies F. Warlike England as seen by herself / F. Tönnies. - New York : G. W. Dillingham, 1915. - 202 p.
519. Turner J. H. Herbert Spencer / J. H. Turner // The Blackwell Companion to Major Contemporary Social Theorists... P. 69-92.
520. Weikart R. Laissez-Faire Social Darwinism and Individualist Competition in Darwin and Huxley / R. Weikart // The European Legacy. - 1998. - Vol. 3. - No. I. - P. 17-30.
521. Weikart R. The Origins of Social Darwinism in Germany, 1859-1895 / R. Weikart // Journal of the History of Ideas. – 1993. - № 54 (3). - P. 469-488.
522. Wernick A. Auguste Comte and the Religion of Humanity: The Post-Theistic Program of French Social Theory / A. Wernick. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. - 281 p. - ISBN 0-521-66272-9.
523. Westermarck A. Suicide: A Chapter in Comparative Ethics / A. Westermarck // The Sociological Review. - 1908. - Vol. 1. - Iss. 1. - P. 12-33.
524. Wilson M. Rendering Sociology. On the Utopian Positivism of Harriet Martineau and the «Mumbo Jumbo Club» / M. Wilson // Journal of Interdisciplinary History of Ideas. - 2019. - № 16. - P. 1-32.
525. Wright J. D. The Founding Fathers of Sociology: Francis Galton, Adolphe Quetelet, and Charles Booth Or What Do People You Probably Never Heard of Have to

Do with the Foundations of Sociology? / J. D. Wright // Journal of Applied Social Science. - 2009. - Vol. 3. - No. 2. - P. 63-72.

526. Zimmern A. E. Was Greek Civilization Based on Slave Labour? / A. E. Zimmern // The Sociological Review. - 1909. - Vol. 2. - Iss. 1. - P. 1-18.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Классификация погребений

<i>№</i>	<i>Критерий</i>	<i>Типы</i>
1	Период	древнее (палео-, мезо-, неолитическое, бронзового века, железного века, античное), средневековое, Нового времени, современное
2	Способ	земляное, огненное, водное, воздушное
3	Расположение	подземное, наземное
4	Размещение	грунтовое, скальное
5	Место	кладбище, крематорий, колумбарий
6	Устройство	ямное, насыпное, сооружение
7	Конструкция	нишное, шахтное, катакомбное (уступное, ступенчатое, колодезное), срубное, курганное, дольменное, пирамидное, башенное, купольное, мавзолейное и др.
8	Форма	прямоугольное, круглое, овальное
9	Благоустройство	мощёное, ограждённое
10	Сохранность	нетронутое, потревоженное
11	Количество погребенных	одиночное, двойное, групповое, массовое
12	Пол	мужское, женское, разнородное
13	Возраст	детское, взрослое, старческое, разновозрастное
14	Брачно-семейный	парное, семейное
15	Труположение	вытянутое (на спине, на правом или левом боку), изогнутое, скорченное
16	Ориентация	запад-восток, юго-восток, юго-запад, северо-запад, северо-восток
17	Заполнение	с инвентарем, безынвентарное
18	Обстоятельства	случайное, специальное
19	Структура	хаотичное, организованное
20	Порядок захоронения	первичное, вторичное (впускное), многократное
21	Конфессиональный	раннерелигиозное, буддийское, индуистское, иудейское, христианское (православное, католическое, протестантское), исламское (суннитское, шиитское), светское, смешанное и др.

Классификация похорон

<i>№</i>	<i>Критерий</i>	<i>Типы</i>
1	Количество усопших	индивидуальные, двойные, групповые
2	Пол покойного	мужские, женские
3	Возраст умершего	детские, взрослые, старческие
4	Семейное положение усопшего	одинокие, семейные (сына, дочери, матери, отца, бабушки, дедушки, сестры, брата, родственников)
5	Брачный статус покойного	(не)замужней, женатого (холостого), разведенного(ой), вдовы(ца)
6	Социальный статус умершего	высоко-, средне- и низкостатусные
7	Причины и обстоятельства смерти	умершего от старости (болезни), погибшего (на поле брани, от рук преступника), казненного, самоубийцы
8	Законность	нелегальные, легальные
9	Открытость	тайные, публичные
10	Организация	домашние, полупрофессионально организованные, профессионально организованные
11	Технологии	самодеятельные, механизированные, автоматизированные, виртуальные, комбинированные
12	Численность участников	групповые, массовые
13	Церемониал	общегражданские, гражданские, воинские, по государственному протоколу, по деловому протоколу, по религиозному обряду, по этническому обряду
14	Характер	частные (семейно-родственные), официальные
15	Условия	нормальные, экстренные
16	Присутствие	реальные, символические
17	Способы	традиционные, инновационные
18	Перемещение	пешие, конные, автомобильные, железнодорожные, водные, авиационные, смешанные
19	Территория	сельские, городские, столичные
20	Продолжительность	сокращенные, стандартные, пролонгированные
21	Время суток	утренние, дневные, вечерние, ночные
22	Сезон года	зимние, весенние, летние, осенние
23	Уровень затрат	бедные, скромные («бюджетные»), «бизнес-класс», перворазрядные, пышные («Vip»-разряд)

Наказания за тяжкие преступления (по Платону)

<i>№</i>	<i>Вид преступления</i>	<i>Признаки преступления/ жертва</i>	<i>Наказание</i>
1	святотатство	великое, несказанное оскорбление богам, своим родителям или государству	смерть, бесславие преступника, его труп будет выброшен за пределы страны
2	ниспровержение существующего государственного строя	«кто <...> прибегает к насилию, возбуждая противозаконное восстание, надо считать самым отъявленным врагом всего государства в целом»	смертная казнь
3	измена	предательство Отечества	
4	невольное убийство	совершено во время спортивных игр или военных упражнений	виновный не несет уголовного наказания, но проходит через обряд религиозного очищения
		если против воли врача умрет больной	
		собственного раба	возмещение хозяину раба причиненного вреда и убытка, иначе в двойном размере оплата стоимости умершего, обряд очищения
		чужого раба	
свободнорожденного человека	обряд очищения и удаление из отечества на один год		
5	убийство, совершенное в состоянии гнева	собственного раба	обряд очищения
		чужого раба	возмещение вдвойне убытки его владельцу
		свободнорожденного человека	изгнание убийцы из страны на два года
		один из супругов убивает другого, либо брат убьет сестру	изгнание убийцы из страны на три года
6	преднамеренное убийство	свободнорожденного человека	«преступник наказывается смертью; его не следует хоронить в стране» жертвы. Кто уклонится от суда, «пусть навсегда остается в изгнании»

Социальная стратификация (по Бертольдусу Регенсбургскому)

<i>№</i>	<i>Социальный разряд</i>	<i>Состав</i>	<i>Функции</i>
1	священники	папа, кардиналы, епископы, прелаты	забота о душах христиан
2	монашествующие	монахи, крестоносцы, странствующие монахи, послушники, монахини, братья проповедники	
3	«мирские судьи»	император, короли, князья, герцоги, графы, свободные господа	забота о земном благополучии христиан - защита вдов и сирот, охрана от воровства, грабежа и поджогов, от иудеев, язычников и еретиков, от клятвопреступников и несправедливого насилия
4	«те, кто изготавливает одежду из шелка, шерсти, мехов, тачают обувь, шьют перчатки, пояса и все относящееся к одежде»	ремесленники	верно служить и трудиться честно
5	«люди, работающие с железными орудиями»	ювелиры, монетчики, кузнецы, железных дел мастера, плотники, каменщики	
6	«все занятые торговлей»	купцы	
7	«продавцы пищи и питья»	розничные торговцы, трактирщики	снабжение населения хлебом, мясом, пивом, медом, рыбой, сыром, яйцами, маслом, сельдями и другими припасами
8	«те, кто возделывает землю»	крестьяне	производство вина и зерна
9	«те, кто занят лекарским делом»	врачи	излечение тела
10	«отпавшие от христианства»	актеры, игрецы, барабанщики и т. п.	их жизнь направлена на дурное и на погибель

Танатологические воззрения утопийцев (по Томасу Мору)¹

№	Проблема	Воззрения
1	Рабство	«обращают в рабство тех, кто у них допустит позорный поступок, или же тех, кто в чужих городах осужден на казнь за совершенное им злодеяние»; «рабы <...> постоянно заняты работой, <...> закованы в цепи»; «трудолюбивый и бедный батрак из другого народа предпочитает пойти в рабство к утопийцам добровольно»
2	Война	«война утопийцам в высшей степени отвратительна как дело поистине зверское»; «затевают войну <...> только когда или сами защищают свои пределы, или же прогоняют врагов, или <...> жалеют какой-нибудь народ, угнетенный тиранией»
3	Отношение к больным	«больницы прекрасно устроены и преисполнены всем нужным для восстановления здоровья; уход в них применяется самый нежный и усердный; наиболее опытные врачи присутствуют там постоянно»
4	Отношение к суициду	«если кто причинит себе смерть, не доказав причины ее священникам и сенату, то его не удостоивают ни земли, ни огня, но без погребения позорно бросают в какое-нибудь болото»
5	Эвтаназия	«если болезнь <...> не поддается врачеванию, но доставляет постоянные мучения <...>, то священники и власти обращаются к страдальцу с такими уговорами: он должен сам себя изъять из нее или дать свое согласие исторгнуть себя другим»
6	Последний путь	«всех больных они оплакивают, а из покойников никого, кроме тех, кто <...> расстаётся с жизнью со страхом и против воли»; их выносят «выносят в печали и молчании и зарывают труп в землю, помолившись»; похороны «того, кто скончался радостно, полный доброй надежды, никто не оплакивает, погребение <...> сопровождают пением <...>; тело же, наконец, более с почетом, чем со скорбью, сжигают, а на месте сожжения воздвигают колонну»
7	Верования	«они верят, что мертвые пребывают среди живущих, наблюдая за их словами и поступками; поэтому <...> утопийцы принимаются за свои дела весьма решительно, и вера в присутствие предков удерживает их от тайной бесчестности»

¹ Мор Т. Утопия... С. 80, 81, 87, 96, 97.

Танатологические взгляды Ш.-Л. де Монтескье

<i>№</i>	<i>Проблема</i>	<i>Взгляды</i>
1	Рабство	«есть установление права, дающего такую власть одному человеку над другим, что первый становится безусловным господином над имуществом и жизнью последнего. Оно дурно по самой своей природе; от него нет пользы ни рабу, ни господину: первому - потому, что он ничего не может делать по внушению добродетели, второму - потому, что он усваивает всевозможные дурные привычки, незаметно привыкает пренебрегать всеми нравственными добродетелями, становится гордым, нетерпеливым, суровым, гневным, сладострастным, жестоким»
2	Убийство и война	Люди имеют право убивать в случае естественной самообороны; государства имеют право вести войну в целях самосохранения
3	Суицид	«У римлян самоубийство было следствием их воспитания, оно имело основание в их образе мыслей и в их обычаях; у англичан оно есть следствие болезни, имеет свое основание в физическом состоянии организма и ни от какой другой причины не зависит»
4	Завещание и наследство	«Законы должны отменить у дворян право первородства, дабы имущества уравнивались путем постоянного раздела наследств, не следует допускать субституций, выкупа родовых имений, майоратов, усыновлений. В монархиях можно разрешить отцу завещать большую часть своего имущества одному из сыновей»
5	Смертная казнь	«В деспотических государствах люди так несчастны, что они не столько дорожат жизнью, сколько боятся смерти, поэтому казни там должны быть более жестокими. В умеренных государствах люди более дорожат жизнью, чем боятся смерти, поэтому там достаточны казни, заключающиеся в простом лишении жизни». «Гражданин заслуживает смерти, если он нарушил безопасность до такой степени, что лишил кого-нибудь жизни или покушался это сделать. Смертная казнь является тут как бы лекарством для больного общества»

Позитивистский календарь О. Конта¹

№	Название месяца	Период и сфера деятельности	Недельные святые			
			1	2	3	4
1	Моисей (Человечество)	первоначальная теократия	Нума Помпилий	Будда	Конфуций	Магомет
2	Гомер (Брак)	античный поэт	Эсхил	Фидий	Аристофан	Вергилий
3	Аристотель (Отечество)	античный философ	Фалес	Пифагор	Сократ	Платон
4	Архимед (Сыновство)	античный ученый	Гиппократ	Аполлоний	Гиппарх	Плиний Старший
5	Цезарь (Братство)	военная цивилизация	Фемистокл	Александр Македонский	Сципион	Траян
6	Апостол Павел (Прислужничество)	католичество	Августин	Григорий VII	св. Бернард	Боссюэт
7	Карл Великий (Фетишизм)	феодалная цивилизация	Альфред Английский	Готфрид Бульонский	Иннокентий III	Людовик IX
8	Данте (Политеизм)	новая эпопея	Ариосто	Рафаэль	Тассо	Мильтон
9	Гуттенберг (Монотеизм)	новая индустрия	Колумб	Вокансон	Ватт	Монгольфье
10	Шекспир (Женщина)	новая драма	Кальдерон	Корнель	Мольер	Моцарт
11	Декарт (Жречество)	новая философия	Фома Аквинский	Бэкон	Лейбниц	Юм
12	Фридрих II (Патрициат)	новая политика	Людовик XI	Вильгельм Оранский	Ришелье	Кромвель
13	Биша (Пролетариат)	новая наука	Галилей	Ньютон	Лавуазье	Галль

¹ См.: Comte A. Calendrier Positiviste. Paris, 1852.

Таинства семейного культа (по О. Контю)

<i>№</i>	<i>Таинство</i>	<i>Возраст</i>	<i>Содержание</i>
1	Представление	новорожденный	предъявляется жрецу и при восприемниках принимается в число служителей человечества
2	Посвящение	14 лет	ребенок заканчивает воспитание в семье и поступает для дальнейшего образования под руководством жреца
3	Допущение	21 год	юноша получает от жреца разрешение служить человечеству, от которого он до этого момента все получал, ничего не возвращая
4	Выбор призвания	28 лет	молодой человек определяет окончательно дело, которым он будет заниматься, и его решение санкционируется жрецом; только в исключительных случаях дозволялось переменить занятие;
5	Брак	мужчина - до 35, женщина - до 28 лет	признается нерасторжимым и связан с обетом вечного вдовства
6	Зрелость	42 года	жрец наставляет достигшего зрелости мужа, что проступки его против человечества с этого момента не будут прощены ему при окончательной оценке его жизни
7	Удаление	63 года	мужчина удаляется от практических дел и сохраняет за собою только право совещательного голоса
8	Превращение (смерть)		переход из состояния объективного в состояние субъективное
9	Причисление	через 7 лет после смерти	оценка жизни усопшего, причисление его к слугам человечества

Сравнительный анализ цивилизаций (по М. Хальбваксу)¹

№ п/п	Критерий	Сельская цивилизация	Городская цивилизация
1	Отношения с природой	«жизнь крестьянской группы глубоко и целиком связана с природой. Она черпает в нем особый аромат и остроту, больше спонтанности, первобытного импульса и дикость»	«семья оторвана от земли»
2	Времяпрепровождение	«крестьяне встречаются, обмениваются мыслями, сообщают друг другу новости», труд и повседневность «сближаются и переплетаются»	«четкие различия между часами, посвященными профессиональным занятиям, и временем», которое человек проводит среди близких или своих друзей
3	Контактность	ограниченность внешних связей, «работа осуществляется в рамках домашней группы»	«число контактов между человеческими особями в среднем в городских условиях больше»
4	Мобильность	невысокая	«население более подвижно, движение более интенсивно»
5	Образ жизни	«крестьянская жизнь вращается сама по себе и сворачивается в довольно узкий круг занятий и событий»	«коллективная жизнь одновременно более концентрированная, более быстрая и более нерегулируемая»

¹ Halbwachs M. Les causes du suicide..., p. 174, 178.

Отношение Г. Спенсера к помощи нуждающимся

№	Критерий	Характеристика
1	Объект помощи	«Люди, которые доверились, были обмануты; седовласые старики; несостоятельные должники; люди, дошедшие до того, что им пришлось жить от благотворительности своих друзей»; «работник, которого болезнь сделала неспособным конкурировать с его более сильным согражданином, и который должен переносить вытекающие отсюда лишения» ¹ и т. п.
2	Частная филантропия	«Существенно способствует цивилизации, она до известной степени укрощает дикие наклонности [...], противодействует холодному и жесткому состоянию чувств, какое порождается деловую жизнью. Она крепче затягивает цепи взаимной зависимости, сдерживающие людей» ² .
3	«Государственная милостыня»	«Действенное средство для отдаления друг от друга и уменьшения их взаимного сочувствия» ³ .
4	Объяснение своей позиции	«Помощь, дающая людям возможность самостоятельно обеспечивать себя, представляет обильное поле для проявления человеческих симпатий» ⁴ ; «тот, кто не обладает достаточной энергией, чтобы найти себе средства к жизни, обречен на смерть» ⁵ .

¹ Спенсер Г. Социальная статика... С. 257, 322.

² Там же. С. 317.

³ Там же. С. 319.

⁴ Там же. С. 324.

⁵ Спенсер Г. Политические сочинения: в 5 т. Т. 1. Личность и государство. М., Челябинск, 2015. С. 23.